327
П-781

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЕННО-СИЛОВОЙ ПОЛИТИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет международных отношений

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЕННО-СИЛОВОЙ ПОЛИТИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Издательство
С.-Петербургского университета
2007

327
П-781

ББК 66.4(0)+68.4
П78

Рецензенты: д-р филос. наук проф. *В. А. Гуторов* (С.-Петерб. гос. ун-т); д-р истор. наук проф. *А. В. Борков* (Нижегород. госуд. лингвистический ун-т)

Научные редакторы: д-р полит. наук проф. *С. М. Виноградова*, д-р полит. наук *В. Н. Конышев*, канд. ист. наук *Н. С. Ниязов* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

П78 **Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях** / Под ред. С. М. Виноградовой, В. Н. Конышева, Н. С. Ниязова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 409 с.

ISBN 978-5-288-04325-3

В коллективном труде изучаются проблемы безопасности и использования военной силы как инструмента внешней политики государств. Авторы обращаются к историческим, политологическим и международно-правовым аспектам темы. Это позволяет проследить, как проявляются и взаимодействуют различные факторы, влияющие на безопасность международной системы, государства и личности; как меняются методы защиты от угроз и вызовов; какова эволюция концепций, политических доктрин и политики безопасности.

Книга рассчитана на всех, кто изучает международные отношения.

ԵՊՀ Գրադարան
SU0120167

ББК 66.4(0)+68.4

© Коллектив авторов, 2007
© Факультет международных отношений, 2007

ISBN 978-5-288-04325-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей исследование коллектива авторов посвящено «вечным» вопросам мировой политики, которые нуждаются в переосмыслении на различных этапах исторического развития: что следует понимать под безопасностью; каковы ее виды и уровни; в чем состоят особенности политики безопасности государств; каковы формы и условия применения силы; как повысить действенность правового регулирования использования силы в международных отношениях?

Возвращение к этим темам сегодня связано с необходимостью изучения исторического опыта в условиях динамичных трансформаций, которые наблюдаются в международной системе. Они сопровождаются глубокими политическими и экономическими преобразованиями, появлением нетрадиционных угроз безопасности, новых форм конфликтов, перекраиванием границ, кризисом международно-правовой системы.

Книга состоит из разделов, которые позволяют увидеть затронутые проблемы в историческом, политологическом и международно-правовом аспектах. Вопросы безопасности и военно-силовой политики анализируются как в общем, концептуальном плане, так и с позиций конкретно-исторических условий, характерных для различных государств в различные эпохи. На наш взгляд, именно такой подход дает возможность рассмотреть, как проявляются и взаимодействуют самые разные факторы, влияющие на безопасность международной системы, государства и личности, как меняются методы защиты от угроз и вызовов, какова эволюция концепций, политических доктрин и политики безопасности.

В основу представленных работ положены документы соответствующих государственных и негосударственных учреждений, а также Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива Военно-морского флота, Российского государственного исторического архива, Архив Военно-исторического музея артиллерии. Многие из этих материалов, а также новейшие зарубежные разработки представителей академической среды вводятся в научный оборот впервые.

Книга будет полезна для студентов, аспирантов и преподавателей, изучающих проблемы мировой политики. Она может быть использована при подготовке общих и специальных курсов по направлениям «международные отношения» и «регионоведение».

РАЗДЕЛ I

КОНЦЕПЦИИ, ФОРМЫ И ОГРАНИЧИТЕЛИ ВОЕННО-СИЛОВОЙ ПОЛИТИКИ

В.Н. Конышев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ СИЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Соотношение власти и силы. Понятие «сила» тесно связано с понятием «власть». В политических науках они нередко используются как взаимозаменяемые. В английском языке термин «power» используется для обозначения и силы, и власти, что приводит к смысловой неоднозначности. В современном политическом лексиконе власть имеет несколько значений: обладание ресурсами, способность совершить что-либо с помощью необходимых средств, способ контроля при конфликтности интересов субъектов политики, влияние действием на кого-либо, возможность заставить кого-либо сделать то, что по своей воле он бы не сделал. Кроме того, «власть» часто употребляется расширительно, для обозначения универсального отношения в самых разных сферах общественной жизни практика затрудняет понимание политической сущности власти.

В американской политической науке сложилось несколько подходов к определению власти. Первый из них, так называемый конфликтный, восходит к трудам М. Вебера[1], который называл властью навязывание воли, с одной стороны, и подчинение — с другой. Причем навязывание происходит вопреки возможному сопротивлению. Власть определяется как принадлежащая субъекту (его атрибут). Другая точка зрения, интеграционная, принадлежит американскому социологу Т. Парсонсу. Он определяет власть как отношение, возникающее в социальных системах, которое главным образом регулирует, приводит в равновесие жизнь общества через различные институты, т. е. воплощает коллективные цели. Для социологов и политологов обладание властью означает способность политического влияния, которое реализуется через участие в принятии решений. При этом они обращают внимание на два аспекта — рациональный и личностный[2].

В отечественной литературе высказывается справедливое мнение, что подходы и М. Вебера, и Т. Парсонса вполне оправданны, но ни один из них в отдельности не является достаточным. Один акцентирует вни-

---

[1] *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
[2] См., напр.: *Scott J.* Power. Malden: Polity Press, 2001.

мание на «власти над», направленной на ограничение, другой — на «власти для», обеспечивающей саму возможность совместной деятельности субъектов политики. Власть является тем и другим одновременно[3]. Нельзя сказать, что представители западной политической мысли совершенно не учитывают этого обстоятельства, но в желании уйти от внутренне противоречивого определения они стремятся выбрать одно из значений, а потому продолжают вести споры, какая же из точек зрения более правильна.

Попытки ряда авторов примирить на философском уровне «власть для» и «власть над» опираются на гегелевский принцип диалектического анализа. Они основаны на признании того, что власть сама по себе содержит противоречие, потому что совместная деятельность субъектов политики происходит при несовпадении их интересов и возможностей. Поэтому категория власти с необходимостью отражает внутреннюю противоречивость явления, которое она раскрывает.

В философии политики представлена и пессимистическая точка зрения на проблему определения власти. Она опирается на принцип так называемой «сущностной оспариваемости», основанной на тезисе, что содержание всякого научного понятия неизбежно включает в себя идеологическую и ценностную составляющую. Тогда ставится под вопрос сама возможность объективного определения соответствующего термина. Именно таким понятием некоторые ученые, вслед за С. Луксом[4], считают «власть».

Разграничение власти и силы можно обнаружить в книге Т. Парсонса «Социологическая теория и современное общество». Оно следует из обобщенного определения, которое описывает власть как центральную, связующую категорию в анализе политики. «Власть понимается как аналогичный деньгам посредник, циркулирующий внутри того, что называется политической системой, но также вполне ощутимо перемещающийся и за ее пределы во все другие... подсистемы общества», превращаясь в соответствующего посредника. В экономической сфере эту функцию выполняют деньги, а в общественной — влияние. «Власть является обобщенной способностью обеспечивать выполнение связывающих обязательств... когда обязательства легитимированы их

---

[3] Власть многоликая / Отв. ред. А.И. Уваров. М.: Российское филос. общ-во, 1992. С. 23–24.

[4] *Lukes S.* Power: a radical view. London: Macmillan, 1974.

соответствием коллективным целям и где на случай непокорности предусматривается презумпция принуждения силой»[5].

Власть существует постоянно, если она превращается в явление всеобщее, универсальное, некий символ, подобно тому, как в экономике золото становится символом денег вообще. Символы политической власти — это ресурсы насилия и легитимность их применения. Другими словами, о существовании власти можно говорить, когда из разовых актов проявления власти складываются регулярные властные отношения между субъектами политики. Они включают до известной степени добровольное подчинение и опираются на нормы морали и права, а также на легитимное вооруженное насилие. Власть подразумевает, что субъект политики владеет определенными ресурсами, силовыми и иными (деньги, религиозные настроения, экономические и политические санкции, информация), которые могут быть использованы по мере необходимости. Но власть не сводится к ресурсам или к актам их применения, а вырастает на определенном этапе, когда становится универсальным отношением между субъектами политики.

Сила выступает как один из возможных способов осуществления власти. «Сила — это способ, но отнюдь не обязательный инструмент, с помощью которого один элемент системы социального взаимодействия может осуществлять воздействие на другой». Сила означает, что объект «подвергается воздействию физическими средствами, чтобы отвратить его от совершения чего-то нежелательного... или чтобы наказать его... или чтобы символически продемонстрировать способность... контролировать ситуацию»[6]. Иногда власть достигает своей цели уже самой возможностью, или потенциалом воздействия. Тогда власть, сила, как действие, и силовой потенциал выступают как тождественные. Важно заметить, что физическое воздействие сопутствует политическому насилию, но вовсе не обязательно.

Элемент добровольности в поведении подвластных создает условия для того, чтобы применение силы как инструмента власти теряло со временем актуальность. Развитие общества до современных либеральных демократий сопровождалось постепенным усложнением политиче-

---

[5] Цит. по: *Ильин М.В., Мельвиль А.Ю.* Власть // Полис. 1997. № 6. С. 152. — Власть при выходе за пределы политики (в экономику, культуру) приобретает неполитический характер. Данное различие становится актуальным, если предметом изучения являются эти отдельные сферы деятельности.

[6] Там же. С. 151

ских процессов и появлением новых отношений между субъектами политики. Сила, как осуществление власти, все более выступала наряду с ненасильственными формами. Но было бы упрощением считать, что развитие политических институтов и норм демократии сделают силу анахронизмом, а тем более абсолютизировать данную тенденцию. Власть подвержена эрозии по разным причинам, но принуждение силой может быть востребовано для восстановления и укрепления власти в случае кризиса, для очищения общества от негативных явлений: терроризма, наркобизнеса, сепаратизма.

Некоторые зарубежные авторы считают, что четкой грани между насильственными и ненасильственными формами властвования нет, они сосуществуют в политике как некий континуум. Как следствие, смешивается силовое и несиловое влияние. Например, предлагается рассматривать политическое насилие в трех видах: собственно насилие, компромисс и убеждение[7]. Можно согласиться с тем, что проблема определений остается не решенной, но выстраивание столь разных понятий в одну смысловую линию вряд ли оправданно.

Здесь необходимо еще раз упомянуть С. Лукса, работы которого придали новый импульс дискуссиям на данную тему. Он включил в понятие силы не только воздействие, но и манипулирование ценностями и убеждениями. Лукс отмечает, что принуждение может происходить без явного конфликта сторон, когда подвластные не в силах сопротивляться внешней воле. Например, когда они не осознают своих интересов либо когда их сознание целенаправленно изменяют в нужную сторону, либо когда у них формируют такие предпочтения, которые предотвращают недовольство существующим порядком. Лукс считает такое проявление власти наиболее изощренным, тонким и эффективным, а потому актуальным[8]. Но если конфликт интересов не всегда осознается, то грань между насилием и ненасилием вообще стирается.

Сторонники другого, дифференцированного подхода к терминам силы выделяют несколько видов ненасильственного воздействия: господство, убеждение, авторитет. Для этих авторов несиловые формы власти отличаются тем, что они не предполагают привлечения дополнительных

---

[7] См., напр.: Power in modern societies / Ed. by M. Olsen, M. Marger. Boulder: Westview Press, 1993. P. 24, 29–31.

[8] *Lukes S.* Power. P. 24, 30. См. подробнее анализ категории «власть» и работ С. Лукса в: *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.

ресурсов, чтобы приспособить их для принуждения. О каких же формах идет речь?

Господство означает, что субъект политики добивается контроля через существующие регулярные отношения и функции, от которых зависят нижестоящие участники иерархии властных отношений. Чем выше положение субъекта политики в иерархии, тем большей властью он обладает.

Убеждение опирается на неполитические факторы: привлекательность идей для управляемых, их самоидентификацию с власть имущими, наличие харизмы у лидеров. Если силовое воздействие нацелено на изменение поведения субъекта политики и его оценок, но не предпочтений, то убеждение как раз меняет сами предпочтения. В результате субъекту политики навязывается нужный выбор.

Наконец, авторитет как форма властвования означает подчинение на основе признания легитимности властей. Легитимность достигается через формальные процедуры или неформальные соглашения в рамках государственных организаций, а затем переносится на политических лидеров. Источниками легитимности считают принятие власти как рациональной необходимости, систему права, традиции, ценности и харизматичность лидеров. В сфере международной политики ненасильственные формы власти применяются в дипломатии, что, конечно, не исключает их сочетания с силовыми действиями.

В политологической литературе встречаются и более сложные толкования взаимосвязи терминов власти. Например, «авторитет», подобно «власти», может иметь несколько значений. Одно из них, как было сказано, связывает авторитет с формой властвования. Другое значение — антитеза насилию, т. е. влияние, которое исходит из признания легитимности. Наконец, третья точка зрения полагает, что власть — это только форма авторитета, который является более общим понятием. Объединить их позволяет признание диалектичности связи между властью и авторитетом. Предлагается рассматривать авторитет как «самопорождение власти»: власть и создает авторитет, и создается им. На практике делегирование власти представителям (элите) выступает как противовес несогласованности, распылению власти в массе, которая нуждается в выполнении общественно необходимых действий. «Авторитет оказывается способностью политических лидеров выявлять, концентрировать и усиливать важнейшие моменты общего согласия», для

обеспечения которого и существует власть. Власть нуждается в завоевании и поддержании авторитета, чтобы укрепить себя[9].

В принципе подобным образом можно рассуждать о связи силы и власти, силы и убеждения, но тогда категория власти останется размытой. Поэтому, не отрицая диалектичности связи понятий силы и власти, думается, что в данном случае более важным является все же отделение власти как таковой, как универсальной способности от форм ее реализации, будь то авторитет, сила, убеждение или что-то иное.

Довольно часто встречается синонимичное употребление терминов «власть», «влияние», «авторитет», «контроль», «сила». Их недостаточное разграничение объясняется спорным толкованием соответствующих понятий, отсутствием устоявшихся четких определений. Отчасти эта ситуация порождается тем, что власть трактуется и как некий потенциал, и как его реализация в той или иной форме. В то же время в английском языке существительное «power» не имеет глагольной производной, и когда хотят подчеркнуть значение власти как отношения, а не владения ресурсами, часто используют «влияние» (influence) и «контроль» (control), которые имеют форму как существительного, так и глагола. В других случаях оттенки значений этих терминов подчеркивают, что властвование носит порой ненасильственный характер. Отсутствие ясной классификации насильственных и ненасильственных форм влияния тоже способствует терминологической путанице.

Видимо, следует признать, что деление методов политической борьбы на военные и невоенные достаточно условно. Вряд ли можно сформулировать законченный перечень соответствующих критериев. Свое действительное значение насилие и ненасилие приобретают в политической практике в зависимости от конкретных условий и целей данных субъектов политики. В качестве аргумента можно привести доводы К. Клаузевица о формах, которые может принимать война. Он писал, в частности, что война, не изменяя своей природе, «может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного дозора»[10].

Определение силы. Рассуждая о категории силы применительно к международной политике, следует обратиться к известной книге К. Клаузевица «О войне». В фокусе его внимания находилась сила как

---

[9] *Ильин М.В., Мельвиль А.Ю.* Власть. С. 156.

[10] *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. С. 46.

действие в виде войны — «акт насилия с целью навязать свою (политическую. — *В.К.*) волю противнику»[11]. Клаузевиц выделял в вооруженном насилии иррациональный уровень, связанный с человеческими эмоциями и чувствами, что делает невозможным строго теоретический анализ причин войны. Что касается определений, то Клаузевиц не разделял понятий «мощь», «влияние» и «сила», ограничившись указанием на взаимосвязь войны и политики. Тем не менее он отмечает материальные элементы силы, понимаемой как общая мощь государства: вооруженные силы, страна с ее населением и географией, потенциал союзников. Наряду с ними силу составляют морально–психологические составляющие[12].

У его американского последователя Г. Моргентау сила неразрывно связана с понятием власти. Более того, в обоих случаях он чаще использовал один термин «power», который определен следующим образом: «Власть может включать все, что устанавливает или поддерживает контроль одного человека над другим. Таким образом, власть охватывает все общественные отношения, которые служат этой цели, от физического насилия до наиболее тонких психологических связей, с помощью которых одно сознание контролирует другое. Власть предполагает господство человека над человеком и тогда, когда его сдерживают моральные соображения и конституционные гарантии, как в западных демократиях, и тогда, когда она (власть. — *В.К.*) проявляется в несдерживаемой варварской силе, которая находит свой закон ни в чем ином, как в себе самой, и ее единственным оправданием служит ее же увеличение»[13]. Будучи свойством власти, сила одновременно становится и средством, и целью политики. Поэтому в трудах Моргентау эти понятия и трудно разделить.

Однако часть американских исследователей предложили иное видение проблемы определения силы. Некоторые их них пошли по пути дальнейшей дифференциации понятий «власть», «мощь», «влияние» и «сила» вслед за французским ученым Р. Ароном. Он объединил в понятии «власть» владение территорией, легитимность на насилие, институты власти, а в понятии «мощь», которая проявляется как отношение к другим государствам, — территорию, материальные и людские ресурсы, способность к коллективному действию. Арон выделил военную

---

[11] Там же. С. 35.
[12] Там же. С. 37, 39, 42, 201.
[13] *Morgenthau H.* Politics among nations. New York: Knopf, 1967. P. 9.

силу как часть мощи государства, которая используется для военных целей[14].

Таким образом, можно говорить о двух подходах к определению силы. Один делает акцент на том, что сила есть признак власти в виде совокупности ресурсов и возможностей (по Моргентау), другой — на том, что сила проявляется во взаимодействии субъектов политики (по Арону).

Более современные трактовки силы в целом укладываются в указанные подходы, но содержат и некоторые оригинальные идеи. К. Уолтс, один из основателей неореализма, обращает внимание не столько на силу государства, сколько на ее распределение в международной системе. Для него сила гораздо важнее в роли системного атрибута. В саморегулирующейся системе все государства вынуждены защищать суверенитет. Поскольку всегда найдутся страны, которые более успешно добиваются внешнеполитических целей, поскольку «остальные либо пытаются состязаться, либо остаются на обочине»[15]. Неизбежное соревнование формирует конкретное состояние баланса сил. Распределение сил меняется вместе с параметрами внутренней политики государств и составом международных коалиций.

Особенностью трактовки Уолтса является акцент на объективной стороне формирования баланса сил. Если Моргентау писал о влиянии великих личностей на внешнюю политику, о диалектичности субъективных и объективных факторов, то Уолтс обращает внимание на то, что баланс сил создается вне зависимости от воли великих личностей или отдельных государств. Длительное существование политики баланса сил в истории человечества можно объяснить лишь тем, что это — закон существования международных отношений. Баланс является своеобразным ответом, сопротивлением, которое структура постоянно оказывает каждому государству в его стремлении увеличить силу.

Другие авторы предлагают выделять два аспекта силы, которые диктуют ее относительный характер: иерархию отношений и конкретно-исторические условия[16]. Силовой потенциал выстраивает государства в иерархию, в которой наибольшим влиянием обладают государства, на-

---

[14] *Aron R.* Peace and war: a theory of international relations. New York: Doubleday and Co., 1966. P. 54–57.

[15] *Waltz K.* Theory of international politics. Reading: Addison-Wesley, 1979. P. 118.

[16] *Papp D.* Contemporary international relations. New York: Macmillan Publishing Company, 1992. P. 387–388.

ходящиеся на относительно более высокой ступени. Поэтому влияние и сила направлены не произвольно, а с учетом сложившихся иерархических отношений. Зависимость от исторических условий иллюстрирует изменение роли ООН в мировой политике после окончания «холодной войны».

Некоторые сторонники атрибутивного определения силы трактуют ее предельно широко. Для них это «способность любого субъекта политики убеждать, влиять, заставлять другого субъекта выполнять определенные действия или изменять цели — то, что в других условиях он предпочел бы не делать»[17]. Они признают, что элементы силы меняются в зависимости от времени и обстоятельств.

Широкое атрибутивное толкование силы, понимаемой как влияние всеми способами, дает основание причислять к ее источникам особенности политической организации и функционирования органов власти государств: искусство дипломатии, стратегию, политическую поляризацию общества, систему политических партий, степень централизации власти. Однако в отношении некоторых из этих факторов трудно сделать какие-либо однозначные утверждения о том, насколько они способствуют усилению государства. В динамике социальных процессов их влияние может меняться на противоположное: дробление партий может означать начало или новой консолидации, или идейного разброда. Как о факторе силы говорят также о восприятии мощи того или иного субъекта политики глазами его политических оппонентов[18]. Таким образом, широкое толкование понятия часто приводит к соединению источников силы с условиями, которые на нее могут влиять.

Еще один способ трактовки силы, который развивает взгляды Р. Арона, представлен у А. Этциони. Он дает следующее определение: «Сила — это возможность преодолеть частично или полностью сопротивление и добиться изменений, несмотря на сопротивление»[19]. Сила имеет три важных свойства: относительность, обобщенный характер и вероятностную природу. Сила всегда относительна, поэтому государство не может рассматриваться как сильное или слабое в отрыве от других.

---

[17] Ibid. P. 389.

[18] Ibid. P. 396–397.

[19] *Etzioni A.* Power as societal force // Power in modern societies / Ed. by M. Olsen, M. Marger. Boulder: Westview Press, 1993. P. 18.

Здесь возникает методологическая трудность: корректно ли использовать понятие силы в анализе, если о ней можно судить лишь *после* ее реального применения? Ведь тогда предсказательная ценность суждений сводится к нулю. Этциони видит выход в том, что понятие «сила» должно обозначать не единичные в смысле места и времени случаи ее применения, а обобщенную и протяженную во времени способность субъекта политики навязывать нужное поведение оппонентам. Предсказательная ценность суждений о силе должна основываться на учете ее вероятностной природы и выводиться из предыдущего опыта ее применения.

Приведенные доводы предполагают различение ресурсов (мощи) и силы. Ресурсы могут быть «конвертированы» в силу, но совсем не обязательно в наиболее эффективном виде. Поэтому ошибочно полагать, что одно из этих понятий логически выводится из другого, так как невозможно показать, какая именно сила сформируется из мощи конкретного государства, и наоборот.

Источники силы государства. Несмотря на неоднозначности в толковании источников силы государства у разных авторов, речь обычно идет об одних и тех же ресурсах. Во-первых, численность населения страны с учетом различных факторов: демографического состава, этнической однородности, уровня образования, культуры, исторического опыта народа.

Во-вторых, это география. По мере развития коммуникаций и международной экономики прежняя значимость географического положения уменьшилась. С военной точки зрения эта тенденция связана с появлением новых систем оружия, таких как ракетно–ядерное и высокоточное, а также с внедрением информационных технологий. И все же удаленность США от потенциальных противников способствует их относительно большей безопасности. Климат, рельеф местности, характер границ, выходы к морям, протяженность территории государства сохраняют стратегическое значение. Горно-лесистая местность значительно затруднила действия войск НАТО против сербов в войне 1999 г.

В-третьих, естественные ресурсы. Просто иметь ресурсы недостаточно. Государство должно быть в состоянии разрабатывать и использовать их для своих нужд. Важен также контроль над ресурсами, которые, находясь в собственности одного государства, могут разрабатываться на выгодных условиях другими. Опыт Японии показывает, что отсутствие собственной сырьевой базы может компенсироваться ис-

пользованием ресурсов других стран. В отрыве от других компонентов силы естественные ресурсы не имеют самостоятельного значения.

В-четвертых, уровень индустриального и научно-технологического развития государства. Победы в крупномасштабных войнах последних столетий связаны с общим уровнем развития противоборствующих сторон, что подтверждают и количественные исследования. Однако этот критерий не является определяющим в «малых войнах». Поскольку индустриальная мощь может зависеть от импорта сырья или энергии, большое значение имеют финансовые ресурсы государства и развитие торговли.

В-пятых, военные ресурсы. Под ними понимаются способность защитить свои границы и, по американской терминологии, «проецировать силу» за их пределы, т. е. действовать на удаленных театрах военных действий. Среди важнейших факторов военной силы выделяют: ее мобильность; мощь средств огневого поражения; возможности разведки; эффективность систем управления, тылового обеспечения и связи. В количественном выражении эти показатели используются в современном стратегическом планировании, в частности в методиках, ориентированных на оборонительно-наступательный баланс[20]. К военной мощи относят качество выучки, боеготовность вооруженных сил и наличие союзников.

В-шестых, идеальные факторы. Перед лицом опасности существенную роль играет морально-политическое единство общества и правящей элиты. Многие эксперты отводят им место, не меньшее по значимости, чем военной мощи[21]. Но если военные компоненты силы могут быть оценены количественно, то волю можно измерять лишь по косвенным показателям. Более того, она трудно управляема: общественная поддержка достаточно быстро возникает, но так же быстро она способна исчезнуть. Американские эксперты считали весьма вероятным быстрое падение популярности президента во время интервенций против Панамы (1989 г.) и Гренады (1983 г.), если бы США понесли значительные потери[22]. С этим же фактором связана динамика колебаний общественного мнения в ходе интервенции США в Ирак в 2003 г.

---

[20] *Glaser Ch., Kauffmann C.* What is offensive–defensive balance and can we measure it? // International security. 1998. Vol. 22. N 4. P. 44–82.

[21] *Cline R.* World power trends and U.S. foreign policy for the 1980s. Boulder: Westview Press, 1980. P. 143.

[22] *Papp D.* Contemporary international relations. P. 394.

К идеальным факторам силы относится качество политического руководства страны, умение реализовать имеющиеся у страны ресурсы для военных нужд. Напрямую эффективность руководства не зависит от формы правления — демократической или авторитарной. Более того, во времена кризисов власть чаще всего концентрируется в руках одного человека. Тогда особую роль играют личные качества лидера страны, называемые харизмой, и готовность общества к жертвам. Мобилизации граждан способствует умелое использование националистических, религиозных, этнических и других мотивов.

В тех или иных вариациях данное понимание факторов силы просуществовало довольно долго. Их переосмысление связано с эпохой информатизации. Информационные технологии проникли во все сферы жизни современного западного общества[23]. Знание становится само по себе источником внутреннего развития и силы государства. В «информационном обществе» труд перекладывается на автоматику и системы управления. Человек от производства материальных благ переходит к обслуживанию машин. Основные проблемы связаны уже не с ускорением производства, а с быстрым моральным устареванием профессий и поиском лучших способов переориентации человеческих талантов к новым условиям. В постиндустриальную эпоху особенно важна способность государства к активной инновационной деятельности. Университеты и другие «фабрики мысли» непосредственно вовлекаются в производство, планирование и управление. Сочетание научных и технологических знаний с увеличивающимися производственными возможностями оказывает все более непосредственное влияние на общество.

Информационные технологии считаются новым фактором военной мощи развитого государства. Как считают эксперты Университета национальной обороны США, «информационная революция» позволяет решить основную проблему, порожденную индустриальной эпохой, — наладить эффективную организацию, управление и планирование усложнившегося военного механизма, заменив некоторые вертикальные связи управления горизонтальными. Снизить издержки американского общества в этой сфере позволяет широкая кооперация с гражданским

---

[23] Об информационном обществе и связанных с этим революционных изменениях см.: *Bell D.* The coming of postindustrial society: a venture in social forecasting. New York: Basic Books, 1973; *Creveld M.*, van. Technology and war. New York: Free Press, 1989; *Toffler A.*, *Toffler H.* War and anti-war: survival at the dawn of the 21st century. Boston Little, Brown and Co., 1993; *Ronfeldt D.* Tribes, institutions, markets, networks: a framework about societal revolution. Santa Monica: RAND, 1996.

сектором информационных технологий, который развивается чрезвычайно быстро.

«Информационное противоборство» стало частью вооруженной борьбы. Этот термин имеет несколько значений. В широком смысле информационная борьба применялась человечеством с самых давних времен. В таких случаях противоборство направлено на достижение политических целей независимо от состояния отношений между государствами. Более узкая трактовка термина сводится к информационной борьбе при непосредственной подготовке и ведении боевых действий[24]. Она охватывает самый широкий спектр операций — от тактических до стратегических.

Информационные технологии внедряются в управление боем вплоть до отдельного солдата. Содержательно информационная борьба включает в себя физическое разрушение гражданских и военных систем управления, связи и средств радиоэлектронной борьбы противника, а также проведение психологических операций по дезинформации и манипулированию поведением населения, армии и военно-политического руководства противника.

Как обрабатывается население противника, показывает пример конфликта на Балканах в 1990-е гг.[25] Манипулирование политическим руководством является наиболее сложным. Оно может носить долговременный характер и быть направленным на саморазрушение враждебного государства. Для этого политической элите навязываются такие методы управления, принятия решений, подбора кадров, планирования, отчетности, социально-политические и экономические концепции развития, которые под видом «новых» порождают неразрешимые конфликты, способствуя внутриполитическому хаосу. К ним относятся: создание условий для управляемых извне экологических катастроф; инспирирование межнациональных распрей и экономических кризисов; поставка устаревших и вредных технологий; внедрение стереотипов пове-

---

[24] *Thomas T.* Russian views on information-based warfare. Fort Leavenworth: Foreign Military Studies Office, 1996; *Комов С.А.* О способах и формах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 4. С. 18; *Пирумов В.С., Родионов М.А.* Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5. С. 45–49.

[25] В Боснии-Герцоговине американским военным было запрещено использовать дезинформацию и прямую ложь. Акцент делался на тщательный отбор фактов и замалчивание неугодных, потому что населению были доступны альтернативные источники информации (см.: *Siegel P.* Target Bosnia: integrating information activities in peace operations. Washington: Institute for National Strategic Studies, 1998. P. 67, 75–76).

дения, которые противоречат национальным традициям и разрушают историческую память народа[26]. Для успешного манипулирования решается задача установления прямого или косвенного контроля над средствами массовой информации противника и над оформлением информационных потоков, идущих извне[27].

Еще одно направление информационного противоборства в будущих войнах связано с компьютерными вирусами. Стратегическое значение вирусов видится многим экспертам в том, что они выступают как безликие инструменты, не связанные непосредственно с тем, кто их использует. Вирусы могут быть замаскированы под компьютерное хулиганство или, наоборот, под средство защиты программного обеспечения какой-либо фирмы. Скрытые нападения такого рода не имеют четкой границы с преступными действиями и оказываются очень эффективными с военной точки зрения, так как могут начинаться в мирное время. Вирусы способны внести свой вклад в фактор внезапности военных действий. Они могут создать хаос в военных и гражданских информационных системах противника.

Внедрение информационных технологий в военное дело обеспечивает новый способ эффективной организации и управления усложнившимся военным механизмом. Системы командования, связи, разведки и наблюдения связываются в единую сеть, которая позволяет управлять боем в режиме реального времени. Принятие решений в меньшей степени нуждается в прохождении через всю иерархию командного звена и обратно. Оно в значительной мере перемещается в горизонтальную плоскость — между командирами одного уровня. Быстротечность современной войны требует отказа от предварительного создания массированных сил на театре боевых действий. Планирование и управление боевыми действиями будут разворачиваться все более не последова-

---

[26] Примерами такого манипулирования со стороны США можно назвать попытку втянуть СССР в гонку по программе «звездных войн» при Р. Рейгане (см. об этом также: *Ловцов Д.А., Сергеев Н.А.* О проблеме «организационного оружия» // Военная мысль. 1999. № 1. С. 34–40.

[27] Во время войны против Югославии в 1999 г. в заявлении Российского Совета по внешней и оборонной политике говорилось, что НАТО стремится через различные каналы создать впечатление, будто российская дипломатия все более сближает позиции с американской по вопросу об остановке бомбардировок НАТО. Искусственно преувеличивались различия между «жесткими» заявлениями МИДа и «более мягкими» — спецпредставителя президента В. Черномырдина (см.: О контурах прекращения агрессии против Югославии. Заявление Совета по внешней и оборонной политике // Независимое военное обозрение. 1999. № 20. С.1.

тельно, а параллельно. Отдельные эпизоды боя, связанные единым информационным полем, позволят в центре и на местах принимать решения быстро и с учетом полной картины событий.

Опираясь на достижения информатики и других технологий, США намерены в течение ближайшего десятилетия достичь способности наносить поражение любому противнику без больших потерь и одновременно без наращивания значительного превосходства в вооруженных силах на предполагаемом театре военных действий[28]. В свете этой тенденции показательно, что США во второй войне против Ирака в 2003 г. использовали военную группировку, втрое меньшую, чем в 1991 г.[29]

Измерение силы. Попытки построить научную теорию, описывающую международную политику, обычно включают в себя и задачу измерения силы как исчислимой величины. Однако на этом пути существует ряд трудностей. Отношения между государствами настолько многообразны, что трудно ожидать, будто всегда можно описать в терминах силы даже те из них, в которых речь идет о борьбе за власть. Это значит, что сама концепция силы применима только для части политических событий и не может объяснить все из них. Тогда возникает следующий вопрос: по какому критерию отбирать подходящие случаи? М. Салливан приводит в связи с этим проблемный эпизод: как объяснить в терминах силы, что президент США Р. Никсон в 1972 г. принял решение о минировании береговой линии Северного Вьетнама, а его предшественник Л. Джонсон отвергал эту возможность. Очевидно, решающую роль сыграло совсем не военно-силовое превосходство США[30].

---

[28] См. об этом подробнее: *Gompert D.* Right makes might: freedom and power in the information age. McNair Paper 59. May 1998. Washington: National Defense University, 1998. P. 41–48. См. также: *Molander R.* Strategic information warfare: a new face of war. Santa Monica: RAND, 1996; Siegel P. Target Bosnia: integrating information activities in peace operations. — Washington: Institute for National Strategic Studies, 1998; *Greenberg L. Goodman S., Soo-Hoo K.* Information warfare and international law. Washington: Institute for National Strategic Studies, 1998; *Thomas T.* Dialectical versus empirical thinking: the key elements of the Russian understanding of information operations. Leavenworth: Foreign Military Studies Office, 1998; The changing role of information in warfare / Ed. by Z. Khalizad, J. White. Santa Monica: RAND, 1999; *Kugler R., Binnendijk H.* Choosing a strategy // Transforming America's military / Ed. by H. Binnendijk. Washington: National Defense University Press, 2002. P. 72–73.

[29] *Иванов В., Мухин В.* Такие разные войны с терроризмом // Независимое военное обозрение. 2003. № 45. С. 2.

[30] *Sullivan M.* Power in contemporary international politics. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. P. 103–104.

Другая трудность состоит в корректности измерений. Идеальные элементы силы, такие как мораль, национальный характер, сплоченность народа, жертвенность, нельзя измерить непосредственно. Сторонники количественных методов[31] используют в таких случаях косвенные показатели. К примеру, считается, что высокий экономический и военный потенциал государства порождает более высокий моральный дух нации. Но и в этом случае остается неясным, как объяснить моральное и военное поражение США во Вьетнаме?

Сложности возникают и в более простых ситуациях, даже тогда, когда провести сравнение силовых потенциалов представляется принципиально возможными. Например, один и тот же показатель можно толковать и как признак силы, и как признак слабости применительно к тому же самому государству. Накануне войны 1991 г. авторитарный характер власти С. Хусейна считался американскими экспертами слабым местом политического режима Ирака, и расчет строился на том, что собственный народ сметет его после ужесточения международных экономических санкций. Однако после военного поражения Ирака в 1991 г. произошло совсем наоборот: диктаторский режим Хусейна не стал причиной эрозии государственной власти, а показал себя вполне живучим. Более того, на определенном этапе именно жесткая авторитарная власть способна удержать страну от внутренних распрей, имеющих в Ираке религиозные, этнические и межплеменные основания.

Проблема количественного измерения также является следствием недостаточно четкого определения связанных понятий «сила», «мощь», «власть», «влияние». Например, смешение «влияния» и «силы» не позволяет истолковать те факты истории, когда государство решало политические задачи, не имея традиционных компонентов силы. В таком случае остается неясным, что считать показателями силы. Остается неразрешенным до конца вопрос о том, как поступать с различием потенциальной и актуальной силы. На практике мера силы проявляется в действии, и результат далеко не всегда соответствует мощи государства и его исходным намерениям. Что тогда считать силой? Учитывая эти трудности, измерение силы часто сравнивают более с искусством, чем с наукой[32]. Не случайно большинство исследователей отдают предпочтение понятию «мощь», т. е. силовому потенциалу.

---

[31] Ibid. P.107.

[32] *Papp D.* Contemporary international relations. P. 397.

Существуют два основных подхода к количественному анализу силового потенциала: на уровне отдельных государств и международной системы в целом. Первое направление состоит в том, что сила государств измеряется с помощью показателей, а затем сравнивается. В качестве количественной меры выбираются простые численные параметры[33] или составные, которые включают территорию; плотностью населения; степень развития коммуникаций; население с учетом образования, морального фактора и материального благополучия. Следует заметить, что некоторые параметры включают субъективную оценку, например, если они определяются методом экспертной оценки. Субъективность не означает полного произвола и не обязательно лишает параметр объективного содержания. И все же последнее соображение не отменяет вопрос, как убедиться в том, что выбранная мера силы не является ошибочной. Например, Р. Клайн, бывший шеф бюро исследований и разведки в госдепартаменте США и заместитель директора ЦРУ, предлагал определять «воспринимаемую» (противником) силу (perceived power) государства как произведение двух величин — «мощи» и «обязательств»[34]:

$$P = (C + E + M) \times (S + W),$$

где P — «воспринимаемая» сила;

(C + E + M) — мощь государства; *(S + W)* — обязательства;

C — критическая масса: население и территория; E — экономическая мощь: доходы и уровень развития производства; последний определяется по сумме ресурсов: энергетики, торговли, продовольствия, важнейших видов минерального сырья;

M — военная мощь: сумма показателей стратегического баланса и мощи вооруженных сил;

S — стратегические цели;

W — политическая воля к достижению целей национальной стратегии: сумма показателей национального единства, искусства политического руководства, соответствия стратегии национальным интересам.

Всем перечисленным величинам Р. Клайн приписал минимально (0) и максимально возможные значения (от 1 до 100). В методике присвоения конкретных значений, соответствующих какому-либо государству,

---

[33] Ранговые величины, проценты или доли, абсолютные величины, которые описывают основные элементы силы, такие как население, промышленность, военный потенциал, территорию.

[34] См.: *Cline R.* World power trends and U.S. foreign policy.

существенную роль играют экспертные оценки, что привносит в конечный результат определенную долю субъективизма.

Если мощь государства определяется с помощью манипуляций с численными данными, то обязательства оцениваются лишь субъективно. Однако при внимательном рассмотрении элементов мощи, на первый взгляд более «объективных», выясняется, что там тоже есть место для субъективизма. Например, в одних случаях менее качественное оружие за счет своего количества превосходит в смысле конечной эффективности на поле боя более качественное оружие, в других случаях происходит наоборот. Учесть в формуле соотношение «качество — количество» трудно. При оценке экономических ресурсов государства также возникает неопределенность, что считать преимуществом: развитие собственных ресурсов по соображениям самодостаточности или, наоборот, ориентацию на использование более дешевых ресурсов других стран.

Негативные последствия субъективизма оценок особенно сказываются, когда в международной системе происходят значительные изменения, не поддающиеся однозначному толкованию. Не случайно формула Клайна, примененная для данных 1990-х гг., дала два различных результата. На стратегию и политическую волю США влияли разнонаправленные факторы. Но для одних экспертов оказалась важной решимость активно действовать, для других — опасение втянуться в неуправляемый конфликт по типу Вьетнама. Такие же неоднозначные соображения касаются оценок экономического и военного потенциала. Два варианта соотношения сил США, СССР и Китая, по данным на 1990 г., рассчитанные по одной методике, даны в Таблице 1[35]. Из сравнения столбцов «Сила» в двух версиях этой таблицы видно, что ее величина для одних и тех же государств весьма отличается. Это обусловлено в основном различиями во мнениях двух групп экспертов.

Таким образом, проблема субъективности в выборе меры силы стоит достаточно остро. Для подтверждения состоятельности (объективности) параметров, выбранных в качестве меры силы, их получают с помощью двух и более вычислительных методик. Тем самым учитываются несовпадающие сочетания элементов силы и разные способы их измерения. Далее вычисляют корреляцию между полученными результатами. В ряде случаев получены высокие коэффициенты попарной корреляции (около 0,8), которые говорят в пользу того, что различные вычислитель-

[35] Данные приводятся по: *Papp D.* Contemporary international relations. P. 387

ные методики сами по себе примерно равноценны, а значит, и достаточно объективны[36].

Таблица 1. **Сила США, СССР и КИТАЯ (в баллах)**

Страна	Критическая масса	Экономическая мощь	Военная мощь	Стратегия и политическая воля	Сила
(Версия 1)					
США	100	155	200	1	455
СССР	100	80	205	0.8	308
Китай	75	35	45	1	155
(Версия 2)					
США	100	140	200	0.8	352
СССР	100	80	205	0.9	347
Китай	75	25	45	0.8	115

Сторонники теории циклов предлагают несколько иное толкование силы государства, выделяя в качестве главной составляющей морскую силу. Это связано с тем, что глобальные войны за мировое господство, на которых и сосредоточена данная теория, сопровождались перераспределением морского могущества. Оно было непременным условием победы государства-лидера, так как значительно снижало мобильность сил противника и обеспечивало блокаду с моря. После установления мира морская сила оставалась важным средством глобальной политики гегемона. Она служила инструментом успешного управления мировой экономикой, давая контроль над торговыми путями и обеспечивая безопасность. Даже с развитием авиации военно-морской флот остается важнейшим компонентом мощи глобального лидера, позволяющим перебросить значительные силы в любую точку планеты.

---

[36] *Sullivan M.* Power in contemporary international politics. P. 110–119; см. также: *Cline R.* World power trends and U.S. foreign policy; *Modelski G., Thompson W.* Sea-power in global politics, 1949–1983. London: MacMillan, 1987.

Чтобы учесть изменения, которые происходили в течение пяти веков в технологии, судостроении, навигации, военном деле и вооружениях, Дж. Моделски и У. Томпсон использовали различные критерии морской силы, показанные в табл. 2[37].

Таблица 2. **Изменение критериев морской силы**

Период	Критерии морской силы государства
1494–1654	Количество парусников океанского класса, принадлежащих государству и имеющих вооружение
1655–1859	Количество линейных кораблей с учетом роста минимально необходимого вооружения для ведения боевых действий
1860–1915	Количество военных кораблей с учетом их технических характеристик и размеров
1915–1945	Индекс, включающий уровень расходов на развитие военного флота, количество и параметры военных кораблей
1946–1993	Индекс, включающий количество тяжелых крейсеров, авианосцев, ядерных подводных лодок (после 1960 г.), ядерных ракет морского базирования с учетом их мощи в тротиловом эквиваленте, потенциала встречного удара

Второй подход к измерению распределения силы — системный, направлен не на сравнение государств, а на международную систему в целом. Для этого численно определяются некоторые системные понятия, как, например, «поляризация». Одним из первых подобную работу проделал Д. Сингер в рамках крупного проекта «Корреляции войны»[38].

Если понятие «полярность» означает количество полюсов, получаемое на основе степени концентрации силы в руках великих держав, то понятие «поляризация» говорит о том, насколько четко полюсы разделены между собой. Когда между государствами, принадлежащими к разным коалициям, существуют тесные связи, то международная структура слабо поляризована, и наоборот. Поляризация включает в себя на-

---

[37] Данные приводятся по: *Rasler K., Thompson W.* The great powers and global struggle 1490–1990. Lexington: The University Press of Kentucky, 1994. P. 27.

[38] *Singer J.* The level-of-analysis problem in international relation // The international system: theoretical essays / Ed. by K. Knorr, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1961; *Singer J., Bremer S., Stuckey J.* Capability, distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965 // Peace, war and numbers / Ed. by B. Russet. Beverly Hills: Sage Publications, 1972; Measuring the correlates of war / Ed. by J. Singer, P. Deihl. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1990.

бор связей и обязательств между государствами. Среди них: членство в альянсах и международных организациях; дипломатические и торговые отношения; совокупность краткосрочных взаимодействий или событий, основанных на рутинных отношениях. В частности, речь идет о дипломатических контактах, которые могут учитываться по публикациям в средствах массовой информации. В качестве показателей используются доли, проценты[39] или сложные индикаторы. Если описать попарные отношения между государствами количественными показателями, то с помощью кластерного и других методов можно получить их распределение по группам. Международная система делится на более или менее «сплоченные» полюсы, состоящие из государств, которые обладают близкими наборами указанных признаков. Отношения внутри полюсов и между ними описываются количественно. Это позволяет делать выводы о том, насколько отчетливо мир делится на коалиции, какие государства нейтральны или близки к существующим коалициям, какой из союзов прочнее[40].

Методики вычисления полярности относительно просты. В их основе лежит статистический прием, предложенный Д. Сингером. Соответствующий коэффициент концентрации силы между великими державами *CON* получают, учитывая три составляющие мощи, каждая из которых включает в себя два показателя:

- военная: военные расходы, численность армии;
- промышленная: потребление энергии, производство стали;
- демографическая: городское население, общая численность населения.

По каждому из шести показателей для каждого государства вычисляется доля от общей суммы, потом от долей берется среднее арифметическое. Конечный коэффициент *CON* вычисляется как стандартное отклонение доли государства, поделенное на максимально возможное стандартное отклонение для данного числа государств[41]. Если между государствами получается равное распределение силы, т. е. не наблюдается концентрации силы, коэффициент *CON* будет равен нулю. В обратном случае он растет, и вероятность войны повышается. Отметим, что в

---

[39] Например, процент государств, участвующих в оборонительном союзе.

[40] *Wayman F., Morgan T.* Measuring polarity in the international system // Measuring the correlates of war. P. 141–145; *Bueno de Mesquita B.* Measuring system polarity // Journal of conflict resolution. 1975. Vol. 19. N 2. P. 187–216.

[41] *Wayman F., Morgan T.* Measuring polarity. P. 146–147.

эту методику априорно заложена идея о том, что многополярный мир всегда безопаснее, что, конечно, является упрощением реальной ситуации. Позднее были разработаны и более сложные методики расчетов, но они тоже не решили указанных выше методологических проблем.

$$CON = \sqrt{\frac{\sum (S_j)^2 - 1/n}{(1 - 1/n)}}$$

где n — число государств в системе, S_j — доля государства от суммарной мощи системы (от 0 до 1).

Еще одна несложная и довольно популярная методика для определения полярности принадлежит представителю теории циклов Дж. Моделски. Он считал международную систему однополярной, если 50% военных расходов в мире приходится на одну страну. Биполярная система образуется, если два государства в сумме тратят более половины всех средств, причем каждая не менее 25%. Все остальные конфигурации считаются многополярными[42]. Аналогично для определения числа полюсов используется величина валового национального продукта, согласно которой современная система трехполярная: США; Япония; Европа во главе с Германией[43].

В то же время американские авторы отмечают, что определение полярности современного мира в виде численных показателей становится все более сложным. США, все еще оставаясь самой мощной державой в военном отношении, постепенно теряют преимущество в технологиях, торговле и финансовых возможностях. Отсюда относительное падение политического влияния США в мире по сравнению с периодом биполярности. Складывающуюся систему иногда называют «одно-многополярной». Частичным решением проблемы является разработка ком-

---

[42] *Modelski G.* World power concentrations: typology, data, explanatory framework. Princeton: Princeton University Press, 1974.

[43] *Russet B.* Trends in world politics. New York: Macmillan, 1965. P. 2–4; *Organski A., Kugler K.* The war ledger. Chicago: The University of Michigan Press, 1980. P. 30–38; *Garten J.* A cold peace: America, Japan, Germany, and the struggle for supremacy. New York: Random House, 1992. P. 183.

плексных показателей, включающих население и территорию, экономическую и военную мощь[44].

Интерес к проблеме измерения силы вновь повысился в 1990-е гг. Не только последствия информатизации, но и недостаточная предсказуемость международного развития поставили задачу переосмысления источников силы государства. Заказчиком исследований выступает военная разведка США. Конечная цель проекта — получить метод стандартизованных оценок для выяснения того, какие государства приближаются к статусу великих держав, т. е. могут быть конкурентами США в постбиполярном мире; как отличить «колосса на глиняных ногах»[45] от действительно сильного противника, причем до того, как он создаст достаточный потенциал. Метод должен обеспечить определение группы «критических» государств с возможностью синхронного сравнительного анализа их потенциалов плюс сравнение скорости их развития в диахронном измерении. В этом направлении работает известный мозговой центр РЭНД-корпорэйшн традиционный партнер министерства обороны[46].

Хотя задача еще далека от того практического воплощения, которое ожидают заказчики, в ходе исследований отрабатываются принципиально новые решения. Эксперты РЭНД предлагают учитывать не только особенности развития современного постиндустриального общества, но и уроки сокрушительного поражения Советского Союза в «холодной войне» и Ирака в 1990–1991 гг. Притом, что они имели значительные экономические, военные и другие ресурсы, их крах был вызван главным образом неэффективностью политической власти[47]. В основу обновленной концепции силы положены следующие постулаты: продолжающаяся «информационная революция» имеет глубокие и долгосрочные последствия для гражданской и военной сферы жизни общества; решающее значение имеет способность государственного аппарата обратить достижения общества в ресурсы силы; сила государства в конечном выражении сводится к военной составляющей, а в военном деле особое значение имеют технологии связи и обработки информации. Государство и общество рассматриваются уже не просто как «контейнеры» для

---

[44] *Kugler J., Arbetman M.* Choosing among measures of power: a review of the empirical record // Stoll R., Ward M. Power in world politics. Boulder: Lynne Rienner, 1989. P. 75.

[45] Примером считается СССР в конце 1980-х годов.

[46] *Tellis A., Bially J., Layne Ch.* Measuring national power in the postindustrial age. MR1110. Santa Monica: RAND, 2000. P. XIII, 5–9, 36.

[47] Ibid. P. 6.

ресурсов, а как активные социальные структуры. Сила государства формируется в постоянном взаимодействии многообразия ресурсов и эффективного государственного управления.

Военная сила получает более широкую и комплексную трактовку, чем прежде, и включает в себя следующее:

- Стратегические ресурсы, предоставляемые государством военому ведомству, в том числе бюджетные ассигнования (с учетом их доли от ВНП), кадры, военную инфраструктуру, институты военного строительства и развития[48], военно–промышленный комплекс, военные резервы и средства поддержки.
- Индикаторы, показывающие, насколько полезно ресурсы могут быть обращены в силу и насколько стратегии соответствуют системе угроз; качество военно–гражданских отношений (в особенности между высшим политическим и военным руководством); военное сотрудничество с союзниками; объем инноваций и скорость их внедрения в военное дело.
- Вооруженные силы, которые принимаются в расчет не в аспекте количественного и качественного превосходства, а как оптимальный набор боевых средств, необходимый для решения широкого круга задач. Количественное сравнение с военным потенциалом других государств делается по этому оптимизированному набору вооруженных сил и средств[49].

Говоря о роли военной силы в современных международных отношениях, многие указывают на то, что современное цивилизованное и политически активное общество все менее склонно мириться с военными издержками, что в условиях глобализации более актуальны невоенные методы влияния[50].

Представляется, что сохраняет значимость альтернативная точка зрения, согласно которой международная система по-прежнему должна рассматриваться сквозь призму распределения силы. Сила — многовекторная составляющая, и примет ли она военную или иную форму, не меняет существа политики. Ведь в определенных условиях великим

---

[48] Американский термин «RDT&E institutions» — Research, Development, Testing and Evaluation institutions. Имеются в виду академические и специальные военно-учебные заведения и исследовательские центры для подготовки кадров, испытания технических средств, отработки концепций боевых действий, изучения иностранного опыта.

[49] *Tellis A., Bially J., Layne Ch.* Measuring national power. P. XI–XVI, 47–50, 136–176.

[50] *McInnes C.* Spectator-sport war: the West and contemporary conflict. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002. P. 34.

державам нет необходимости обеспечивать свои интересы военной силой. Они достигаются иными средствами, которые работают настолько эффективно, насколько сильно государство. С другой стороны, если слабое государство не может защитить себя силой — это тоже не значит, что принцип политики с позиции силы не работает. «Пацифисты» ошибочно смешивают принципиальную роль силы и конкретную практику использования силы. Они указывают именно на последнюю как свидетельство снижения значимости силовой политики.

В то же время военное превосходство не является панацеей. Военная сила есть лишь атрибут власти, а не синоним. Ее использование в международных отношениях не равно установлению политического контроля. Сила сама по себе способна лишь обеспечить удержание территории. Но если государство-завоеватель не в состоянии установить политическую власть, это не показатель его военной слабости, потому что одно дело победить, а другое — управлять[51]. С этой проблемой столкнулись США, когда после быстрой военной победы над режимом С. Хусейна им не удается найти адекватные политические решения. В итоге только присутствие американских войск удерживает страну от полной утраты управляемости и погружения в хаос.

В связи с шоком от терактов 11 сентября 2001 г. война как продолжение политики другими средствами переживает «эпоху возрождения» в практической политике США и на военно-доктринальном уровне. Четко обозначившийся после этого события сдвиг в сторону односторонней политики: «...кто не с нами, тот против нас», по выражению президента Дж. Буша, имеет глубокие основания, связанные с претензией США на глобальное лидерство. Террористическая атака лишь ускорила политическую эволюцию в данном направлении.

Война в современной политике США. В США продолжается глубокое реформирование вооруженных сил, чтобы адаптировать их к новым угрозам безопасности. Оно сопровождается дискуссиями о будущих войнах, о роли войны в политике, о доктринах и стратегиях, связанных с применением военной силы.

Как известно, в политике насилие принимает самые разные формы — от дипломатического давления до открытой войны. Война, которая по выражению К. Клаузевица, «представляет собой до известной степени пульсацию насилия, более или мене бурную»[52], обычно определяется

---

[51] *Waltz K.* Theory of international politics. P. 183–193.
[52] *Клаузевиц К.* О войне. С. 55.

как организованная вооруженная борьба между армиями двух или более стран. Термин «война» имеет и множество метафорических значений: «война идеологий», «война умов», «холодная война». Кроме того, вооруженная сила может выступать как вспомогательное средство для поддержки дипломатии, обеспечения иных политических или гуманитарных миссий. Применение силы варьируется по степени интенсивности (война, конфликт малой интенсивности, полувоенная операция, оказание военной помощи), по открытости боевых действий (война, специальные операции, тайные операции). Иногда военная мощь достигает своих целей, не приходя в движение, — в виде угрозы. Однако за всеми этими формами угадывается основная, «чистая идея», или природа войны, о которой писал Клаузевиц.

Современные дискуссии о войне часто обращаются к критике учения Клаузевица, настаивая на устаревании его учения. В частности, указывают на практику современной войны, которая якобы уже не укладывается в прежнюю теорию. Приводятся следующие доводы. Появление ядерного оружия делает маловероятным развязывание войны между великими державами. Этому же способствуют разрушительный характер современного оружия и высокие издержки на подготовку и ведение боевых действий. Война становится все менее экономически выгодной для потенциального победителя. Из этого делают вывод об изменении ее природы. Критике вторят либеральные толки об устаревании войны как политического средства в условиях глобализации и торжества либеральной демократии в наиболее развитых странах[53]. В этих условиях тотальная война на уничтожение, о которой писал Клаузевиц, ушла в прошлое.

Другая волна критики связана с представлениями о постмодернистской стадии развития США и некоторых других стран. Постмодерн ассоциируется с эрозией национальной и культурной идентичности, со снижением социально-политического единства общества, с переходом национальной экономики к регулированию глобального рынка через господство в финансовой и информационной сферах, с устареванием института государства в виде чрезмерно централизованного бюрократического механизма. Для такого общества считается нехарактерной ориентация на массовую армию, которая призвана защищать территорию государства. Приоритет эпохи постмодерна — компактные вооружен-

---

[53] См.: *Mueller J.* Retreat from doomsday: the obsolence of major war. New York: Basic Books, 1989; *Fukuyama F.* The end of history? // National interest. 1989. N 16. P. 3–18.

ные силы для участия в рамках временных коалиций в миротворческих операциях с минимизацией потерь за счет наращивания технологического преимущества. Масштабные операции, проводимые США в Персидском заливе в 1991 и 2003 гг., рассматриваются как атавизм «холодной войны». Все это якобы говорит о необходимости создания новых, «постклаузевицианских» военных стратегий[54].

Чтобы ответить на вопрос, насколько изменилась природа войны, необходимо вернуться к тому, как ее определяет сам Клаузевиц. Последователь Гегеля, он раскрывает категорию войны, начиная с абстрактного понятия «абсолютная война». Она имеет естественные тенденции (крайности): применение силы сдерживается только имеющимися в распоряжении противников средствами, противники стремятся нанести полное поражение друг другу, борьба сопровождается крайним напряжением их сил. «Абсолютная война» означает уничтожение противника.

Введение в сущность войны принципа ограничения и умеренности представляется Клаузевицу абсурдным, так как сразу лишает понятие войны логической определенности. Далее он отмечает: «Под естественной тенденцией войны мы подразумеваем только философскую, собственно логическую тенденцию, а не тенденцию действительных сил, находящихся в столкновении... то война, как она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия»[55]. Из этого понятно и другое положение Клаузевица: рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключенного в самом понятии войны стремления к истреблению противника[56].

Понятие «абсолютная», или «идеальная», война использовано в философском смысле. Это исходная точка для анализа от абстрактного к конкретному и затем обратного восхождения к познанию существенного в феномене войны. Понимать «абсолютность» здесь следует в гегелевском смысле. В данном случае война на уровне логики разрешает или «снимает» развившуюся до предела «идею» межгосударственного противоречия. Все происходит в анализе, на уровне логики и философии, а не в опыте, т. е. в области практической политики и на полях сражений.

---

[54] Strategic transformation and naval power in the 21th century / Ed. by P. Boyer, R. Wood. Newport: Naval War College Press, 1998. P. 14–15, 20–21; *Luttwak E.* Toward post-heroic warfare // Foreign affairs. 1995. May/June. P. 109–122.

[55] *Клаузевиц К.* О войне. С. 56, 61.

[56] Там же. С. 36–37.

Не вызывает сомнения, что для Клаузевица философия и опыт, теория войны и практическое использование силы отнюдь не совпадают. Поэтому он допускал возможность «абсолютной» войны в действительности, но вовсе не в качестве практического, наиболее эффективного продолжения политики, а как ее *предел*. При переходе от абстракции, от сущности войны к реальности, когда война становится орудием и продолжением политики, когда свое слово говорят исторические и другие условия — тогда «естественные тенденции войны» получают свое практическое ограничение, а не проявляются в «чистом» виде. Идеологи фашизма, а также некоторые современные критики Клаузевица не заметили различия между философией и опытом.

В его учении цели, характер и средства конкретной войны определяются только исходя из учета особенностей данной эпохи и политических обстоятельств, а не из того соображения, что тотальная война есть универсальное средство решения политических проблем. Критики указывают на то, что современные формы войны не укладываются в понятие «абсолютной» войны, а далее торопливо переходят к тезису об устаревании учения Клаузевица. По существу, они делают ту же самую ошибку.

Обращаясь к тексту книги «О войне», мы находим, что на практике цели войны могут быть достигнуты не с помощью «абсолютной» войны на уничтожение, а вообще без ведения боевых действий. Среди этих средств — политическое давление, нейтрализация союзников, износ и разрушение вооруженных сил противника, истощение его физических сил и воли[57]. Если для абстрактной войны главное — поражение вооруженных сил, захват территории и подавление воли противника, то в случае реальной войны опять-таки полный разгром и оккупация территории вовсе не обязательны. «Преодолеть противника есть... не что иное, как уничтожить его вооруженные силы смертью, ранами или каким-нибудь иным способом, будь то раз и навсегда или в такой лишь мере, чтобы противник отказался от дальнейшей борьбы»[58]. «Уничтожение неприятельских вооруженных сил и разгром неприятельской мощи достигаются лишь в результате боя, действительно имевшего место или предложенного, но не принятого»[59].

---

[57] Там же. С. 46, 64–65, 195, 257.
[58] Там же. С. 257.
[59] Там же. С. 195.

Учение Клаузевица говорит о том, что реальная война — явление многогранное. Если теоретический анализ позволяет вычленить и рассмотреть по частям ее общие и особенные черты, то в действительности война все равно остается неразложимым, динамичным целым, которое вовсе не желает следовать научным схемам. «Война... в конкретном случае несколько изменяет свой характер, но также в своих общих формах представляет собой странную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной духовной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку»[60].

Возвращаясь к вопросу об устаревании учения Клаузевица о войне, думается, что сущность войны не изменилась. Но как практическое средство начала XXI в. она принимает те формы, которые зависят от характера угроз, развития военной техники и способов ведения боевых действий.

В постбиполярном мире сохраняются свои факторы нестабильности. Среди них: ослабление военных блоков и политических коалиций, которое сопровождается децентрализацией процессов принятия решений; рост экономического неравенства государств; эрозия многонациональных государств; нарастание тенденций национализма и сепаратизма; все более самостоятельная политика союзников США после ликвидации СССР; распространение оружия массового поражения.

Крупномасштабная война пока не актуальна для США, но как политическое средство она не потеряла значимости. Другое дело, что сегодня для западного мира в целом война связывается не с выживанием, а становится вполне приемлемым выбором в политике с более слабыми странами «третьего мира». Имеются в виду транзитные государства, государства–неудачники и государства-изгои[61]. В США укрепляется мнение, что такая война будет происходить в виде «управляемого» военного конфликта. Соблазн силовой политики со стороны наиболее развитых стран отчасти усугубляется политикой США и рядом резолюций СБ ООН, которые способствуют размыванию суверенитета других стран и международно-правовых критериев применения военной силы.

---

[60] Там же. С. 58.

[61] *Holsti K.* The state, war, and the state of war. New York: Cambridge University Press, 1996. P. 207.

Войны с «периферией» находятся в фокусе внимания американской военной стратегии. Их кредо — «от тотальной войны к войне без риска и далее к войне без потерь»[62]. Военные действия становятся бесконтактными, и вероятность их распространения на территорию США или Западной Европы считается незначительной (при этом не принимаются во внимание асимметричные атаки по типу террористических).

Американские эксперты делают акцент на достижение победы путем разгрома вооруженных сил и разрушения военно-промышленных объектов и систем управления противника с минимальными жертвами среди гражданского населения и хозяйственных объектов. Захват территории в ряде случаев теряет прежнюю важность, как, например, в борьбе с терроризмом. Главная военная задача — добиться, чтобы противник утратил стратегический контроль над своими силами и затем капитулировал. Победа все более измеряется успехом не собственно военной кампании, а достижением конечных политических целей[63].

В вооруженных конфликтах локального характера США все чаще предпочитают использовать силы специального назначения, которые существуют в сухопутных войсках, авиации, на флоте и подчиняются единому командованию. В морской пехоте аналогом спецназу считаются экспедиционные подразделения. Эти войска приспособлены для решения задач в условиях войны и в мирное время, причем так, чтобы снизить вероятность эскалации военного конфликта и одновременно получить требуемый результат. От обычных военных подразделений спецназ отличает подготовка для борьбы с террористами и ведения так называемых нетрадиционных войн, которые включают оказание помощи повстанцам, сепаратистам и движениям сопротивления, действующим в других странах. Выполняя задачи в других странах, спецназ обучает и снаряжает боевиков и тайных агентов; организует саботаж и диверсии; помогает в налаживании сетей по снабжению и переброске людей внутрь и за пределы государства, где происходит нетрадиционная война. Хотя ее законченной доктрины не существует, американские военные эксперты ожидают, что на практике «в ближайшее десятилетие подобные миссии приобретут первостепенное значение». По их данным,

---

[62] *Hassner P.* The United States: the empire of force or force of empire? // Caillot Paper 54. Paris: EU Institute for Security Studies, 2002.

[63] *Pape R.* Bombing to win: air power and coercion in war. Ithaca, London: Cornell University Press, 1996. P. 10, 15; *Levite A., Sherwood-Randall E.* The case for discriminate force // Survival. 2002/03. Vol. 44. N 4. P. 91.

в среднем около 2500 военнослужащих спецназа США постоянно выполняют соответствующие задания в 40–50 странах мира[64].

Однако далеко не все военные конфликты легкоуправляемы. В этой связи американские эксперты обращают особое внимание на так называемые внутренние войны[65], которые легко пересекают государственные границы[66]. Со времен Второй мировой войны из 150 вооруженных конфликтов, в которых погибло около 25 млн человек, подавляющее большинство относят к внутренним войнам[67]. После окончания «холодной войны» тенденция к снижению их числа не наблюдается. Более того, они стали представлять угрозу России и Китаю, что чревато глобальной дестабилизацией.

Вмешательство во внутренние войны на практике несет с собой определенные риски даже для таких мощных государств, как современные США. Дело в том, что не всегда легко определить политические цели, которые преследуют участники конфликта. Их мотивы могут быть иррациональными, потому что зачастую воюют не государства, а «территории». В них практически отсутствует военно-политическая стратегия, зато в избытке присутствует нетрадиционная тактика. Вооруженные силы США в случае вмешательства имеют дело не столько с регулярной армией, сколько с проблемами голода и защиты гражданского населения противника. В таких условиях трудно сформулировать ясные цели, задачи и средства для военной операции[68]. И министерство обороны, и конгресс, и американское общество не склонны поддерживать военное

---

[64] *Collins J.* Special operation forces: an assessment. Washington: National Defense University Press, 1996. P. 3–7, 68, 132, 175–176.

[65] Среди них выделяют гражданские, за передел власти, и негражданские, которые имеют этно–религиозную основу, отличаются особой жестокостью и не всегда определенной политической целью. Последние иногда рассматриваются как терроризм (см.: *Prins G.* The heart of war: on power, conflict and obligation in the twenty-first century. London, New York: Routledge, 2002. P. 49–94).

[66] Coping with conflict after the cold war / Ed. by E. Kolodzei, R. Kanet. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1996. P. 15.

[67] *Sivard R.* World military and social expenditures in 1993. Washington: World Priorities, 1993. P. 21.

[68] *David S.* The primacy of internal war // International relations theory and the Third World / Ed. by S. Neuman. New York: St.Martin's Press, 1998. P. 78–79; *Snow D.* Uncivil was: international security and the new internal conflicts. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1996. P. 1–3, 75–78, 102, 144–146.

вмешательство во внутренние конфликты из-за мало предсказуемых последствий[69].

Таким образом, содержание важнейших категорий, которыми для политических наук являются «сила», «ненасилие» и «власть», остается дискуссионным. Между тем от их толкования зависят как общие теоретические построения, так и анализ политических процессов. Граница между насилием и ненасилием на практике весьма подвижна, она определяется в контексте конкретно-исторических условий. Сущность войны не изменилась со времен К. Клаузевица, несмотря на трансформации международной системы, связанные с окончанием «холодной войны», процессами глобализации и прогрессом в военном деле. Угроза глобальной войны снизилась. Американские эксперты обращают основное внимание на войны между развитыми странами и «периферией» и проблемы вмешательства в конфликты внутри «третьего мира». Но война по-прежнему служит продолжением политики, а не ее заменителем. Поэтому ошибочное политическое решение может поставить государство, имеющее подавляющее военное превосходство, перед выбором: поражение или война на уничтожение — вместо столь привлекательной для политиков локальной «управляемой» войны.

[69] The international dimensions of internal conflict / Ed. by M. Brown. Cambridge: The MIT Press, 1996. P. 463–464.

В.Н. Конышев

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ АСИММЕТИРИЧНЫХ УГРОЗ

Вооруженные силы (ВС) США находятся в стадии глубокого реформирования, которые затрагивают все сферы: стратегии, обучение персонала, управление, ведение боевых действий. Необходимость реформ диктуют опасения, связанные с растущей доступностью технологий, которые могут дать в руки международных террористов и враждебных государств оружие массового поражения (ОМП) или другое оружие, близкое по наносимому ущербу. Тогда США не сумеют надежно защитить свои глобальные интересы, хотя в среднесрочной перспективе они не имеют сравнимого по силе государства-соперника. Этот парадокс, произошедший с безопасностью США, и вызвал дискуссии среди американских экспертов о путях дальнейшего развития ВС, о стратегии и тактике их использования в условиях асимметричных угроз. Положения доктринальных документов, касающиеся данных вопросов, вызывают неоднозначные оценки в самих США. И все же за оживленными спорами просматриваются совершенно определенные перспективы.

Асимметричные угрозы[1]. Считается, что в определенных условиях асимметричный удар может сорвать даже стратегические планы США. Выделяют несколько источников такого рода угроз. Во-первых, это враждебные государства, которые не имеют других средств защиты перед лицом американского подавляющего военного превосходства. Во-вторых, это международный терроризм, который эволюционирует в сторону «апокалипсического». Он ориентирован на массовые жертвы гражданского населения, стремление действовать в глобальном масштабе и отсутствие конструктивных политических целей. В-третьих, ожидается, что в условиях глобализации будет расти количество других негосударственных субъектов политики, носителей той же опасности[2].

Под асимметричным нападением понимают использование силы, которое носит нерегулярный характер с точки зрения источника угрозы,

---

[1] Термин «асимметрия» американские эксперты вводят в широкий оборот после окончания «холодной войны». На доктринальном уровне он появляется в документе (см.: *Cohen W.* Report of the Quadrennial defense review. Washington: Department of Defense, 1997).

[2] *Treverton G.* Emerging threats to national security. CT-234. Testimony presented to the House of Representatives Permanent Select Committee on Intelligence on February 2, 2005. Santa Monica: RAND, 2005. P. 1–11.

выбора цели[3], средств и способов нанесения ущерба. Оно также может не соответствовать международному праву и нормам морали. Асимметричные угрозы как бы выходят за пределы уже сложившегося восприятия. Они требуют довольно длительного времени для того, чтобы ВС были подготовлены к эффективному противодействию. К особенностям асимметричного нападения относят и то обстоятельство, что противник не всегда может быть распознан и тем самым сохраняет возможность избежать возмездия. Поэтому стратегия устрашения не всегда срабатывает. В определении асимметричных боевых действий подчеркивается их отличительная черта: использование относительно небольших тактических сил и средств по принципу рычага, с целью непропорционального воздействия на уязвимые места противника. Главная цель — подорвать политическую волю США и достичь асимметричных стратегических целей. Таким образом, в асимметричных действиях выделяются два компонента: непропорциональный эффект от использования силы и психологическое воздействие на уровне принятия стратегических решений[4].

Конечно, асимметричные угрозы безопасности не являются для военных чем-то совершенно новым, они существовали и во времена противостояния с Советским Союзом. По американским данным, СССР готовил асимметричный удар с помощью бактериологического оружия (сибирская язва, оспа), а вовсе не делал главную ставку на разрушение военно-промышленного потенциала США с помощью ракетно-ядерного оружия[5].

Некоторые исследователи считают, концепция асимметричных угроз — это скорее фигура речи, которая призвана помочь в изучении различных проблем в сфере политики безопасности[6]. Действительно, для военной стратегии понятие асимметричности вполне знакомо. Оно соответствует такой угрозе или способу действий, которые неожиданны, необычны, застают врасплох противника. Эти идеи высказывались еще

---

[3] Например, гражданское население государств–союзников США, военные объекты США за рубежом и т. д.

[4] *McKenzie K.* The revenge of the Melians: asymmetric threats and the next QDR. McNair Paper 62. Washington: Institute for National Strategic Studies, 2000. P. 2.

[5] New challenges, new tools for defense decision-making. MR–1576 / Ed. by S. Johnson, G. Treverton, M. Libicki. Santa Monica: RAND, 2003. P. 35.

[6] *Lambakis S.* Reconsidering asymmetric warfare // Joint force quarterly. 2005. N 36. P. 102–103.

Сунь-Цзы и Карлом фон Клаузевицем. Искусство планирования асимметричных действий и составляет суть стратегии.

Представляется, что в современном дискурсе термин «асимметричная угроза» выполняет роль зонтичного понятия, которое позволяет объединить множество новых и достаточно неожиданных аспектов безопасности в единый комплекс. Полезность такого подхода показывает реформа всей системы обеспечения внутренней безопасности США после теракта 11 сентября 2001 г. Ее основное содержание состоит в том, чтобы создать единый механизм для нейтрализации и предупреждения угроз безопасности, соединив усилия самых разных ведомств — от гражданских до военных.

Рассуждения об асимметричных угрозах основаны не на сравнения мощи государств или других субъектов политики, а на концепции уязвимости. Применительно к современным США в этой связи обращают внимание на два фактора. Уязвимость порождается природой общества, особенностями его политического устройства, политическими, культурными и иными традициям. Для американцев важны законность политических действий и стремление защитить индивидуальные свободы своих граждан. В соответствии с принципом открытого общества США имеют достаточно прозрачные границы для иммигрантов, что ведет к развитию полиэтничной структуры общества, а также предоставляют широкий доступ к информации и технологиям. Открытость «общества возможностей» создает условия для атаки изнутри на инфраструктуры общества в целом и для вмешательства в частную жизнь. Другое условие уязвимости порождается политическим выбором. Исходя из того, что определенные угрозы по вполне объективным критериям считаются маловероятными, в процессе планирования политики безопасности они попадают в разряд низкоприоритетных задач. Но в условиях малой предсказуемости угроз общество может оказаться неготовым к их эффективной нейтрализации[7].

Если говорить о средствах, то в отношении к США наиболее угрожающим считается применение химического и бактериологического оружия из-за относительной простоты их получения и применения. Создание ядерного оружия требует более серьезного технологического обеспечения, оборудования, хранилищ, специальных материалов[8], а

---

[7] Ibid. P.103.

[8] *Hynes M.* Preventing terrorist use of nuclear weapons // Three years after: next steps in the war on terror. Conference proceedings / Ed. by D. Aaron. Santa Monica: RAND, 2005. P. 41–42.

эффективное применение — современных средств доставки, а также систем управления и связи.

Поэтому, несмотря на распространение ядерных материалов, количество государств, которые способны к его эффективному применению, останется относительно небольшим: США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Израиль. Прямое использование ядерных сил против ВС США или их территории считается маловероятным. Однако оно может быть использовано как средство информационной борьбы (в нелетальной форме) — в виде генератора мощного электромагнитного импульса, способного разрушить информационные системы на земле и повредить низкоорбитальные спутники военного и гражданского назначения[9].

Что касается более вероятных средств асимметричного нападения, то они представляют опасность в случаях его применения противником не на поле боя, а в глубине американской обороны или в специфических условиях, таких как горная местность. Например, по американским оценкам, при высадке американских экспедиционных сил наиболее уязвимы аэродромы. Распыление 5–10 литров аэрозоля сибирской язвы способно полностью «накрыть» аэродром и парализовать проводимую операцию. Для этого не обязательно иметь современное средство доставки (по сравнению с ядерным оружием), так как задача выполнима с помощью небольших подразделений специального назначения. Изготовление бактериологического оружия вполне возможно в условиях небольшой лаборатории. Кстати, в докладах ЦРУ отмечается, что технологии по созданию ОМП распространяются в основном из Китая и России, а наибольший интерес к ним проявляют Ливия, Сирия, Судан, Индия, Пакистан и Египет[10].

Хотя асимметричный удар может иметь самую неожиданную форму, все же ведущий эксперт Национального института стратегических исследований К. Макензи обозначает для США наиболее значимые угрозы такого типа (Таблица 1).

---

[9] *McKenzie K.* The revenge of the Melians... P. 26, 34–39.
[10] http//: www.cia.gov/cia/publications/bian/bian_jan_2002.html

Таблица 1. **Асимметричные угрозы безопасности США**[11]

Угроза	Опасность	Вероятность
Угроза ядерной или биологической атаки на территорию США	Высокая	Высокая
Использование информационного оружия на территории США	Умеренная	Высокая
Биологическая или химическая атака против американских союзников	Высокая	Высокая
Использование ОМП для нападения на инфраструктуры, обеспечивающие стратегическое развертывание (аэродромы, и т.д.)	Высокая	Высокая
Использование информационного оружия (включая электромагнитные импульсы) против ВС США в зоне их ответственности	Высокая	Умеренная
Вынужденный бой в условиях, которые нивелируют преимущества ВС США (бои в городах, затягивание боевых действий)	Высокая	Высокая
Действия без использования ОМП, которые препятствуют проведению операции	Умеренная	Высокая
Неожиданные тактические действия, приводящие в шок противника (гражданское населения в качестве «щита»)	Умеренная	Высокая
Химическая атака против территории США	Низкая	Умеренная
Неизвестная на данный момент угроза	Потенциально высокая	Высокая

Какие же тенденции просматриваются в дискуссиях о направлениях дальнейшего развития ВС США?

Стратегия и планирование операций. После событий 11 сентября 2001 г. борьба с терроризмом вошла в сферу стратегического планирования Пентагона. Это предполагает развитие возможностей по наблю-

[11] *McKenzie K.* The revenge of the Melians... P. 79.

дению за террористическими организациями и их лидерами, а также выявление физических целей для атаки, чтобы сдержать политические элиты других государств от поддержки террористов. Кроме того, в обязанности военного ведомства вменили более широкую задачу — обеспечение внутренней безопасности во взаимодействии с гражданскими структурами. В программах военного развития особое внимание уделяется защите информационных сетей, ориентации ВС на упреждающие действия, повышению качества разведки за счет улучшения межведомственного взаимодействия, сотрудничества со спецслужбами других стран и своевременного определения важнейших целей.

В США борьбу с международным терроризмом уже в первые после теракта дни предложили называть «войной», а не «контртерроризмом», так как она потребовала иного уровня мобилизации ресурсов общества. «Война» значительно облегчает легитимацию последующих действий политического руководства, которые связаны с нарушением международного права, с ограничениями гражданских свобод, с неизбежными жертвами.

Как отмечает Э. Кордесман, новый этап борьбы США против терроризма требует соблюдения ряда принципов, которые обеспечат успех. Прежде всего, это руководящая роль государства во внутриполитической и внешнеполитической сфере. Американское общество не должно пойти на поводу у средств массовой информации и опросов общественного мнения, а предпринимаемые военные акции должны быть ясно обоснованными. Борьба должна носить не эпизодический, а постоянный и настойчивый характер. Она подразумевает использование широкого спектра политических, экономических, военных, информационных кампаний.

Наносимые удары должны настигать тех, кто действительно виновен в совершении теракта. Однако трудно понять, на кого направить ответный удар в случаях, когда действуют силы спецназа, террористические группы или использованы крылатые ракеты. При этом следует учитывать политические последствия от каждой ответной атаки, проводимой США против террористов. Лицам, принимающим решения, необходимо также отдавать себе отчет в том, что постоянство усилий и стремление наносить адресные удары столкнутся с противодействующими факторами. Во-первых, пока не продемонстрирован решительный успех, американской дипломатии не удастся добиться выдачи лидеров террористов. Во-вторых, значимость Талибана и других режимов может ме-

няться, а противник исчезать и менять формы организации и тактику действий.

Наконец, вопрос об уничтожении террористов не столь однозначен. Разрушение физических объектов и бандитов не означает уничтожения корней терроризма. В отношении многих государств, на территории которых находятся террористы, нельзя будет использовать военную силу. Это американские союзники и страны, которые не поддерживают экстремистов, находящихся на их территории. Кстати, террористов, попавших в руки США, не рекомендуется выдавать международным судам, чтобы не допускать ситуации, когда показания спецслужб попадают на форум открытого обсуждения и вместо действия получаются длинные дебаты. Последние порождают образы мучеников и способствуют захвату террористами новых заложников[12].

Представители РЭНД-корпорэйшн и других аналитических организаций соглашаются, что борьба с международным терроризмом как глобальным явлением продлится не годы, а десятилетия. Стратегия борьбы с этим злом нашла отражение в документе «Национальная стратегия борьбы с терроризмом»[13]. В то же время аналитики отмечают, что на практике эта борьба все еще ведется не системным методом, а по принципу «Поймать или уничтожить». Таким способом искоренить терроризм не удается потому, что террористические организации, в том числе Аль-Каида, демонстрируют живучесть благодаря гибкости в выборе форм внутренней организации, в подборе и обучении исполнителей, в подготовке и методах проведения терактов, в информационной борьбе. После разгрома режима Талибан Аль-Каида в течение нескольких недель восстановила свои возможности, о чем свидетельствуют последовавшие теракты в Тунисе, Пакистане и затем в других странах.

Умение террористов быстро адаптироваться к ситуации, извлекать из нее выгоды показывает интервью Аль-Завахири, одного из заместителей Бен Ладена: «Мы благодарим Бога за то, что для нас разрешилась дилемма с Ираком и Афганистаном... Если американцы выведут войска, они потеряют все, если останутся, они будут продолжать истекать

---

[12] *Cordesman A.* A new U.S. strategy for counter-terrorism and asymmetric warfare. September 19, 2001. Washington: The Center for Strategic and International Studies, 2001. P. 3–5; New challenges. P. 62.

[13] National strategy for combating terrorism. February 2003. Washington: General Printing Office, 2003.

кровью»[14]. Затянувшаяся оккупация и военные действия в Ираке и Афганистане руководители террористических организаций успешно используют для того, чтобы доказать, что Ислам постоянно вынужден защищаться, что вооруженной борьбе против США и Запада в целом нет альтернативы. С другой стороны, американские военные силы отвлечены от непосредственной борьбы с Аль-Каидой.

Для успешной борьбы с терроризмом в глобальном масштабе политику безопасности рекомендуется планировать по следующим направлениям:

- Изоляция противника от той части населения, которая оказывает ему поддержку (обнаружение мест укрытия, ограничение свободы передвижения, лишение ресурсов и поддержки).
- Обнаружение и нейтрализация противника.
- Создание режима безопасности — от локального к региональному и далее к глобальному.
- Постоянная нейтрализация пропаганды противника с помощью информационной операции и привлечении гражданского населения для выполнения вышеперечисленных задач.
- Уничтожение фундаментальных причин терроризма, опираясь на межведомственное взаимодействие (госдепартамента, Министерства обороны, «разведывательного сообщества»), и создание эффективной и ответственной гражданской системы управления[15].

Стратегическое планирование военных операций ближайшего будущего сосредоточивается на охвате широкого спектра возможных задач в любом регионе мира, а не на планах, привязанных к предполагаемым крупнейшим театрам военных действий. В условиях малой предсказуемости угроз намечается отход от единого и жестко контролируемого сверху плана реагирования на них, а также отказ от ядерных сил как стержня, вокруг которого развиваются ВС.

Проблема асимметричных угроз нашла отражение в «Национальной стратегии безопасности США» от 2002 г., где впервые упреждающие действия (preemptive actions) получили доктринальный статус, — хотя

---

[14] *Pincus W.* Al-Qaeda releases tape preducing U.S. defeat // Washington Post. 10 September, 2004. P. 2; *Hoffman B.* Does our counter-terrorism strategy match the threat? CT 250-1. Testimony presented before the Committee on International Relations, Subcommittee on International Terrorism and Nonproliferation on September 29, 2005. Santa Monica: RAND, 2005. P. 2, 9.

[15] *Hoffman B.* Does our counter-terrorism strategy match the threat? P. 15.

такая практика существовала и ранее[16]. То есть меняется организационный принцип, который выстраивает определенным образом инструменты достижения целей внешней политики. Многие склонны видеть военную интервенцию США против Ирака в 2003 г. первым воплощением доктрины Дж. Буша-младшего. В стратегии говорится, что упреждающие действия не сводятся к военно-силовым, а включают дополнительно широкий спектр невоенных мероприятий. Поэтому концепция превентивных действий якобы не должна рассматриваться другими государствами как прелюдия к последующей агрессии[17]. Однако в тексте этого документа не дано четких критериев, когда и в какой форме будут использоваться упреждающие действия, какие факторы политическое руководство будет принимать во внимание в процессе принятия решений.

Не случайно бурные дискуссии в американском экспертном сообществе, которые вышли за пределы узких военных и политических кругов, вызывает проблема, как отличать превентивную (preventive) войну от упреждающих (preemptive) действий, и не получится ли так, что новая стратегия на практике послужит легализации превентивных войн США. Если превентивная война ведется в ситуациях, когда проблема еще не несет серьезной угрозы, то упреждающие действия, согласно стратегии президента Дж. Буша-младшего, должны опираться на оценку спецслужб о *неминуемом* характере угрозы. Но если нападение действительно неминуемо, противник позаботится о том, чтобы заранее обезопасить себя от упреждающих действий невоенного характера. Тогда на практике «упреждение», скорее всего, сведется к военной составляющей, т. е. к превентивной войне.

В комментариях к «Национальной стратегии безопасности США» встречается и другое понимание терминов «превентивный» и «упреждающий». Б. Беннет считает, что к превентивным действиям относятся убеждение и меры контроля над вооружениями, а упреждение состоит в уничтожении угрозы до того, как она будет практически реализована. В этом смысле термин «упреждение» близок по значению к термину «ата-

---

[16] Например, бомбардировка ливийских военных объектов Соединенными Штатами в 1986 г. и ядерного реактора в Ираке Израилем в 1981 г.

[17] The national security strategy of the United States of America. Washington: GPO, September, 2002. P. 15–16.

ка»[18]. На наш взгляд, именно такой трактовки термина политическое руководство США придерживается на практике.

К этой полемике следует добавить, что американские эксперты не исключают использование Соединенными Штатами ядерного оружия для превентивного удара. Однако этот вариант, озвученный официальными лицами, в значительной мере служит задаче устрашения вероятного противника, чем руководством к практическому действию.

Что касается целей для превентивных военных ударов, эксперты Института национальных стратегических исследований США разъясняют, что ими являются: компоненты оружия; склады; пусковые установки и другие средства доставки; ВС враждебного государства или боевики террористических организаций, которые способны использовать ОМП; командные пункты и системы управления; политические руководители государств и лидеры организаций. При этом местом действия могут стать не только враждебные и «несостоявшиеся государства», но также территории, имеющие статус международных (например, моря, где действуют террористы)[19]. Военные операции против террористов, проводимые на территории других государств, могут проводиться без согласия этих государств[20].

В процессе принятия решения об упреждающих действиях (в том числе превентивных ударов) в расчет берутся не доказанные факты появления новых видов, скажем, биологического оружия, а предположение об их существовании. Они делаются на основе анализа стратегий противника, особенностей его политического, технологического и культурного развития. В фокусе внимания оказываются в основном «несостоявшиеся» (failed) и враждебные государства. Опора на предположения в немалой степени связана с тем, что доказательство новой угрозы фактами может потребовать у спецслужб США нескольких лет, что считается недопустимым с точки зрения обеспечения национальной безопасности[21]. По американским данным, в настоящее время в 68 странах мира уже созданы ячейки Аль-Каиды[22].

---

[18] *Bennett B.* Responding to asymmetric threats // New challenges. P. 60–61.

[19] *Bunn E.* Preemptive action: when, how, and to what effect? // Strategic forum. Institute for National Strategic Studies, National Defense University. 2003. N 200. P. 3–5.

[20] *McMillan J.* Apocalyptic terrorism: the case for preventive action // Strategic forum. Institute for National Strategic Studies, National Defense University. 2004. N 212. P. 1.

[21] New challenges. P. 59–60.

[22] *Chubin S., Green J.* Terrorism and asymmetric conflict in Southwest Asia. Santa Monica: RAND, 2002. P. 4

Как считают специалисты, планирование подобных операций должно учитывать высокую вероятность применения противником химического и бактериологического оружия, несмотря на международные соглашения по его запрету. С одной стороны, этим оружием могут воспользоваться террористы и другие негосударственные субъекты политики, с другой — враждебные государства, не имеющие шансов на победу в обычной войне против США. К ним относят Иран, Северную Корею, а в перспективе к ним могут присоединить Ливию и Сирию[23].

Особое место отводится превентивным ударам по целям, находящимся на территории других государств. Из-за больших косвенных потерь они обычно планируются как ответные на применение ОМП[24]. Делается упор на применение удаленных средств огневого поражения. В первой фазе боевых действий небольшие легковооруженные подразделения должны выявлять местоположение хранилищ и систем ОМП противника и дать целеуказание для нанесения ударов. Лишь после того как ситуация будет взята под контроль, в дело вводятся основные силы для захвата территории[25]. Однако опыт операций в Афганистане и Ираке в 2001–2005 гг. внес свои коррективы в подобные планы.

В ходе оккупации Ирака проявился новый тип военного конфликта, своего рода гибрид партизанской и террористической войн, который американские эксперты относят к четвертому поколению войн[26]. Для последних характерны асимметричные действия. Американское командование не в состоянии найти эффективные меры, чтобы снизить рост числа нападений иракцев на оккупационные войска. В то же время очень сложно регламентировать масштаб ответных силовых действий и учесть их политические последствия. Руководство повстанческими боевыми отрядами не имеет единого центра, а проводится по сетевому принципу. В таком случае ликвидация любого из очагов сопротивления

---

[23] *Bunn E.* Preemptive action... P. 3.

[24] New challenges. P. 52.

[25] *Treverton G., Bennett B.* Integrating counterproliferation into defense planning. Defense Issues-CF-132. Santa Monica: RAND, 1997; *Gompert D., Lachow I.* Transforming U.S. forces: lessons from the wider revolution. Issue Paper-193. Santa Monica: RAND, 2000.

[26] *Hammes T.* Insurgency: modern warfare evolves into a fourth generation // Strategic forum. Institute for National Strategic Studies, National Defense University. 2005. N 214. P. 1. — Первое поколение — массовые армии (войны Наполеона), второе связано с массовым использованием огнестрельного оружия (Первая мировая война), третье поколение — «война моторов» (Вторая мировая война), четвертое поколение — нетрадиционные повстанческие войны (США и Вьетнам, СССР и Афганистан, Россия и Чечня, Палестина и Израиль).

не приводит к победе. Кроме военных нападений проводятся акции террора, в которых гибнут и американские солдаты, и иракское население. Теракты направлены уже не столько на освобождение Ирака, сколько на превращение его в новый Афганистан. В определенных условиях повстанцы способны за счет мобилизации политической воли победить превосходящую военную и экономическую мощь противника. Немаловажно и то, что США ориентированы на короткие войны, а войны четвертого поколения способны продолжаться долго.

Сам характер войн четвертого поколения скорее политический, чем военный. Повстанческие движения объединяют идеи, а не военные задачи. В Афганистане режим Талибан вместо прямого столкновения с войсками США направил усилия на то, чтобы доказать нелегитимность проамериканского президента Хамида Карзая. В Ираке атакам подверглись объекты нефтяной промышленности, прибыли которых контролируют американские компании. Цель нападений — ослабить власть и нанести политический и экономический ущерб США. К особенностям войн четвертого поколения относят попытки оказать влияние непосредственно на лиц, принимающих решения, не сосредоточиваясь на полном разрушении военного и экономического потенциала противника. Придается важное значение средствам массовой информации, которые освещают ход событий. СМИ способны тактическому действию придать стратегический вес[27].

При планировании операций четвертого поколения сложно регламентировать масштаб использования военной силы и учесть политические последствия. Здесь от привычных для военных способов ведения войны остается мало: размывается различие между мирными жителями и солдатами; нет места дипломатии; исчезают критерии пропорционального применения силы. Не случайно традиционные военные действия стали играть относительно меньшую роль, уступив место миротворчеству, принуждению к миру и специальным операциям[28]. Во время операции в Афганистане, направленной на разгром режима Талибан, США не удалось избежать больших потерь среди мирного населения, хотя противник был значительно слабее и не обладал ОМП[29].

---

[27] Ibid. P. 3, 6.

[28] *Kaldor M.* New and old wars: organized violence in a global era. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 7–9; *Wijk R.*, de. The limits of military power // The Washington quarterly. 2002. Vol. 25. N 1. P. 80–81.

[29] *Chubin S., Green J.* Terrorism and asymmetric conflict... P. 3.

Опыт этой кампании показал, что успех военной фазы был обеспечен в значительной мере за счет применения сетевого принципа в управлении боевыми действиями, а также сочетания возможностей космической разведки, авиации, подразделений специальных операций ВС США, сотрудников отдела специальных операций ЦРУ, а также руководимой ими афганской милиции. Другие уроки состоят в том, что необходимо повышать индивидуальную подготовку военного персонала (общевойсковая подготовка, работа с техникой, знание языков, интеллектуальный и физический потенциал), улучшать мобильность войск и темпы их развертывания. Сухопутным частям следует перенимать у морской пехоты принципы организации, обучения и логистики, которые позволяли совершать продолжительные марши сразу после высадки[30].

По мнению американских экспертов, чтобы побеждать в войнах четвертого поколения, нужно не просто умение воевать, а необходима реформа управления механизмом внешней политики США. Внешнеполитические ведомства в их нынешнем виде не способны действовать достаточно эффективно. Не только боевые действия против террористов, но и усилия по линии госдепартамента, министерства обороны, разведки и законодательного обеспечения следует организовать по сетевому принципу. Это означает и радикальные изменения в подготовке многих категорий правительственных чиновников, имеющих отношение к обеспечению безопасности. Они должны работать не как часть управленческой иерархии, которая усложняется ведомственной принадлежностью чиновников, а как единая команда, способная к межведомственному взаимодействию, к работе в мирное и военное время, имеющая как высокую самостоятельность в принятии решений, так и ответственность за их последствия.

Развитие ВС США. Согласно исследованиям РЭНД-корпорэйшн, военное строительство должно учитывать три связанные между собой концепции, которые призваны учитывать проблему асимметричных угроз.

Во-первых, снижать уязвимость от неожиданных атак за счет общей высокой боеспособности, повышения защищенности территории США, а также мер стратегического сдерживания потенциального противника.

---

[30] *O'Hanlon M.* The Afgani war: a flawed masterpiece // The use of force: military power and international politics. The sixth edition / Ed. by R. Art, K. Waltz. New York: Rowman & Littlefield Pub., 2004. P. 277–279; Statement of Dr. Bruce Hoffman. P. 1–2; *Chubin S., Green J.* Terrorism and asymmetric conflict.... P. 2–3.

К важным направлениям деятельности относят улучшение системы гражданской обороны через взаимодействия министерства обороны с подразделениями Национальной гвардии, Резерва, государственных и муниципальных учреждений. Основная задача — быстрая ликвидация последствий от неожиданного нападения.

Во-вторых, совершенствовать имеющиеся преимущества ВС США и специальные возможности. Не нужно слишком увлекаться и переоценивать значимость асимметричных угроз. Следует продолжать реформу, основные контуры которой намечены во «Взгляде-2010» (Joint Vision 2010) и других документах. Способ ведения боевых действий, на которые ориентированы американские войска, сам по себе асимметричный по отношению к любому потенциальному противнику: маневр, скоротечность боевых действий, быстрое завоевание превосходства на поле боя. Для своевременного распознавания асимметричной угрозы требуется перестроить систему сбора и анализа информации «разведывательным сообществом» в пользу агентурной работы и широкого обмена данными с союзниками. Весьма актуально создание эффективных систем противоракетной обороны ограниченного действия, предназначенных для прикрытия аэродромов, морских портов, военных баз, объектов жизнеобеспечения.

В-третьих, надо уметь нейтрализовать эффект непропорционального воздействия, на который рассчитывает потенциальный противник. Необходимо разъяснять цели и задачи внешней политики США, чтобы добиваться среди граждан широкой поддержки политики правительства и оправдания возможных жертв[31].

Внимание к асимметричным угрозам приводит многих специалистов к отказу от прежних принципов оценки военного баланса. Они предполагали прямое противоборство армий и были основаны на количественном сравнении ВС: число танков, артиллерии, авиации и т. д. Ставка на контрсиловые сравнения вызывала недооценку такого фактора, как уязвимость. Именно она является ключевой составляющей асимметричной угрозы[32].

Опыт интервенции в Ираке поставил перед министерством обороны вопрос о том, как организовать ликвидацию ОМП на территории противника. Хотя данная задача выполнялась впервые в ходе боевых дейст-

---

[31] *McKenzie K. The revenge of the Melians... P. 85–90.*
[32] New challenges. P. 36.

вий, специалисты Центра по изучению оружия массового поражения[33] при Университете национальной обороны США считают, что она должна рассматриваться как регулярная, а не эпизодическая. Это означает разработку доктрин, планов операций, обучение персонала. Под ликвидацией ОМП предлагают понимать не просто уничтожение самого оружия, но и всякую перспективу его появления у противника: «Деятельность, необходимую, чтобы достичь систематического контроля, устранения или разрушения организационных возможностей враждебного государства изучать, создавать, тестировать, производить, хранить, развертывать ядерное, химическое, биологическое, радиологическое оружие»[34]. Для ликвидации ОМП предлагается создать инфраструктуры командования и управления, она должна стать частью военной кампании, охватывая период от предвоенной подготовки до послевоенного переустройства.

В случае с Ираком для поиска ОМП были задействованы небольшие специальные подразделения, набранные из гражданских и военных специалистов самых разных ведомств. Они были приданы 75-й бригаде полевой артиллерии, чья тяжелая техника задерживалась с выгрузкой у берегов Турции. Обучение методам и тактике поиска ОМП началась на рубеже 2002–2003 гг., т. е. всего за несколько месяцев до вторжения[35].

В США многие считают, что имеющиеся сегодня в армии средства защиты от химического и биологического нападения недостаточны, что создает высокие риски на потенциальном театре военных действий. Личный состав слабо обучен действиям в условиях применения этого оружия. Повышению уровню подготовки препятствуют и доктринальные установки Пентагона, согласно которым предполагается только краткосрочное воздействие указанных факторов. В целом они по-прежнему ориентированы на симметричный ответ эпохи «холодной войны».

В планах военного строительства США — дальнейшее внедрение информационных технологий, чтобы обеспечить упреждающие и защитные действия. В министерстве обороны создают специальное подразделение для защиты компьютерных сетей (Joint Task Force on

---

[33] Создан в 1994 г. на базе Центра по изучению нераспространения (The Center for Counterproliferation Research).

[34] *Hersman R., Koca T.* Eliminating adversary WMD: lessons for future conflicts // Strategic forum. October 2004. N 211. P. 4.

[35] Ibid. P. 2.

ответственность за решения и даже защиту от вышестоящей военной бюрократии[39]. Думается, эти идеи об управлении действиями антитеррористических подразделений в кризисных ситуациях чрезвычайно актуальны и для России.

В заключение хотелось бы отметить, что нейтрализация асимметричных угроз — не единственная проблема для военных. С одной стороны, перед ними стоят неотложные задачи традиционного характера, которые требуют и времени на реализацию, и значительного вложения финансов. Одним из слабых мест ВС США считаются недостаточные темпы развертывания на театре военных действий. Сегодня для развертывания полнокровного корпуса из пяти дивизий в регионе Северо-Восточной или Юго-Западной Азии требуется более трех месяцев. Из важнейших технических проектов не закончены работы по созданию легкого танка и средств для обнаружения и защиты от мин сухопутных сил и морской пехоты[40]. С другой стороны, военно-политическая ситуация складывается не лучшим образом. Очевидно, что США увязли в Ираке и Афганистане, а вывести войска без потери политического лица в арабском мире не удастся. Сохраняется напряженная обстановка вокруг Северной Кореи и Ирана. Вашингтон вряд ли рискнет начать еще один серьезный военный конфликт. Второй момент связан с тем, что американские войска, находящиеся за рубежом, далеко не всегда надежно защищены от внезапного нападения.

[39] *Gompert D., Lachow I.* Transforming U.S. forces.
[40] *O'Hanlon M.* Technological change and the future of warfare. P. 177–179.

Д.С. Коршунов

ВОЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА И КОНГРЕССА США В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

В условиях активизации внешней политики США после событий 11 сентября 2001 г. остро встал вопрос о военных полномочиях законодательной и исполнительной власти. Со времен Вьетнамской войны он становился камнем преткновения во взаимоотношениях президента и конгресса по поводу участия вооруженных сил США в событиях за рубежом и был причиной серьезных внутриполитических конфликтов. Прежде чем обратиться к событиям после 11 сентября, необходимо рассмотреть, как регулируются военные полномочия и каковы особенности этого механизма, продиктованные политической практикой.

Общую законодательную базу для решения вопроса о прерогативах в области военной политики составляют конституция США и Закон о военных полномочиях 1973 г.

Четкие границы военных полномочий исполнительной и законодательной власти не определяются Основным законом США. По конституции (ст. I, раздел 8, пункты 11, 12, 13) конгресс обладает правом объявлять войну и содержать армию и флот. Но президент управляет военными действиями как главнокомандующий (ст. II, раздел 2). Согласно толкованию американской конституции, внешнеполитические полномочия федеральной власти носят экстраконституционный характер, поскольку они не были делегированы отдельными штатами. Поэтому внешнеполитические полномочия выводятся из «духа» конституции как «предполагаемые».

Советские исследователи А.А. Мишин и В.А. Власихин дали следующий комментарий: «При буквальном прочтении конституции может сложиться мнение, что она рассматривает президента, прежде всего, как исполнителя внешней политики, а не как ее инициатора, однако это резко противоречило действительному положению вещей уже в первые годы существования США»[1].

Постепенному усилению военных полномочий исполнительной власти способствовала политическая традиция, согласно которой президент США становился в полном смысле слова лидером нации в кризисные

---

[1] *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США: политико-правовой комментарий. М., 1985. С. 63.

моменты жизни государства. В.В. Согрин описывает это так: «Полномочия президента расширяются, как правило, в кризисные эпохи, а в посткризисные законодательная власть брала реванш, пытаясь, и не без успеха, восстановить пошатнувшееся равновесие двух ветвей власти»[2]. Американские исследователи Р. Дэвидсон и У. Олежек придерживаются аналогичной позиции[3].

В конституционном праве США начало войны без согласия конгресса (так называемые президентские войны) оправдывается путем расширенного толкования полномочий президента как главнокомандующего. Еще в XIX в. была признана правомерной практика президента посылать вооруженные силы «для защиты жизни и собственности американских граждан за границей», для чего не требовалось согласия конгресса[4].

Не разграничивая четко привилегии президента и конгресса, американская конституция обеспечила возможность конституционной борьбы между ветвями власти. В результате право на преимущественную трактовку Основного закона США получила та власть, которая в конкретно-исторических условиях смогла обеспечить себе лидирующие позиции в разрешении вопросов внешней и военной политики. Как пишет Р.А. Иванов: «Ход исторического развития привел к созданию государственного механизма, который и не снился отцам-основателям, а сам текст конституции был в значительной мере наполнен новым смыслом»[5].

Активное участие США в международных договорах и военных блоках, наблюдаемое со второй половины XX в., сопровождалось изменениями во взаимоотношениях властей и привело к дальнейшему падению роли конгресса во внешнеполитической сфере. Американские исследователи описывают это следующим образом: «После того как конгресс согласился с существованием баз на заморских территориях, выделил ассигнования на вооружения и одобрил союзные структуры, не-

---

[2] *Согрин В.В.* Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 22.

[3] *Davidson R., Oleszek W.* Congress and its Members. 4th ed. Washington: CQPress, 1990. P. 415, 424.

[4] *Ныпорко Ю.И.* Конституционный механизм взаимодействия президента и конгресса США в области внешней политики: Автореф. канд. дис. Киев, 1978. С. 14.

[5] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. Возможности и методы влияния (1970–1980 гг.). М., 1982. С. 84.

обходимые для осуществления военной политики за пределами США, у себя дома он сохранил право только реагировать на ход событий»[6].

В 1950-е гг. в практике конгресса появляется новая форма делегирования военных полномочий президенту — «региональные резолюции поддержки», которые давали право использования вооруженных сил по усмотрению президента на конкретном театре военных действий. Эта практика, по мнению Ю.А. Иванова, также вела к уменьшению военных полномочий конгресса. Подобными резолюциями конгресс, в сущности, делегировал президенту военные полномочия самой законодательной ветви власти, что не предусмотрено конституцией[7]. После завершения Второй мировой войны и образования военных блоков с участием США исполнительная власть получила юридическую возможность вести войны без согласия конгресса в случае нападения на союзников по НАТО[8]. Эту практику не изменил и Закон о военных полномочиях (ЗВП), который сознательно выводил из-под своей юрисдикции мероприятия в рамках ООН и военных блоков с участием США[9].

Вошедший в силу в 1974 г. после преодоления «вето» президента Р. Никсона, ЗВП был своеобразной ответной реакцией конгресса на усиление президентской власти в области внешней и военной политики. Последнее обстоятельство стало особенно заметно во второй половине XX в. Закон подтверждает право конгресса объявлять войну, закрепленное в Конституции. По его условиям президент как главнокомандующий может начать военные действия в строго установленных случаях: когда конгресс объявляет войну; в силу специальных полномочий, предоставляемых президенту конгрессом; при возникновении чрезвычайных обстоятельств; в случае «нападения на территорию, владения или вооруженные силы США» (ст. 2 ЗВП).

Президент обязан информировать конгресс о начале и ведении боевых действий, а также регулярно проводить с ним консультации на этот счет (ст. 3 ЗВП). Кроме того, закон наделяет конгресс возможностью оказать самое непосредственное влияние на военную политику прези-

---

[6] Разделенная демократия. Сотрудничество и конфликт между президентом и конгрессом / Пер. с англ.; Под общ. ред. Дж. Тарбера. М., 1994. С. 229.

[7] См.: *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 12; *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США. С. 81.

[8] *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США. С. 91.

[9] The War Powers Act of 1973: Joint Resolution Concerning the war powers of Congress and the President. Public Law 93-148. 93rd Congress, H.J. Res. 542. November 7, 1973.The War Powers Act of 1973. Sec. 8 (b).

дента посредством установления жестких временных границ для прекращения военной акции (60–90 дней), если не последует специальных действий законодательной власти: объявление войны, выдача полномочий на использование военной силы или продление уже санкционированных действий[10].

В современных условиях конгресс вряд ли может воспользоваться даже теми формальными средствами ограничения президентской политики, которые ему предоставляет ЗВП. По условиям закона решение о прекращении военных действий принимается конгрессом на основе совпадающей резолюции (обе палаты — простым большинством), которая не подвержена президентскому вето. Это достаточно эффективная статья ЗВП. Но даже в таком случае, если стороны не будут затягивать все процедуры, для принятия резолюции потребуется около 48 дней[11]. Но с точки зрения американской конституции положение о совпадающей резолюции является одним из случаев законодательного вето. Поскольку 23 июня 1983 г. Верховный суд США вынес постановление о том, что использование законодательного вето конгрессом противоречит конституции, данное положение ЗВП утратило силу[12].

В большинстве своем исследователи расценивают ЗВП как неудачную попытку конгресса отстоять свои прерогативы в области внешней политики. Так, Ю.И. Ныпорко полагает, что юридическая неопределенность ряда положений закона делает весьма сомнительной способность конгресса осуществлять на деле право объявления войны и эффективно контролировать использование президентом вооруженных сил. Например, ЗВП допускает использование президентом вооруженных сил без объявления войны конгрессом в нескольких случаях: при непосредственном вовлечении вооруженных сил США в конфликт; когда такие действия президента диктуются конкретной обстановкой; когда вооруженные силы США предназначены для ведения военных действий на территории иностранного государства и уже находятся там.

Контроль конгресса в этих случаях сводится к получению сообщений о военных действиях, которые предоставляет президент. Подобные военные действия ограничиваются 60 днями (максимум 90 — ст. 5 ЗВП). Установление ЗВП срока в 60 дней не является эффективным. С

---

[10] The War Powers Act of 1973 ... Sec. 5 (b).

[11] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 23.

[12] *Иванов Ю.А., Герасев М.И., Савельев В.А.* Конгресс США и проблемы внешней и военной политики. М., 1989. С. 70.

точки зрения Ю.А. Иванова, «в первые несколько недель после начала военных действий страну охватывают шовинистические настроения. Президент, в руках которого находятся бразды правления и который контролирует СМИ, не только легко может преодолеть сопротивление конгресса, если таковое будет, но, скорее всего, с ним даже не столкнется. Таким образом, установленный ЗВП лимит в 60 дней превращается просто в предельный срок, в течение которого конгресс вынужден будет просто одобрить действия президента»[13].

Определение 60-дневного срока хотя и было логичным с учетом медлительности конгресса, оказалось чрезвычайно трудно реализуемым на практике. Согласно рассуждениям Ю.И. Иванова, во-первых, в кризисной ситуации конгрессу вряд ли удастся просто отмолчаться. Во-вторых, в условиях кризиса пассивность законодателей может только оправдать активность исполнительной власти. В-третьих, существует вероятность того, что на 61-й день американские вооруженные силы могут просто не выполнить действия конгресса, поскольку будут подвергнуты угрозе уничтожения[14]. В случае неудачного развития боевых действий или их затягивания конгресс оказывается перед нелегкой задачей: неодобрение действий президента в такой ситуации будет означать провал внешней политики всего государства и вызовет нежелательный международный резонанс.

Таким образом, несмотря на принятие ЗВП, роль президента во внешней и военной политике остается определяющей. Как отмечают отечественные исследователи, «с одной стороны, были введены "грозные", но, в сущности, символические ограничения, с другой — оставлено множество лазеек, усиливающих полномочия президента»[15]. Однако преимущество для исполнительной власти заключается еще и в том, что ЗВП не подвергает сомнению конституционные прерогативы президента[16]. Это означает, что исполнительная власть, как и прежде, может основывать свои внешнеполитические мероприятия на тех полномочиях, которые она выводит из расширенной трактовки Конституции. Не случайно исполнительная власть с момента вступления в силу закона постоянно пыталась освободиться даже от тех немногих ограничений, ко-

---

[13] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 21.

[14] Там же. С. 22.

[15] *Борисюк В.И., Джапаридзе Т.З., Забиюк Н.Г.* Политические институты США: история и современность. М., 1988. С. 110.

[16] The War Powers Act of 1973 ... Sec. 8 (d) (1).

торые накладывает ЗВП[17]. История применения ЗВП показывает, что он не стал эффективным орудием в борьбе законодательной власти за прерогативы в области военной политики.

С другой стороны, сам факт принятия закона, направленного на ограничение роли исполнительной власти в военной политике, имеет особое значение в противостоянии конгресса и президента в США. А.А. Кокошин характеризует это следующим образом: «Если в конституционном плане конгресс практически ничего не добился в отношении ограничения ряда важных полномочий президента, то в области реальной политики достижения более значительны»[18]. Ю.А. Иванов, несмотря на скептическую оценку ЗВП, признал, что данный акт резервирует за конгрессом «некоторые возможности воздействия после начала конфликта. В определенной политической ситуации конгресс, возможно, попытается использовать предоставленные по ЗВП права»[19].

На уровне реальной политики рост влияния конгресса благодаря принятию ЗВП выглядел следующим образом. Анализируя борьбу между президентом и конгрессом в период обсуждения и принятия акта о военных полномочиях, А.А. Сергунин пишет, что «правительственные лоббисты не смогли предотвратить принятия Капитолием законодательных мер, направленных на некоторое ограничение прав главы государства в данной области»[20]. Именно тот факт, что конгресс добился принятия закона, несмотря на противодействие администрации, позволяет говорить о приобретении им определенной степени влияния на внешнеполитические вопросы. Но на практике исполнительная власть была удачлива «в саботировании принятых конгрессом законов», благодаря чему «реальный баланс сил в области военной политики в целом по-прежнему склонялся в сторону президентской власти»[21]. То есть в конкретно-исторических ситуациях президент одерживал верх над конгрессом в области военных полномочий.

И все же исполнительная власть учла, что законодатели в принципе могут пойти на решительные меры с целью отстоять свои права в проведении внешней политики. По этому поводу В.А. Савельев писал: «К

---

[17] Ibid. P. 19.

[18] *Кокошин А.А.* США: за фасадом глобальной политики: внутренние факторы формирования американского империализма на пороге 80-х гг. М., 1981. С. 327.

[19] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 29.

[20] *Сергунин А.А.* США: аппарат президента по связи с конгрессом и внешняя политика. Н. Новгород, 1990. С. 159.

[21] Там же. 159.

середине 70-х гг. во взаимоотношениях президента и конгресса обнаружились серьезные перемены. Если в недавнем прошлом для Белого дома было характерным стремление "обойти" Капитолий, оттеснив его на второй план в формировании внешней политики, то отныне зазвучали заявления о необходимости перейти от борьбы с законодателями к сотрудничеству с ними, к "согласованной двухпартийной внешней политике"»[22].

С 1970-х гг. деятельность конгресса во внешней политике отличается относительно большей активностью и независимостью. В этом отношении сходны оценки советских и американских исследователей. Авторы «Механизма формирования внешней политики США» подчеркивают, что, «в отличие от прошлого, члены конгресса стремятся обеспечить себе долгосрочный, часто почти неоспоримый, даже со стороны президента, контроль над важными аспектами внешней политики»[23]. Американские ученые Р. Дэвидсон и У. Олежек расценивают ЗВП как «напоминание о чрезвычайной необходимости заручиться поддержкой, если не согласием конгресса, для военного вмешательства»[24].

Следует учитывать, что даже в случае успешного применения законодательных мер конгресс не всегда может добиться желаемого результата. Согласно Основному закону США, конгресс обладает не законодательной властью вообще, а всеми «установленными конституцией» законодательными полномочиями[25]. На такой трактовке делают акцент А.А. Мишин и В.А. Власихин: «Конгресс наделен ограниченными полномочиями (любой акт конгресса не имеет юридической силы, если на его принятие в Конституции нет положительных полномочий)[26]. Следовательно, законодательные меры, которые конгресс может принять для утверждения своей внешнеполитической роли, должны соответствовать критерию конституционности. Исполнительная же власть никогда не признавала конституционность всех положений ЗВП. Последнее характерно и для администрации Дж. Буша-младшего.

Проблему принятия решений об использовании силы усугубила политическая практика конца XX в. Фактически у конгресса появились

---

[22] *Савельев В.А.* Кризис законодательной власти. М., 1986. С. 177.

[23] Механизм формирования внешней политики США / Отв. ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесый. М., 1986. С. 67.

[24] *Davidson R., Oleszek W.* Congress and Its Members. P. 428.

[25] U.S. Constitution: Article 1, Section 1 // www.law.cornell.edu/constitution/ constitution. articlei.html#section10

[26] *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США. С. 23.

конкуренты в сфере выдачи полномочий на использование военной силы. Так, Б. Клинтон дважды полагался на НАТО в этой связи: в Боснии в 1994–1995 гг., и в Косово. В обоих случаях он не обращался за полномочиями в конгресс[27]. Решение использовать авиаудары против сербов было принято в ответ на резолюции СБ ООН и осуществлялось военным командованием НАТО. Л. Фишер в этой связи красноречиво заявлял, что президенту «понадобилось согласие Англии, Франции, Италии и других союзников по НАТО, но не согласие конгресса»[28].

В 1995 г. Б. Клинтон приказал разместить в Боснии 20 тыс. американских солдат без соответствующего разрешения конгресса. Когда президент США не получил одобрения ООН на вооруженные акции, он воспользовался членством в НАТО. Так было принято решение о начале войны в Югославии. «Решение пойти на войну против другой страны было в руках одного человека», т. е. случилось «именно то, что, как думали отцы-основатели, они предотвратили»[29].

В 1993, 1996 и 1998 гг. Б. Клинтон приказывал начинать военные операции против Ирака. Основанием здесь послужили полномочия, выданные конгрессом 14 января 1991 г. Администрация придерживалась точки зрения, согласно которой законодатели этой акцией санкционировали будущие военные операции, полномочия на осуществление которых выдала ООН. По Л. Фишеру, это могло означать: 1) делегирование полномочий на неопределенный срок, 2) отказ конгресса от своих прерогатив в пользу международного органа[30].

Такие выводы основываются на интерпретации резолюции 678, которая уполномочила государства–члены ООН «использовать все необходимые средства для поддержки и выполнения резолюции 678 и последующих релевантных резолюций, а также для установления международного мира и безопасности на территории»[31]. Традиционное прочтение резолюции конгресса 1991 г. предполагает, что под формулу «последующие релевантные резолюции» подпадают резолюции с 660 по 678. Целью было вытеснение Ирака из Кувейта. У Дж. Буша не было

---

[27] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism [Electronic resource]: Hearing before the Subcommittee on the Constitution, Federalism and Property Rights of the Committee of Judiciary. U.S. Senate. 107th Congress. 2nd Session. April 17, 2002 // frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=107_senate_hearings&docid=f:85888.wais.

[28] Ibid.

[29] Ibid.

[30] Ibid.

[31] Ibid.

полномочий посылать наземные войска в районы севернее Багдада в попытке отстранить С. Хусейна от власти. Такая операция не только превысила бы его полномочия, но и спровоцировала бы раскол в рядах союзников.

Расширенное прочтение приводит к заключению, что конгресс 14 января 1991 г. передал свои конституционные прерогативы СБ ООН, и будущие пределы американского военного участия определяются резолюциями ООН, а не статутами конгресса. Тогда, по мнению Л. Фишера, любое решение СБ ООН будет «принуждать конгресс голосовать за необходимые ассигнования на покрытие расходов от дополнительных военных акций»[32]. Таким образом, под угрозой оказывалась и такая важнейшая для конгресса прерогатива, как «власть кошелька».

Помимо законодательных существуют институциональные рамки, которые способствуют усилению ведущей роли исполнительной власти в сфере военных полномочий и во внешней политике в целом. Политологи говорят о критериях так называемой хорошей государственной политики. Ее характеристиками являются: информационная обеспеченность; своевременность; слаженность (сопряженность с другими политическими задачами); эффективность; соответствие интересам большинства избирателей[33].

Попытаемся сравнить возможности президента и конгресса по указанным критериям. Президент США гораздо больше осведомлен в сфере внешней и военной политики, чем конгресс. Президент получает самую полную информацию от своего исполнительного аппарата, в том числе и секретную, которую в государственных интересах можно не сообщать конгрессу. Это дает президенту возможность играть решающую роль в формулировании и принятии решений по многим вопросам внешней и военной политики[34]. Контроль над информацией сосредоточен в руках президента. Согласно прогнозам, такое положение не будет изменено в силу специфики внешнеполитической деятельности[35].

Несравнимы возможности конгресса и президента в области обработки информации. На исполнительную власть работают тысячи специалистов госдепартамента, штата Совета национальной безопасности,

---

[32] Ibid.

[33] Разделенная демократия. С. 134.

[34] См. напр.: *Ныпорко Ю.И.* Конституционный механизм взаимодействия президента и конгресса США в области внешней политики. Автореф. канд. дис. Киев, 1978. С. 15; *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 98.

[35] Там же. С. 102.

системы спецслужб, министерства обороны, а на законодательную — только чиновники соответствующих комитетов и Исследовательская служба конгресса. В итоге, как отмечает Ю.А. Иванов: «Неполучение или незнание соответствующей информации служит для членов конгресса достаточным основанием для возложения всей ответственности за внешнюю политику на президента»[36].

Что касается своевременности, то очевидно, что законодательные органы могут лишь побуждать других к действию, но сами не способны действовать столь же оперативно, как исполнительные[37]. По словам Л. Джонсона, «без постоянного внимания со стороны администрации бóльшая часть законодательства движется через конгресс со скоростью ледника»[38].

Что касается критерия эффективности, то, согласно мнению американских экспертов, «законодатели более склонны ориентироваться на сам процесс принятия политического решения, нежели на его сущность. Они, скорее, желают просто достижения соглашения с президентом, нежели слаженности политики»[39]. Законодательные органы более склоняются к краткосрочным политическим интересам, чем к долгосрочным, а конгрессмены — более к интересам избирателей своего округа, чем к общенациональным интересам[40]. Это тоже уменьшает шансы на выработку ответственного и эффективного законодательства[41].

Кроме того, исполнительная власть обладает необходимыми ресурсами для немедленной мобилизации военного потенциала США. Одним из преимуществ исполнительной власти является существование в ее рамках бюрократической машины, работающей на нужды внешней и военной политики. Этот механизм подчиняется президенту и управляется из единого центра, имеет сравнительно четкую и функциональную организацию и опирается на иерархическое подчинение и дисциплину. Президент может использовать все организационные ресурсы этого аппарата[42].

Выводы из сопоставления родовых признаков властей и критериев «хорошей государственной политики» неутешительы для конгресса.

---

[36] Там же. С. 105.
[37] Разделенная демократия... С. 139.
[38] *Davidson R.H.* Congress and Its Members. P. 259.
[39] Разделенная демократия...С. 139, 141.
[40] Там же. С. 142.
[41] Там же. С. 149.
[42] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 97.

«Организация, состоящая из индивидуумов, ратующих только за себя, не может, как коллектив, действовать ответственно. Она не может управлять»[43]. Тенденция к преобладанию исполнительной власти сохраняется, так как конгресс не предназначен для выполнения управляющих функций согласно критериям оптимальности[44]. Ю.А. Иванов сделал аналогичный вывод о том, что попытки конгресса расширить свои возможности не могут пойти далее того, что позволяют требования эффективной внешней политики[45].

Теракты 11 сентября 2001 г. были беспрецедентными в истории США по травматическому воздействию на американское общество. По мнению Н. Хомского, такого потрясения от нападения страна не испытывала с 1812 г.[46] В результате Соединенные Штаты объявили, что их целью будет победа над терроризмом во всемирном масштабе. В данных условиях проблема взаимоотношений президента и конгресса в области военной политики приобретала новое измерение, поскольку террористические организации действуют на ином уровне, нежели государства. Аль-Каида, которую США считают ответственной за атаки 11 сентября, действует более чем в 60 странах.

В сложившейся ситуации исполнительная власть взяла на себя роль лидера в области внешней и военной политики. Принятая после нападения на США террористов резолюция от 18 сентября 2001 г. давала президенту санкцию на использование военной силы против «тех наций, организаций или лиц», которых он найдет ответственными за «планирование, санкционирование и помощь» в осуществлении атак 11 сентября. Президент получал возможность использовать вооруженные силы против тех, кто «укрывал» такие организации или таких лиц[47]. В тексте резолюции указано, что «президент обладает конституционными полномочиями для того, чтобы сдерживать и предупреждать акты международного терроризма против Соединенных Штатов»[48].

---

[43] Разделенная демократия...С. 150.

[44] Там же. С. 160.

[45] *Иванов Ю.А.* Конгресс США и внешняя политика. С. 85.

[46] *Хомский Н.* 9–11 / Пер. с англ. К. Голубович, О. Никифорова, Ю. Подороги. М., 2001. С. 8.

[47] S.J. Res. 23. Joint Resolution to Authorize the Use of United States Armed Forces against those responsible for the recent attacks launched against the United States. [Electronic resource] U.S. Senate. 107th Congress. 1st Session. September 18, 2001 //www.law.cornell.edu/background/warpower/sj23.pdf. Sec. 2 (a).

[48] S.J. Res. 23.

Принятие резолюции 18 сентября в целом положительно расценивалось и законодательной, и исполнительной властью. Ценность ее для президента заключалась в том, что она давала общегосударственную поддержку политики администрации и демонстрировала одобрение конгрессом намерений Дж. Буша-младшего. С точки зрения конгресса принятие резолюции означает важный политический шаг. Во-первых, нейтрализованы ограничения ЗВП. Прямое обращение к ЗВП привело бы к серьезным трудностям во взаимоотношениях двух ветвей власти. Во-вторых, в общественном сознании укрепилась важная роль конгресса — выдача президенту необходимых полномочий для ведения военной операции. Но поскольку данная резолюция давала исполнительной власти значительную свободу действий в использовании вооруженных сил, она вызвала дискуссии о том, как ее следует толковать и применять на практике в условиях борьбы с международным терроризмом.

В конгрессе перед участниками дискуссии встал вопрос о том, как привести трактовку военных полномочий, описанных в конституции, в соответствии с новыми политическими реалиями. То, что после 11 сентября США столкнулись с принципиально новой ситуацией, сомнений не вызывало ни у кого. Но означает ли это необходимость дальнейшего усиления исполнительной власти, и насколько это соответствует конституции? Большинство конгрессменов занимали пропрезидентские позиции. Они отстаивали два положения: необходимость расширительной трактовки конституционных полномочий президента и неконституционность некоторых положений ЗВП.

Расширенная трактовка конституции основывается на доктрине «подразумеваемых полномочий»: полномочия президента делятся на прямо предусмотренные конституцией и «подразумеваемые», которыми глава исполнительной власти обладает как главнокомандующий. На протяжении истории США многие президенты считали, что глава исполнительной власти может сделать все, что диктуется «интересами нации», если это прямо не запрещено конституцией или законом[49].

Исходя из этого представитель администрации Дж. Буша-младшего Дж. Ю заключил, что президент является главным и единственным представителем федерального правительства в сфере международных отношений. Это (а также полномочия президента как главнокомандующего, для использования которых конституция не предполагает «совета и согласия сената»), согласно трактовке Дж. Ю, «дает президенту кон-

---

[49] *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США. С. 81.

ституционные полномочия вовлекать вооруженные силы США в боевые действия, когда это необходимо, независимо от специальных полномочий конгресса»[50].

В общетеоретическом плане подобные рассуждения, однако, уязвимы для критики. Американские исследователи Р. Дэвидсон и У. Олежек расценивают предположение о том, что внешняя политика находится в исключительном ведении президента, как «ошибочное». Поскольку президент в качестве главы исполнительной власти осуществляет внешнюю политику не единолично, он должен сотрудничать с конгрессом[51]. Правда, в случае реагирования на неожиданные вызовы такое сотрудничество может привести к непростительным затратам времени.

Другая часть сторонников первенства президента, делает особый акцент на его полномочиях главнокомандующего. Д. Кмайек выводит право использовать вооруженную силу без предварительного подтверждения конгресса следующим образом: право на оборону не нуждается в одобрении законодательной власти. Что же касается прерогативы конгресса объявлять войну, то Д. Кмайек настаивал на том, что такая акция имеет больше международное значение[52], чем относится к реальному механизму принятия решений.

Для доказательства своих суждений Д. Кмайек прибег к методу доказательства от противного. Если предположить, что его позиция неверна, тогда «большая часть американской истории и практики окажется необъяснимой»[53]. Исследователь ссылается на широко известный факт: конгресс объявлял войну 5 раз за всю историю страны, а президенты предприняли более двухсот военных операций без получения полномочий конгресса.

Р. Веджвуд считает, что президент имеет право «предпринимать некоторые формы сдерживания», производя развертывание войск за границей, как верховный главнокомандующий и «главный дипломат»[54]. Первенство президента в военной сфере Р. Веджвуд выводит из конституции. Секция 10 ст. I оставляла за губернаторами право вступать в войну в случае, если их штаты подверглись нападению или они столк-

---

[50] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.
[51] *Davidson R.H.* Congress and Its Members. P. 426.
[52] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.
[53] Ibid.
[54] Ibid.

нулись с неизбежной опасностью, которая не терпит отлагательства[55]. Важность данного пункта заключается в том, что он относится не к федеральному, а к местному уровню.

Развивая далее мысль Р. Веджвуд, можно заключить, что, несмотря на систему «сдержек и противовесов», основатели понимали, что когда на карту поставлена судьба страны, необходимо обеспечить выживание государства любыми способами. Значит, конституция предполает ведущую роль исполнительной власти в военной политике. А что касается последующих ограничений, введенных ЗВП, то Р. Веджвуд считает, что авторы закона не проявили должного понимания в отношении этого момента и говорили исключительно о неожиданной атаке или вторжении, не осознавая, что в реальной стратегии нужно думать и о превентивной обороне.

Сторонники пропрезидентской позиции в вопросе о военных полномочиях настаивали на том, что характер нового противника и бескомпромиссность войны с ним изменяют баланс сил между президентом и конгрессом в сторону президента. Так, представитель министерства юстиции Дж. Ю подчеркнул, что террористические организации являются «чрезвычайно мобильным и трудно определяемым противником, который действует в основном вне досягаемости традиционных военных технологий». Следовательно, «дискуссия между исполнительной и законодательной властями будет превращаться в роскошь, которую мы не сможем себе позволить»[56]. Раз «мирного договора с таким врагом быть не может», то не будет и возможности объявить войну, следуя традиционной процедуре[57]. Согласно такой трактовке, президент получает большую свободу действий, а для законодателей становится чрезвычайно трудно реализовать свое конституционное право объявлять войну.

Аналогичные доводы приводил Д. Кмайек: борьба с новым врагом должна идти постоянно, и она не будет успешной, если остановиться на юридической трактовке объявления войны[58]. Р. Веджвуд, Е. Берлинг, П. Нитц придерживалась позиции, что новая угроза является достаточным условием для того, чтобы «президенту была предоставлена бóльшая самостоятельность»[59]. Такой вывод делался еще и на том основа-

---

[55] U.S. Constitution [Electronic resource] : Article 1, Section 10 // www.law.cornell.edu/constitution/constitution.articlei.html#section10

[56] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.

[57] Ibid.

[58] Ibid.

[59] Ibid.

нии, что традиционно конгресс был обеспокоен безопасностью американских солдат, задействованных в боевых операциях. В ситуации после 11 сентября оказалось, что под угрозой находится все население США, а не только вооруженные силы. Получалось, что конгресс физически не способен сохранить жизни американцев, противодействуя стремлению президента использовать военную силу.

Р. Веджвуд наставивала, что есть принципиальная разница между пониманием войны и самообороной в XVIII в. На современном этапе истории самооборона является главным оправданием вступления в военные конфликты. «Президенты больше не вступают в войны с целью овладеть территориями или богатствами»[60]. Значит, конституционное понимание войны не вполне соответствует реалиям XXI в., а право конгресса ее объявлять не является более актуальным. «Это весьма реальная проблема, что в случае с вездесущим и эфемерным врагом вы просто не можете объявить войну или выдать полномочия на использование военной силы в том смысле, в каком это является привычным для конгресса благодаря прошлому опыту сухопутных сражений начального периода республики»[61].

Некоторые эксперты полагали, что борьба с терроризмом не дает повода к новой трактовке военных полномочий. Согласно Дж. Стромсет, несмотря на все сложности, возникшие с пониманием войны после 11 сентября (неопределенные сроки, масштаб и критерии победы, отличия от традиционных военных действий), как президент, так и конгресс должны сохранить свою важную роль в военной политике[62].

Такой компромиссный подход, однако, вряд ли мог стать основой для долгосрочного консенсуса, поскольку соотносился, скорее, с взглядом на американскую конституцию как на «приглашение к борьбе за привилегию направлять американскую внешнюю политику»[63].

Как отметил сенатор Р. Фейнголд, конгресс частично сам виноват в эрозии своих военных полномочий. Дело в том, что в принципе для законодательной власти выгодно, чтобы решения в сфере военной политики принимались президентом. В таком случае, если ситуация сложится благоприятно, конгресс получит возможность заявить, что всегда поддерживал администрацию, если же нет — ответственность целиком

---

[60] Ibid.
[61] Ibid.
[62] Ibid.
[63] *Davidson R.H.* Congress and its Members. P. 414.

и полностью возлагается на президента. По мнению сенатора, такая позиция разрушает хрупкий баланс, который создала конституция, предполагая, что военная сфера должна быть под объединенным контролем двух ветвей власти[64].

Немногие защитники активной роли законодательной власти настаивали на том, что конгресс все же должен, осуществляя свои конституционные полномочия, указывать исполнительной власти на ограничения, заложенные в законодательстве.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что провозглашение войны с терроризмом не могло стать условием для кардинального решения проблемы с распределением военных полномочий между президентом и конгрессом в США. Сложившаяся ситуация не давала конгрессу возможностей для реформирования процесса взаимодействия между законодательной и исполнительной властью, чтобы повысить роль конгресса. Возможно, для этого потребовался бы пересмотр конституционных основ государственного устройства Соединенных Штатов. Но ни те, кто отстаивал прерогативы конгресса, ни сторонники пропрезидентской трактовки военных полномочий не были согласны с такими радикальными выводами, не говоря уже о том, что такая перспектива вряд ли оказалась бы приемлемой для всего американского общества.

Более сложная ситуация сложилась по вопросу о толковании резолюции 18 сентября 2001 г. в перспективе использования военной силы против международного терроризма. Эта резолюция предполагала ответную реакцию США только «против государств, организаций и личностей, которых он (президент США. — *Д.К.*) определит как тех, кто спланировал, уполномочил, совершил или помогал в осуществлении террористических атак, совершенных 11 сентября, а также тех, кто укрывает такие организации или лица»[65].

Президент Дж. Буш-младший подчеркнул, что военные инициативы США будут предприняты не только в Афганистане, но и на Филиппинах, в Боснии и Африке. Кроме того, он выступил с угрозами в адрес государств «оси зла» (Ирана, Ирака и Северной Кореи), за которыми могут последовать военные акции в случае, если указанные страны не прекратят разработки оружия массового поражения[66]. 13 ноября 2001 г.

---

[64] Ibid.

[65] S.J. Res. 23.

[66] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.

президент подписал приказ, давший полномочия на неограниченное содержание под стражей и разрешил суды военных трибуналов в отношении негражданских лиц, ссылаясь на прерогативы, полученные по резолюции от 18 сентября[67].

Администрация Дж. Буша-младшего, с одной стороны, не признала конституционность положений ЗВП, с другой — стремилась заверить конгресс, что отношения между ветвями власти будут строиться с расчетом на то, чтобы не вызывать раздражение законодателей. Принципиальная позиция администрации была следующей: «Согласие конгресса было не обязательным, но желательным»[68]. Желательность резолюции базировалась, с одной стороны, на тезисе, что наиболее благоприятной является ситуация, когда президент и конгресс работают вместе, с другой — на желании получить общенародную поддержку в предстоящей войне.

Инициативы президента вызывали критику. Как отметил Т. Эдгар, трибуналы в последний раз были использованы в период, когда США находились в состоянии объявленной войны. Резолюция 18 сентября не объявляла войны и не уполномочивала президента создавать трибуналы. «Резолюция — это ни объявление войны, ни карт-бланш на использование военной силы без последующего одобрения конгрессом всякий раз, когда президент осуществляет «войну с терроризмом»[69]. Иными словами, действия исполнительной власти затронули конституционные прерогативы конгресса (право объявлять войну).

С позиции эксперта Т. Эдгара, формулировка резолюции 18 сентября не давала исполнительной власти неограниченные полномочия в войне с терроризмом. Согласно Т. Эдгару, причина заключалась в том, что состояние войны влечет за собой важные последствия для гражданских свобод. Поэтому законодатели уполномочили президента на ведение «ограниченных военных действий». Это право конгресса основывалось на деле 1801 г. «Талбот против Симан»[70]. Следовательно, согласно логике рассуждений, по условиям резолюции 18 сентября исполнительной власти не были даны полномочия на ведение войны в масштабах, которые предполагает конституция.

---

[67] Ibid.
[68] Ibid.
[69] Ibid.
[70] Ibid.

Юридическая практика США предполагает, что в случае объявления войны ее продолжительность и операции определяются и регулируются только международно признанным «правом войны». Если же ведется «частичная война», то ее продолжительность зависит от внутренних законов[71]. Поскольку резолюция 18 сентября давала президенту полномочия лишь на ведение такой ограниченной войны, Т. Эдгар заключил, что глава исполнительной власти вышел за пределы своих прерогатив, принимая решение о применении пыток к «воюющим на стороне врага» из-за нарушения «законов войны»[72].

Здесь следует уточнить, что защитники прерогатив конгресса были вынуждены доказывать необходимость принятия резолюции 18 сентября. Сенатор Р. Фейнголд подчеркивал, что, несмотря на конституционные полномочия президента, предполагающие необходимость ответа на нападение, несогласие конгресса на резолюцию 18 сентября вообще привело бы к тому, что в дело вступили временные ограничения, заложенные в ЗВП[73] (необходимость прекращения военных операций в течение 60 дней[74]). Следовательно, США оказались бы в ситуации, чреватой конфликтом между законодательной и исполнительной властями.

Что касается военных акций США, выходящих за пределы операции в Афганистане, то резолюция 18 сентября не предполагала использование силы против тех, кто не был связан с атаками 11 сентября, или же для целей, отличных от предупреждения последующих террористических атак. Следовательно, за полномочиями для достижения указанных целей исполнительная власть должна была обратиться к конгрессу[75]. Проблема, однако, заключалась именно в том, что такая формулировка оставляла большую свободу действий для президента в плане превентивной обороны.

Именно это расширенное толкование прерогатив, предоставленных резолюцией 18 сентября, и будет в дальнейшем использовано сторонниками пропрезидентской позиции в вопросе о военных полномочиях. Тем не менее, защитники прерогатив конгресса считали, что резолюцию 18 сентября не означает передачи конституционных полномочий законодателей президенту. Конгресс, таким образом, должен был «продолжать

---

[71] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.
[72] Ibid.
[73] Ibid.
[74] The War Powers Act of 1973... Sec. 5 (b).
[75] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.

осуществлять свою конституционную роль по отношению к использованию американских вооруженных сил за рубежом на протяжении последующих недель, месяцев, возможно, и лет»[76].

По мнению Л. Фишера, в случае войны с другой страной президент должен опять просить соответствующих полномочий у конгресса. Это правило продолжает оставаться справедливым, несмотря на прецедент, созданный Г. Трумэном в Корейской войне, которую он начал без согласия конгресса. С тех пор были случаи (например, война в Ираке в 1991 г.), когда законодательная власть давала полномочия на военные акции[77]. Л. Фишер заявил, что «любая будущая военная акция против другой страны, второй или третьей страны, требует полномочий от конгресса и не может быть осуществлена на основании того, что конгресс принял в прошлом году»[78].

Профессор права Дж. Стромсет настаивала на том, что «крупные военные акции с долгосрочными целями, такими как свержение правительства, являются тем родом деятельности, который, согласно конституции и намерениям отцов-основателей, должен обсуждаться и санкционироваться конгрессом заблаговременно»[79].

Применительно к действиям администрации Дж. Буша-младшего Дж. Стромсет настаивала, что в условиях войны с терроризмом и президенту, и конгрессу отводятся жизненно важные роли. За конгрессом признавалось право объявления войны, но в то же время подтверждались полномочия президента по защите Соединенных Штатов от неизбежной угрозы. По мысли Дж. Стромсет, возникал тонкий компромисс: «...если враг вовлечен в ограниченные действия, ограниченные атаки, которые сами по себе не приводят нас в состояние войны в полном смысле слова, то по конституции, решение должно быть принято конгрессом»[80].

Однако у многих действия Дж. Буша-младшего встретили поддержку. Дж. Ю указывал, что даже ЗВП предполагает немедленный вооруженный ответ США в случае «национальной чрезвычайной ситуации, созданной атакой на Соединенные Штаты, их владения или на вооруженные силы»[81]. В этой связи нападение 11 сентября расценивалось как

---

[76] Ibid.
[77] Ibid.
[78] Ibid.
[79] Ibid.
[80] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.
[81] The War Powers Act of 1973 ... Sec. 2.

достаточное основание для того, чтобы исполнительная власть смогла использовать свое право на ведение боевых действий. «Эта атака недвусмысленно поставила Соединенные Штаты в положение военного конфликта, оправдывая военный ответ»[82], т. е. предполагалось, что даже если признать конституционность ЗВП, президент все равно имел все полномочия осуществлять военные операции.

Д. Кмайек также считал, что резолюция на использование силы 18 сентября полностью удовлетворяет требованиям ЗВП. То есть администрация Дж. Буша-младшего не заслужила никаких упреков от конгресса по поводу наступления на прерогативы законодательной власти. Более того, Д. Кмайек отметил, что сама идея ЗВП заслуживает критики, поскольку она основана на «неверном предположении» о том, что конституция предполагает коллективное суждение о начале войны[83].

Он поясняет это следующим образом. По конституции президент должен отвечать на неожиданные угрозы, а конгресс «на основании предпринятых акций и здравомыслия» — обсуждать целесообразность последующих шагов. В этом же духе Д. Кмайек трактует и положение ЗВП, по которому консультации между президентом и конгрессом не всегда возможны. Секция 4 предполагает использование вооруженных сил по приказу президента с последующим уведомлением конгресса[84].

Д. Кмайек расценивал резолюцию 18 сентября на использование военной силы как подтверждение конгрессом конституционных полномочий президента[85]. Более того, резолюцию следовало бы трактовать гораздо шире, нежели как просто наказание для тех, кто совершил теракты. Конгресс выразил явное намерение уполномочить президента бороться с террористической угрозой в будущем. Согласно Д. Кмайеку, резолюция 18 сентября трактует противостояние с «нациями, организациями и лицами» достаточно широко. Это соответствует позиции исполнительной власти в той части, что террористическая сеть способна действовать под различными прикрытиями в самых удаленных регионах мира[86]. То есть конгресс воспринял террористическую угрозу как долговременную и глобальную. Значение резолюции 18 сентября, по Д. Кмайеку, заключалось еще и в том, что она освобождала президента

---

[82] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.
[83] Ibid.
[84] The War Powers Act of 1973 ... Sec. 3, 4.
[85] Ibid.
[86] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.

от временных ограничений ЗВП, но одновременно не противоречила этому закону.

Следует отметить, что участники дискуссии специально не ставили вопрос о предполагаемой войне против Ирака в 2003 г., поэтому их рассуждения на этот счет не были пространными. Однако позиции сторонников и противников усиления исполнительной власти оказались близки.

По мнению Р. Веджвуд, война с Ираком вообще продолжается с 1991 г. Это противостояние было закончено прекращением огня, которое, в свою очередь, имеет определенные условия. Ирак, с точки зрения Р. Веджвуд, никогда не принимал этих условий. Поэтому эксперт полагала, что конфликт 1991 г. так и не был завершен, а значит, нет необходимости в дополнительных резолюциях ООН.

Такой же точки зрения придерживался М. Гленнон. Полномочия на использование силы теоретически могут проистекать из трех источников: договор, статут, конституция. Поэтому, и это верно даже с позиции ЗВП, резолюция на использование силы против Ирака 1991 г. сохраняется в действии. По мнению М. Гленнона, «в теории это может дать президенту полномочия для нападения на Ирак»[87].

Такая трактовка оказалась неприятной для многих конгрессменов. Сенатор Р. Фейнголд поспешил заметить, что конгресс согласился на войну в Ираке 10 лет назад. Но это совершенно не означает, что это согласие распространяется на неопределенный промежуток времени. Согласно Р. Фейнголду, должны пройти широкие дебаты, как перед войной в Персидской заливе в 1990 г. , чтобы получить общественную поддержку для возможной операции[88].

Р. Веджвуд выступила сторонником использования права на превентивную самооборону. Использование силы для предотвращения нападения должно отвечать некоторым требованиям: угроза должна быть безотлагательной, превосходящей, не оставляющей выбора средств и времени для рассуждения. Это правило, по мнению Р. Веджвуд, справедливо для истории США. Но угроза применения оружия массового поражения (ОМП) внесла свои коррективы в него: «С ОМП нам может понадобиться более решительный и ранний ответ»[89]. Основанием для рассуждений Р. Веджвуд стал тезис бывшего министра обороны и госсекретаря

---

[87] Ibid.
[88] Ibid.
[89] Ibid.

США Э. Рута. Он рассуждал о праве на «самооборону путем предотвращения ситуации, когда будет уже слишком поздно защищать себя»[90]. Из этого Р. Веджвуд делала вывод, что США могут использовать право на превентивную самооборону против Ирака, поскольку связи С. Хусейна с Аль-Каидой способны привести к ситуации, когда истинный инициатор нападения сможет остаться в тени[91].

Таким образом, сторонники пропрезидентской позиции выводили возможность односторонних действий администрации, с одной стороны, из положений международных соглашений, а с другой — из права государства на превентивную самооборону.

Уступчивость конгресса проявилась и в том, что он выделил дополнительные чрезвычайные ассигнования, которые предназначались в том числе и на проведение операции против организаторов терактов. Законодатели были склонны рассматривать этот шаг как проявление внешнеполитической активности конгресса и поддержки политики президента[92].

Еще один важный вопрос, связанный с проблемой военных полномочий, — как улучшить систему взаимодействия между ветвями власти. Все участники дискуссии в стенах конгресса сошлись во мнении, что необходимо различать консультативный процесс и предоставление полномочий исполнительной власти. Иными словами, пассивность законодательной власти не является для президента достаточным основанием, чтобы проводить полностью самостоятельную военную политику.

Общим в рассуждениях было то, что наиболее благоприятной является ситуация, в которой президент и конгресс действуют совместно в сфере военной политики. Представитель администрации Дж. Ю заверил законодателей, что «правительство работает лучше, когда две ветви власти взаимодействуют в вопросах использования американских вооруженных сил»[93]. Исполнительная власть стремится поддерживать «консультации с конгрессом относительно использования силы для борьбы с терроризмом и защиты национальных интересов»[94].

Для улучшения механизма взаимодействия исполнительной и законодательной власти А. Райи, основываясь на том, что ЗВП работает не-

---

[90] Ibid.
[91] Ibid.
[92] Congressional record [Electronic resource]. September 14, 2001. H 5621. // frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getpage.cgi?position=all&page=D898&dbname=2001_record
[93] Applying the War Powers Resolution to the War on Terrorism.
[94] Ibid.

совершенно, предложил создание параллельной процедуры, которая давала бы конгрессу возможность решить проблему взаимодействия «в первоначальной форме». Речь шла о принятии совпадающей резолюции, которая позволила бы обеим палатам конгресса голосовать по основному вопросу: дает ли конгресс согласие на использование американской военной мощи в конкретной ситуации и для целей, предложенных президентом?

Далее А. Райи предлагал обратиться к практике судов, которые разделяют вердикт и приговор. В этом смысле конгресс должен был различать политический вердикт и практические последствия. По словам А. Райи, это создало бы «чистый политический контекст, либо выравнивающий две ветви власти, либо способствующий дальнейшим решениям для проведения в жизнь воли законодателей»[95]. Такая процедура, по мнению разработчика, заставила бы исполнительную власть проявлять повышенную дисциплину в ожидании голосования в конгрессе.

Дж. Стромсет предложила, чтобы на консультациях представителей администрации и конгресса присутствовало большее число членов конгресса[96]. Конгресс, ввиду того что ставки в войне с терроризмом крайне высоки, должен требовать больше информации от исполнительной власти. «Комбинация более полных отчетов и стремления получить свидетельство с самого высокого уровня, когда эти отчеты будут предоставлены... выступит катализатором более важного и эффективного диалога между президентом и конгрессом по отношению к будущим целям разворачивающейся кампании»[97].

Важно учитывать, что механизм консультаций не расценивался конгрессом как покушение на полномочия президента как главнокомандующего. Сенатор Р. Фейнголд заявлял, что необходимо отличать консультации по более широкому кругу вопросов от консультаций по тактическим решениям. Он назвал это «пугающей мыслью», а также подчеркнул, что «никто в сенате не верит в то, что нас должны консультировать по каждому тактическому решению»[98]. В этом отношении с сенатором полностью согласилась Дж. Стромсет. Целью консультаций, с

---

[95] Ibid.
[96] Ibid.
[97] Ibid.
[98] Ibid.

ее точки зрения, является обсуждение широкого круга целей и получение гарантий того, что страна понимает и принимает эти цели[99].

М. Гленнон считал, что, несмотря на то, что многие парламентарии полагают информацию администрации по поводу войны с терроризмом неадекватной, законодателям тем не менее следует воздержаться от искушения создать какой-либо «сверхконсультативный комитет» для борьбы с этим недостатком. Во-первых, у конгресса нет серьезных проблем с получением информации от администрации. Просто законодатели редко этим пользуются[100]. Во-вторых, слишком велик риск того, что комитет «будет кооптирован исполнительной властью»[101]. А эту перспективу М. Гленнон считал негативной, так как подобный комитет не будет включать «несогласных, агностиков и скептиков». Значит, он станет жертвой феномена группового мышления и потеряет связь с конгрессом. В действительности экспертная группа конгресса должна обладать независимым статусом, который позволял бы ей регулярно получать информацию о кризисах еще до начала их развития. Но вряд ли администрация пойдет на этот шаг.

В подтверждение своей позиции М. Гленнон указывал на отчеты исполнительной власти конгрессу по условиям ЗВП. Он назвал их «бесполезными», поскольку они содержали столько же информации о событиях, сколько предлагали газетные статьи. На этом основании трудно было предположить, что какая-либо группа с независимым статусом получит доступ к информации такого же рода, каким обладает, например, Совет национальной безопасности.

Инициативу создания совещательного комитета со «сверх полномочиями» рассматривал как неудачную и Л. Фишер. Он считал принцип децентрализации сильной стороной конгресса, который позволяет формировать различные подходы и взгляды на решение проблем. Поэтому любой шаг по централизации конгресса привел бы к ослаблению этого органа[102].

Сенатор Р. Фейнголд также выразил неудовлетворение отчетами исполнительной власти о ходе кампании против терроризма. Таких отчетов было три: в конце сентября 2001 г., когда вооруженные силы США были развернуты в районах Главного командования в зоне Тихого океа-

---

[99] Ibid.
[100] Ibid.
[101] Ibid.
[102] Ibid.

на и Центрального командования; в октябре 2001 г., когда началась операция в Афганистане; в марте 2003 г., когда началась война против Ирака. Сенатор охарактеризовал их как «очень короткие» и не дающие «много информации о статусе, пределах и продолжительности нашего военного участия, как это предполагается законом»[103].

С точки зрения администрации, краткость отчетов ни в коем случае не вызывалась ее стремлением к уклончивым ответам конгрессу. Дж. Ю объяснял эти сложности отсутствием возможности предсказать поведение противника, а следовательно, и то, как будут использоваться вооруженные силы США. По словам эксперта, президент в отчетах не хочет быть «непрозрачным» или «уклончивым», но желает быть «честным» с конгрессом[104].

Тем не менее принципиальная позиция Дж. Буша-младшего по отношению к отчетам была следующей. Если конгресс будет рассматривать эти отчеты как непременное условие получения согласия на использование силы, то исполнительная власть будет против такой трактовки. Президент считает, что право прибегать к военной силе в отношении организаторов атак 11 сентября, а также для того, чтобы предотвратить подобные атаки в будущем, является его конституционной прерогативой[105].

Другая причина краткости отчетов выводилась из соображений секретности. По мысли Дж. Ю, Аль-Каида обладает возможностями для пристального наблюдения за американской политической системой. Следовательно, необходимо максимально закрыть информацию, которая может быть полезна для врага. Дж. Ю заявил, что администрация проводила регулярные совещания с комиссиями по делам вооруженных сил и по разведке[106]. То есть исполнительная власть не нарушала своих обязательств перед конгрессом. С одной стороны она держала конгресс в курсе событий, а с другой — выполняла требования информационной безопасности, не оповещая законодателей посредством писем и уведомлений. Можно отметить, что исполнительная власть продемонстрировала в этом вопросе значительную гибкость.

Таким образом, обсуждение проблемы распределения военных полномочий между законодательной и исполнительной властью в условиях

---

[103] Ibid.
[104] Ibid.
[105] Ibid.
[106] Ibid.

войны с терроризмом не выявило возможностей для серьезных перемен в этой области. По всей видимости, перспективы принципиальных изменений механизма взаимодействия двух ветвей власти следует считать минимальными. Отношения президента и конгресса будет разворачиваться в основном по проблемам практической политики, причем либо в самом общем виде, либо по вопросам второстепенного характера. Стратегические и важные тактические решения, принимаемые в военно-политической сфере, останутся за исполнительной властью во главе с президентом.

А.А. Малыгина

РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА

Новейшую историю принято делить на доядерную и ядерную эры. Разработчики ядерного оружия (ЯО) были убеждены, что их изобретение будет использовано во благо прогресса, демократии и интересов всего человечества. Н. Бор в 1943 г. сказал: «Новое оружие не только изменит характер будущих войн, но и заставит человечество отказаться от вековой привычки воевать». А Л. Сциллард в 1945 г. заявил: «Как только у русских появится атомная бомба, установится длительный вооруженный мир»[1]. Как изменилось представление о роли ЯО за шестьдесят с лишним лет, прошедших после его изобретения? Внесло ли наступление глобальной информационной революции коррективы в представление о роли ЯО?

В настоящее время сложилось несколько подходов в осмыслении роли и значимости ЯО для политики.

«Технократический» подход представляет собой традиционный взгляд на ЯО как на очередное «изделие» военно-промышленного комплекса (ВПК). В рамках этого подхода исследователи не дают каких-либо ценностных характеристик ЯО, не ставят целей постичь его сущность и определить его социальное значение. Ключевыми понятиями здесь являются эффективность, рациональность и вероятность применения. Обобщая прогнозы аналитиков-«технократов» по поводу возможных вариантов дальнейшей судьбы ЯО, данный подход можно условно разделить на две ветви: «теория поколений войн» и «теория распространения».

Теория поколений войн предсказывает, что ЯО войн четвертого поколения хотя и останется в арсеналах ряда стран, уступит место высокоточному оружию пятого поколения, в котором ставка будет сделана на так называемые нетрадиционные средства ведения войны[2].

Эти принципиально новые виды оружия будут базироваться на новейших достижениях и открытиях в области фундаментальных и прикладных наук. Авторы упоминают, в частности, такие виды оружия, как геофизическое, астероидное, радиологическое, радиочастотное, инфразвуковое, лазерное, психотронное, генетическое, этническое, пучковое,

---

[1] Цит. по: *Гаджиев К.С.* Политическая философия. М., 1999. С. 487.

[2] *Слитченко В.* Формула успеха в войне // Армейский сборник. 2002. № 6.

акустическое, электромагнитное, антиматерия, паранормальные явления[3].

«Теория распространения» прогнозирует активную модернизацию ЯО в плане совершенствования существующих и создания концептуально новых, отвечающих современным задачам типов ядерных боеприпасов. Аналитики прогнозируют расширение круга задач, которые могут возлагаться на ЯО. В условиях недостатка средств и сил может появиться соблазн использовать ЯО в качестве средства поражения живой силы и техники противника, прорыва обороны или отражения наступления. Из инструмента устрашения и сдерживания оно может превратиться в средство ведения войны, что подтолкнет многие страны внести коррективы в свою оборонную политику и стратегию развития ядерных средств.

В рассматриваемых в настоящее время сценариях практически невозможно найти те политические, психологические или военные барьеры для использования ЯО, которые существовали в 1950-е гг. во время Корейской войны или в 1960-е гг. во Вьетнаме[4]. Исследователи не без тревоги отмечают, что меняется отношение к ядерному разоружению в целом. В частности, А. Арбатов указывает на то, что «в отличие от прошлых времен США, Россия и другие великие державы фактически отвергли идею ядерного разоружения как неотъемлемое, пусть и не близкое, условие всеобщей безопасности. Они ... обеспечивают себе максимальную свободу рук в техническом развитии и планах реального боевого применения ЯО, что находит отражение в их официальных военных доктринах, программах вооружения и бюджетах»[5].

В целом «технократический» подход констатирует, что ядерное сдерживание и распространение стали глубоко интегрированными элементами современных международных отношений.

Социально-политическая философия концентрирует внимание на специфических закономерностях и тенденциях ядерно-космического века, рассматривая его как «всякую другую историческую эпоху»[6]. К

---

[3] *Байков Е.* Основные угрозы национальной безопасности России с морских направлений в XXI веке // Защита и безопасность. 2000. № 2(13). С. 35.

[4] *Соколов Н.* Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? // Ядерный контроль. 2003. № 3. С. 75.

[5] *Арбатов А.* Ядерное сдерживание и распространение: диалектика «оружия судного дня» // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1. С. 5, 15.

[6] *Гаджиев К.С.* Политическая философия. С. 489.

особенностям ядерно-космического века относят взаимозависимость общечеловеческих интересов.

Появление оружия необычайной разрушительной силы рассматривается как факт, имеющий последствия глобального масштаба. С этого момента «человечество стало смертным»: если до появления такого оружия можно было предполагать, что человечество в своем развитии безгранично и нет принципиальных угроз его существованию, то теперь оно как бы уравнялось в статусе с отдельным индивидом — простым смертным, чья жизнь ограничена определенными временными рамками[7]. Кроме того, исследователи отмечают, что «произошел своеобразный сдвиг в самой характеристике ценности жизни: жизнь из чисто естественной ценности, дарованной природой, превратилась в естественно-общественную ценность, обрела совершенно четко выраженное новое социальное качество»[8]. Изменилась и приоритетность задач, которые человечество ставит перед собой. На первый план вышла задача выживания, а остальные задачи имеют смысл лишь тогда, когда остается разрешимой первая.

В рамках политической философии развернута дискуссия о стабилизирующей роли ЯО и его «цивилизующего» воздействия на международные отношения. Участники дискуссии разделились на лагерь оптимистов и лагерь скептиков. Первые говорят о том, что существование ЯО и угроза его применения вынуждают участников международных отношений проявлять сдержанность в вопросе применения силы. Оптимисты говорят о том, что именно благодаря существованию ЯО не разразилась третья мировая война. Скептики ставят под сомнение миротворческий потенциал вооружений вообще и ЯО в частности и отдают должное человеческому фактору, а точнее, «инстинкту самосохранения» руководства конкурирующих субъектов международных отношений.

Философия техники как самостоятельная отрасль науки, возникшая в конце XIX – начале XX в. предлагает синтетический взгляд на рассматриваемую нами проблему. Философия техники пытается ответить на вопрос: как использовать силы природы и человека, согласуя это использование с целями и идеалами человечества, с общепринятым пониманием культуры, истории и будущего?

---

[7] *Шаповалов В.Ф.* Основы философии. От классики к современности. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 583.

[8] *Барулин В.С.* Социальная философия. М., 1999. С. 528.

Философия техники признает кризис культуры и связывает его с техническим прогрессом. Представители этого направления декларируют отказ от традиционного понимания прогресса, переосмысление сути свободы и ответственности. Ключевыми понятиями становятся осмысленный выбор и разумное самоограничение[9]. В опубликованных за последнее десятилетие работах ЯО как самостоятельный феномен не рассматривается. Однако представляется целесообразным использовать основные положения данного подхода для философского осмысления роли ЯО в политике.

ЯО появилось в рамках европейской цивилизации, базирующейся на идеях прогресса и торжества человеческого разума над природой. Европейская наука Нового времени, объявив свободу познания и свой нейтралитет по отношению к идеалам и ценностям, стала совершенно новым явлением в культуре, поскольку до Нового времени акт познания был неразрывно связан с этической позицией: он творился или во имя Добра — как шаг к постижению замыслов Творца, или во имя зла — как богоборческое дело[10].

В технике Нового времени человек видел лишь действие законов природы и свое собственное творчество. А это предполагает иную логику существования техники и степени ее свободы. Научный эксперимент, лишенный этических ограничений, становится «допросом Природы под пыткой»: в Новое время человек стал рассматривать природу как автономный, практически бесконечный источник природных материалов, сил, энергий, процессов, научился описывать в науке естественные феномены и ставить их на службу человеку.

Идея прогресса, унаследованная из философской мысли XVII–XIX вв., приобретя со временем особую силу и популярность, стала «фундаментальным ориентиром» и сыграла с европейской цивилизацией злую шутку. Она возвела в ранг закона однолинейность развития человечества, где история, научная правда и этические побуждения едины, начала диктовать «правильные вопросы».

Даже когда реальная действительность вступала в конфликт с идеей, гипотезы, факты и соображения, не вписывающиеся в сложившуюся модель, отметались как ненаучные, в то время как вера в прогресс и его вариации оставалась непоколебимой. Эта вера усугублялась, когда лю-

---

[9] *Розин В.М.* Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 21.

[10] *Кара-Мурза С.* Идеология и мать ее наука. М., 2002. С. 19–69.

ди, руководствовавшиеся понятием прогресса, видели в себе самих его высочайшее выражение, в связи с чем собственное общество считали естественным мировым лидером, а себя — вправе моделировать будущее для всего человечества, что придавало идее прогресса «потрясающее высокомерие»[11].

Бесспорно, подобная интеллектуальная ловушка опасна и в научном, и в политическом плане. В связи с этим представляется важным упомянуть о «доктринальном влиянии» категории «international relations» (IR), выявленном Н.А. Косолаповым. Он отмечает, что наука о международных отношениях и теория международных отношений пока создавались почти исключительно на английском языке. Однако «IR в строгом смысле этих слов... — отношения между государствами вполне определенного социально-исторического и политико-экономического типа, притом отношения, складывающиеся и действующие в среде именно таких (а не иного типа) государств»[12]. Конечно, как справедливо замечает ученый, с течением времени понятие «IR» в западной литературе расширилось и ныне распространяется на все многообразие текущих международных отношений. Однако идеологическое доминирование атлантической картины мира можно проследить в современной науке о международных отношениях.

Линейность прогрессивного мышления наиболее наглядно демонстрирует позиция одного из теоретиков международных отношений — Ф. Фукуямы. Его заявление о том, что современный мусульманский мир живет в XV в., активно цитируется СМИ в связи с последними событиями вокруг «карикатурного скандала».

Н.А. Косолапов, в свою очередь, замечает: «Если IR — отношения прежде всего между родственными духовно и социально-политически, экономически государствами, то только такие отношения и могут быть максимально полными и ценными. Тогда необходимо... делить государства на "касты" — цивилизованные, полуцивилизованные, нецивилизованные страны, — причем отношения первых с остальными строятся на разных принципах и осуществляются по разным правилам. Между цивилизованными странами все отношения (включая даже войны) основаны на праве. Между цивилизованными и полуцивилизованными пра-

---

[11] *Шанин Т.* Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–34.

[12] *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 37.

во действует выборочно, по усмотрению первых. К нецивилизованным право неприменимо вообще»[13].

Философ Т. Шанин по своему развивает эту тему. Идея прогресса «как общая теория общественного устройства, вносящая классификацию и порядок в осмысление всей сложности социального бытия, на удивление хорошо выдерживала бесконечное накапливание все новой и новой информации о жизни человечества» и по-прежнему помогает евроатлантическому экспертному сообществу «игнорировать иные взгляды, иных людей, все противоречащее их собственному мироощущению, превращая большинство населения в объект манипуляции»[14].

Во имя прогресса и в интересах научного планирования большинство людей лишаются как права на выбор, так и ответа на то, почему их собственный опыт и взгляды все меньше берутся в расчет. Наиболее зримым «материальным» воплощением и инструментом идеи прогресса, по мнению Шанина, стало «современное государство с его узаконенным представлением общенациональных интересов, претензией на безусловную целесообразность бюрократического устройства, на объективную необходимость управлять людьми во имя прогресса»[15].

Об этой своеобразной диктатуре прогресса в ядерный век наиболее четко высказался А. Арбатов: «...если в доядерную эпоху нельзя было начать и вести войну без поддержки хотя бы части населения страны-агрессора, то ядерную войну можно развязать без какого-либо согласия народа, просто доведя приказ высшего руководства до дежурных на пунктах управления пуском ракет (а в новейших системах управления даже минуя их — прямо на пусковые установки). Население, будучи главным объектом ответного ядерного удара, не несет никакой прямой ответственности за решение об агрессии высшего государственного руководства»[16].

Острота проблемы взаимодействия техники и социальной среды предельно лаконично выражена в воспоминаниях А.Д. Сахарова на события августа 1945 г., когда впервые было применено ЯО: «В жизнь вошло что-то новое, страшное, и вошло со стороны самой большой науки — перед которой я внутренне преклонялся»[17]. Существование и

---

[13] Там же. С. 38.

[14] *Шанин Т.* Идея прогресса. С. 35–36.

[15] Там же.

[16] *Арбатов А.* Ядерное сдерживание и распространение: диалектика «оружия судного дня» // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1. С. 5.

[17] *Сахаров А.Д.* Воспоминания. М., 1996. Т. 1. С. 134.

применение ЯО формирует новую социально-политическую действительность (изменилась природа, принципы и нормы ведения войны), создает иной социальный порядок, иную этику. Однако изобретение нового вида техники не меняет способ человеческого мышления. ЯО с момента его появления переросло цели, ради которых создавалось.

Высказанные выше идеи не принуждают занимать апокалипсично-нигилистическую позицию по отношению к технике и прогрессу. Упомянутые авторы едины во мнении, что выход из системного кризиса постиндустриальной цивилизации необходимо искать в изменении мировоззренческих позиций, в реформировании научно-политической и научно-технической картин мира.

Для понимания роли ЯО в политике можно воспользоваться идеями В.М. Розина[18]. Если исследователь анализировал технику в целом, мы применим основные положения его теории к ЯО. Как часть техники ЯО являет собой новую техническую действительность. Это самостоятельная реальность, противопоставленная природе, искусству, человеку. Между технологическими процессами, операциями и принципами, с одной стороны, и различными социокультурными и социально-политическими процессами и системами — с другой, существует тесная связь. Состояние технической суперсистемы (техносферы), составным элементом которой является в том числе и ядерная технология как совокупность производственных процессов, организационных принципов, ресурсных факторов, определяется как уже имеющимися техническими достижениями, так и различными социокультурными тенденциями. С другой стороны, ЯО настолько глубоко интегрировалось в социально-политическую реальность, что выход из осознаваемого системного кризиса человечество ищет в мысли «о какой-то другой технике, которая может исправить все это»[19]. С техникой связывается определенный способ существования человека (судьба цивилизации).

С конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. движение за мир и разоружение, в рамках которого в основном и разрабатывался «этический подход», демонстрирует определенную растерянность. «Этический подход» рассматривает войну как социокультурный и социально-психологический феномен. В условиях определенного интеллектуального смятения актуальность этого подхода не только не ослабевает, но и

---

[18] *Розин В.М.* Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 19–27.

[19] Там же. С. 20.

обостряется. По нашему мнению, применение основных положений данного подхода может иметь большое научно-практическое значение в плане активизации дискуссии этики обладания, применения, устранения, распространения. Однако на пути подобных дискуссий лежит ряд интеллектуальных ловушек. Обозначим некоторые из них: морализаторство, прагматичный практицизм, нигилизм по отношению к прогрессу и технике, «страусиная позиция».

Сторонникам нераспространения трудно устоять перед соблазном и не использовать против ЯО те же аргументы, что используются против убийства вообще. Но морализаторство не формулирует ясно выраженной этической базы, необходимой политическим лидерам для принятия конкретных стратегических решений. В условиях полного отсутствия прежних политических, психологических или военных барьеров для использования ЯО подобная ситуация вызывает особую тревогу.

Аргумент о том, что ЯО не имеет право на существование, потому как является порождением абсолютного зла, имеет и еще один изъян. Само по себе ЯО совершенно безразлично к тому, зачем его используют. Оно, как и любая другая техника, индифферентно к факту своего использования, к целям и смыслам, с которыми им пользуются. А.А. Ворохин отмечает, что «и онтологические, и антропологические, и социологические подходы к технике в равной мере могут признавать технику морально индифферентной, морально ущербной или морально приемлемой»[20].

Если учитывать коммуникативную функцию техники и рассмотреть ЯО как «способ общаться», то, по справедливому замечанию упомянутого исследователя, «радикально расширяется представление о моральной вменяемости применяющего технику человека. Расширяется круг адресатов моральной вменяемости: даже те, кто не участвуют в разработке, создании, эксплуатации техники, включены так или иначе в коммуникационное пространство, осваиваемое техникой, и вынуждены так или иначе реагировать на экспансию технического мира». А ввиду глобальности и всеобщности результатов применения ЯО «страусиная позиция, ограничивающая сферу моральной ответственности профессиональными, социальными ролями, больше не годится».

Действительно, там, где люди взаимодействуют друг с другом, автоматически возникает моральное измерение. А тесная взаимозависимость процессов, ставящих под угрозу выживание человечества, вынуж-

---

[20] *Ворохин А.А.* Техника и мораль // Вопросы философии. 2004. №10. С. 94.

дает говорить сегодня уже не только и не столько о чистоте целей, сколько о чистоте средств их достижения. Суммируя вышесказанное, нужно сказать о том, что действительность ядерно-космической эры значительно расширяет круг вопросов этической дискуссии: от этики мира и войны до этики добрососедства и справедливости не только в глобальных масштабах, но и на уровне личного выбора.

Теория глобализации вписывает проблему ЯО в контекст мировых проблем. Такое видение вопроса было, в частности, предложено на XXI Всемирном философском конгрессе, прошедшем в Стамбуле в 2003 г. Вопросам войны и мира были посвящены круглый стол «Философские проблемы безопасности в глобализирующемся мире» и симпозиум «Насилие, война и мир»[21].

В представлении философов-глобалистов глобальные проблемы человечества тесно связаны с вопросом защиты прав человека. Общая черта всех мировых проблем состоит в том, что «все они суть ситуации, в которой права человека находятся под угрозой, нарушаются прямо или косвенно». Обобщенное определение понятия «права человека» предлагает Президент Всемирного философского конгресса И. Кучуради: «Права человека — наиболее фундаментальные потребности, от которых зависит удовлетворение всех других потребностей... это этические принципы обращения с отдельными людьми и в активном, и в пассивном смысле: они выражают минимальные условия того, как люди — и прежде всего должностные лица государства — должны относиться к другим людям и как те должны относиться к ним; они требуют постоянного создания условий, делающих возможным для людей актуализировать и развивать их человеческие возможности, которые отличают людей от других живых существ и которые сделали возможными исторические достижения человечества»[22].

Чтобы определить, какую роль играет и будет играть ЯО в мировой политике, интересно обратиться к концепции глобализации, представленной Р.О. Кохейном и Дж.С. Наем-мл.[23] Авторы определяют явление глобализации через понятие «глобализм». «Глобализм — это состояние мира, включающее сети взаимозависимостей в мультиконтинентальных

---

[21] О XXI Всемирном философском конгрессе // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 4.

[22] *Кучуради И.* Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии 2004. № 3. С. 11.

[23] *Robert O.* Keohane and Joseph S. Nye Jr. Globalisation: What's new? What's not? (So what?) // Foreign policy. 2000. Spring. P. 104–119.

масштабах»[24]. Глобализм, по их мнению, имеет важную особенность. Он соотносится к сетевым связями, которые покрывают многие континенты.

По мнению исследователей, военный глобализм выходит на новый уровень комплексной взаимозависимости. Применение ЯО для решения ограниченных задач становится более вероятным, расширяется круг потенциальных участников сети взаимозависимости, а принимаемые управленческие решения могут многократно усложнить процессы управления.

В заключение необходимо отметить, что ядерное сдерживание и распространение ЯО стали частью современных международных отношений. В начале XXI в. мы обнаруживаем тенденцию к размыванию политических, психологических или военных барьеров для использования ЯО как в стратегических, так и в тактических целях. Идея ядерного сдерживания если не на уровне мирового сообщества, то на уровне национальных военных доктрин по-прежнему воспринимается как вполне рациональная. В условиях глобализма многократно усложняется задача прогнозирования и управления глобальной военно-политической ситуацией. Проблема личного выбора смыкается с проблемой глобальной этики. Существование реальной угрозы ядерного самоубийства привело к серьезным сдвигам в осмыслении человечеством ценности жизни, которая рассматривается отныне в глобальном естественно-общественном качестве. Жизненно важное значение имеет формирование новой глобальной этики. Это требует отказа от традиционного понимания прогресса и традиционного понимания парадигм развития.

[24] Ibid. P. 105.

О.Г. Парамузова

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Новые угрозы и вызовы международной безопасности ведут к переоценке правовых норм. Подобная международно-правовая трансформация, нашедшая воплощение в различных уровнях международного и национального правосознания, неизбежно требует формирования новых концептуальных подходов. Традиционные правовые методы обеспечения международной безопасности, по всей видимости, должны быть подвергнуты определенной модификации. Как справедливо отмечает Р.М. Валеев, правовое урегулирование международных отношений в условиях глобализации приобретает особое значение в связи с увеличением масштабов и глубины универсальных проблем человечества[1]. Однако для этого требуется не только создание новых нормативно-правовых регуляторов, но и совершенствование механизма реализации уже существующих норм общего международного права.

Человечество вступило в новую эпоху своего развития, одной из характерных особенностей которой является глобализация[2], пронизывающая всю систему международных отношений. Феномен глобализации состоит в том, что, с одной стороны, происходит упрочение единства и взаимозависимости международного сообщества, а с другой — проявляются совершенно новые проблемы, от решения которых зависит будущее человеческой цивилизации. В свете новых угроз XXI в. по-новому встает и задача обеспечения международной ядерной безопасности.

Стратегической стабильности международных отношений, определявшей линию поведения ядерных государств в эпоху «холодной» войны, был нанесен серьезный удар[3]. Начинается постепенное воплощение

---

[1] *Валеев Р.М.* Контроль в современном международном праве. Казань, 2003.

[2] В нашу задачу не входит исследование проблемы глобализации во всем многообразии ее проявлений, но глобализация сегодня выступает лейтмотивом развития международного права (см. подробнее: *Лукашук И.И.* Глобализация и международное сообщество // Право и политика. 2000. № 4; *Kollner P.* Risico oder Chance? // Internationale Politik. 1998. N 5; *Mead W.R.* Power, Terror, Peace and War: America's Grand Strategy in a World at Risk. New York, 2004).

[3] См., напр.: *Макнамара Р.С.* Безрассудство политики США и НАТО в области ядерного оружия // Международная жизнь. 2005. № 3–4. С. 89–117; *Кокошин А.* Размышления о

в жизнь доктрины упреждающих ударов. Режим нераспространения ядерного оружия нуждается в укреплении и совершенствовании таким образом, чтобы повышать эффективность международного контроля за военным и мирным использованием атома. Это означает поиск качественно новых подходов к проблеме международной ядерной безопасности.

Учитывая широкий спектр задач, решение которых необходимо для снижения ядерных рисков, определяющей должна быть модернизация правового поля на международном и национальном уровнях. Подобная деятельность немыслима в русле старых правовых концепций. Вместе с тем крайне важно подчеркнуть, что любые кардинальные новации, затрагивающие межгосударственную систему, не должны идти вразрез с общепризнанными нормами международного права, и в первую очередь с нормами jus cogens[4].

Необходимость новых подходов в сфере международно-правового регулирования вопросов безопасности отдельных государств и человеческой цивилизации в целом требует как серьезного теоретического переосмысления традиционных правовых представлений, так и проработки способов практического воплощения в жизнь положений современных.

Одной из них, на наш взгляд, должна быть концепция «ядерного нераспространения в контексте всеобъемлющего подхода к международной безопасности». Она позволит рассматривать в комплексе все аспекты атомной деятельности сквозь призму универсальной (глобальной) международной безопасности в плане исключения неконтролируемых ядерных реакций и причинения соответствующего ущерба.

В эпоху противостояния двух социально-экономических систем механизм коллективной безопасности, закрепленный в Уставе ООН, был значительно ослаблен ввиду того, что в основе отношений между двумя противоборствующими военными группировками (НАТО и Организацией Варшавского Договора) лежал принцип равенства и одинаковой безопасности, юридическое содержание которого означало сохранение баланса сил. В связи с самороспуском Варшавского Договора, а также произошедшими в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. в странах Восточной Европы социально-политическими изменениями, военный пари-

---

книге Г. Аллисона «Ядерный терроризм» // Международная жизнь. 2004. № 7–8. С. 168–169.

[4] Императивная норма общего международного права.

тет между двумя «сверхдержавами» (СССР и США) перестал существовать. В условиях завершения эры конфронтации потребовалось выдвинуть новый поход к обеспечению международного мира и безопасности. В чем заключается его суть? Попытаемся определить его характерные черты.

Прежде всего, на смену принципов равенства и одинаковой безопасности, в основе которых лежала концепция баланса сил (паритета), приходит принцип равной безопасности (юридическое равенство государств при осуществлении их права на безопасность), который базируется на концепции баланса интересов. Последнюю можно сформулировать следующим образом:

– учет законных интересов всех без исключения государств;

– невозможность обеспечения собственной национальной безопасности за счет безопасности других[5];

– недопустимость противостояния интересов национальных и общечеловеческих;

– безопасность может быть только для всех и одинаковой для всех, ибо мир неделим.

Как отмечает И. Генов, «новая модель безопасности призвана преодолеть вековое противостояние между "собственной" и "чужой" безопасностью, национальной и международной»[6]. Невозможно обеспечить безопасность в одиночку, это реально только в рамках всемерного укрепления международной безопасности.

Новое видение проблемы международной безопасности послужило причиной создания концепции всеобъемлющего подхода к международной безопасности, смысл которой, по утверждению С.А. Малинина, может быть определен следующим образом: это «обеспечение такой организации международных отношений, которая бы исключала возможность возникновения войны...»[7]

Особенность концепции всеобъемлющей международной безопасности проявляется в том, что, с одной стороны, она базируется на Уставе

---

[5] В связи с этим важно подчеркнуть, что государства должны быть ограничены в выборе средств поддержания своей национальной безопасности. Использование военной силы, например, правомерно только в случае индивидуальной или коллективной самообороны на основании ст. 51 Устава ООН.

[6] См.: *Генов И.* Правото и силата в съвременните междудържавни отношения. София, 1988. С. 158.

[7] См.: *Малинин С.А.* Всеобъемлющий подход к международной безопасности // Международное право / Под ред. Г.И. Тункина. М., 1994. С. 258.

ООН и вытекает из основных принципов международного права, а с другой стороны, концепция призвана способствовать созданию более совершенного механизма обеспечения мира и поддержания международного правопорядка, чем это предусмотрено в Уставе. Так, например, в Уставе ООН не упоминаются многие проблемы межгосударственных отношений, ставшие в последние десятилетия крайне актуальными, требующими скорейшего разрешения:

– запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения;

– недопущение гонки вооружений в космосе;

– предотвращение международного терроризма во всех возможных его проявлениях;

– перестройка международных экономических отношений;

– защита от загрязнения окружающей среды;

– обеспечение и защита прав и основных свобод человека и международно-правовой ответственности[8].

Отсюда следует вывод — эффективность функционирования системы всеобъемлющей международной безопасности может быть обеспечена путем строгого соблюдения основных принципов и норм международного права при одновременном качественно новом развитии международного права[9].

Важнейшим компонентом указанной концепции является безопасность в военной сфере. Общепризнанно, что одним из важных аспектов комплекса мероприятий по недопущению развязывания ядерной войны, с одной стороны, и деятельности по обеспечению безопасного использования энергии атома, с другой стороны, является всеобщее и полное ядерное разоружение.

Всеобъемлющая программа выражалась последовательно в двух формулах: всеобщее сокращение вооружения (включающее и ядерное разоружение)[10] и всеобщее и полное разоружение (в том числе ядерное,

---

[8] См. подробнее: Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник / Отв. ред. Б.М. Клименко. М., 1990. С. 6.

[9] *Рыбаков Ю.М.* Правовые аспекты обеспечения всеобъемлющей системы международной безопасности и развитие международного сотрудничества // Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право / Ред. В.С. Верещетин, М.М. Славин, Р.А. Тузмухамедов. М., 1987. С. 5.

[10] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 41(1) от 14 декабря 1946 г.

т. е., запрещение применения, производства, испытания такого оружия и уничтожение его запасов[11]).

Ближайшая цель международного сотрудничества — принятие частичных мер в области ядерного разоружения. К ним относятся: полное запрещение применения ядерного оружия; нераспространение ядерного оружия[12], запрещение совершенствовать существующее на настоящий день оружие и напрямую связанное с данным требованием всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний[13].

Одна из главных задач обеспечения международной безопасности в политической сфере — мирное разрешение международных кризисов, конфликтов и споров, с тем чтобы предотвратить любые нарушения мира или угрозу таких нарушений, в том числе межнациональных. По мнению С.А. Малинина и В.П. Кириленко, проведение профилактической работы — главное в обеспечении международной безопасности[14]. Среди других мер политической безопасности требуется назвать: укрепление гарантий относительно ненападения, особенно ядерного; исключение случайного применения ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств; предотвращение международного терроризма вообще и ядерного терроризма в частности.

В начале XXI в. расстановка сил в мире претерпела серьезные изменения, однако концепция всеобъемлющего подхода к международной безопасности по-прежнему актуальна и применима. Как справедливо отмечает И.И. Лукашук, «международное право стало необходимым для нормального функционирования международной системы... Оно служит важным фактором содействия глобальному развитию с учетом интересов международного сообщества»[15].

В эпоху глобализации опасность применения ядерного оружия отнюдь не снизилась, а, возможно, даже и возросла. По крайней мере, можно сделать вывод о генезисе новых факторов, усложняющих реализацию цели всеобщего и полного разоружения. Возникли новые угрозы международной

---

[11] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1378(XIV) от 20 ноября 1959 г.

[12] *Комаров П.В.* Всеобъемлющий подход к режиму нераспространения ядерного оружия // Правоведение. Альманах молодых ученых. СПб., 2003. № 1.

[13] 10 сентября 1996 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (см.: Договор о запрещении ядерных испытаний одобрен Генеральной Ассамблеей ООН // Санкт-Петербургские ведомости. 1996. 12 сент.).

[14] *Малинин С.А., Кириленко В.П.* Международная безопасность на современном этапе (концептуальный подход) // Региональная политика. СПб., 1992. № 5. С. 53–54.

[15] *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. М., 2004. С. 361, 363.

безопасности, которые далеко не всегда исходят от «великих держав», юридических обладателей ядерного оружия. В связи с появлением на международной арене «негосударственных игроков» (негосударственных организаций, сект, террористических групп) возросла вероятность применения ядерного оружия не только государствами, но и участниками транснациональной террористической сети.

В этой связи можно вспомнить недавнее разоблачение международной преступной сети, возглавляемой пакистанским ученым-ядерщиком Абдулом Кадир Ханом, который в 2004 г. был обвинен в продаже ядерных секретов и ядерных материалов Ливии, КНДР, Ирану. Подобную деятельность «отец исламской атомной бомбы» осуществлял с 1980-х гг. В результате проведенного МАГАТЭ исследования было установлено, что в преступную сеть Хана были вовлечены посредники из стран Азии, Африки, Европы и Ближнего Востока. Определенные подозрения имеются и в отношении Российской Федерации, Китая, Испании, Японии, Шри-Ланки, Турции, Малайзии. Однако для подтверждения этих преступных связей требуется дополнительная информация, которой МАГАТЭ на сегодняшний день не владеет в полном объеме.

Стоит отметить, что определенная опасность создания «черных» ядерных рынков, очевидно, должна исходить от ЮАР. Несмотря на то, что ЮАР отказалась в 1990-е гг. от дальнейшего развития ядерной инфраструктуры, есть все основания полагать, что страна по-прежнему располагает вполне совершенной интеллектуальной базой, ядерными технологиями и ядерным оборудованием. В 2005 г. стало известно о существовании тайных каналов поставки оборудования и технологий модернизации ядерного оружия в Пакистан. Причем ни один из этих каналов не фигурировал в деле 2004 г. Наконец, требуется обратить внимание на то, что проблемы, существующие в области ядерного нераспространения, в частности несоблюдение в полном объеме обязательств по ДНЯО, неизбежно привели к росту предложений в области ядерных материалов и технологий, что не могло не сказаться на росте спроса.

Рассматривая проблему эскалации угрозы международного терроризма, целесообразно привести цитату из внутригосударственного акта США «Стратегия национальной безопасности» 2002 г.: «природа и мотивация этих новых недругов, их решимость заполучить ту разрушительную силу, которой обладают только самые сильные мировые державы, и большая ве-

роятность того, что они используют оружие массового поражения против США, делают среду безопасности более сложной и опасной... »[16]

Оборотной стороной указанной проблемы стало возложение США на себя особой роли в борьбе с терроризмом. «Террористическая угроза» послужила своего рода катализатором к принятию Штатами доктрины упреждающих ударов, согласно которой возможно применение упреждающей военной силы против «возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются»[17].

Исключительно важным связующим элементом обеспечения безопасного использования атомной энергии и укрепления режима нераспространения ядерного оружия является задача недопущения незаконного обращения с расщепляющимися материалами, которые высвобождаются в результате демонтажа ядерного оружия.

Обеспечение безопасности при мирном использовании атомной энергии имеет двойственный характер. Во-первых, недопущение переключения ядерных материалов, используемых в мирной атомной деятельности, на военные цели. А во-вторых, обеспечение безопасности обращения с ядерными материалами с целью предотвращения радиоактивного заражения населения планеты, атмосферы, вод Мирового океана, почв, растительного и животного мира, т. е. всей биосферы Земли.

Решение проблемы безопасности при мирном использовании атомной энергии возможно только совместными усилиями всех членов мирового сообщества. Такой подход обусловлен целым рядом причин, среди них — тяжесть последствий аварий на ядерных объектах: широкий пространственный охват радиоактивных заражений окружающей среды, в том числе и территорий других государств, Мирового океана и т. д.; огромные материальные затраты для ликвидации последствий; принятие других мер, осуществление которых подчас не под силу отдельно взятому государству)[18].

В сегодняшних условиях отношение к мирному атому далеко не однозначно. Аварии и аварийные ситуации на АЭС, вполне реальная возможность террористических нападений на объекты атомной энергетики, необходимость решения проблемы обращения с радиоактивными отхо-

---

[16] The National Security Strategy of The United States of America. Washington. 2002. September. P. 13 // www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf

[17] Ibid. P. 14.

[18] См. подробнее: *Иойрыш Л.И., Мостовец Л.И.* Международный режим безопасного развития ядерной энергетики. М., 1988. С. 5–6.

дами и отработавшим ядерным топливом — эти и другие причины заставляют задуматься о будущем мирной атомной деятельности.

Обеспечение международной безопасности в процессе военного использования ядерной энергии, помимо тесной взаимосвязи с проблемами мирного атома в плане физической защиты ядерных материалов и недопущения переключения на военные цели, имеет свои особенности. Причем окончание «холодной войны», вопреки ожиданиям, не привело к снятию проблемы ядерной безопасности в военной сфере.

Это объясняется тем, что, во-первых, появились новые ядерные государства de facto, и не исключено дальнейшее увеличение численного состава членов «ядерного клуба». Во-вторых, на арену международной политической игры вышли новые негосударственные «игроки», в связи с чем возросла опасность использования ими ядерного оружия. В-третьих, ядерные государства по-прежнему не готовы отказаться от своего ядерного потенциала, поэтому конечная цель всеобщего и полного разоружения еще весьма далека. В-четвертых, существуют вполне оправданные опасения по поводу возможного нарушения статуса зон, свободных от ядерного оружия, поэтому необходимо вести дальнейшую международно-правовую работу по поддержанию статуса существующих безъядерных зон и созданию новых. В-пятых, серьезное беспокойство у международного сообщества вызывает поведение Соединенных Штатов, которые, руководствуясь идей борьбы с международным терроризмом, не только не считаются с интересами других государств при проведении своей внешнеполитической линии, но и нарушают основополагающие нормы международного права.

В этой связи требуется обратить внимание на разработанный в 2005 г. документ — «Доктрина совместных ядерных операций»[19]. В нем говорится, что Соединенные Штаты должны быть готовы к применению ядерного оружия. Американские военные получают право запрашивать у президента санкцию на нанесение ядерного удара по тем государствам и террористическим группировкам, от которых будет исходить угроза применения оружия массового уничтожения против США или их союзников. Таким образом, новая «Доктрина...» в случае ее окончательной легитимации станет своего рода «продолжением» доктрины Дж. Буша-младшего об упреждающих военных действиях.

Дальнейшее развитие атомной индустрии должно проходить в русле продуманных научно-теоретических и практически осуществимых под-

[19] См. об этом подробно: Российская газета. 2005. 28 сент.

ходов к обеспечению ядерной безопасности. Подобная деятельность будет плодотворной только в рамках действующего международного права, и прежде всего Устава ООН. Причем в условиях современного международного правопорядка большее внимание требуется уделять не созданию новых международно-правовых норм, а повышению эффективности правоприменительного процесса в условиях строжайшего международного контроля и неотвратимости международно-правовой ответственности за их нарушение[20].

Международная ядерная безопасность, по нашему мнению, требует рассмотрения в двух смыслах: широком и узком. Ядерная безопасность в широком смысле предполагает: обеспечение безопасного использования энергии атомного ядра, как в военной, так и в мирной деятельности; предотвращение любой малейшей возможности возникновения конфликтов, в том числе локальных (региональных), каждый из которых в случае использования ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств способен перерасти в мировую ядерную войну и привести человечество к гибели.

Ядерная безопасность в узком смысле, в отличие от ее понимания в широком смысле (как составной части всеобъемлющей международной безопасности), предполагает: осуществление комплекса согласованных действий и мер правового, организационного и технического характера, как на национальном, так и международном уровне с целью обеспечения безопасности в отдельных сферах атомной деятельности.

Понятие «ядерная безопасность», являясь по своему характеру и сущности достаточно неоднозначным, имеет весьма сложную природу. Для раскрытия смысла и содержания данного понятия представляется целесообразным рассмотреть его с точки зрения системного подхода. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что «ядерная безопасность» — понятие комплексное, своего рода «система», состоящая из нескольких структурных подразделений (элементов системы). В качестве основных аспектов ядерной безопасности можно выделить три наиболее главных:

1) недопущение применения накопленного в мире ядерного оружия, запрещение его испытаний, создание и поддержание статуса безъядерных зон, а в конечном счете — всеобщее и полное ядерное разоружение;

2) обеспечение безопасности — с одной стороны, и предотвращение незаконного использования ядерных материалов, высвобождающихся в результате демонтажа ядерного оружия при осуществлении разоружения, —

---

[20] См., напр.: *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. М., 2004.

с другой;

3) обеспечение безопасности при мирном использовании атомной энергии.

Что касается первого аспекта ядерной безопасности, то здесь требуется дать некоторые пояснения. Программа максимум в данной сфере заключается в постепенном проведении в жизнь концепции всеобщего и полного ядерного разоружения. Данная цель, несмотря на предпринимаемые усилия, все еще далека до полной реализации, осуществляются лишь частичные меры.

С точки зрения действующего международного права, и прежде всего Устава ООН, применение государством силы против территориальной целостности, политической независимости другого государства (государств) или использование силы любым другим образом, несовместимым с целями и принципами ООН, составляет объективную сторону одного из самых опасных международных преступлений — агрессии, при одном немаловажном условии — при наличии признака «первенства». Если же подобное деяние совершается с помощью ядерного оружия, относящегося к оружию массового уничтожения, то данный факт только усугубляет вину государства-нарушителя.

Тогда возникает вопрос: как следует расценивать действия государства, применившего ядерное оружие в качестве ответной меры на ядерное нападение другого государства? Присутствуют ли здесь элементы состава международно-противоправного деяния, или подобные действия могут быть квалифицированы как правомерные?

В этой связи необходимо обратиться к Консультативному заключению Международного суда ООН, вынесенному по просьбе Генеральной Ассамблеи ООН 8 июля 1996 г.[21]

Международный суд ООН принял единогласное решение относительно того, что «угроза силой или ее применение посредством использования ядерного оружия, противоречащие п. 4 ст. 2 Устава ООН и не отвечающие требованиям ст. 51, являются незаконными» (параграф 105(2)(C)). Международный суд также постановил, что «угроза ядерным оружием или его применение, как правило, противоречило бы нормам международного права, применяемого в вооруженном конфликте, в особенности — принципам и нормам гуманитарного права» (параграф 105(2)(E)). Тем не менее

[21] См. документ: Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons (Advisory Opinion of the International Court of Justice, July 8, 1996), UN Doc. A/51/218 (1996), 35 I.L.M. 809 & 1343 (1996). Текст документа см.: Международное ядерное право в документах / Сост. Р.М. Валеев, А.Р. Каюмова, Р.И. Ситдикова. Казань, 1999. С. 111–161.

по политическим мотивам суду не удалось сформулировать логически выдержанное четкое правовое заключение относительно «законности или незаконности применения ядерного оружия государством в чрезвычайной ситуации самообороны, когда под угрозой находится выживание самого государства» (параграф 105(2)(E))[22].

На наш взгляд, правомерность применения ядерного оружия в случае самообороны, в связи с отсутствием соответствующих международно-правовых норм, должна зависеть от общепризнанных принципов и норм международного права, а также специальных принципов права международной безопасности. «...Самооборона не оправдывает отступление от некоторых обязательств, в частности от обязательств в области гуманитарного права и прав человека... обязательства в отношении нейтральных государств, нарушение которых не оправдывается самообороной от агрессора»[23].

При оценке соразмерности и необходимости самообороны «государства должны принимать во внимание экологические соображения»[24]. Учитывая характер ядерного оружия, невозможно исключить трансграничное загрязнение окружающей природной среды, так же как и проявление негативных последствий его применения на третьи государства. Поэтому применение ядерного оружия в порядке самообороны не укладывается в рамки принципа соразмерности и необходимости и, следовательно, не согласуется с действующим международным правом.

Из сказанного выше следует, что содержание понятий «ядерная и радиационная безопасность», «международная ядерная безопасность» включает новые аспекты вслед за расширением сфер и географии применения энергии атома. В рамках современного международного правопорядка вряд ли оправдано разделение ядерной безопасности на две составляющие: военную и мирную. Понятие «ядерная безопасность» само по себе не может быть однозначным и имеет различные смысловые оттенки.

Международная ядерная безопасность — это такое состояние международных отношений, когда существует уверенность в отсутствии

---

[22] Однако требуется отметить, что указанное решение Международного суда не было единогласным. Трое судей, высказавших особое мнение, настаивали на том, что ядерное оружие незаконно при любых обстоятельствах. Наиболее содержательным представляется особое мнение судьи Вирамантри, основанное на его принципиальном несогласии с понятием «общей» незаконности и с возможным исключением в целях самообороны.

[23] *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. С. 173–174.

[24] См.: ICJ Reports. 1996. P. 242.

опасности ядерной агрессии. В контексте концепции всеобъемлющего подхода к международной безопасности смысловое содержание понятия «международная ядерная безопасность» может быть еще более конкретизировано и определено как обеспечение такой организации взаимоотношений субъектов международного права, в которых была бы абсолютно или с большей долей вероятности исключена ядерная противоправность во всех ее возможных проявлениях.

На наш взгляд, ядерное нераспространение необходимо рассматривать в узком и широком смысле. Реализация концепции ядерного нераспространения в узком смысле предполагает создание и функционирование режима нераспространения ядерного оружия. Целью режима нераспространения ядерного оружия является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не стали таковыми до 1 января 1967 г., но этим не ограничивается его назначение. У режима есть и другая не менее важная цель — стремиться к сокращению и окончательной ликвидации в будущем ядерного оружия. Поэтому указанный режим призван предотвратить как горизонтальное, так и вертикальное ядерное распространение.

К середине 1960-х гг. пять государств стали обладателями ядерного оружия. В 1945 г. Соединенные Штаты провели первое ядерное испытание, в 1949 г. испытал ядерное взрывное устройство Советский Союз. Великобритания провела первое испытание в 1952 г., Франция — в 1960 г., Китай — в 1964 г., Индия — в 1974 г.[25] В 1950-е гг. был дан старт ядерным программам в Австралии, Египте, Швейцарии, Швеции[26]. Однако достаточно скоро пришло понимание чрезвычайной опасности, которую несет в себе применение ядерного оружия, особенно в том случае, когда им владеют обе стороны конфликта. Следствием осознания факта «маловероятной применимости» в традиционных военных целях ядерного оружия явилось широкомасштабное антиядерное движение[27].

Тем не менее наложить абсолютный запрет на ядерное оружие международное сообщество было не готово, ввиду появления двух взаимоисключающих тенденций:

---

[25] Индия до сих пор не является ядерным государством de jure, хотя фактически она имеет ядерное оружие, и неоднократно проводила его испытания.

[26] См. подробнее: *Гарднер Г.* Ядерное нераспространение: Учебное пособие / Пер. с англ. М., 1995. С. 57–58; Known Nuclear Test Worldwide, 1945–1998 // Bulletin of Atomic Science. 1998. Vol. 54. N 6.

[27] См. подробнее: Ядерное нераспространение / Под общей редакцией В.А. Орлова и Н.Н. Сокова. М., 2000. С. 8.

– все большее число государств, не владеющих ядерным оружием, не исключало возможности отказа от ядерных программ при условии, что и другие государства пойдут на это;

– государства, имеющие ядерное оружие, не имели намерения расставаться с ним.

В связи с этим единственным способом решения указанной проблемы был следующий — ограничить число ядерных государств теми странами, которые уже владели ядерным оружием, и тем самым предотвратить дальнейшее растекание ядерного оружия по планете. Что и было воплощено в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

Надо отметить, что ядерные государства еще в эпоху «первого ядерного века»[28] осознали фактор абсолютной непригодности использования ядерного оружия в военных целях, поскольку его применение ядерными государствами друг против друга нельзя расценить иначе как добровольное самоубийство. В этой связи можно сослаться на высказывание бывшего министра обороны США Р. Макнамары[29]. Еще в 1983 г. он предположил следующее: «Я не думаю, что нам удастся избежать серьезного неприемлемого риска ядерной войны до тех пор, пока мы не признаем и не возьмем за основу при разработке всех наших планов, оборонных бюджетов, при развертывании оружия и на переговорах по ограничению вооружений, что ядерное оружие абсолютно непригодно не для чего, кроме как сдерживание противника от его применения...»[30]

Широкое понимание ядерного нераспространения предполагает комплексное рассмотрение ядерных угроз различного уровня и характера происхождения. Связующим звеном здесь выступает общая направленность всех мероприятий по обеспечению ядерной безопасности. Главной целью режима ядерного нераспространения в широком смысле является предотвращение ядерного ущерба в любом его проявлении, будь то применение ядерного оружия, вредоносное воздействие на человека радиационного облучения и ионизирующего излучения, аварии на ядерных объектах с радиологическими последствиями или радиационное загрязнение окружающей среды. Теоретико-правовой основой

---

[28] Такое деление на два века, скорее, является условным, но, тем не менее, оно используется в научной литературе. См., напр.: *Кокошин А.А., Веселов В.А.* и др. Сдерживание во втором ядерном веке. М., 2001.

[29] Р.С. Макнамара был министром обороны США в правительствах президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона в 1961–1968 гг.

[30] См.: *Макнамара Р.С.* Безрассудство политики США и НАТО в области ядерного оружия // Международная жизнь. 2005. № 3–4. С. 95–96.

для широкого понимания ядерного нераспространения должна стать концепция ядерного нераспространения в контексте всеобъемлющего подхода к международной безопасности.

Подтверждением взаимосвязи отдельных мер обеспечения ядерной безопасности выступают регулярно проводимые тематические международные встречи на уровне глав государств, министров иностранных дел, международные конференции универсального и регионального характера. В этом плане весьма показательны выводы, к которым пришли участники Конференции по ДНЯО, проходившей в мае 2000 г. в Нью-Йорке.

В Заключительном акте Конференции подчеркивается, что ДНЯО 1968 г. может способствовать осуществлению международного сотрудничества в области ядерной и радиационной безопасности в соответствующих рамках нераспространения[31]. Конференция признала главную ответственность отдельных государств за безопасность ядерных установок, находящихся на их территории или под их юрисдикцией, и крайне важное значение технической, кадровой и регуляторной составляющих надлежащей национальной инфраструктуры в области ядерной безопасности, радиологической защиты и обращения с радиоактивными отходами.

Очевидно, что ДНЯО переживает в настоящий момент достаточно серьезный кризис. Свидетельств тому предостаточно: отказ ядерных государств от дальнейшего осуществления ядерного разоружения, увеличение числа пороговых и околоядерных государств, выход из Договора Северной Кореи, эскалация ядерной угрозы со стороны Республики Иран, безуспешно проведенная в 2005г. 7-я Конференция по ДНЯО и многие другие. В связи с этим крайне важно разработать и обеспечить практическую реализацию внутренне согласованной системы определенных политических и правовых мер, которые необходимо предпринять с целью реформирования и повышения эффективности Договора 1968 г. с учетом сегодняшних реалий. Можно предложить, в частности, следующие пути повышения его эффективности:

1. Ужесточить режим инспекционных проверок и проводить инспекции также при наличии сомнений относительно соблюдения государствами обязательств по Договору о нераспространении ядерного

---

[31] Заключительный документ Конференции 2000 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению Договора. Нью-Йорк. 19.05.2000 // www.pircenter.org/WebHelp/dss/zakdoc1.htm

оружия, а не только, руководствуясь фактическими данными о тех или иных нарушениях. Наиболее эффективными, на наш взгляд, являются интрузивные инспекции. Для реализации данной цели было бы уместным придать обязательный характер подписанию Дополнительного Протокола к ДНЯО (о проверке ядерных объектов экспертами МАГАТЭ).

2. Запретить выход из ДНЯО, учитывая прецедент, созданный Северной Кореей.

3. Создать под эгидой ООН специальный орган по осуществлению контроля за мирной атомной деятельностью, который должен быть связан соглашением о сотрудничестве как с главными органами ООН, так и с МАГАТЭ.

4. Организовать международный информационный центр (банк данных), в который бы поступала вся информация, связанная с нарушением обязательств государств в области нераспространения. Определенный здравый смысл несет в себе и идея создания специальной системы мониторинга окружающей среды, по аналогии с Международной системой мониторинга, предусмотренной Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.

5. Усовершенствовать национальные законодательства государств с целью обеспечения гарантированного доступа международных инспекторов ко всем данным, представляющим интерес для целей инспекции, материалам, поставленным под гарантии МАГАТЭ, ко всем лицам, несущим ответственность за обеспечение ядерной безопасности.

6. Внести уточнения в понятие «ядерная безопасность», по крайней мере, в подобной модификации нуждаются два основных аспекта политической и правовой культуры ядерных государств. Первое изменение касается классификации всех государств на ядерные (законные обладатели ядерным оружием) и неядерные (незаконные обладатели).

Второй аспект, в отношении которого требуется проведение качественно новой политики, — обеспечение неукоснительного соблюдения договорных обязательств доминирующими державами, игнорирующими в последние годы ставшие им «неудобными» обязательства, вытекающие из разоруженческих международных договоров. Поэтому важно не только совершенствовать процесс правоприменения, но и обеспечивать неотвратимость международно-правовой ответственности любого государства, допустившего даже незначительные нарушения международных обязательств по Договору 1968 г.

7. Отказаться от политики «двойных стандартов» в области нерас-

пространения. Это касается всех околоядерных и пороговых государств.

Статья IV ДНЯО закрепляет за государствами-участниками право развивать без дискриминации исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях, участвовать в возможно самом полном обмене оборудованием, материалами и научно-технической информацией.

В связи с содержанием данной нормы особый интерес представляет собой правовая квалификация атомной деятельности Республики Иран на предмет ее соответствия ДНЯО 1968 г.[32], с одной стороны, и действий государств, в том числе ядерных, в отношении ситуации вокруг ядерной программы Ирана — с другой. Учитывая сложившуюся на сегодняшний день на международной арене ситуацию, окончательное урегулирование которой еще весьма прозаично и которая вполне может привести к еще бóльшим международным трениям, данному вопросу требуется уделить особое внимание.

По оценкам экспертов, Иран обладает запасами сырья, достаточными для производства пяти ядерных зарядов[33]. На вооружении его армии находятся ракеты «Шахааб» с радиусом действия 1500 км. Иран располагает 30–50 объектами, имеющими отношение к ядерной программе[34]. По оценкам израильской разведки, Иран уже в 2007 г. сможет получить ядерное оружие.

По мнению профессора А. Йонаха из международного центра по изучению терроризма и капитана Д. Свецки, специализирующегося по вопросам геополитики, особую озабоченность международного сообщества в отношении Ирана вызывают две основные тенденции.

Первая тенденция — это расширение Тегераном «джихада» («священной войны») и «шахада» («самопожертвования»). Подобное обстоятельство значительно усложняет борьбу с международным террориз-

---

[32] Иран является участником Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. в качестве неядерного государства. Следовательно, действия Ирана в области атомной энергии должны соответствовать, прежде всего, ст. III Договора. Следовательно, если Иран отказывается от своих гарантийных обязательств и приема на своей территории экспертов МАГАТЭ, то он утрачивает право пользоваться помощью других государств в сфере мирного атома.

[33] См. подробнее: *Шестаков Е.* Виртуальная угроза // Российская газета. 2005. 2 февр. С. 8.

[34] Основными ядерными объектами Ирана в настоящее время являются исследовательский реактор TRR (Тегеран), комплекс по обогащению урана (Натанз), ядерно-исследовательский центр и конверсионный завод UCF (Исфахан), урановый рудник (Саганд), завод по производству тяжелой воды и исследовательский реактор IR-40 (Арак).

мом, в том числе — ядерным. Вторая тенденция — это решимость иранского режима активно развивать свою ядерную программу. Несмотря на постоянные заверения Тегерана о мирной направленности его атомной деятельности, А. Йонах и Д. Свецки полагают, что со стороны этого мусульманского государства исходит серьезная опасность: «...анализ ядерной инфраструктуры Исламской республики Иран, базирующейся на шести основных объектах, вкупе с реальной возможностью наличия у Ирана тайной ядерной программы, о которой не знает МАГАТЭ, не дает миру никакой "объективной гарантии" мирной направленности иранского атома...» Поэтому возможно такое развитие событий, «...при котором Тегеран пойдет на применение сверхоружия, от примитивной "грязной" бомбы до настоящей атомной бомбы, используя для этого террористические сети»[35].

Данная точка зрения не лишена здравого смысла, однако ее вряд ли следует абсолютизировать. Она является по своей сути выражением позиции Соединенных Штатов, преследующих свои далеко идущие цели, вполне понятные и конкретные. Несмотря на то, что США в целом выступают против силовых решений «проблемы Ирана», предлагая, в частности, сдать ядерные материалы и оборудование на хранение в Национальную лабораторию, все больше представителей американской администрации склоняются к мнению, что данную проблему нельзя решить дипломатическим путем. Они называют «пустой тратой времени» переговоры о разоружении, которые МАГАТЭ и ЕС ведут с Ираном уже долгие годы[36].

Как заявил заместитель госсекретаря США по контролю над вооружениями Дж. Болтон, американские власти вполне допускают вероятность нанесения Израилем превентивного удара по ядерным объектам Ирана, аналогично тому, как это было сделано в 1981 г. в отношении иракского ядерного центра[37]. По мнению ряда израильских официальных лиц[38], реализация ядерной программы Ирана представляет серьезную угрозу не только государству Израиль, но и Саудовской Аравии,

---

[35] См. подробнее: анализ статьи из журнала «Вашингтон Таймс», посвящённой ситуации вокруг ядерной программы Ирана 15.04: Можно ли помешать ядерному Ирану? // IranAtom.Ru — информационный сайт «Голос ядерного Ирана». Атомная энергия в Иране. www.iranatom.ru

[36] *Шестаков Е.* Виртуальная угроза. С. 8.

[37] Там же.

[38] См. в частности: *Митник Дж.* Превентивный удар по Ирану (Cristian Science Monitor) / Пер. с англ.

Европе и интересам США в Персидском заливе. Превентивные удары широко применялись и продолжают считаться одним из важных элементов оборонной доктрины Израиля.

В этой связи представляется целесообразным уделить некоторое внимание самой «концепции упреждающего удара»[39], которая на сегодняшний день является, пожалуй, одной из определяющих во внешнеполитической доктрине США. Понятие «упреждающий удар» было определено в 2002 г. в «Стратегии национальной безопасности». Согласно ей, подобный удар допускается в отношении не только международного терроризма, но и враждебно настроенных государств[40]. Причем такое право у Соединенных Штатов возникает еще до того, как «соответствующая угроза достигнет государственной границы»[41]. При необходимости США готовы к односторонним действиям. Вполне очевидно, что принятие подобной доктрины является крайне опасным проявлением амбициозной политики и, как справедливо отмечают С.Д. Гольцов и Ю.Н. Малеев[42], представляет собой возврат к доктрине превентивной самообороны[43].

По нашему мнению, подобная концепция по своей сути и содержанию противоречит императивным нормам международного права, и в первую очередь положениям Устава ООН. Согласно ст. 51 Устава, право государства на самооборону возникает лишь в случае вооруженного нападения одного государства на другое. Подобное право не должно толковаться расширительно. О мерах, принятых государством в порядке самообороны, должно быть немедленно сообщено Совету Безопасности. Таким образом, Соединенные Штаты, присваивая право на превентивный удар, тем самым возлагают на себя полномочия Совета Безопасности.

---

[39] См. также: *Арбатов А.Г., Белоус В.С., Пикаев А.А., Барановский В.Г.* Снижение боеготовности ядерных сил России и США путь к уменьшению ядерной угрозы. М., 2001; *Иванов А., Воронцов А.* Пхеньян бряцает реактором. США и Корея грозят друг другу ядерной войной // Коммерсант. 2002. 25 дек. № 232.

[40] The National Security Strategy of The United States of America. Washington. 2002. September. P. 13 // www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf

[41] Ibid.

[42] *Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н.* Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 48.

[43] *Прокофьев Н.В.* К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территории иностранных государств // Московский журнал международного права. 2003. № 1. С. 40–60.

Справедливости ради необходимо отметить, что возможность осуществления превентивных военных акций на территории иностранных государств, предусмотрена также в российской Военной доктрине от 21.04.2000 № 700[44]. Однако главными целями обеспечения военной безопасности, согласно этой доктрине, являются: предотвращение, локализация и нейтрализация внешних угроз РФ (ч. I, п. 7, абз. 2).

Часть I, п. 5 Доктрины определяет внешние угрозы, при существовании которых у РФ возникает право на осуществление превентивных акций, среди которых, в частности, названы: территориальные претензии к Российской Федерации; вмешательство во внутренние дела; наличие очагов вооруженных конфликтов; создание (наращивание) группировок войск; расширение военных блоков; ввод иностранных войск на территории, сопредельные с РФ; действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в том числе путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов; враждебные информационные действия; дискриминация прав российских граждан в иностранных государствах; международный терроризм. В любом случае предпочтение должно отдаваться политическим, дипломатическим и другим невоенным средствам.

Возвращаясь к проблеме Ирана, предположение Соединенных Штатов о возможности нанесения Израилем превентивного удара по ядерным объектам Ирана представляется вряд ли возможным в сегодняшних условиях. В отличие от иракских ядерных объектов, которые в момент нанесения Израилем удара были сконцентрированы в одном месте (в Озираке), Иран рассредоточил свои заводы по производству ядерного топлива во множестве регионов страны. Скорее всего, подобное обстоятельство подтолкнет США осуществить в Иране уже апробированные в Ираке действия контрольного и вместе с тем карательного характера.

На этапе переговоров между Тегераном и тремя европейскими странами (Великобритания, Франция, Германия) в начале и первой половине 2005 г. Евросоюз был в принципе согласен с продолжением в Иране мирной ядерной деятельности и включением Исламской Республики в список стран, обладающих полным ядерным циклом. Если бы данный

---

[44] Военная доктрина РФ // www.mil.ru/articles/article3936.shtml

процесс проходил и далее в том же русле, то все антииранские санкции США, по всей видимости, утратили бы свою эффективность. Однако в сентябре 2005 г. парламент Ирана принял законопроект, обязывающий правительство приостановить соблюдение Дополнительного протокола к ДНЯО[45], что не только подорвало уверенность международного сообщества в мирной направленности иранской атомной деятельности[46], но и углубило пропасть в отношениях с государствами Евросоюза.

Тем не менее, подобное поведение Ирана объясняется, скорее, не агрессивными намерениями, а стремлением создать гарантии безопасности на случай нападения США. К примеру, представитель иранского Совета Безопасности Мусавиян полагает, что «Вашингтон, возможно, примет усилия для формирования новой коалиции, которая будет выступать против освоения в Иране мирных атомных технологий и создания полного ядерного цикла. Американцы в очередной раз постараются ввести в заблуждение мировое сообщество, создать тревогу вокруг иранских ядерных программ»[47]. Он назвал бесполезными и напрасными опасения некоторых государств по поводу создания в Иране атомного оружия, так как существование ОМУ противоречит шариату и принципам Исламской Республики. «Россия и ведущие европейские промышленные государства не против развития в Исламской Республике программ развития мирного атома», — добавил Мусавиян[48].

Действительно Российская Федерация на всех российско-американских саммитах заявляла и продолжает заявлять, что строительство АЭС в Бушере, которое ведется уже 10 лет, никоим образом не приближает Иран к обладанию ядерным оружием. 27 февраля 2005 г. РФ и Иран подписали два протокола, на основе которых будут строиться дальнейшие отношения наших стран в области атомной энергетики. Согласно первому протоколу, с 2006 г. РФ начнет поставлять в Иран ядерное топливо (100 тонн) для атомной электростанции в Бушере.

---

[45] В 2003 г. Иран присоединился к типовому Дополнительному протоколу к соглашению (соглашениям) между государством (государствами) и МАГАТЭ о применении гарантий (Документ МАГАТЭ INFCIRC/540 (Corrected), утвержден МАГАТЭ в мае 1997г.) Данный документ дает возможность инспекторам МАГАТЭ проводить интрузивные инспекции.

[46] Еще в апреле 2005 г. Мусавиян утверждал, что сотрудничество Ирана с МАГАТЭ осуществляется в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия и Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях, и не будет выходить за эти пределы.

[47] См. подробнее: *Терехов Н.* РИА «Новости» 13.04 2005. Тегеран предупредил об усилиях США сформировать коалицию // IranAtom.Ru — информационный сайт «Голос ядерного Ирана». Атомная энергия в Иране. www.iranatom.ru

[48] Там же.

Причем в соответствии с требованиями международного регламента топливо должно быть поставлено за полгода до пуска АЭС. Согласно второму протоколу, в возможности принятия которого были достаточно обоснованные сомнения, отработавшее ядерное топливо должно будет возвращено в Россию с целью окончательной утилизации, по истечении определенного срока временного (приреакторного) хранения.

По мнению международных наблюдателей, участие России в ядерном проекте Ирана является определенной гарантией международной безопасности, по крайней мере, до окончания строительства[49]. Однако стоит отметить, что, когда АЭС будет пущена, международный контроль потребуется ужесточить. В ходе предстоящих инспекционных проверок особое внимание должно быть уделено условиям хранения отработанного ядерного топлива в плане обеспечения его физической защиты, ввиду того что храниться первые 10 лет после извлечения из реактора оно будет в Иране, в непосредственной близости от станции.

Усиление международного контроля за атомной программой Ирана может быть оправдано также существованием негативных прецедентов в данной сфере. Иран неоднократно маскировал свои намерения вести обогащение урана, одновременно утверждая, что вся деятельность осуществляется исключительно в мирных целях. В свое время Индия, Пакистан и Северная Корея тоже уверяли международное сообщество в исключительно мирной направленности своих ядерных программ. Однако это привело к появлению во всех трех странах программ ядерных вооружений. Но в это же время мы не можем не признать, что статус Израиля в качестве ядерной державы может заманить Иран, Сирию, Египет и другие страны присоединиться к сообществу государств, обладающих ядерным оружием.

Что касается позиции МАГАТЭ в отношении Ирана, то она далеко не однозначна. Иранское ядерное досье уже давно включено в повестку дня сессии Совета управляющих. Было принято несколько резолюций. У Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по-прежнему нет полной уверенности в абсолютной прозрачности ядерных программ Ирана. Об этом заявил еще в марте 2005 г. на пресс-

---

[49] Как заявил в Тегеране при подписании протоколов бывший тогда главой Федерального Агентства РФ по атомной энергии А. Румянцев, в ближайшее время в Бушер приедет большая группа монтажников и наладчиков, через 10 месяцев закончатся монтажные работы, еще 3 месяца будут проходить испытания, а в последующие полгода — пусконаладочные работы.

конференции в Лондоне генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед Эль-Барадеи. «Процесс верификации продолжается, но Иран еще не продемонстрировал всего того, что мы хотели увидеть», — отметил Эль-Барадеи.

До отказа Ирана от Дополнительного протокола к ДНЯО и заявления о намерении возобновить процесс по обогащению урана основными направлениями деятельности по укреплению доверия к Ирану со стороны Европы и США были, прежде всего, проводимые МАГАТЭ контрольные мероприятия. Посредством контроля со стороны этой организации проверялась прошлая ядерная деятельность Ирана и транспарентность нынешней. В сегодняшних условиях требуется действовать более решительным образом, чтобы воспрепятствовать созданию в Иране ядерного оружия.

По мнению главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук Г. Мирского, возможны три варианта решения ядерной проблемы Ирана[50]: дипломатический[51], военный[52] и с помощью механизма санкций Совета Безопасности ООН[53].

24 сентября 2005 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию[54], предоставляющую возможность передачи «ядерного досье» Ирана на рассмотрение Совета Безопасности ООН с целью формирования обвинения в нарушении ДНЯО и введения соответствующих санкций[55].

---

[50] См. подробнее: *Сорокина Н., Шестаков Е.* Санкции против Ирана неизбежны // Российская газета. 2005. 30 сент.

[51] С помощью уговоров подвести Иран к мысли о необходимости прекратить программу по обогащению урана в обмен на политические гарантии.

[52] Подобное развитие событий представляется наихудшим возможным вариантом. Нанесение военного удара по Ирану, даже если от него и исходит ядерная угроза, было бы противоправным действием с точки зрения позитивного международного права. Мало того, справедливо отмечает Г. Мирский, нанесение удара по Ирану не только спровоцирует осуждение со стороны международного сообщества, но и вызовет новую волну недовольства со стороны Правительства Иранской республики, что неизбежно осложнит и без того накаленную международную обстановку.

[53] Посредством передачи ядерного досье в Совет Безопасности ООН с целью решения вопроса о применении санкций.

[54] За принятие резолюции проголосовали 22 из 35 государств–членов МАГАТЭ, против — Венесуэла, воздержались — 12, в том числе, РФ и Китай (Российская газета. 2005. 28 сент.).

[55] За последние 10 лет только два раза Совет управляющих МАГАТЭ ставил подобный вопрос на голосование, когда не удалось решить проблему методом обычного консенсуса. Оба случая связаны с заявлениями Северной Кореи о выходе из ДНЯО в 1993 и 2003 гг.

В резолюции Ирану было предложено: приостановить все работы по обогащению урана; прекратить строительство тяжеловодного ядерного реактора; предоставить экспертам МАГАТЭ доступ к ядерным объектам и научно-исследовательской документации; немедленно ратифицировать Дополнительный протокол к ДНЯО, дающий возможность проводить интрузивные инспекции ядерных объектов[56]. Иран отклонил Резолюцию МАГАТЭ, настаивая на том, что его ядерная программа разработана исключительно с целью производства электроэнергии, и отказался от соблюдения Дополнительного протокола к Договору 1968 г.

Россия, имея свои интересы в Иране, готова идти на компромиссы. Так, в ноябре 2005 г. министр обороны России И. Иванов в ходе своего визита в Тегеран сделал официальное предложение[57] относительно разрешения конфликта вокруг иранской ядерной программы, а именно: допустить возможность осуществления на территории Ирана всех процедур по переработке урана, но обогащение производить исключительно на территории Российской Федерации[58].

11 ноября 2005 г. министр иностранных дел России С. Лавров, в свою очередь, заявил, что Россия ждет от Ирана ответных шагов в направлении осуществления компромиссного решения. Мало того, предполагалось, что, если предложение России будет принято, то «ядерное досье» Ирана не будет направлено в Совет Безопасности ООН, а следовательно, не будут применены и санкции. Однако вплоть до конца февраля 2006 г. никаких существенных подвижек в направлении принятия российского предложения у Ирана не было.

Тем не менее, хотя согласие о создании совместного предприятия для обогащения урана и о других аспектах производства топлива для иранских АЭС и было достигнуто в общих чертах, до окончательного решения этого вопроса еще далеко. Стоит отметить, что теперь уже иранские переговорщики настаивают на проведении в жизнь этой идеи, но Россия на данном этапе переговоров обусловливает возможность создания такого предприятия после того, как Иран окончательно договорится с МАГАТЭ. Речь идет, в частности, о том, что, пока Иран не

Однако санкции Совета Безопасности и в том и другом случае наложить не удалось в связи с реализацией РФ и Китаем их права вето.

[56] Текст резолюции см.: www.iaea.org

[57] К слову сказать, предложение было сделано с учетом интересов европейских государств, США и МАГАТЭ. К примеру, Соединенные Штаты всегда опасались того, что деятельность Ирана по обогащению урана приведет к созданию оружейного урана.

[58] См.: www.BBCRussian.com. 16.11.2005.

вернется к мораторию на исследования в области обогащения урана и не ратифицирует Дополнительный протокол к ДНЯО, создание совместного предприятия невозможно.

4 февраля 2006 г. Совет управляющих МАГАТЭ на своей чрезвычайной сессии принял Резолюцию о передаче ядерного досье Ирана в Совет Безопасности ООН[59]. Резолюция также предписала Ирану прекратить любую деятельность по обогащению и переработке урана, включая исследовательскую.

30 марта 2006 г. Совет Безопасности ООН принял заявление по Ирану, которое, по мнению Президента Франции Жака Ширака, высказанному им в тот же день на переговорах с госсекретарем США Кондолизой Райс, «продемонстрировало единство взглядов международного сообщества, единодушно потребовавшего от Ирана уважать принятые обязательства в сфере нераспространения ядерного оружия...»[60] В своем заявлении Совет Безопасности призвал Иран возобновить мораторий на обогащение и переработку урана и вернуться к сотрудничеству с инспекторами МАГАТЭ. Через 30 дней они должны были представить постоянным членам окончательный доклад, который позволит Совету Безопасности сделать вывод о наличии или отсутствии военной направленности в иранской ядерной программе.

В завершение разговора об Иране стоит отметить, что в результате проделанных международным сообществом усилий и в условиях, сложившихся на конец марта — начало апреля 2006 г., вероятными представляются следующие возможные сценарии дальнейшего урегулирования этого вопроса:

– в случае, если Тегеран не пойдет на компромисс и не использует последний шанс для начала переговоров, Совет Безопасности может наложить на него санкции при условии, конечно, установления МАГАТЭ в отпущенный ему 30-дневный срок наличия военной направленности в действиях мусульманской республики;

– возможно заключение сепаратного двустороннего международного договора Российской Федерацией и Иранской республикой, и тогда гарантом безопасности будет выступать Россия;

– поскольку переговоры в рамках евротройки уже исчерпали себя и возвращение к ним невозможно, целесообразно начать многосторонний пере-

---

[59] Проект Резолюции был предложен «евротройкой». За принятие Резолюции проголосовало 27 стран.

[60] См.: www.rian.ru/politics/foreign/20060331/45011350.html. 2.04.2006.

говорный процесс в новом формате.

Представляется очевидным, что дипломатический путь является более предпочтительным, естественно, при условии адекватного поведения Тегерана. Как справедливо отметил на Берлинской встрече шести государств[61] министр иностранных дел РФ С. Лавров, «санкции не приведут к окончательному решению вопроса. Решение конфликта может состояться только на основе международного права и выполнения членами международного сообщества принятых международных обязательств»[62].

Главный вывод, который представляется нам очевидным на основе проведенного выше анализа, состоит в том, что в условиях новых угроз международной безопасности крайне важной задачей является повышение эффективности механизма международно-правового регулирования вопросов ядерной безопасности. Нежелание государств отказаться от ядерного оружия и возрастание ядерных амбиций неядерных государств указывают на фактическое бездействие ДНЯО 1968 г. Существующий режим ядерного нераспространения должен быть усовершенствован и приспособлен к современным условиям международных отношений. Непринятие своевременных и адекватных характеру современных угроз мер чревато повышением вероятности конфликта с использованием ядерного оружия.

Важно задействовать все ресурсы и потенциальные возможности прежде всего «великих держав», а также международных организаций. Помимо использования ресурсов универсальной Организации Объединенных Наций, переживающей сегодня серьезный кризис, необходимо решать обозначенные в настоящем исследовании проблемы в рамках региональных международных организаций. К примеру, учитывая рост авторитета Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ее реальные успехи в решении проблем безопасности, целесообразно использовать потенциал этой организации в укреплении ядерной безопасности.

---

[61] Встреча проходила 30 марта 2006 г. в Берлине на уровне министров иностранных дел «евротройки», РФ, США и Китая.

[62] См.: www.rian.ru/politics/foreign/20060331/45011350.html. 2.04.2006.

И.В. Чернов

ВОЕННАЯ СИЛА ИЛИ «ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ» ФРАНКОФОНИИ: РОЛЬ ФРАНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ

Во Франции популярна шутка о том, что маленькая Франция чувствует себя великой державой потому, что стоит на плечах огромной Африки. Представляется, что в этом утверждении присутствует значительная доля истины. Статус Франции как великой державы, согласно официальным французским источникам, основан на следующих принципах:

1. Франция самостоятельно определяет свою внешнюю политику. Политическая самостоятельность базируется на военной силе, важной частью которой является ядерное оружие.

2. Франция влияет на принятие международных политических решений через международные организации (место в Совете Безопасности ООН, значительная роль в Европейском Союзе и т. д.).

3. Франция пытается играть роль мирового идеологического лидера, объявляя себя «знаменосцем» принципов Французской революции в мировой политике и защитницей прав человека во всем мире.

4. Франция является центром культурного притяжения для значительной части мирового сообщества.

Все эти принципы в той или иной степени связаны с сохранением французского влияния на Черном континенте. Таким образом, сохранение этого влияния является одним из приоритетов французской внешней политики. Причем если раньше (40, 30 или даже 15 лет назад) главным инструментом этого влияния рассматривалось сохранение военного присутствия Франции на Африканском континенте и использование при необходимости военной силы для защиты «франкофонных» африканских элит, то в начале XXI в. «инструменты» несколько изменились. В качестве идеологической базы французского влияния предлагается гуманистическая идеология Международной организации Франкофонии (далее — Франкофония; МОФ), а военная сила (по крайнем мере, официально) используется, скорее, не в контексте «политического реализма», а под знаменем «политического идеализма».

Остановимся прежде всего на современном идеологическом контексте деятельности Франции в современной Африке. Сама идея Франкофонии (с точки зрения ее создателей) намного шире, чем внешняя политика одного государства (или сумма внешнеполитических усилий груп-

пы государств), и может выйти на глобальный уровень, оказывая решающее влияние на будущее мировой политики в целом. Поэтому сначала необходимо рассмотреть сам феномен франкофонии.

Термин «франкофония» был введен французским географом Э. Реклю. Под ним он понимал все страны и народы, в той или иной степени использующие французский язык. По его мнению, народы французских колоний, например арабы и берберы, живущие на севере Африки, с течением времени должны были стать такими же «франкофонами», как живущие во Франции бретонцы или баски. Для Э. Реклю французский язык являлся не только орудием колониальной экспансии, но и средством распространения в отсталых странах «передовой французской цивилизации». Долгое время эта политика не имела нужды в такой организационной структуре, как Международная организация Франкофонии. Франция решала задачи поддержания своего статуса «великой державы» через колониальную политику, войны, экономическую экспансию, создание системы союзов и т. д. Распространение французского языка и культуры проходило во многом «автоматически», в шлейфе военно-политической экспансии.

После распада французской колониальной империи генерал де Голль с большой осторожностью относился к идее создания международной организации на базе бывших (прежде всего африканских) колоний, опасаясь обвинений в неоколониализме. Но всей своей деятельностью внутри страны и на международной арене де Голль объективно способствовал реализации этого проекта. Только благодаря его политике были созданы условия, необходимые для воплощения в жизнь амбициозной программы Франкофонии. Франция обрела политическую стабильность, усилила свой политический вес и независимость в мировой политике, укрепила моральный авторитет на международной сцене, сумев завершить деколонизацию африканских стран и урегулировав алжирский кризис[1]. Лишь в конце своего правления де Голль несколько смягчил свою позицию по отношению к межгосударственной надстройке над Франкофонией. Франкофония, созданная в 1970 г., призвана была заниматься лишь «культурными» вопросами, одобренными де Голлем. После ухода де Голля с политической арены и на фоне постоянного снижения авторитета Франции на мировой арене фактически началось настоящее использование Франкофонии для нужд внешней политики

[1] См.: «De Gaulle et la francophonie» par Jean-Marc Léger, conseiller en relations internationales //www2.bilinat.gouv.qc.ca/rfd/gaulle/gaulle16

страны. Одновременно этому способствовала внутриорганизационная логика развития любой организации «от простого к сложному» и «привыкание» к Франкофонии со стороны внешнего мира.

В 1980-е гг. президент-социалист уже мог пренебречь обвинениями в неоколониализме. В 1990-е гг. после крушения биполярной системы, в которой Франция имела возможность балансировать между СССР и США для демонстрации «независимости» своей внешней политики, началась активизация франкофонного проекта, чтобы заполнить вакуум.

Согласно данным Высшего совета Франкофонии, к концу XX в. в мире было более 112 млн человек, постоянно использующих французский язык в качестве средства общения. Еще более 60 млн человек использовали французский язык время от времени. Общий итог — более 172 млн франкофонов. Наибольшее количество носителей французского языка за пределами Франции проживало в девяти странах — Алжире, Канаде, Марокко, Бельгии, Кот-д'Ивуар, Тунисе, Камеруне, Демократической Республике Конго (бывший Заир) и Швейцарии.

Стоит отметить, что из этих 9 стран 6 расположены на Африканском континенте. Причем, по сравнению с 1990 г., значительный рост франкоязычного населения наблюдается именно в Африке (включая арабскую Северную Африку). Это происходит как из-за демографического роста, так и из-за улучшения качества образования и развития радио и телевидения. Пример Франции подтверждает тот факт, что использование национального языка в качестве средства продвижения своих интересов на международной арене возможно (в качестве значимого фактора) лишь для стран, ранее владевших колониями. Причем речь может идти не о распространении сферы влияния национального языка, но лишь о сохранении тех позиций, которые были достигнуты не путем агитации, а с помощью военных средств и экономической мощи. Первоначальным стимулом для языкового продвижения всегда были «физические» факторы, которые приводили к достижению языком определенных позиций на международной арене.

Особая роль в возникновении организованной Франкофонии принадлежит странам Африканского континента. Ряд африканских элит (прежде всего бывшая африканская колониальная администрация, учителя, журналисты) сделали ставку на Францию в процессе модернизации и, кроме того, хотели на этой основе сплотить франкоязычные страны Африки, опасаясь доминирования англоязычной Нигерии. Часть африканских элит выбрала другую ориентацию. Так, например, Президент франкоязычной Гвинеи А. Секу Туре, заявший о необходимости

выбора страной социалистическоого пути развития, утверждал, что Франкофония является неоколониальным трюком, который должен помешать пробуждению африканского национализма.

Франция, с большим трудом выходя из колониальной эпохи, пыталась действовать в этом направлении очень осторожно и не совершать необдуманных шагов, в то время как представители новой независимой Африки предлагали институционально оформить существование франкоязычного сообщества.

По выражению поэта и первого президента Сенегала Л. Сенгора, Франкофония возникла как «чудесный инструмент» для многих африканских и арабских стран, получивших независимость. Ведь французский язык, несмотря на уход Франции как колониальной державы, остался на Африканском континенте, так же как и на всех других континентах. Такие влиятельные политики Африки 1960-х гг., как президент Нигера А. Диори, президент Туниса Х. Бургиба, президент Сенегала Л. Сенгор, будучи реалистами, не желали полного разрыва с бывшей метрополией и предлагали создать объединение стран, недавно получивших независимость, но желавших сохранить тесные взаимоотношения с Францией, основанные на культурном и языковом сходстве. Именно они, согласно официальной историографии Франкофонии, считаются «отцами-основателями» движения.

Концепция Франкофонии возникла на фоне освобождения Африки от колониальной зависимости. Одним из истоков ее является так называемый негритюд, основоположником которого считается Л. Сенгор, ставший в 1960 г. первым президентом Республики Сенегал. По определению Сенгора, негритюд — это проявление «гения Африканского континента». Его задачей является реабилитация африканских ценностей, долгое время рассматриваемых как проявление культурной отсталости. Причем, уважение к африканским традициям должно сочетаться с заимствованием технических достижений западной цивилизации. Л. Сенгор говорил о том, что негритюд важен не только Африке, но и всему человечеству. Именно негритюд должен был открыть путь к универсальному гуманизму и примирению цивилизаций.

Этот процесс рассматривался им диалектически — ибо путь к универсальности, к симбиозу культур возможен лишь на фоне поощрения и углубления «особости» национальных культур, прежде всего африканской. Сенгор писал о том, что человеческие «чувства имеют негритянскую природу, а разум — греко-латинскую». Причем западный разум всегда «ставит экран» между человеком и окружающим миром, а «ин-

туитивный разум негров» воспринимает человека и природу как целостность. Сенгор подчеркивал особую связь негритюда с французской культурой: «Мы чувствуем по-негритянски, но думаем по-французски». Статьи и книги Сенгора стали настоящим манифестом Франкофонии. Он писал: «В момент становления универсальной цивилизации есть инструмент, найденный на развалинах колониального режима, который может нам помочь в этом процессе. Это французский язык. Франкофония — это интегральный гуманизм, распространяющийся по земле, это пробуждающийся сплав "спящей энергии" всех континентов и рас. Франция — это вы, это я, это французская культура. Переменим подлежащее: негритюд, арабизм — это тоже вы, французы, живущие в метрополии... Французский язык — это солнце, которое светит вне Франции»[2].

Интересно, что негритюд, или африканская идея, во многом перекликается с так называемой русской идеей в ее славянофильском варианте. Мы видим здесь и противопоставление «холодного европейского разума» африканской (или русской) «душе», западного индивидуализма африканскому (или русскому) коллективизму (соборности), выход на мировой уровень с новой наднациональной идеей для всего человечества (универсальный гуманизм в африканском варианте, идея «нового слова» России) и т. д. Все это не является случайным совпадением. Видимо, это подчеркивает общность «универсальной грамматики» для всех народов человечества. Когда необходимо «оттолкнуться» от западной цивилизации, предложив альтернативу западной модели развития — вне зависимости от национальной принадлежности носителей новой идеи, у них возникает сходная идеологическая модель. Видимо, западной рационалистической цивилизации можно противопоставить лишь определенный набор идеологических «противовесов».

Этот идеологический «противовес», как будет показано ниже, претендует на роль базовой концепции Франкофонии. Тем не менее эту интерпретацию концепции движения вряд ли можно рассматривать как реалистическую и адекватную. Видимо, основой базовой концепции Франкофонии является все та же западная рационалистическая цивилизация, но в своем французском «гуманистическом» проявлении.

Возвращаясь к Л. Сенгору, стоит отметить, что по африканским (но только по африканским) меркам его руководство страной можно было считать демократическим. Целых два года Сенгор мирился с ролью по-

---

[2] *Senghor L.S.* Le Français, langue de culture // Esprit N 311. 1962. Novembre. P. 844.

четного Президента парламентской республики, передав реальную власть своему другу и ближайшему соратнику М. Диа, ставшему премьер-министром. Сенгор предполагал, что он сможет оставаться лишь «духовным лидером» страны, очерчивая основные направления ее развития, вырабатывая идеи, а в свободное время заниматься творчеством. Но реальная политика взяла свое.

В конце 1962 г. по распоряжению Сенгора М. Диа вместе с его министрами был арестован и более чем на 10 лет заключен в тюрьму, а Сенегал был провозглашен президентской республикой. В течение последующих 18 лет вся полнота власти находилась в руках Сенгора. Он пытался реализовать в Сенегале идеи негритюда — синтезировать африканскую и западную цивилизации. На практике это выглядело следующим образом: хотя все оппозиционные партии страны были запрещены, а лидеры оппозиции находились в тюрьме, сенегальский Президент пытался приучить своих сограждан к французскому духу организации, точности и методичности, которыми он так восхищался. В структуре президентской администрации был создан специальный влиятельный орган «Бюро организации и метода», ставший настоящей лабораторией идей по приучению сенегальцев к «порядку». Определенные успехи на этом пути были достигнуты. Так, сенегальская армия является одной из самых дисциплинированных на Африканском континенте, постоянно участвует в миротворческих операциях ООН и ни разу не организовала попыток военного переворота.

Будучи неустанным защитником идеи Франкофонии, Сенгор делал все от него зависящее для реализации идеи «франкоязычного органического сообщества». После получения независимости большинством африканских стран, по его мнению, было необходимо возобновить идею единого сообщества, содержащуюся во французской Конституции 1958 г., и, переосмыслив ее, сделать ее африканской или даже общечеловеческой. Создание «Commonwealth à la française» должно было, по мысли Сенгора, помочь избежать разобщения франкоязычных африканских стран, получивших независимость, и одновременно сохранить особые связи с бывшей метрополией.

17–20 февраля 1969 г. прошла первая межправительственная конференция франкоязычных государств в столице Нигера Ниамее. Речь на ней шла о поиске средств для поддержания и возобновления связей, объединяющих Францию с ее бывшими колониями, получившими независимость, и вообще со всеми странами, говорящими по-французски. Но главное событие произошло в следующем году, 20 марта 1970 г.

Вторая межправительственная конференция франкоязычных стран в Ниамее завершилась подписанием представителями 21 страны учредительной хартии Агентства по культурному и техническому сотрудничеству (АКТС), которое стало первой постоянно действующей межправительственной структурой Франкофонии. С1988 г. дата 20 марта с отмечается как Международный день Франкофонии.

Сотрудничество на первых порах планировалось только в технической области, ибо значительная часть французской политической элиты была настроена к идеям Сенгора о создании «органичного сообщества» весьма негативно. Тем не менее «профранкофонская» позиция находила все больший отклик в политических кругах Франции. В 1970-е гг. активным сторонником движения Франкофонии стал лидер неоголлистской партии Ж. Ширак. Президент-социалист Ф. Миттеран в этой области был солидарен со своим политическим противником. Именно в начале его правления Франция начала активно пропагандировать Франкофонию, выводя сотрудничество на новый политический уровень.

В начале своего президентского срока Ф. Миттеран заявил о том, что «не видит возможности дальнейшего развития Франкофонии без участия такой страны, как Алжир»[3], но вскоре пересмотрел свои взгляды. По мнению Миттерана, Франция была заинтересована в создании новых управленческих структур, а значение Франкофонии к этому времени хорошо осознали в Париже. Ж. Ширак, ставший премьер-министром Франции в 1986 г., впервые включил в свое министерство специальный орган, занимающийся Франкофонией и развитием связей с франкоговорящими странами. Именно в 1986 г. президент-социалист Миттеран при одобрении правоцентристских партий принял окончательное решение в пользу созыва саммита франкоговорящих стран.

Таким образом, в 1986 г. количественные изменения во франкофонном движении наконец-то перешли в качественные, и в Версале открылся первый саммит франкоговорящих стран. Французские политики, готовившие эту встречу, видели свою цель в создании международной организации, похожей по своей структуре и целям на Британское Содружество, но, разумеется, являющейся его конкурентом.

Президент Франции Ф. Миттеран заявил, открывая встречу, что главная цель Франкофонии на данном этапе — это определить свои силы для того, чтобы заявить о своих амбициях. По его мнению, «идентичность франкофонного сообщества оказалась под угрозой, и оно

---

[3] *Deniau Xavier*. La francophonie. Paris, 1992. P. 65.

должно иметь жизненный рефлекс для борьбы со смертельно опасной отменой (культурных. — *И.Ч.*) различий»[4]. Таким образом, с самого начала своего существования Франкофония объявила о тех принципах, которые она будет провозглашать в течение следующих десятилетий. Она изначально противопоставлялась англоязычному миру не как конкурирующий центр силы, но как лидер всего многообразного и многокультурного мира в борьбе с негативными аспектами глобализации, уничтожающими многообразие.

Президент Франции отметил, что собравшиеся на саммит представители различных стран сплотились вокруг языка, являющегося центром общей цивилизации, в которую каждый вносит свой собственный вклад. Он особо подчеркнул многообразие франкоязычной цивилизации: «Различия — это главное богатство нашего общего культурного наследия»[5]. Очевидно, что Франции приходилось маневрировать в этом разнонаправленном политическом объединении, чтобы вписать устремления других государств в формат собственных целей. Эта политическая «рыхлость» и в будущем осталась непременным спутником политической части Франкофонии. Тем не менее некоторые практические решения на саммите были приняты. Так, например, было провозглашено намерение стремиться к координации позиции стран-франкофонов в рамках ООН.

В 1990-е гг. Франкофония начинает уделять все большее внимание политическому измерению своей деятельности. На саммите 1991 г., прошедшем в Париже в ноябре, присутствовало уже около 50 представителей франкоговорящих стран и территорий. В 1995 г. очередной саммит прошел в Котону (экономическая столица Бенина). Он был посвящен вопросам политического утверждения Франкофонии на международной арене. Институциональные реформы были призваны подчеркнуть растущее значение Франкофонии в мировых делах. Было принято решение о введении с 1997 г. поста генерального секретаря Франкофонии, который должен олицетворять франкоязычный мир в глазах мирового сообщества и озвучивать ее идеи.

На саммите в Ханое бывший генеральный секретарь ООН египтянин Бутрос Бутрос-Гали, прекрасно говорящий на французском языке, был избран первым генеральным секретарем Международной организации Франкофонии. 15 ноября 1997 г. была окончательно утверждена «Хар-

---

[4] www.sommet99 net/francaise/page.cf?id=36
[5] Ibid.

тия Франкофонии». В ее преамбуле говорилось о том, что пришло время дать Франкофонии политическое измерение. По мнению авторов «Хартии...», этому способствовали международный контекст и технологический прогресс. «Развитие демократии во всех странах сделало этот шаг необходимым, солидарность между франкоязычными народами требуют этого». Именно через развитие и экономический подъем стран-членов МОФ Франкофония сумеет утвердиться в мире.

Целью Франкофонии является «идеал свободы и прав человека, справедливости и солидарности, демократии, развития и прогресса» (преамбула). Франкофония служит «миру, сотрудничеству и развитию» (статья 1). Также Франкофония ставит перед собой в качестве целей «помощь установлению и развитию демократии, предотвращение конфликтов и поддержку принципа правового государства и прав человека, усиление диалога между культурами и цивилизациями, сближение между народами через большее знание друг о друге, усиление солидарности через совместные действия в содействии экономическому развитию»[6].

Когда военная и экономическая роль государства — носителя языка падала, роль языка на международной арене некоторое время сохранялась, с опозданием реагируя на изменившееся реальное положение вещей. Таким образом, государство, потерявшее статус великой державы, может некоторое время опираться на статус своего языка в мире. Некоторое время продолжает действовать так называемая языковая поддержка позиций данного государства в мире. Но при отсутствии других значимых «материальных» факторов падение роли этого языка на международной арене неизбежно. Это очевидно для современного французского руководства. Поэтому сейчас предпринимаются усилия по модернизации современной Франкофонии, превращению ее в «движение, которое пытается преобразовать языковые, культурные и исторические связи, сближающие между собой некоторые народы, в более широкое политическое и экономическое объединение, оформленное формальными институтами и многосторонними программами сотрудничества»[7].

Франция всегда рассматривала и продолжает рассматривать свое культурное и лингвистическое влияние как фактор усиления политиче-

---

[6] См.: La Charte de la Francophonie. VIIe Conférence des chefs d'Etat et de gouvernement des pays ayant le français en partage, Hanoi (Vietnam), le 15 novembre 1997//www.francophonie.org/publications/textes.

[7] Rapport ENA, La Francophonie, espace politique et économique pour la France et les pays en voie de développement, promotion Condorcet, 1991.

ского веса страны на международной арене. Таким образом, использование Францией лингвистического фактора является очевидным для достижения политических целей. Французские государственные (или поддерживаемые государством) структуры оказывают достаточно сильное влияние на статус французского языка за пределами страны (придание ему юридического статуса в других государствах и в международных организациях, распространение его изучения и т. п.). Международная организация Франкофонии также используется Францией для поддержания высокого статуса французского языка на международной арене, но главная цель лингвистической политики страны — усиление влияния Франции на планете.

Тем не менее МОФ не является чисто французским «предприятием». Несмотря на существование в организации единственного мощного центра в лице Франции, роль других стран-участниц (прежде всего стран Африканского континента) также является весьма важной. Вообще сама идея Франкофонии намного шире, чем внешняя политика одного государства (или даже сумма внешнеполитических усилий группы государств), и при определенных условиях она может выйти на глобальный уровень, оказывая значительное влияние на будущее мировой политики в целом. Для успешной реализации внешнеполитических глобальных интересов «великой державы» (или страны, желающей стать таковой) очень часто ею «поднимались знамена» идей, претендующих на универсальность. Так, наполеоновская Франция несла идеи «свободы, равенства и братства» народам Европы, находящимся в «монархическом рабстве». Советский Союз расширял свое влияние, опираясь на идею коммунизма и антиколониализма. Современная Франция также претендует на руководство новым глобальным проектом XXI в., но проект этот в силу его идеологических особенностей невозможно держать под единоличным централизованным контролем.

В течение 1980-х гг. произошел значительный сдвиг в иерархии ценностей, защищаемых Франкофонией. Соперничество с английским языком было заменено борьбой с негативными последствиями глобализации, и английский язык в этих целях был несколько «демонизирован», получив ярлык «проводника глобализации» (в ее худших проявлениях) и «лингвистического киллера». В противовес этому подчеркивалась принципиально иная роль французского языка в прошлом и будущем развитии человеческой цивилизации.

Особая роль фракоговорящего пространства как антипода англосаксонской экспансии в общем-то не была чем-то принципиально новым во

французском политическом дискурсе. Еще в 1969 г. в столице Нигера Ниамее прошла первая межправительственная конференция франкоязычных государств. Конференция проходила под патронажем французского министра культуры А. Мальро. Известный французский писатель в своем выступлении отметил, что только французская культура не принуждает африканцев подчиняться Западу, теряя свою идентичность: «Только для французской культуры африканская скульптура и танцы не являются пережитком каменного века, только она предлагает войти в современный мир, привнеся в него самые главные африканские ценности... Африка войдет в универсальную цивилизацию. Мы все ожидаем от Франции универсализма, так как на протяжении уже 200 лет только она провозглашала этот принцип. Что останется в памяти людей о французской культуре, когда Франция исчезнет? Воспоминание о том, что на этом месте однажды возникла для Франции и Европы, а затем для Франции, Африки и всего остального мира культура братства»[8]. Таким образом, Франция подняла знамя борьбы не за свои внешнеполитические интересы и даже не за интересы всего франкоговорящего мира, а за спасение всего человечества от глобальной угрозы.

Еще Леви-Стросс в своей «Структурной антропологии» писал о том, что «единая культурная модель представляет собой наибольшую опасность для человечества. Мировая цивилизация не может быть чем-то иным, чем коалицией в планетарном масштабе различных культур, сохраняющих свою оригинальность»[9]. Этот тезис и его производные стали стержнем философии Франкофонии.

Лингвистическое сообщество является, возможно, самой важной из всех форм сообщества, так как оно открывает доступ в область духовной культуры. Оно занимает исключительное положение, так как вся духовная жизнь и вообще человеческая жизнь реализуется через язык[10]. Французский язык становится инструментом новой солидарности между народами. Для этого Франкофония пытается избавиться от имиджа «франкоцентричной» организации.

Президент Франции Ж. Ширак, выступая 2 февраля 2003 г. на Второй международной культурной встрече, созванной по инициативе Комитета за культурное многообразие, заявил, что «в настоящий момент

---

[8] Genèse et développement de la Francophonie // www.ladocumentationfrancaise.fr/ dossier_actualite/francophonie

[9] *Deniau Xavier*. La francophonie. Paris, 1992. P. 121.

[10] Ibid.

решается будущее языков и культур, т.е. национальных идентичностей»[11]. Если не принять мер сегодня, то произойдет культурная конвергенция под эгидой самого сильного государства, на основе триумфа массовой культуры и усиления неравенства, что вызовет конфронтацию между доминирующей моделью и всем остальным миром. Таким образом, по мнению Президента Франции, опасность глобализации состоит еще и в «неправильном подражании» американской модели, что может привести к тому, что эта карикатурная интерпретация породит в странах «третьего мира» взрыв фундаментализма и национализма.

Таким образом, по мнению высших должностных лиц Франции, лишь Франкофония способна в современном мире совмещать несовместимое — поощрять развитие национальных культур и обеспечивать их открытость в отношении остального мира, преодолевая дух замкнутости и шовинизм. Новый генеральный секретарь МОФ Абду Диуф, избранный на свой пост в октябре 2002 г., отмечал, что «хотя страны Франкофонии и расположены в разных местах земного шара, но представляют собой единый континент. Ибо Франкофония объединила государства, которых связывает не только общий язык, но и такие общие ценности, как мир, демократия, права человека, толерантность, справедливость, солидарность. Причем МОФ является политическим сообществом без претензий на гегемонию. Франкофония говорит об идеалах мира, а не о применении силы»[12].

Итак, главная амбиция современной Франкофонии состоит в выработке альтернативы философии «глобальной деревни», построенной по американскому образцу. Тем не менее соответствовать высоте и глобальности поставленных целей Международной организации Франкофонии в нынешнем виде не всегда удается. Торжественные декларации, принятые на саммитах Франкофонии, не были реализованы в полном объеме. Франкоязычные страны не сумели создать прочный политический блок, способный противостоять англо-американской культурной гегемонии. Все государства Франкофонии были согласны между собой в определении глобальных целей развития цивилизации, но активной «группы давления», с четкой институциональной базой, с широкой политической и финансовой поддержкой им сформировать не удалось.

---

[11] Discours de Jacques Chirac, dimanche 2 février 2003, à l'Elysée, à l'occasion des deuxièmes Rencontres internationales de la culture. //listes.rezo.net/archives/cip-idf/2003-07/ msg00054.html

[12] *Diouf Abdou*. Le continent africain doit devinir une confédération // l'Express. 2003. 16.01.

Кроме того, усилия, направленные на превращение «зоны Франкофонии» в пространство демократии и уважения демократических свобод, также не принесли каких-либо глобальных результатов. Во многих странах продолжаются серьезные нарушения прав человека, а режимы, существующие там, могут быть лишь условно названы демократическими (например, Демократическая Республика Конго, Гвинея-Бисау, Камбоджа и т. д.). Тем не менее Франкофония сумела заявить о себе как об одном из наиболее удачных проектов, направленных на защиту культурного многообразия и на создание общечеловеческого «многополярного культурного отечества»[13]. Она «открылась» тем странам, которые не используют французский язык, но озабочены защитой своей культурной идентичности.

Таким образом, философию современного движения Франкофонии можно определить как «глобальная политическая корректность» или, выражаясь языком Л. Сенгора, «универсальный гуманизм». Эта философия, по мысли ее апологетов, должна выступать в роли идеологии, конкурирующей с глобальной западной моделью (определяемой как «англосаксонская»), но не отменяющей, а придающей ей «гуманистическое измерение». Эта новая разновидность западной модели призвана стать всемирной. Франция через движение Франкофонии становится проводником западных идей в «третьем мире» (в том, что касается распространения демократического стандарта и защиты прав человека) и одновременно проводником идей, близких странам «третьего мира», на Западе («культурное многообразие» со всеми его составляющими). Тем самым Франкофония призвана стать мостом между богатым Севером и бедным Югом, способным помочь человечеству преодолеть «цивилизационный шок», описанный С. Хантингтоном.

Идея Франкофонии одновременно является истинной и ложной. Истинной так как она является необходимым «противовесом» в мире, где доминирует одна сверхдержава[14]. Ложной — так как институты Франкофонии с постоянными конференциями, нагромождением структур и программ, бюрократизированной администрацией уже давно имеют негативный имидж организации, которая развивается только эмпирическим путем.Дискурс Франкофонии состоит из постоянно повторяемых

---

[13] *Kolboom I.* Francophonie internationale: plaidoyer pour une réflexion et une réflex franco-allemand // Politique étrangère. 1/2001.

[14] См.: Les rapports de nos collègues Claude Girault et Louis Duvernois lus par Robert del Piccria. Francophonie jou son avenir (доклад).

на разном уровне фраз и положений. Происходит конструирование «пространства повторяемости», которое принимает форму дословного воспроизводства от дискурса к дискурсу[15]. Таким образом, можно утверждать, что существует сформированный и целостный дискурс Франкофонии, отражающий (и проводящий) идеологию МОФ.

С другой стороны, некоторые левые франкоязычные исследователи критически относятся к данному «неоколониальному предприятию», так же как и ряд представителей стран «третьего мира», усматривающих здесь «козни французов». Так, уже упомянутый М. Диа, бывший председатель Совета министров Республики Сенегал, называет институционализированную Франкофонию плохо завуалированным культурным империализмом, т. е. новым видом колонизации с помощью культурного подчинения и господства.

Что касается английских и американских авторов, то они подвергают Франкофонию жесткому критическому анализу, который, как правило, приводит к весьма нелестным результатам для организации в целом и для лингвистической политики Франции в частности. Так, исследователь из Великобритании Э. Джадж заявляет, что Франция заинтересована в распространении французского языка в первую очередь для обеспечения своего политического доминирования в ряде стран, затем — в чисто утилитарных целях и лишь в последнюю очередь — для распространения неких идеалов, связанных с французской историей и менталитетом («свобода, равенство, братство»)[16].

Американская исследовательница С. Менье отмечает тесную связь французского политического дискурса, часто основанного на антиамериканизме и голлизме, с широким общественным движением против глобализации. По ее словам, смесь политических, экономических и культурных причин объясняет французское сопротивление «англосаксонскому глобальному капитализму». С. Менье опасается, что позиция Франции может стать моделью для других стран, ищущих альтернативу мировой экономике в американском стиле[17].

26 и 27 ноября 2004 г. в столице Буркина-Фасо городе Уагадугу прошел 10-й саммит МОФ. На этой встрече планировалось обсудить

---

[15] *Куртин Ж.-Ж.* Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 100.

[16] *Judge A.* La francophonie: mithes, masques et réalités/ Francophonie: mithes, masques et réalités. Enjeux politiques et culturels. Sous la direction de B. Jones, A. Miguet et P. Corcoran. Paris, 1996. P. 25.

[17] *Meunier S.* The French exception // Foreign Affairs. 2000. July/August.

перспективы «устойчивого развития» человечества и роль организации в этом процессе. «Устойчивое развитие» на самом деле стало главной официальной темой. Но еще более внимания (и в самом процессе переговоров, и по материалам СМИ) уделялось другому, незапланированному вопросу — положению в одном из африканских государств — Кот-д'Ивуаре, входящем в организацию.

Как представляется, данный вопрос не является «проходным», но имеет весьма важное значение для будущего МОФ. Он во многом демонстрирует, для чего Франции нужна МОФ и насколько эффективным (или неэффективным) политическим инструментом она является. Поэтому вначале рассмотрим события, происходящие в Кот-д'Ивуаре более подробно.

Территория этой страны примерно равна территории Польши, население составляет 15 млн. человек. Из них примерно 4 млн. могут в той или иной степени объясниться по-французски, а еще около 1 млн. говорят на так называемом «франсе пти-негр» — местном языке-пиджине.

Долгое время (с начала 1960-х гг.) в этой западноафриканской стране существовал режим Президента Ф. Уфуэ-Буаньи. Режим был ориентирован на сотрудничество с бывшей метрополией Францией — в стране осталось много французов, проводилась политика защиты французского языка, был заключен договор о военном сотрудничестве с Францией. Ф. Уфуэ-Буаньи никогда не заигрывал с СССР и «социалистическими экспериментами», охранял «священное право частной собственности» не только своих граждан, но и многочисленных иностранных инвесторов (прежде всего французов). Поэтому экономика страны развивалась достаточно стабильно (по африканским меркам), и ее «становым хребтом» был экспорт какао и кофе.

Режим был авторитарным (и однопартийным), но в условиях биполярного мира Париж особого акцента на необходимости демократизации не делал. В Африке страна считалась островом политической стабильности и относительного экономического процветания. Тем не менее постепенно накапливались политические и этнические проблемы. Наиболее развитый в промышленном отношении юг страны был населен преимущественно христианами, которые доминировали в политической жизни. Север населяли народы, исповедующие ислам. Причем многие из «северян» не являлись исконными жителями страны. Они или их предки переселялись в Кот-д'Ивуар из соседних стран (прежде всего из Буркина-Фасо, бывшей Верхней Вольты) в поисках работы и стабильности. В итоге количество «переселенцев» составило треть населе-

ния страны. Тем не менее Ф. Уфуэ-Буаньи можно в какой-то мере сравнить с Президентом Югославии И.Б. Тито, который был авторитарным руководителем, но никогда не был этническим националистом.

Ф. Уфуэ-Буаньи был христианином. Он даже построил в своем родном городке Ямусукро самую большую католическую церковь в мире. Но должность премьер-министра в его правительстве занимал мусульманин. Ни один из языков страны (все из группы нигер-конго) не являлся языком большинства населения, и потому французский язык был объявлен государственным — как «цемент национального единства» и инструмент экономического развития.

После смерти Ф. Уфуэ-Буаньи на посту Президента в возрасте 88 лет в 1993 г. в стране началась демократизация, спровоцировавшая политическую нестабильность. В итоге в 2000 г. к власти пришел бывший политзаключенный и эмигрант, ярый националист-южанин Л. Гбагбо (некая аналогия возможна с С. Милошевичем в Югославии). Незадолго до этого при активном участии Л. Гбагбо была изменена Конституция Кот-д'Ивуара. В нее была включена новая концепция «ивуарийства», по которой все население страны было поделено на «настоящих ивуарийцев» (христиане Юга) и «ивуарийцев сомнительного происхождения» (потомки мусульманских иммигрантов). Только «истинные ивуарийцы» могли владеть землей и участвовать в выборах.

Не приходится удивляться, что в этих условиях в 2002 г. в стране началась гражданская война «христианского» Юга и «мусульманского» Севера. Франция достаточно активно вмешалась в конфликт, настойчиво предложив свое посредничество. В Кот-д'Ивуаре были затронуты не только ее экономические интересы, речь шла о самой способности бывшей метрополии играть роль великой державы на Африканском континенте, о ее способности продвигать и защищать демократические ценности и гражданские права на «пространстве Франкофонии».

В 2003 г. французский нажим дал свои результаты — все враждующие стороны заключили соглашение, по которому Л. Гбагбо оставался Президентом до следующих выборов 2005 г., но в состав его правительства должны были войти представители Севера. Кроме того, Л. Гбагбо обещал отменить дискриминационные статьи Конституции, касающиеся «сомнительного ивуарийства». Между Севером и Югом была создана «буферная зона», которую заняли несколько тысяч французских солдат в рамках операции «Единорог». Гбагбо и его «ивуарийских патриотов» такое развитие событий не устраивало, но он подписал соглашение, решив использовать мирную передышку для накопления военных сил. По

поручению ивуарийского Президента за границей было срочно закуплено большое количество вооружения, в том числе несколько военных вертолетов и два боевых самолета Су-25.

В начале ноября 2004 г. Л. Гбагбо решил, что время для решения «проблемы Севера» военным путем пришло, и авиация Кот-д'Ивуара начала бомбить позиции северных повстанцев. По неизвестной причине 6 ноября самолеты Кот-д'Ивуара сбросили бомбы на позиции французских войск в Буаке. Девять французских военнослужащих погибли.

Президент Ж. Ширак приказал своим войскам дать немедленный отпор. В тот же день французы уничтожили военно-воздушные силы Кот-д'Ивуара и двинулись на юг страны «для обеспечения безопасности французских граждан и других иностранцев». Возмущенные сторонники Гбагбо начали антиевропейские погромы на юге страны, а председатель ивуарийского парламента даже пригрозил французам «устроить им второй Вьетнам». Тысячи европейцев бежали из страны. Французская армия вскоре взяла под контроль стратегические пункты и аэропорты страны, но отношения Франции с Л. Гбагбо обострились до предела.

Именно в этих условиях и открылся очередной саммит МОФ. Причем он проводился в соседней с Кот-д'Ивуаром стране — Буркина-Фасо, которую «ивуарийские патриоты» обвиняли в открытой поддержке повстанцев Севера. Л. Гбагбо проигнорировал встречу, назвав Буркина-Фасо «центром заговора против него». Тем не менее министр культуры Кот-д'Ивуара принял участие в саммите. Гбагбо, очевидно, отдавал себе отчет в том, что окончательно ссориться с Францией и становиться изгоем во Франкофонии весьма опасно для его политического будущего.

Тем не менее раздражение Франции поведением Л. Гбагбо проявилось на саммите МОФ в полном объеме. Была проведена заочная политическая «проработка» ивуарийского Президента. Накануне открытия саммита пресс-секретарь французского Президента Ж. Бонафон предсказал, что «саммит подтвердит тот факт, что политика, основанная на расовых критериях и отторжении части собственных граждан, несовместима с Франкофонией». В речи на открытии саммита Президент Ж. Ширак подчеркнул, что военный путь разрешения конфликта неприемлем. В итоге была принята резолюция, в которой «полностью осуждались воздушные атаки армии Кот д'Ивуара на севере страны в ноябре 2004 г.», а властям Кот-д'Ивуара — «положить конец призывам к ненависти и к насилию, распространяемым некоторыми СМИ, и обеспечить защиту иностранцев, проживающих на территории страны».

Кроме того, саммит МОФ подчеркнул, что договоренности между противоборствующими сторонами 2003–2004 гг. должны строго соблюдаться, так как они «являются единственным путем для длительного урегулирования в стране», и потребовал их «строгого выполнения»[18]. Таким образом, Франции удалось получить политическую поддержку своей позиции со стороны фактически всех членов Франкофонии и создать прецедент для дальнейших действий в области демократизации Африканского континента, т. е. права человека и демократию на «пространстве Франкофонии» теперь можно навязывать силой.

Однако нельзя говорить о том, что «демократизация» Африки является лишь прикрытием для активизации неоколониалистских устремлений Франции в регионе. Одновременно нельзя утверждать и то, что геополитические, геостратегические, экономические интересы Франции не играют существенной роли в развитии событий. Французское руководство искренне верит в идеалы свободы и демократии. Но одним из обоснований сохранения роли Франции как великой державы является ее роль «всемирного правозащитника», несущего по всему миру «факел свободы». Таким образом, геополитические и «великодержавные» интересы Франции здесь также присутствуют, переплетаясь с гуманистическими идеалами. Отделить одно от другого фактически невозможно.

Франция критикует внешнюю политику Д. Буша-младшего за ее «мессианство», но по большому счету делает то же самое (только на региональном, африканском уровне). Разговоры о «культурном многообразии» прекращаются, когда ставится под сомнение западная либеральная модель «прав человека». Культурное многообразие возможных моделей прав человека не признается. Демократия в современном варианте, с точки зрения Франции, не имеет альтернативы (китайской, африканской или арабской). Эта «альтернатива» уже не является демократией. Таким образом, Франция остается одним из маяков западного мира, западного образа жизни, западной политической модели в «третьем мире». Модель развития Франкофонии предполагает сосуществование и плюрализм этнических культур при одновременной унификации политической культуры.

Движение Франкофонии позиционирует себя в мировой политике как носитель иной, неамериканской модели универсальной цивилизации, которая должна модифицировать и гуманизировать современную

---

[18] Résolution de la Côte d'Ivoire // www.francophonie.org/documents/ pdf/Xe_Sommet/ Resolution_cote_ivoire.pdf

глобализацию. С достаточно большой долей уверенности можно предположить, что движение Франкофонии не сможет стать альтернативой глобализации или даже существенно повлиять на ее форму. МОФ как глобальный проект является мифом, и реализация на практике ее социально-философской программы (по крайней мере, в современной универсальной и идеалистической редакции) невозможно.

Это вызвано следующими факторами:

1. Глобализация является объективным и во многом стихийным процессом, развивающимся на основе материальных предпосылок. Волюнтаристская попытка повлиять на нее, исходя из субъективного представления о том, какой она должна быть, т.е. реализовать некий миф, имеет мало шансов на успех. Это тем более верно, что «материальный базис» Франкофонии слишком мал и шаток. Кроме того, «миф» Франкофонии менее привлекателен, чем «американский миф», ибо последний основан не только на идеологии «навязываемого добра», но и на универсально привлекательном жизненном стандарте и поп-культуре. Американская модель более жизнеспособна и более реалистична. Коммунистический миф рухнул не из-за того, что был менее идеологически привлекателен, а из-за своей нереализуемости в практической жизни. Это во многом относится и к Франкофонии.

2. Франкофония не является приоритетным направлением политики современной Франции. Жизненные интересы страны лежат скорее в области конструирования единой Европы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3. Гипотетическое создание «блока цивилизаций» (франкофоны, испанофоны, лузофоны, арабофоны и т. д.), направленного против англосаксонского доминирования в мировой политике, вряд ли может произойти в обозримой перспективе, учитывая разнонаправленность интересов участников. Кроме того, Франция не заинтересована в подрыве основ западной цивилизации как таковой, но скорее стремится к распространению ее французской («гуманистической») модификации.

Тем не менее становление международного движения Франкофонии может принести (и уже приносит) Франции и другим странам-участникам существенные политические дивиденды:

1. Франкофония усиливает и поддерживает претензии Франции на сохранение статуса великой державы, что усиливает ее значение внутри Европейского Союза.

2. Франкофония усиливает кооперацию между странами-участниками, содействуя экономическому и политическому развитию стран «третьего мира».

3. Международная организация Франкофонии не может кардинально повлиять на изменение глобального миропорядка, но может и должна (в блоке с другими универсальными и региональными организациями) осуществлять эффективное лоббирование интересов стран-членов и влиять на конкретные проявления глобализации в культурной сфере.

Таким образом, попытка реализации этого «мифа», принесет свои благотворные плоды, хотя они и будут отличаться от того, что написано в современных политических декларациях и хартиях.

Автор полагает, несмотря на все вышеизложенные выводы, что руководство Франции не использует Франкофонию в качестве «маски» для реализации своих национальных интересов. Еще Платон говорил в своих трудах о «царственной лжи», которая является благотворной для государства. Причем эта пропагандистская ложь предназначается не только для подданных. Платон выражал надежду на то, что даже сами правители, по крайней мере, через несколько поколений, возможно, будут вынуждены поверить его пропагандистской лжи. Желание Платона, чтобы сами правители верили в пропагандистскую ложь, объясняется его надеждой на ее благотворное воздействие на общество. Платон пишет: «Но какое мы нашли бы средство заставить преимущественно самих правителей — а если это невозможно, так хоть остальных граждан — поверить некоему благородному вымыслу из числа тех, которые, как мы недавно говорили, возникают по необходимости?»[19]

Заметим, как здесь используется термин «заставить» («убедить»). Заставить кого-то поверить лжи означает — более точно — вводить в заблуждение, сбивать с пути или мистифицировать. В духе откровенного цинизма это высказывание можно было бы переформулировать так: «Мы могли бы, если повезет, мистифицировать даже самих правителей»[20]. По нашему мнению, современное французское руководство вполне «мистифицировано» идеей Франкофонии. Кроме того, следует отметить, что морализаторский подход к мировой политике, стремление сделать ее нравственной, учитывая при этом социальные реалии, способствуют гуманизации международных отношений. В то же время жизнь показала, что попытки полностью подчинить политику нравст-

---

[19] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Гл. 8: Философ как правитель.
[20] Там же.

венности в духе морального абсолютизма обрекают ее на неэффективность и тем самым компрометируют и мораль, и политику.

Как отмечал К. Маркс, идея неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса. Политика ориентирована на эффективность, достижение цели. Пути и средства их достижения имеют второстепенное значение. По мнению М. Вебера, этика вообще может быть разделена на два вида: этика убеждений (неотступное следование нравственным принципам, независимо от того, к каким результатам это приведет, не считаясь с затратами и жертвами) и этика ответственности (учет конкретной обстановки, ориентация политики на ее последствия, готовность предотвратить большее зло с помощью меньшего)[21]. Разумеется, политика Франции по разработке идеологии Франкофонии как глобального проекта подчинена «этике ответственности».

Еще в начале процесса развития движения Франкофонии в середине 1970-х гг. американский исследователь Б. Вейнстейн задавал себе вопрос о том, насколько оно может выступать в качестве наднациональной и транснациональной силы в мировой политике, учитывая, что Франция традиционно использует свою культуру и язык как инструмент своей внешней политики. Простого ответа на этот вопрос нет и поныне.

Феномен Франкофонии настолько широк и многообразен, что найти какой-либо однозначный ответ не представляется возможным. На развитие МОФ, выработку ее программы влияло огромное количество правительств и неправительственных организаций. Современная Франкофония — это сумма действий разнонаправленных сил во многих странах мира. Внутри Франции эта политика вырабатывается сразу во многих учереждениях, причем они не всегда согласуют свою деятельность.

Насколько искренне само французское руководство верит в МОФ как глобальный проект нынешнего века, как альтернативу современной формы глобализации -- вопрос сложный.

Что касается Африки, то она остается одним из приоритетов для современной Франции, и привилегированные отношения с африканскими странами в рамках МОФ и ежегодных встреч на высшем уровне сохраняются. Непрерывное сокращение французского военного присутствия в Африке (с 10 до 7 тысяч человек) сопровождается технической и политической «модернизацией» этого присутствия в духе идей Франкофонии. Цель технической «модернизации» — постепенное прекращение постоянного военного присутствия при сохранении инфраструктуры

---

[21] *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М., 1995.

для Сил быстрого реагирования, которые находятся на территории Франции и действуют лишь в кризисных ситуациях. В качестве переходного этапа планируется оставить лишь три постоянные французские военные базы, прикрывающие три главных африканских субрегиона: Восток (Джибути), Запад (Сенегал), Юг (Габон).

В качестве «образца» для апробации новой стратегии действий в кризисной ситуации используется Кот-д'Ивуар. Операция французского военного контингента в Кот-д'Ивуаре «Единорог» выходит за рамки обычного формата военного сотрудничества Франции со странами Африки и демонстрирует эволюцию доктрины присутствия французских вооруженных сил за пределами страны. Африка остается одним из главных приоритетов военной активности Франции, но из-за политических и бюджетных причин французы больше не хотят действовать на этом континенте в одиночку.

Вмешательство вызвано не только (и не столько) защитой французских граждан и вытекает не столько из соглашений об обороне, которые связывают Францию со многими африканскими странами, а скорее вызвано стремлением сохранить региональную стабильность и помочь посредническим усилиям ООН и Африканского Союза. По словам одного из африканских дипломатов, «если США во имя борьбы против терроризма играют роль мирового жандарма, Франция делает акцент на поддержание мира в регионе и действует с одобрения международного сообщества». Во время визита в начале 2004 г. в Кот-д'Ивуар, Мали и Центрально-Африканскую республику министр обороны Франции М. Аллио-Мари еще раз подчеркнула, что Африканский континент остается приоритетом для Франции и ее визит «свидетельствует о желании Франции с одобрения мирового сообщества взять на себя ответственность по отношению к странам, которые являются нашими братьями по языку и с которыми нас связывает долгая история»[22].

[22] *Joannidis M.* France — Afrique: une presence militaire active.

И.С. Смирнова

РОЛЬ ЭЛИТЫ И СМИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННО-СИЛОВОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Военно-силовая политика государства зависит не только от количества и качества техники и вооружения той или иной армии, но и от управленческих решений, вырабатываемых властвующей элитой. При этом часть решений адресуется напрямую военному руководству и в основном носит секретный характер, а другая часть через средства массовой информации (СМИ) доводится до сведения широкой общественности, без поддержки которой невозможно успешное функционирование военной организации государства.

Сегодня возникает мало сомнений в ответе на вопрос, являются ли масс-медиа частью политического процесса. Достаточно вспомнить «зиму неудовольствия» 1978–1979 гг., когда возмущение рабочих правлением Лейбористской партией заставило правительство Великобритании провести досрочные всеобщие выборы, на которых победили консерваторы во главе с М. Тэтчер. К этой последней мере правительство Дж. Галагана вынуждено было прибегнуть во многом благодаря усилиям СМИ, создавшим в сознании людей устойчивые образы хаоса и бедственного национального положения. Возник обыкновенный в таком случае эффект резонанса: недовольство граждан было в сто крат увеличено действиями прессы.

Газеты являются информационными каналами, которые политические партии используют для распространения своей идеологии, рекламы своих программ и собственного имиджа, что также делает их непременными участниками политического процесса.

Главная роль СМИ в политике — определить, что является важным, а что нет, кто является важным, а кто нет, игнорируя не устраивающие факты и мнения, какой бы значимостью они ни обладали и как бы хорошо ни были аргументированы. «Новости почти всегда преподносятся в однозначной интерпретации: альтернативные взгляды показываются лишь фрагментами или они исчезают вовсе»[1]. Один из исследователей прессы Дж. Карен заметил: «Современные масс-медиа Британии выполняют многие из тех функций, которые выполняла в средние века

[1] *Philo G.* Seeing is believing: The influence of television. London, 1995. P. 170.

церковь»[2]. Имеется в виду идеологическая, организующая умы, а вслед за тем и поведение, работа. Заключается она, прежде всего, в осуждении и даже поношении «иного», ибо ничто так не объединяет людей, как противостояние чему-то, с чем на данный момент они считают невозможным себя ассоциировать. Задача прессы, как и церкви, — указать, с чем именно. Если указание сформулировано четко, эмоционально окрашено и выдается за волю нации или высших сил, успех обеспечен. Так что, по мнению Карена, «охота на ведьм», борьба с «ведьмами» продолжается и по сей день, обращая общественный гнев и порицание в направлении, безопасном для существующего социального порядка и поддерживающей его элиты.

Вместе с тем аудитория получает то, к чему она уже психологически подготовлена в значительной степени самими же средствами массовой информации.

Так, если речь идет о внешней политике, британцам важно знать, что их страна олицетворяет принципы демократии, мира, права человека, идеи прогресса, поэтому критика в этой области, как правило, возможна только с применением таких слов, как «исключение», «ошибка», «недоразумение», в контексте принципиального одобрения позиции правительства в целом. Характерно утверждение «Guardian»: «Британия имеет репутацию страны, пользующейся уважением в мире, и одного из главных защитников прав человека»[3]. «Теперь мы все стали интернационалистами...» и «сражаемся за справедливость», — так охарактеризовал позицию своих соотечественников Т. Блэр в разработанной им доктрине интернационального общества, которую он подробно изложил в октябре 2001 г. на ежегодной партийной конференции лейбористов, а также в своей речи в Чикаго 23 апреля 1999 г.[4] С такими комментариями любое внешнеполитическое действие правительства, даже будучи совершенным только в интересах элитной группы, оказывается в глазах общественного мнения благом для всего английского народа и остального мира.

Примером может служить знаменитая Фолклендская кампания, во время проведения которой общественное мнение было на стороне правительства, что в значительной степени объяснялось словами премьер-

---

[2] *Current J.* Communications, power and social order // Culture, society and the media. London, 1997. P. 227.

[3] Guardian. 2000. 6 March.

[4] Doctrine of the international community. 23 April 1999 // www.pm.gov.uk

министра М. Тэтчер: «...боевые действия... были не только сражениями за территорию... Мы защищали свою честь как нация»[5]. Неудивительно, что известия о захвате 25 апреля острова Южная Джордания, а затем о высадке десанта в порту Стенли, главном опорном пункте архипелага, находящегося за 8 тыс. миль от самой Британии, были встречены восторженно. М. Николсон, известный корреспондент из «Independent Television News», писавший о 14 военных конфликтах на протяжении своей карьеры, выразил свое мнение по поводу Фолклендских событий так: «То были войны для других. Эта же была британская война. Моя война»[6].

Газеты были единодушны: «Я чувствовал, что моя функция попросту состояла в абсолютной идентификации с интересами и настроениями этой силой (имеется в виду британская армия и правительство)», — писал М. Хастингс, корреспондент «Evening Standard», принимавший участие в этой военной кампании[7]. Следствие: «Если в конце 1981 г. рейтинг консерваторов и Тэтчер... составлял всего 27 и 25%, то после этой операции он поднялся соответственно до 48 и 59%»[8].

В качестве примера можно вспомнить и практически единодушную поддержку СМИ решения Блэра участвовать в бомбардировке Югославии в марте–июне 1999 г., необходимость которой объяснялась защитой гуманистических ценностей и «предотвращением неминуемой гуманитарной катастрофы», о возможности которой граждане узнали в том числе и из многочисленных выступлений премьера[9]. Ведущие газеты сходились в одном: «Это шанс сделать новый мир XXI века менее темным и кровавым, чем тот мир, который мы оставляем позади»[10].

Мнения о неразумности и неэтичности военной операции в Косово в ведущих британских газетах практически не появлялись, хотя, безусловно, имели право быть услышанными. Так, американский дипломат Н. Браун высказывалась следующим образом: «Не было никакого гуманитарного кризиса... Все знали, что... кризис начнется тогда, когда НАТО начнет бомбардировку»[11]. А в глазах радикально настроенных

---

[5] *Thatcher M.* The Downing Street Years. London, 1993. P. 173.

[6] ITN News. 1982. 24 June.

[7] Цит. по: *Harris R.* Gotcha! The Media, the Government and the Falklands Crisis. London, 1983. P. 135.

[8] *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996. С. 153.

[9] См., напр.: Поступать так — это все лишь правильно // Guardian. 1999. 27 March.

[10] Guardian. 1999. 11 May.

[11] In the beginning was the big lie // www.iacenter.org/deichmann.htm

людей, таких как английский историк и политолог Н. Хомски, Блэр вел свою политику на манер подлинного мафиози, который, в случае, если торговец отказывается платить ему за «протекцию», посылает своих головорезов не только отобрать у него деньги, но и устроить погром в качестве наглядного предупреждения другим[12]. Однако, как сказал во время Афганской кампании британский дипломат Р. Купер, «размышления на тему законности такого подхода, по крайней мере, на этом этапе истории — не больше, чем педантизм»[13].

Официальной версией войны в Афганистане также было намерение защитить цивилизацию от варварства и жестокости. По мнению Т. Блэра, участие Великобритании объяснялось «верой в справедливость, толерантность и уважение, которые несовместимы с ущемлениями рас, религий или убеждений»[14], но совместимые, как показали результаты военных действий, с ущемлением прав простых мирных жителей, в том числе их прав на жизнь. Примеров тому было немало. Так, 15 октября 2001 г. американские бомбы разрушили центральный телефонный узел в Кабуле, убив 12 человек. 25 октября бомба попала в наполненный людьми автобус; 18–19 ноября бомбардировка одной из горных деревень сделала жертвами семерых человек[15].

Но эти факты не стали предметом активного обсуждения в прессе, равно как и высказывания самих афганцев о том, что происходило в их стране. О последних жители Великобритании узнавали из таких статей, как «Воздушные атаки будут только усиливаться» в «Guardian», где адмирал М. Бойс заявил, что, «пока люди в этой стране не поймут, что необходимо сменить руководство», им придется мириться с военным вторжением[16].

Похожая картина наблюдалась и при освещении английскими газетами событий в Ираке, когда в целом политика правительства получила поддержку, при наличии отдельных критических замечаний и даже протестов, не влияющих, однако, на убеждение масс о том, что главным основанием для участия Британии в этом военном конфликте лежат благородные идеалы и ответственность нации за их поддержание и укрепление во всем мире. М. Вуллакотт, независимый эксперт «Guardian»,

---

[12] *Chomsky N.* The new military humanism: Lessons from Kosovo London, 1999. P. 135.
[13] New Statesman. 2002. 9 September.
[14] Guardian. 2001. 31 October.
[15] *Herold M.* Who will count the dead? // September 11 and the US war: Beyond the curtain of smoke / Ed. by Burbach R., Clarke B. San Francisco, 2002. P. 119
[16] Guardian. 1999. 13 April.

в статье «Участь полицейского» выразил свое мнение следующим образом: «Некоторые люди воспринимают вторжение как намерение сделать плохой мир еще хуже... но правда состоит в том, что вторжения, в их лучшем качестве, не более чем попытка вернуть мир на позиции права...»[17]

Высказывания таких людей, как глава Европейского гуманитарного координирующего центра в Ираке Д. Холлидей («Эта политика делает законным геноцид; и Вашингтон, и Лондон в ответственности за это... Мы занимаемся уничтожением целого народа. Это не законно и аморально»[18]) и его преемник Г. фон Спонек, в доказательство своего возмущения позицией США и Великобритании покинувших свой пост, безусловно, обращали на себя внимание общественности, которая, однако, подчиняясь общему настроению, царившему в СМИ, соглашалась скорее с мнением, высказанным Р. Купером еще в период Афганской кампании: «...мировой порядок создается благодаря силе и благодаря ей же восстанавливается»[19].

Действительно, и британские и американские лидеры открыто говорят об использовании военной силы как о принудительном инструменте и необходимой предупреждающей мере, при этом неустанно успокаивая граждан своих стран относительно моральной стороны дела. Характерно заявление министра иностранных дел Б. Уилсона, сделанное им в феврале 2001 г.: «Нет доказательств того, что применяемые санкции затронули простых людей»[20], или самого Т. Блэра, отреагировавшего на запросы палаты общин такими словами: «Мы отвергаем утверждение, что люди в Ираке подвергаются страданиям из-за наших санкций»[21].

На протяжении всего иракского конфликта британские СМИ не раз поднимали тему о заинтересованности американского капитала в контроле над иранской нефтью, о намерении Белого дома установить на захваченной территории проамериканский режим и т. п. Однако признания в практической заинтересованности своей страны услышать было невозможно. Исключение составляют высказывания премьер-министра, не стремившегося конкретизировать свои опасения и лишь повторявшего, что ситуация в Ираке несет «серьезную угрозу интересам

---

[17] Guardian. 1998. 21 February.
[18] Tribune. 2000. 2 March.
[19] New Statesman. 2002. 9 September.
[20] Observer. 2002. 28 July.
[21] Guardian. 2001. 12 November.

Объединенного Королевства»[22]. Напротив, довольно часто можно было встретить утверждения, подобные этим: «Все это не ради нефти, а ради мира», — так министр иностранных дел Д. Стро в интервью иранской газете «Persian Morning Daily» объяснил позицию своей страны[23]. Такого же мнения придерживалась и большая часть британской прессы. В качестве примера можно привести статью С. Джеффери в «Guardian» «Нам не нужна ваша нефть. Так Блэр сказал иракцам», где автор выразил представление о данной войне многих англичан: «Идея, что все это ради нефти, абсурдна»[24]. Однако, зная историю Великобритании, поверить в это трудно.

Нефть — главный англо-американский интерес на Среднем Востоке, который обеспечивает доминирование в мире. Еще в 1918 г. британский министр иностранных дел недвусмысленно выразил свое мнение по этому вопросу: «Мне все равно, в рамках какой системы мы получаем нефть. Одно для нас действительно важно, чтобы она была доступна»[25]. Это прекрасно понимал и занимавший тот же пост С. Ллойд, в 1956 г. определенно обозначивший один из главных приоритетов внешней политики Великобритании: «Мы любой ценой должны удержать контроль над нефтью»[26]. Сегодня ситуация мало изменилась, и мы можем с уверенностью повторить слова М. Пембентон из ее статьи «Война в Ираке. Нефтяной фактор»: «Нет такой нефтяной компании, которая не смотрела бы с вожделением на иракскую нефть»[27].

Единственным военным конфликтом, вызвавшим серьезную критику у британских СМИ, стало вторжение в Египет в 1956 г., за которым закрепилась соответствующая характеристика — «Суэцкий кризис». Хотя в действительности этот кризис являлся лишь частью обычной для того периода внешнеполитической практики Великобритании, за три года до того позволившей себе вторжения в Гвиану и Иран, в 1948 г. — в Малайю, в 1952 г. — в Кению.

Национализация Суэцкого канала, о которой президент Насер, независимый и популярный националист, стремившийся к лидерству в арабском мире, объявил 26 июля 1956 г., вызвав тем самым политический

---

[22] Observer. 2003. 1 July.
[23] Persian Morning Daily. 2002, 12 October // www.netiran.com
[24] Guardian. 2002. 15 November.
[25] *Yergin D.* The Prize — The Epic Qest for Oil, Money, and Power. New York, 1991. P. 188–189.
[26] Цит по: *Curtis M.* Web of Deceit. Britain's real role in the world. London, 2003. P. 16.
[27] Foreign Policy in Focus. 2002, September.

конфликт, стала серьезным международным событием. «The Times» настаивала на прекращении «суэцкого безумия»[28]. Солидарные с ее мнением тред-юнионы и лейбористы требовали отказа от применения силы. Так, «Daily Mirror» провозгласила: «"Нет" войне за Египет»[29]. «Financial Times», в начальный период этого кризиса не имевшая четкой позиции, в качестве рекомендаций предлагала «использовать давление общественного мнения» и «запастись терпением»[30]. Но после оглашения англо-французского ультиматума стало очевидно, что подобные рекомендации уже не могли быть использованы. 4 ноября на Трафальгарской площади Чрезвычайным комитетом по суэцкому вопросу при поддержке Английского комитета по защите мира был проведен митинг. Прошли демонстрации в Манчестере, Бирмингеме, Ливерпуле и других городах. В знак протеста объявлена забастовка в Кроули. Общественное мнение, на которое можно было полагаться еще месяц назад, теперь представляло серьезную опасность для англо-французского альянса.

Прекращение судоходства по Суэцкому каналу вызвало в стране нефтяной голод и, как следствие, необходимость закупать дорогую нефть у США. Сокращение торговли со странами Африки, Азии и Океании ухудшило платежный баланс страны. Ближневосточный кризис «ударил по самому слабому месту британской экономики — золотым и долларовым резервам»[31]. Учитывая размеры стерлинговой задолженности и напряженные отношения внутри стерлинговой зоны, Англия оказалась в затруднительном положении. Выйти из него удалось во многом благодаря финансовой помощи извне[32]. Но это не облегчало ее положения в перспективе, о чем свидетельствует тяжелейший экономический кризис 1967 г. Великобритания, «оказавшись в ходе войны и в послевоенный период экономически ослабленной, территориально урезанной, политически ограниченной, она была неспособна играть ту роль, на которую продолжала претендовать»[33]. Колониальные войны в

---

[28] The Times. 1956. 3 August.

[29] Daily Mirror. 1956. 15 August.

[30] Financial Times. 1956. 13 September.

[31] The Banker. 1956. December.

[32] Англии помог Международный валютный фонд, выделивший единовременно 561 млн долл. и давший право пользоваться резервным кредитом на сумму 739 млн. Экспортно-импортный банк США предоставил заем на 500 млн долл.

[33] *Джеджула А.К.* Экономическое и политическое положение Англии на современном этапе. Киев, 1973. С. 4.

Малайе, Кении, Британской Гвиане только усугубляли ситуацию. Лорд Солсбери в 1964 г. констатировал в «Sunday Times»: «Нас постепенно изгоняют из наших колоний»[34].

Задача политической элиты — убедить граждан своей страны, что проводимая правительством политика является единственно правильной и даже единственно возможной в конкретных обстоятельствах. Когда речь идет о внутренней политике, этого достичь не просто, так как каждый человек в той или иной степени сталкивается с социальными проблемами и невольно формирует свое мнение о степени их сложности и о возможности их преодоления. В случае же внешней политики правительство находится в более выгодном положении: простые люди, как правило, не имеют личного опыта в международных делах и вынуждены доверять оценкам средств массовой информации, которая рассказывает, что следует думать по тому или иному поводу. Для анализа полученных сведений у большинства нет ни времени, ни желания.

Ежегодно на формирование общественного мнения в одном только Лондоне министерство иностранных дел и по делам содружества тратит 340 млн фунтов[35]. А такая глобальная проблема, как война с международным терроризмом, требует скоординированных действий правительств заинтересованных стран для формирования уже мирового общественного мнения. Было создано Бюро глобальных коммуникаций, основанное на опыте информационных центров, действовавших во время событий в Косово и в Афганистане. Как писала «Guardian», США, Великобритания и другие страны должны были «петь с одного нотного листа»[36].

Министерство обороны и министерство иностранных дел Великобритании имеют специальные управления для пропагандистской работы. Их деятельность координируется с Даунинг Стрит, что было достигнуто созданием коммуникационного и информационного центра (Communication Centre), позднее вновь названного коалиционным информационным центром, как во время Афганской кампании. Кроме того, для реализации конкретных пропагандистских задач текущего периода могут создаваться специальные медиа-группы. Так, еще до вторжения в Ирак для координации внутренней пропаганды через Уайтхолл

---

[34] Sunday Times. 1964. 26 January.

[35] Foreign and Commonwealth Office. Changing Perception: Review of Public Diplomacy. 2002. 22 March.

[36] Guardian. 2002. 30 July.

правительство создало иракскую медиа-группу (Iraq Media Group), главная цель которой — «очернить Багдад и подготовить общественное мнение»[37]. Специалистов по «информационной поддержке» готовят центр психологической подготовки в Бедфордмире (Defence Intelligence and Security Centre) и психологические курсы для военных в Чиксендсе.

Министерство иностранных дел имеет долгую историю, связанную с пропагандистской деятельностью. Его тайное отделение информационных расследований (Information Research Department), закрытое в 1978 г. и сменившее его информационное отделение (Information Department), традиционно занимались вопросами «серой» пропаганды, проводимой посредством брифингов, новостных программ на радио и телевидении по всему миру. Лондонская пресс-служба (London Television Service) и в некоторой степени новостная спутниковая компания (British Satellite News) — главные союзники МИД Великобритании в деле «серой» пропаганды. Благодаря им необходимая информация достигает новостных служб в других странах, где материалы, подготовленные британским правительством, воспринимаются в качестве правдивого отражения действительности. Для тех же целей был создан Секретариат гражданских возможностей (Civil Contingencies Secretariat) на базе секретариата кабинета министров. И первоначально работа этой новой структуры контролировалась главой правительственной службы информации и коммуникации М. Грэнеттом и проходила в сотрудничестве с Бюро по охране здоровья (Health Protection Agency).

Как сказал в одной из своих работ Г. Лассуэлл, масса «сама плохо понимает, в чем ее интересы»[38], поэтому нуждается в постоянной подсказке, направлении не только ее действий, но и мыслей. Любопытно, что, подготавливая свои «подсказки», пропаганда делает ставку на образы с гораздо большим успехом, чем на доводы. Примером может служить проводимая в СМИ кампания по «демонизации» сербов. Прежде всего, использовались уже имеющиеся в сознании людей стереотипы, которые они готовы были закрепить: «Мы знаем, что они (сербы) ужасны; мы знаем, что они были ужасны в прошлом, поэтому они должны быть ужасны и теперь...»[39] Вместе с тем создаются и внедряются в сознание новые образы, делаются привычными подсказанные извне ассоциации. Примером могут служить многократно проводимые в прессе

---

[37] Guardian. 1999. 25 March.
[38] *Lassewell H.* Psychopathology and Politics. New York, 1960. P. 48.
[39] Sydney Morning Herald. 1999. 24 April.

параллели Милошевича с Гитлером. Часто встречались такие слова, как «гестапо», «холокост», «фашизм», что рождало у людей вполне определенные эмоциональные реакции, связанные с тем, что еще в период Первой и Второй мировых войн целью пропаганды было «заставить англичан ненавидеть немцев так, как они никогда никого не ненавидели»[40]. В новых обстоятельствах оказалось удобным пробудить историческую память, используя принцип отождествления.

Имевшие место отдельные факты могут выдаваться за стабильные постоянно наблюдаемые негативные явления. Так, британские газеты писали о «систематических изнасилованиях» косовских женщин сербскими солдатами. «Star» упоминала даже о специально организованном «секс-отеле», где насильники могли осуществлять свои потребности «в комфорте»[41]. М. Фрай в «Sunday Telegraph» рассказал о «сотнях, возможно, тысячах женщин... изнасилованных сербскими солдатами»[42]. Однако, как утверждает историк и исследователь прессы Ф. Найтли, специально организованной гуманитарной группе удалось отыскать лишь одну женщину, подвергшуюся сексуальному насилию[43]. В конечном итоге расследование действительно показало, что жертвы были единичными. Однако пресса не посчитала это интересной для себя темой. В этой связи вспоминаются слова премьер-министра Д.Л. Джорджа, произнесенные им еще в период Первой мировой войны в беседе с редактором «Manchester Guardian»: «Если бы люди знали правду, война была бы закончена завтра. Но они не знают и не могут знать. Корреспонденты не пишут, да цензоры не пропустили бы правду»[44].

Действительно, взаимоотношения британской прессы, правительства и общества в период внешних конфликтов всегда были непростыми. А правда в этих взаимоотношениях оказывалась предметом конфликта внутреннего, самым дорогим товаром, который заинтересованные элиты старались подольше придержать, чтобы потом иметь возможность продать подороже, если, конечно, к тому времени он не «портился» и не переставал представлять интерес для кого бы то ни было, кроме историков.

---

[40] Evening Standard. 1969. 23 October.
[41] Star. 1999. 24 April.
[42] Sunday Telegraph. 1999. 18 April.
[43] *Knightly P.* The First Casualty. London, 2003. P. 511.
[44] Цит. по: The History of the Times. London, 1947. Vol. 4. P. 345.

Первым гражданским репортером, официально получившим разрешение на освещение военных событий, был сотрудник «The Times» У.Г. Рассел (до него материалы для правительства и прессы подготавливали только сами военные). В 1850-х гг. его статьи о крымских операциях часто появлялись в различных газетах, поражая своей откровенностью и независимостью суждений и вызывая бурный отклик в общественном сознании, что во многом стало причиной кризиса в правительстве. Между тем следует сказать, что Рассел не брал на себя смелость осуждать и даже анализировать причины конкретной войны, не ставил под сомнение ее необходимость. Он говорил лишь о способах, которыми она велась. Но и этого оказалось довольно, чтобы вызвать у власти недовольство, повлекшее за собой усиление и развитие системы медиаконтроля.

В Первую мировою войну функционировавшее на тот период Прессбюро осуществляло довольно жесткую цензуру и определило целую серию запретов, имевших целью предотвратить поступление не устраивающей правительственную и военную элиту информацию. Корреспонденты и фотографы на передовую не допускались, их попытки попасть туда, минуя все препятствия, заканчивались применением к ним карательных мер. Корреспондент «Daily Chronicle» Ф. Джиббс, впоследствии произведенный в рыцари, был одним из первых проигнорировавших запрет на свое пребывание на линии фронта во время войны на Балканах.

Он писал о том, что с ним происходило, так: нас «арестовывали, сажали в тюрьму, перемещали в разрешенные места, снова арестовывали...»[45] В мае 1915 г. нескольким британским корреспондентам было дано официальное разрешение отправиться на фронт, но лишь в качестве аккредитованных представителей военного штата, что в значительной степени ограничивало их свободу и практически лишило возможности высказывать свое мнение о происходящем. Им была выдана униформа, их обеспечивали транспортом, специальным оборудованием. Все их материалы подвергались жесткой цензуре еще внутри военного аппарата. Таким образом, конечный продукт представлял собой малоинформативные статьи, наполненные оптимизмом, верой в успех, проникнутые национальным духом.

Следует учитывать также, что, помимо официальной цензуры, существовала и самоцензура, ограничивавшая доступ правды к простым

---

[45] *Gibbs Ph.* Realities of War. London, 1929. P. 11.

гражданам страны уже по причинам скорее этическим, нежели политическим. Как говорил лорд Ротермир, «мы лгали; мы знали, что лжем; мы не смели сказать людям правду о том, что теряем больше офицеров, чем немцы, и что не можем прорвать Западный фронт»[46]. Так или иначе, «пресса делала все возможное... чтобы опубликованные материалы... соответствовали тому, что правительство хотело донести до общественности»[47], не забывая при этом и собственных, главным образом экономических, интересах. Война — хороший бизнес и для элиты, и для газет. В этом, как бы остро ни проявлялись иногда их противоречия, они едины.

[46] Цит. по: *Hart C.* Keep the Home Fires Burning: Propaganda in the First World War. London, 1977. P. 68.

[47] *Cook E.* The Press in War-Time. London, 1920. P. 51.

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.А. Власов

ГЕРМАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. 1866–1888 ГГ.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Х. ФОН МОЛЬТКЕ

Имя Хельмута фон Мольтке (1800–1891), легендарного шефа Большого генерального штаба, первого полководца индустриальной эпохи, известно весьма широко. Однако многие подробности его биографии недостаточно изучены или вызывают серьезные дискуссии. В частности, к таковым относится проблема влияния Мольтке и возглавлявшегося им органа на внешнюю политику Пруссии и Германии с 1866 по 1888 г.

Выбор темы и хронологических рамок далеко не случаен. Дело в том, что собственные внешнеполитические взгляды Мольтке оказали определяющее воздействие на позицию Большого генерального штаба по вопросам международных отношений на протяжении последней трети XIX — первой половины XX в. Реальное влияние на внешнюю политику генштаб смог оказывать с 1866 г., когда благодаря победе над Австрией произошел резкий рост его авторитета. Этот рост и был связан в первую очередь с деятельностью Мольтке. Даже после ухода фельдмаршала с поста начальника генерального штаба в 1888 г. заложенные им основы оказывали огромное влияние на его преемников, в том числе в сфере внешней политики.

Чтобы понять мотивы действий Мольтке в период его возвышения, необходимо проследить генезис его внешнеполитических взглядов в более ранние годы. Несмотря на то, что его детство и юность прошли в Дании, Мольтке уже в молодые годы был германским патриотом. После перехода на прусскую службу основные принципы его мировоззрения сформировались окончательно. Он считал, что Австрия и Пруссия должны тесно сотрудничать в германском вопросе, стремясь к объединению страны. Как и многие немецкие патриоты того времени, главным противником объединения Мольтке считал «наследственного врага» — Францию.

Когда в 1830 г. в Париже разразилась революция, многие в Германии ожидали войны. В их числе был и Мольтке, считавший, что участие в военной кампании поможет его продвижению по службе. К тому же, будучи консерватором по своим политическим убеждениям, он не одобрял революции. «Я все время рассчитывал сообщить тебе решаю-

щую новость касательно войны и мира, — писал он матери на рождество 1830 г., — поскольку она имеет для меня самое непосредственное значение — в случае войны я льщу себя надеждой тут же быть отправленным в Генеральный штаб»[1]. Мольтке считал открывающиеся перед Пруссией возможности блестящими: она — практически единственная страна, располагающая в Европе сильной боеспособной армией и настолько уверенная в сохранении внутреннего порядка, что может позволить себе наступательную войну. «Возможность войны становится все более реальной», потому что только на поле брани станет возможным развязать гордиев узел бельгийского вопроса», — писал он родным 13 февраля 1831 г.[2] Однако надежды Мольтке не осуществились.

В том же 1831 г. появилось первое произведение, которое он опубликовал под своим именем. Речь шла об историческом исследовании «Отношения Голландии и Бельгии со времени их разделения при Филиппе II до их воссоединения при Вильгельме I». Тема была остро актуальной — в 1830 г. Бельгия в результате революции вновь обрела независимость от Голландии, утраченную в соответствии с решениями Венского конгресса 1815 г. Почему два народа, столь близких друг к другу по крови, не хотели жить вместе — ответ на этот вопрос Мольтке искал в истории.

Именно здесь ярко проявилось политическое кредо Мольтке, которое он сохранял всю свою жизнь. Он был монархистом и консерватором, но в то же время не закрывал глаза на требования времени и не боялся признать необходимость реформ. Спокойствие и порядок в Европе обеспечиваются «сердечным согласием» монархов, прочно сидящих на своих тронах. Революции ужасны и бессмысленны, потому что создают тиранию чаще, чем свободу, «в такие времена даже наихудшая власть вспоминается с добрыми словами»[3]. Однако они неизбежны, если правители пытаются замкнуться в прошлом и не видят потребностей сегодняшнего дня. Лишь своевременные преобразования могут предотвратить политические катаклизмы. «Прогресс — это необходимая потребность для человечества, чтобы оно не вырождалось, и потому сегодняшние институты создаются не на веки вечные. Подобно обновляющей самое себя природе, им необходимо модернизироваться с каждым новым поколением, но эта регенерация должна исходить сверху, а не

---

[1] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923. S. 31.
[2] Ibid. S. 34.
[3] *Herre F.* Moltke. Stuttgart, 1984. S. 53.

снизу. Правительство должно проводить революцию на пути закона, не дожидаясь, пока это сделает масса, игрушка в руках партий, слепое, но острое оружие в руках страстей»[4].

«Масса» — понятие, которым Мольтке обозначает революционный народ, — звучит из его уст практически как ругательное слово, обозначая слепую, безжалостную, разрушающую все на своем пути толпу. Просвещенный абсолютизм — вот идеал Мольтке, Иосиф II Габсбург — его образец. Прусские реформаторы — Штайн и Харденберг, Шарнхорст и Гнайзенау — также были для него образцами, о которых он всегда отзывался весьма положительно. «Период величайшего внешнего унижения был эпохой высочайшего внутреннего развития, и под давлением соседей-французов появились самые свободные и национальные институты»,[5] — писал он в одном из своих произведений.

Актуальным событиям была посвящена и его следующая работа — «Очерки внутренних условий и общественного состояния в Польше». Она была посвящена политической и социальной истории польского народа. Восстание в «русской» Польше вновь привлекло внимание Европы к этой проблеме. Мольтке, знакомый с поляками не понаслышке, создал весьма смелое произведение, посвященное истории Речи Посполитой и особенностям населявшего ее народа. В этой работе он высоко оценивал положение поляков в Прусском государстве — особенно по сравнению с тем, что происходило по другую сторону восточной границы. Прусские поляки, особенно после реформ начала века, оказались, по мнению Мольтке, в прогрессивном государстве, в котором они получили настоящую свободу. «Равенство сословий перед законом и законодательная защита даже самого низшего сословия стали реальностью только после включения в состав Пруссии»[6]. По мнению Мольтке, национальное государство поляков погубил избыток свободы, с одной стороны, и рабства — с другой. Блестящие таланты соседствуют в его истории с подлецами и ничтожествами.

Став в 1833 г. штатным сотрудником Большого генерального штаба, Мольтке по долгу службы тщательно изучал иностранные государства, в первую очередь Россию и Скандинавские страны. В 1835 г. он отправился в путешествие на Восток, которое продлилось до 1839 г. В должности военного советника османской армии Мольтке помогал прово-

---

[4] Ibid.
[5] Ibid. S. 54.
[6] Ibid.

дить реорганизацию турецких вооруженных сил, участвовал в войне с Египтом 1838–1839 гг. При этом он обращал особое внимание на удивительное природное богатство балканских земель. В одном из своих писем домой Мольтке, описывая блеск и нищету этого края, невольно выдвигает программу «Дранг нах Остен» — «натиска на восток», распространения германского влияния в Восточной Европе. «Как много наших земляков эмигрируют, чтобы в других частях света достичь лучшей доли, и сколь немногие пытаются черпать из источников этой богатой страны, где окупилась бы любая работа, если бы имелись гарантии защиты безопасности и имущества»[7], — с сожалением пишет он.

По возвращении на родину Мольтке вновь берется за перо. Австрия как форпост «натиска на восток», как острие германской колонизации этих богатых земель — вот та картина, которая вновь и вновь вставала перед его внутренним взором и которую он не уставал пропагандировать в своих статьях.

К примеру, в заметке «Устье Дуная» в «Аугсбургской всеобщей газете» автор выражает надежду на то, что «Австрия позаботится о правах и будущем дунайских стран, и Германия наконец-то сумеет освободить устья обеих своих великих рек». Имеются в виду, конечно же, Рейн и Дунай. Что касается Рейна, то здесь необходимо упомянуть долгое время приписывавшуюся Мольтке статью «Вопрос о западной границе». Несмотря на то, что сегодня уже практически доказано, что ее автором является писатель В. Менцель, она достаточно близка мировоззрению нашего героя — иначе вряд ли ее так долго и упорно приписывали бы именно его перу. В этом пропитанном духом национализма произведении рассматривается история захватов Францией немецких земель на протяжении последних столетий и делается вывод о «вечной вражде» двух стран. Германия должна опасаться Франции, должна стремиться вернуть все утраченные земли: «не вкладывать меч в ножны до тех пор, пока не восстановим все права, пока Франция не выплатит нам до конца все, что задолжала»[8]. Хотя Мольтке, несомненно, вряд ли стал бы писать со столь радикальных позиций, он уже в те годы считал необходимым объединение Германии и рассматривал Францию как основного противника своей страны.

Тогда же, в 1841 г., в «Аугсбургской всеобщей газете» появляется статья «Германия и ее германские соседи», в которой Мольтке ратует за

---

[7] *Moltke H.K.B.*, von. Unter dem Halbmond. Berlin, 1988. S. 53.
[8] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 117.

включение Дании в Германский союз[9]. Велик соблазн увидеть в этом проект территориальной экспансии; но не будем забывать, что Германский союз был весьма аморфным образованием, а датский король как владелец Шлезвига и Хольштайна и так считался его членом. Не на опасное для соседей усиление, а лишь на некоторый выход страны из бессильного состояния была направлена мысль Мольтке.

В эти годы Мольтке больше занимался восточным вопросом, нежели западным, который ему непосредственно придется решать тридцать лет спустя. В 1841 г. появилась его статья «Германия и Палестина». В ней идеи «натиска на восток» выражены еще более ярко. Автор считает, что любая модернизация Османской империи по западному образцу обречена на провал. Став игрушкой в руках европейских держав, Турция семимильными шагами идет навстречу развалу, который угрожает похоронить под собой европейский мир. «Если регенерация турецкого государства вообще возможна, то она может произойти только благодаря поколению, которому еще предстоит взрасти, и только на мусульманской основе»[10]. Возвращенную ей благодаря вмешательству европейских держав Сирию Османская империя все равно не сможет удержать в своих руках, не сможет распорядиться этим богатейшим краем.

Не следует ли в данном случае реагировать превентивными мерами, предотвратить гангрену ампутацией? — спрашивает автор. Мольтке стремится проанализировать перспективы создания в Палестине независимого государства под покровительством европейских держав. Если такая конструкция и возможна, считает автор, то она должна представлять собой достаточно крупную территориальную единицу. Во главе этого государства должен встать в качестве абсолютного монарха представитель немецкого монаршего рода. При этом во внутренней политике страны должен действовать исключительно мягкий и просвещенный режим, который привлечет сюда колонистов со всего света. И именно немцы могли бы занять среди этих последних первое место.

Революция 1848 г. вызвала у Мольтке резко негативные эмоции. Именно в это время окончательно формируется его видение решения германского вопроса. Он считает, что страна должна объединиться под руководством Пруссии. Да, парламент во Франкфурте выступает за национальное единство — но что это за Германия, которая основана на решениях кучки не нашедших себя в реальной жизни интеллектуалов?

---

[9] *Moltke H.K.B.*, von. Leben und Werk in Selbstzeugnissen. Leipzig, s.a. S. 109.
[10] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 120.

«Жаль, что на трехцветном знамени налипло столько грязи», — напишет он в одном из своих писем[11]. Единство страны, считал Мольтке, может быть достигнуто лишь волей монархов. Революционные же события лишь отдаляют момент объединения, ведут к слабости и разобщенности. «Внутреннее состояние Германии никогда не было так смутно, как в то время, когда единство ее было возвещено громкими словами во Франкфурте», — напишет Хельмут впоследствии[12]. Единство Германии, считал он, может быть достигнуто лишь под эгидой Пруссии; «без Пруссии ничто невозможно претворить в жизнь», — писал Хельмут брату Адольфу 3 августа[13].

Мольтке считал благодетельным даже возможное внешнее вторжение, которое, по его мнению, наконец-то заставило бы немцев сплотиться вокруг традиционной власти. Он, как и многие офицеры, зачитывался книгой подполковника фон Гризхайма «Германская центральная власть и прусская армия». Германская армия, германское единство — это абстрактные идеи, во имя которых не следует приносить в жертву прусское войско и прусское государство, считал Гризхайм. Сам Мольтке уже не имел возможности выступить со статьями на злобу дня, поскольку неписаный кодекс генерального штаба запрещал это.

Однако в 1850 г. Пруссия вынуждена была под давлением России и Австрии отказаться от мысли объединить Германию вокруг себя. Мольтке остро переживал все происходившее в Германии. «Пруссия должна признать, что у нее во всей Европе не осталось друзей и она предоставлена самой себе... Пруссию ненавидят демократы всех наций, поскольку она — сильнейшая опора порядка, однако в глазах петербургского и венского кабинетов она революционна, и вообще в семье государств ее рассматривают как парвеню», — писал Хельмут 17 февраля 1850 г. брату Адольфу[14].

Конечно же, он был за германское единство, за гегемонию Пруссии и исключение Австрии из границ будущего государства. Австрийскую империю Мольтке считал весьма слабой в данный момент в военном отношении державой, которая не сможет вооруженным путем помешать объединению страны. С другой стороны, Хельмут считал самоубийственно опасным любой конфликт с монархией Габсбургов. «Если бы Ав-

---

[11] *Moltke H.K.B.*, von. Leben und Werk in Selbstzeugnissen. S. 167.
[12] *Мольтке Г.К.Б.*, фон. Первая датская кампания (1848–1849 гг.). СПб., 1898. С. 267.
[13] *Moltke H.K.B.*, von. Leben und Werk... S. 167.
[14] *Moltke*. Aufzeichnungen. S. 186.

стрия и Пруссия смогли договориться, все было бы легко», — писал Мольтке[15]. Он полагал, что в интересах обеих великих германских держав — сохранять мир, а для Австрии было бы намного выгоднее уйти из Германии и направить свое внимание на Балканы.

Большинство пруссаков — в их числе и Мольтке — рассматривали Ольмюцское соглашение как позор. В общем, они были правы. Другое дело, что у Пруссии в этот момент практически не было иной альтернативы. Мольтке прекрасно понимал это — еще в начале ноября он писал о том, что «нам остается выбор между унижением и войной в тяжелейших условиях... Счастлив сегодня тот, кому нужно не принимать решения, а просто повиноваться... Как выйти из сегодняшней ситуации, сохранив хоть толику чести, я не вижу»[16]. «Болезненным временем» называл он 1850 год[17]. «Старый Барбаросса крепко спит на горе Киффхойзер», — писал Мольтке в те дни[18]. «Неизменно победители на поле боя и неизменно проигравшие на дипломатическом поприще», с горечью характеризовал Хельмут пруссаков[19]. Тем не менее наш герой не терял надежды на то, что когда-нибудь, возможно уже в ближайшем будущем, его мечта все-таки исполнится.

«Недостойная роль, которую нас заставили играть, не может долго продолжаться, — писал он брату Адольфу 25 февраля 1851 г. — Я не верил в возможность войны, но теперь считаю, что в течение года она все-таки начнется. Позорный мир никогда еще не был длительным. Что за войско имели мы в своем распоряжении! Мог ли сам Фридрих Великий похвастаться такими солдатами? 30 миллионов потрачены на демонстрацию, только для того, чтобы принять все до единого условия! Но даже худшее правительство не сможет погубить этот народ. Пруссия еще встанет во главе Германии. Но нужно сказать — более жалкой нации, чем немцы, нет на Земле»...[20]

В дальнейшем Мольтке внимательно следит за делами международными, в частности за начавшейся в 1853 г. Крымской войной. Хельмут откровенно принял сторону турок и порицал пророссийскую политику прусских верхов. «Мне кажется, немецкие державы играют печальную роль, — пишет он брату Адольфу 25 января 1854 г. — Очевидно, что

---

[15] *Moltke H.K.B.*, von. Ausgewaehlte Werke (AW). Bd 3. S. 368.
[16] *Moltke*. Aufzeichnungen. S. 187.
[17] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd 3. S. 372.
[18] Ibid. S. 373.
[19] Ibid. S. 377.
[20] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen. S. 190.

опаснее всего для них новое усиление России, и все же они предоставляют западным державам таскать каштаны из огня. Этого нам не забудут, наш авторитет в Европе на такой основе вырасти не сможет»[21]. «Я, по меньшей мере, желаю честным мусульманам успеха в борьбе против москалей», — писал он полковнику Фишеру 12 декабря того же года[22].

Впрочем, антирусскую позицию Мольтке разделяли очень многие в тогдашней Европе. Имидж Российской империи как гигантской, темной, полуварварской, консервативной массы, стремящейся к новым и новым захватам, был весьма устойчив. Война против Османской империи рассматривалась как ничем не спровоцированная агрессия, имеющая своей целью захват проливов и как можно более обширных турецких территорий. Мольтке в данном случае говорил о необходимости сотрудничества Австрии и Пруссии, которые своей объединенной мощью якобы могут предотвратить пожар европейской войны, который-де неизбежно приведет к новым революциям. Призрак 1848 г. все еще бродил по Европе, не давая спокойно спать, в том числе и Хельмуту. «Пусть Господь позаботится о надежном сотрудничестве всех германских держав, — писал Хельмут своему брату Адольфу 4 июля 1855 г. — 500 тысяч человек, готовых развернуться как против Запада, так и против Востока, являются той массой, которая может предотвратить сползание во всеобщую европейскую войну»[23].

Во второй половине 50-х гг. Мольтке сумел побывать во многих странах, в том числе, России, Франции и Великобритании. На обратном пути из Парижа, проезжая через Эльзас — провинцию, находившуюся под властью Франции, но еще сравнительно недавно являвшуюся немецкой, Мольтке позволил себе грустные замечания: «Было печально слышать немецкую речь местных жителей и сознавать, что они — добрые французы. Мы, конечно же, бросили их в беде!»[24]

В 1857 г. Мольтке был назначен исполняющим обязанности начальника Большого генерального штаба, а год спустя окончательно утвержден в этой должности. Его назначение стало плодом компромисса между «камарильей» и окружением регента Вильгельма. Генеральный штаб на тот момент не имел реального влияния и «носил характер некоей академии или высшей школы военных наук», — напишет впоследст-

---

[21] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd 3. S. 379.
[22] Ibid. S. 380.
[23] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen. S. 196.
[24] *Mueller-Bohn H.* Graf Moltke. Berlin, s.a. S. 252.

вии один из исследователей[25]. Он был подчинен военному министерству, играя далеко не первостепенную роль в системе военных институтов Пруссии. Именно военный министр являлся главным советником короля в своей области; начальник генерального штаба являлся не более чем его помощником, которого, в принципе, могли и не привлекать к планированию и тем более к проведению военных операций. При предшественниках Мольтке генеральный штаб занимался в первую очередь подготовкой высших офицерских кадров, военно-теоретическими и военно-историческими исследованиями. Военное планирование осуществлялось лишь по прямому указанию короля или военного министра.

С приходом Мольтке, однако, ситуация начала понемногу меняться. В своих памятных записках, адресованных военному министру, он выступал за более активную политику в германском вопросе. Пруссия должна выполнить свою германскую миссию — эта идея, подобно красной нити, пронизывала его работы с первых дней пребывания в новой должности[26]. При этом Мольтке старался не привлекать излишнего внимания к своей активности. Все его предложения политического характера давались под маской чисто стратегических соображений. Таким образом шеф генерального штаба предпочитал действовать и в дальнейшем. Зная, что попытка открытого вмешательства встретит лишь непонимание и отпор, Мольтке прибегал даже к аллегориям — описывая ситуацию в Италии, также стремившейся к национальному объединению, шеф генерального штаба проводил четкие параллели с Пруссией. Как и ранее, в 1857–1858 гг. планы кампаний разрабатывались лишь по запросам вышестоящих инстанций; однако, оставаясь в рамках прежних разработок, Мольтке все в большей степени делал упор на подготовку войны с Францией — главным, как он считал, противником Пруссии. Стремясь сохранить сложившуюся легенду об аполитичности генерального штаба, Мольтке старательно и довольно успешно следил за тем, чтобы информация о политических пристрастиях его сотрудников не выходила за пределы их рабочих кабинетов.

Вскоре, однако, генеральному штабу представился первый случай доказать свою полезность. Это произошло во время Итальянской войны 1859 г., когда в правящих кругах Пруссии завязались ожесточенные споры о том, вступать ли в войну на стороне Австрии. Мольтке принадлежал к сторонникам именно такого решения. Он считал главным про-

---

[25] *Moltke H.K.B.*, von. Leben und Werk... S. X.

[26] *Helmert H.* Kriegspolitik und Strategie. Berlin, 1970. S. 16.

тивником Пруссии Францию; Австрию начальник генерального штаба рассматривал как естественного союзника — иллюзия, довольно странная после Ольмюца, но тем не менее в то время весьма распространенная. Франция — наследственный враг Германии, считал Мольтке, враждебное отношение к западному соседу было «определяющим принципом его мировоззрения»[27].

Франция, считал Мольтке, напала не на Австрию, а на весь Германский союз, на большое немецкое отечество. В лице итальянцев Наполеон III поддержал революцию и тем самым создал угрозу столь дорогому сердцу нашего героя монархическому принципу. Единственный шанс для Пруссии сыграть в Германии достойную роль — это встать на сторону Австрии в начавшейся войне. Тогда малые германские государства вынуждены будут тоже принять участие в кампании — естественно, под руководством Пруссии. Австрийское руководство увидит, что его лучший друг — прусский регент, и не станет чинить препятствий усилению своего давнего союзника-соперника. «Мы должны непременно ударить по Франции и не должны ставить свое участие в борьбе в зависимость от определенных условий, требований или случайностей»[28]. «Если Пруссия сейчас примет решение в пользу войны, то это произойдет не ввиду непосредственно грозящей опасности, а ради предотвращения будущих угроз, в интересах Германии, не за, а вместе с Австрией», — писал он в феврале 1859 г.[29] Здесь же фигурирует идея отторжения от Франции Эльзаса и Лотарингии, реализованная в 1871 г. «Сотрудничество обеих немецких великих держав — лучшая гарантия европейского мира», — считал Мольтке[30].

27 февраля 1859 г. Мольтке принял участие в заседании коронного совета, посвященном итальянской проблеме. В первый раз за всю историю генерального штаба его шеф принимал участие в совещании столь высокого уровня. В частности, обсуждались прошлогодние разработки Мольтке, касавшиеся войны с Францией. Сам генерал настаивал на том, чтобы объявить мобилизацию сразу же после вступления французских войск в Пьемонт, чтобы нанести удар по западной соседке одновременно с вторжением французов в австрийские владения. Признавая на сло-

---

[27] Прусско-германский генеральный штаб. 1640–1945. М., 1966. С. 38.
[28] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche. Hamburg, 1940. S. 30.
[29] *Kolb E.* Helmut von Moltke in seiner Zeit: Aspekte und Probleme //Generalfeldmarschall von Moltke. Bedeutung und Wirkung. München, 1991. S. 11.
[30] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd. 3. S. 13.

вах приоритет политических решений, шеф генерального штаба выдвигал на первый план стратегические соображения.

В конечном счете, однако, прусские правящие круги так и не успели принять какое-либо твердое решение. Война оказалась весьма скоротечной. Для Мольтке эта ситуация была малоприятной. Он критиковал всех — Австрию, не пожелавшую принять помощь, Пруссию, снова ударившую лицом в грязь... «Австрия лучше отдаст Ломбардию, чем согласится видеть Пруссию во главе Германии. В действительности Германия была очень близка к тому, чтобы создать опасный прецедент настоящего единства... Германия, несчастная Германия, вновь показала миру жалкий спектакль, смысл которого — в том, что частные интересы перевешивают даже мощно пробудившееся национальное чувство... Если бы Австрия хотела видеть нас союзниками, она уже давно добилась бы этого. Но она хотела видеть нас в качестве вассалов, без условий, без шагов навстречу; без малейшей гарантии, что она не заключит мир в тот же день, когда мы объявим войну», — с горечью писал он брату Адольфу[31].

Однако влияние Мольтке после 1859 г. начало стремительно расти. В частности, ему было предоставлено право непосредственного доклада военному министру. Мольтке по-прежнему выступал сторонником сближения с Австрией против Франции. Такая возможность обсуждалась монархами двух держав на Теплицской встрече в июле 1860 г. В соответствии с договоренностью монархов в начале января 1861 г. в Берлине стартовали военные переговоры. Со стороны Пруссии их вел Мольтке. Это послужило поводом для серьезного конфликта с министром иностранных дел Шляйницем, который считал проведение подобных мероприятий своей прерогативой.

Переговоры протекали не слишком успешно. Мольтке настаивал на том, что в случае совместной войны против Франции не только северо-, но и южногерманские контингенты должны перейти под прусское командование. Взамен он обещал безоговорочную поддержку Пруссии в случае нового австро-французского вооруженного конфликта. По мнению ряда историков, Мольтке фактически толкал австрийцев к новой войне, рассчитывая как можно быстрее реализовать свои планы в германском вопросе[32].

---

[31] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 221.
[32] *Helmert H.* Op. cit. S. 41.

Здесь, наверное, в первый раз за время пребывания Мольтке на посту руководителя генерального штаба вышел на первый план конфликт военного и политического начала в государственном механизме Пруссии. Знаменитая фраза Клаузевица о том, что война — это продолжение политики иными средствами, казалось бы, устанавливала соотношение этих двух начал. Однако для Мольтке, хотя он и считал Клаузевица одним из своих учителей, это утверждение было далеко не бесспорно.

Вопросы внешней и военной политики тесно переплетались между собой во многих узловых точках, содержавших в себе обилие «горючего материала» для внутренних конфликтов в прусском руководстве. Мольтке, верный своей теории «одного советника», считал, что дело военных — выиграть войну, и за это могут нести ответственность лишь они одни. Соответственно их влияние во всех военных вопросах должно быть преобладающим. Гражданские чиновники не могли вмешиваться в работу специалистов.

Подобные взгляды разделяло большинство представителей военной верхушки. В данном случае, однако, Вильгельм вынес решение в пользу министра иностранных дел, который отстаивал пропрусскую линию; Мольтке, выступавший за сотрудничество с Австрией, вынужден был отступить.

Впрочем, с 1860 г. ходили слухи о возможном назначении самого Мольтке прусским министром иностранных дел. В первую очередь его прочило на это место либеральное окружение кронпринца[33]. «Господь упаси», — была реакция самого Хельмута; он считал, что не справится с этой ролью, поскольку не имеет ровным счетом никакого опыта дипломатической работы[34]. На самом деле подобная должность была Мольтке совершенно не нужна, место начальника генерального штаба подходило ему гораздо больше. Если говорить об идеях Хельмута в области внешней политики, то в этот период он выступал за сближение с Австрией и Британией. В декабре 1860 г. он подготовил очередную памятную записку, в которой заявил, что в случае новой австро-французской войны из-за итальянского вопроса (в руках империи Габсбургов все еще оставалась Венеция) Пруссии необходимо встать на сторону Австрии. «Пока существует Австрия, глубочайший собственный интерес Германии

[33] *Kolb E.* Op. cit. S. 8.
[34] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche. S. 35.

заключается в том, чтобы оказывать ей в борьбе за Венецию любую моральную и материальную поддержку»[35].

Военные переговоры с Австрией прервались в середине февраля 1861 г. — слишком уж различными были интересы сторон. «Если бы все военно-политические вопросы были переданы на урегулирование немногим способным, надежным офицерам, без участия дипломатов, все решилось бы вскоре к общему удовольствию», — написал Мольтке[36]. Этой же точки зрения он придерживался и в дальнейшем.

В 1863 г. разразился конфликт вокруг северных герцогств — Шлезвига и Гольштейна. Мольтке поддержал планы совместной войны против Дании двух великих немецких держав — Австрии и Пруссии. Впрочем, на первом этапе кампании, начавшейся 1 февраля 1864 г., он оказался фактически не у дел. Лишь несколько месяцев спустя, когда обнаружилась явная несостоятельность прусского военного руководства на театре военных действий, Мольтке был отправлен туда в качестве начальника штаба и смог довести войну до победного финала. Это серьезно повысило его авторитет в глазах как коллег, так и прусского короля Вильгельма I. Впрочем, пока что речь шла о личном авторитете Мольтке; влияние возглавлявшегося им органа оставалось сравнительно незначительным.

Конфликт вокруг северных герцогств достаточно быстро перерос в австро-прусский конфликт. Уже в начале 1865 г. Мольтке занял весьма недвусмысленную позицию по шлезвиг-гольштейнскому вопросу. Герцогства должны быть прусскими, — говорил он Бернхарди в феврале. Простой союзный договор еще не обеспечивает необходимого сближения. Весной 1865 г. Мольтке все еще является противником войны с Австрией. Боеспособность ее армии он оценивал очень высоко. В памятной записке, направленной Роону, шеф генерального штаба говорит о необходимости для обеих великих немецких держав действовать совместно на политической арене[37].

Важной вехой стал коронный совет 29 мая. Мольтке в первый раз с 1859 г. присутствовал на совещании столь высокого уровня — явный знак доверия к нему со стороны монарха. Обсуждать предстояло проблему герцогств и австро-прусские отношения. Практически все участники совета выступали за аннексию герцогств. Бисмарк доказывал, что

---

[35] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd. 3. S. 35.
[36] *Helmert H.* Op. cit. S. 44.
[37] Ibid. S. 48.

реальных альтернатив аннексии не существует и «война с Австрией станет все же рано или поздно неизбежной, коль скоро венское правительство снова возобновило политику подавления Пруссии»[38]. Мольтке в целом поддержал его, заявив, что «выигрыш столь велик, что стóит войны»[39], однако добавил, что пути примирения с Австрией необходимо держать открытыми. «Я все еще надеюсь на соглашение, которое повлечет за собой истинное примирение обеих немецких держав», — писал он своему брату Адольфу 24 июня. В то же время он говорил о том, что «вопрос с герцогствами находится в состоянии кризиса, в отношении которого неясно, куда он может привести. Мне понятно одно — исходя из соображений внутренней и внешней политики Пруссия не может отказаться от этих владений. Решение народного представительства — дело второстепенное»[40].

Заключенная в августе 1865 г. Гаштейнская конвенция о временном разделе герцогств лишь отсрочила конфликт. Война против Австрии казалась неизбежной. Уже зимой 1865–1866 гг. Мольтке смирился с неизбежностью столкновения и начал подготовку к нему. Его планы включали в себя три важных внешнеполитических фактора: во-первых, он рекомендовал не обращать внимания на возможный нейтралитет Саксонии; во-вторых, говорил о необходимости обеспечить нейтралитет Франции и России; в-третьих, высказывался за союзные отношения с Италией. Весной 1866 г. Мольтке принимал весьма активное участие в переговорах с итальянцами, и в значительной степени благодаря его действиям желанный союз увидел свет.

Если 17 апреля Мольтке еще писал, что ни одна из сторон не желает войны, но обе могут в нее «соскользнуть», то в письме брату Адольфу 20 мая он уже безапелляционно утверждает: «Война неизбежна. Я не думаю, что предотвратить ее — в человеческих силах»[41]. «Борьба будет ужасной. Австрия вооружена как никогда прежде, мы тоже выставляем в поле всю свою армию... Я сомневаюсь, что малым государствам, которые столь активно раздувают пожар войны, будет лучше под единоличным господством победителя, нежели в подвешенном состоянии между двумя великими державами... 50 лет мира показали, что из-за непрактичного, ориентированного лишь на громкую фразу немецкого

---

[38] *Чубинский В.В.* Бисмарк. М., 1988. С. 178.
[39] Прусско-германский генеральный штаб... С. 42.
[40] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd.3. Berlin, 1925. S. 50.
[41] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 238.

разума объединение не сможет осуществиться мирным путем... У нас в Германии нет друзей. Союз стал австрийским институтом... У нас никто не хотел войны, но мы принимаем ее со спокойной уверенностью, и пусть господь дарует нам победу, потому что вместе с Пруссией падет Германия» — оценивал общую ситуацию шеф генерального штаба[42]. Да, именно так: монархия Гогенцоллернов сражается за германское дело, за единство страны. «Пруссия должна теперь выполнить свою немецкую миссию», — напишет Мольтке в другом письме[43].

Мольтке понимал, что столкновение между двумя великими немецкими державами назрело, что германский вопрос должен быть решен. Предстоящая война — не братоубийственная гражданская, а типичная кабинетная, в которой речь идет о доминировании в Германии. «Война 1866 г. возникла не как борьба за собственное существование, не благодаря общественному мнению или гласу народа, — напишет он впоследствии, — это была борьба, сочтенная необходимой в кабинете, давно задуманная и хорошо подготовленная. Борьба не за территориальные приобретения или материальный выигрыш, а за бесплотную ценность — за державную роль»[44]. И теперь он стремился вложить все свои силы в то, чтобы ускорить ход событий.

2 июня Мольтке получил послание короля, гласившее: «Я направляю Вам копию Моего сегодняшнего приказа военному министру, в соответствии с которым Мои распоряжения относительно оперативных передвижений армии и ее составных частей будут передаваться командным инстанциям через шефа генерального штаба»[45]. Фактически это означало, что Мольтке становился главным военным советником короля на театре военных действий. Положение, к которому он стремился и которое считал оптимальным для пользы дела, наконец было установлено. Подчинение генерального штаба военному министерству de facto ликвидировалось.

8 июня Мольтке — одновременно с военным министром Рооном — был произведен в генералы от инфантерии. В этой бочке меда, однако, скрывалась и ложка дегтя — их личные отношения, и так далекие от идеала, претерпели существенное охлаждение. Объяснялось это еще и тем, что у Мольтке и Роона были совершенно различные подходы к по-

---

[42] Ibid. S. 239.
[43] *Moltke H.K.B.*, von. Deutsche Kriegsfuehrung. Berlin, 1941. S. 32.
[44] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd. 2. S. 63.
[45] *Herre F.* Op. cit. S. 229.

литике и военному искусству. Оба они признавали формулу Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики другими средствами». Однако Роон считал, что политика даже во время боевых действий имеет приоритетное значение, и дипломаты имеют определенное право на вмешательство в военные вопросы. Мольтке же стремился четко разграничить сферы деятельности политиков и военных, при этом первые, считал он, ни в коем случае не должны вмешиваться в дела вторых[46]. Дипломаты должны действовать до начала кампании и после ее завершения — так полагал шеф генерального штаба. Как только будет объявлена мобилизация, они должны оставаться не более чем сторонними наблюдателями. Эта точка зрения стала в дальнейшем источником серьезных конфликтов в германском руководстве.

После военных побед конца июня–начала июля в прусской главной квартире возникли серьезные разногласия. Опьяненный победой монарх, которого поддержали многие военачальники, в том числе и Роон, намеревался триумфально въехать в Вену на белом коне. Прямо противоположной позиции придерживался Бисмарк, который не упускал из виду действительных целей этой войны: утвердить гегемонию Пруссии в Германии. Для этого совсем не обязательно было доводить противника до полного разгрома. Наоборот, не унижая Австрию, можно было оставить открытыми двери для налаживания хороших отношений в перспективе. А это было особенно важно, поскольку у Пруссии оставался могущественный противник — Франция. В пылу споров министр-президент язвительно предложил двинуть прусские войска после захвата Вены в Венгрию, откуда уже рукой подать до Константинополя. Поскольку коммуникации к этому моменту так или иначе оборвутся, на берегах Босфора можно будет спокойно основать новую Византийскую империю, предоставив Пруссию ее судьбе[47]. Военные же говорили о том, что любая передышка позволит австрийцам собраться с силами и создать эффективную оборону.

Ожесточенные споры среди прусского руководства разгорелись на военных советах 12, 19 и 23 июля. Король был непреклонен, но на стороне Бисмарка оказались два важных союзника: во-первых, кронпринц и, во-вторых, Мольтке. Шеф генерального штаба, как и глава правительства, трезво оценивал ситуацию и понимал, что основные цели похода уже достигнуты. Австрия уже не сможет в дальнейшем вести ак-

---

[46] *Craig G.* Die preussischdeutsche Armee. 1640–1945. Düsseldorf, 1960. S. 219.
[47] Ibid. S. 224.

тивную политику в Германии и препятствовать объединению последней вокруг Пруссии. Отношение Мольтке к Австрии не изменилось — он по-прежнему считал империю Габсбургов в перспективе лучшим союзником Пруссии, поэтому с самого начала не планировал против нее «войну на уничтожение». Впрочем, Мольтке, соглашаясь с Бисмарком, не позволял последнему вмешиваться в чисто военные вопросы.

В конечном счете точка зрения Мольтке и Бисмарка возобладала. В письме супруге шеф генерального штаба писал: «Не следует ставить на карту достигнутые успехи без крайней необходимости... Я очень устал. Теперь я еще вовлечен в дипломатию, причем известное лицо (речь идет о короле. — *Н.В.*) доставляет немалые затруднения»[48].

Вовлеченным в дипломатию Мольтке оставался и в дальнейшем. Именно 1866 г. стал моментом возвышения Большого генерального штаба. На полях сражений австро-прусской войны этот орган доказал свою высокую эффективность и теперь занимал наряду с военным министерством и военным кабинетом короля руководящее положение в системе институтов германской армии. За Мольтке окончательно утвердилась позиция главного военного советника монарха как в военное, так и в мирное время.

Естественно, это не могло не привести к тому, что взгляды Мольтке и его подчиненных стали оказывать все большее влияние на политику Пруссии. В первую очередь это касалось внешней политики, поскольку именно в этой сфере гражданские и военные органы должны были сотрудничать особенно тесно. В случае, если взгляды дипломатов и военных различались, это неизбежно должно было приводить к конфликту интересов, тем более что оба института были совершенно независимы друг от друга, и единственной инстанцией, способной разрешить их споры, являлся монарх.

Однако на этапе 1866–1870 гг. цели военного и гражданского руководства в основном совпадали — они касались будущей войны с Францией — поэтому до серьезных конфликтов дело не доходило.

Очередной кризис в отношениях с Францией — Люксембургский разразился уже в 1867 г. Над Европой нависла угроза новой войны. Бисмарк заявлял о том, что вывести войска из Люксембурга и тем более видеть его в руках Франции — значит запятнать прусскую честь. Немецкая и французская пресса немедленно подняли шум, говоря об унижении и угрозе национальным интересам.

---

[48] *Moltke H.K.B.*, von. Deutsche Kriegsfuehrung. S. 39.

Мольтке находился в числе тех, кто активно выступал за войну. Он считал повод вполне подходящим для того, чтобы атаковать французов, а состояние армии противника — достаточно плачевным для того, чтобы с уверенностью рассчитывать на победу. Кроме того, потенциальный союзник Австрии — Франция пока еще не в состоянии активно вмешаться в происходящие события, какой бы оборот они ни приняли. И когда «железный канцлер» запросил шефа генерального штаба, готова ли армия к войне, Мольтке спокойно ответил: «В течение 10 дней армия завершит стратегическое развертывание к Рейну и будет готова к защите западной границы»[49].

«После войны, которая у нас позади, нельзя желать второй кампании, и никто не желает ее менее, чем я, — заявил Мольтке Бетузи-Хуку в кулуарах рейхстага, депутатом которого являлся. — И все же я должен надеяться, что нынешний повод будет использован для войны с Францией — увы, я считаю эту войну неизбежной в течение ближайших 5 лет. В течение этого срока неоспоримое сегодня превосходство нашей организации и вооружение будут постепенно уменьшаться усилиями Франции. Итак, чем раньше мы выступим, тем лучше. Нынешний повод хорош. У него национальная основа, которую надо использовать»[50]. Превентивная война против западного соседа занимала в этот момент все мысли Мольтке.

«Он всей душой желает войны и с уверенностью ожидает ее, — писал Бернхарди 6 мая. — Он считает, что... приказ о мобилизации армии последует в течение ближайших 14 дней»[51]. Однако Мольтке слишком торопил события.

Бисмарк считал, что момент для схватки еще не настал. Зондаж, предпринятый по дипломатически каналам, убедил его: ни одно государство, включая южногерманских союзников Пруссии, не отнесется благосклонно к развязыванию со стороны последней новой войны. В начале мая конференция представителей великих держав в Лондоне в течение нескольких дней урегулировала спорный вопрос. Прусские войска выводились из герцогства, взамен его нейтралитет гарантировался всеми участниками мероприятия.

В конечном счете он никогда не возьмет на себя ответственность за ужасы войны, если последнюю можно избежать, заявил Бисмарк Бету-

---

[49] *Mueller-Bohn H.* Op. cit. S. 371.
[50] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 246.
[51] *Herre F.* Op. cit. S. 270.

зи-Хуку в приватной беседе. «С мнением Бисмарка трудно спорить, но в свое время оно будет стоить нам много человеческих жизней», — отреагировал шеф генерального штаба, когда ему передали эти слова[52]. «Комплексное внешнеполитическое мышление Бисмарка было ему чуждо», — отмечает современный немецкий исследователь[53].

«Подписание Лондонской конвенции рассматривается как дипломатическая победа. Я думаю, требовалось немного искусства для того, чтобы породить конвенцию, в которой мы отказываемся от объекта спора. Не следует убаюкивать себя надеждами на мир. Положение кажется мне столь же серьезным, как и 14 дней назад, и если в обстоятельствах что-то и изменилось, то явно не в нашу пользу», — писал Мольтке прусскому военному уполномоченному в Мюнхене фон Хартманну[54]. Шеф генерального штаба явно не желал отказываться от надежд на войну. На следующий день Мольтке пишет Роону, что сейчас северогерманская армия сильнее французской, и это положение следует использовать. «И в дальнейшем в Северной Германии будет достаточно средств для того, чтобы вести победоносную войну с Францией даже без расчета на южногерманские государства; речь может идти лишь о том, чтобы использовать эти средства в правильное время в правильном месте»[55]. 17 мая Мольтке вновь пишет Хартманну: «По моему убеждению, лучшей защитой Германии от Франции станет наступление»[56].

Со своей стороны Бисмарк был весьма недоволен активностью Мольтке. Ему казалось, что шеф генерального штаба лезет не в свое дело. Однако с вовлеченностью военных в вопросы дипломатии уже ничего нельзя было поделать — в силу как традиции, так и новых обстоятельств она оказывалась слишком глубокой.

После 1867 г. франко-прусское сближение стало еще более невозможным. По обе стороны границы весьма влиятельные представители правящих кругов и широкие слои общественности рассматривали новую кампанию как неизбежную. К их числу относился и Мольтке. «Война с Францией обязательно начнется, раньше или позже», — заявил он американскому послу Дж. Бэнкрофту в январе 1869 г.[57]

---

[52] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 247.
[53] *Burchardt L.* Helmut von Moltke, Wilhelm I und der Aufstieg des preussischen Generalstabes // Generalfeldmarschall von Moltke... S. 29.
[54] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd.3. S. 68.
[55] Ibid. S. 69.
[56] Ibid.
[57] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche. S. 116.

Шеф генерального штаба, правда, искренне считал, что зачинщиками новой войны выступят французы. По его мнению, это было предопределено их гегемонистскими устремлениями. Война, считал Мольтке, может вспыхнуть в любой момент. «Планировать на недели вперед не имеет смысла, — писал он Фрицу 14 мая 1868 г., — Франция недовольна, и для того чтобы она успокоилась, необходимо разжечь европейский пожар. Столь фривольную войну, без повода и без цели, напоминающую времена Людовика XIV и Лувуа, в XIX столетии следовало бы считать делом невозможным, и все же мы, похоже, стоим на ее пороге. Все зависит от решения нерешительного человека, который постоянно и намеренно разжигает национальные страсти, вооружается с таким размахом, что бюджет страны долго этого не выдержит, и не сможет разоружиться без того, чтобы не пасть в глазах общественного мнения, особенно армии... Я считаю ситуацию весьма серьезной»[58].

Конечно же, Мольтке продолжал оставаться сторонником территориальных завоеваний. Речь шла в первую очередь об Эльзасе и Лотарингии. По его мнению, именно такова была негласная цель эвентуальной войны с западным соседом начиная с 1859 г. В беседе с австрийским военным атташе в сентябре 1868 г. Мольтке, правда, заявил, что у Пруссии нет никаких аннексионистских целей, однако здесь он явно пытался ввести собеседника в заблуждение. Шеф прусского генерального штаба сказал, что считает войну весьма вероятной, однако лишь потому, что к ней стремится Франция; взаимопонимание между Австрией и Пруссией, по словам Мольтке, имело бы большую ценность для обуздания гордых галлов. Таким образом, наш герой, не исключая новой, в том числе и превентивной, войны с Австрией, в то же время стремился к сближению с ней — совсем в духе своих прежних идеалов.

Что же касается России, то к ней Мольтке относился гораздо прохладнее: «Мы должны оставаться в хороших отношениях с Россией, русские должны быть нашими друзьями, но не активными союзниками; они никогда не должны вступить на нашу землю, поскольку они приходят, во-первых, слишком поздно, а во-вторых, в слишком большом количестве», — заявил он в июне 1867 г. прусскому военному уполномоченному в Петербурге полковнику фон Швайницу[59]. Не слишком тепло относясь к России, он тем не менее считал ее важным противовесом Австрии на тот случай, если последняя поведет себя враждебно.

---

[58] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 250.
[59] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche. S. 109.

Необходимо отметить, что Бисмарк и Мольтке довольно тесно сотрудничали в испанском вопросе, послужившем в конечном итоге поводом для войны. К примеру, вместе с сотрудником канцлера Л. Бухером, направленным в Мадрид для выяснения обстановки, на Пиренеи отправился эмиссар генерального штаба майор фон Ферзен для инспекции испанской армии. Именно последний внес огромный вклад в то, чтобы убедить Леопольда согласиться на выдвижение своей кандидатуры[60]. Еще в 1868 г. Мольтке приветствовал испанскую проблему в качестве головной боли для французов, и теперь он всячески содействовал тому, чтобы она не прекращалась. Так же согласованно действовали шеф генерального штаба и «железный канцлер» в ходе развязывания и на первом этапе кампании против Франции в 1870 г. Однако после победы при Седане между ними начались серьезные разногласия, касавшиеся дальнейшего ведения войны и в целом приоритета военных или политических инстанций.

Генеральный штаб был готов вести войну до тех пор, пока противник не будет готов признать свое полное и окончательное поражение. «Бороться с этой нацией лжецов до последнего и наконец разгромить ее», а потом «диктовать такой мир, какой пожелаем», — таковы были воззрения Мольтке[61]. Для него эта война была войной на уничтожение «наследственного врага».

Иначе смотрел на положение вещей Бисмарк. Он опасался, что затягивание кампании вызовет вмешательство великих держав, а также с ревностью следил за стремительным ростом влияния генерального штаба. Отсутствие громких успехов затрудняло переговоры с южногерманскими правительствами об объединении страны. «Железный канцлер» считал необходимым закончить войну в кратчайшие сроки, поскольку ее основные цели были уже достигнуты.

Еще в сентябре Бисмарк жаловался на то, что его ущемляют в вопросах снабжения и расквартирования, а также не приглашают на военные совещания. «Я уже потому должен знать обо всех военных делах, чтобы мог своевременно заключить мир!» — горячился канцлер[62]. Можно понять Мольтке, который со сложными чувствами узнавал о таких претензиях со стороны сугубо гражданского человека, пусть и главы правительства. Тем более что сам канцлер не информировал

---

[60] *Eyck E.* Bismarck. Bd. 2. Erlenbach; Zuerich, 1943. S. 449.
[61] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche. S. 162.
[62] *Буш М.* Граф Бисмарк и его люди за время войны с Францией. СПб., 1879. Т. 2. С. 9

Мольтке о политических и дипломатических делах; когда генерал-интендант Штош сообщил Мольтке в середине сентября, что граф Бисмарк сообщил ему о прибытии французских парламентеров, шеф генерального штаба язвительно ответил: «В высшей степени ненадежный источник!»[63] Офицеры генерального штаба намеревались проводить четкое разграничение политической и военной областей, часто упуская из виду сложность создавшейся ситуации, в частности вопросы международной политики[64].

При этом генеральный штаб оказывал канцлеру не просто пассивное сопротивление, но и активно вставлял ему палки в колеса. В октябре, еще до капитуляции Базена, Бисмарк попробовал договориться с осажденным маршалом, хранившим верность бонапартистскому режиму, и со свергнутой императрицей. Для этого генерал Бурбаки был пропущен из Меца в Лондон, где находилась Евгения. Обратно же военные — в первую очередь принц Фридрих Карл — его не пустили, опасаясь лишиться славы покорителей Меца. Принца поддерживал Мольтке, который считал все вопросы, связанные с капитуляцией Базена, делом чисто военным и не имевшим никакого отношения к Бисмарку. Угрозу иностранного вмешательства он считал надуманной. Кроме того, неприязнь к бонапартистскому режиму заставляла его торпедировать все попытки реставрации, предпринимавшиеся Бисмарком. По мнению современников, именно Мольтке отвратил короля от этого проекта[65].

Мольтке «достаточно хорошо знал Бисмарка, чтобы считать невероятным, что последний будет пассивно держаться на совещаниях, несмотря на свое официальное положение слушателя, и не выдвигать на первый план свои воззрения», — писал один из известнейших биографов «железного канцлера» Э. Эйк[66]. Подобного вмешательства в сферу своей компетенции шеф генерального штаба терпеть не собирался. До определенного момента он держал Бисмарка на строжайшей информационной диете, и лишь 15 октября распорядился направлять канцлеру копии телеграмм, которые отправлялись из главной квартиры германской прессе. Это было сделано лишь после настойчивых просьб канцлера, которому надоело черпать информацию из газет[67].

---

[63] *Herre F.* Op. cit. S. 314.
[64] *Craig G.* Op. cit. S. 230.
[65] Ibid. S. 233.
[66] *Eyck E.* Op. cit. Bd. 2. S. 530.
[67] *Craig G.* Op. cit. S. 229.

«Их разделило глубокое несходство их натур, — отмечал Штош. — Они относятся друг к другу весьма негативно, и лишь с трудом удается вести общие дела. Мольтке — человек благородного спокойствия, Бисмарк — страстный политик»[68]. Шеф генерального штаба обходил конфликт молчанием, канцлер в свойственной ему манере шумел о заносчивых «полубогах» из генерального штаба, которым вскружил голову собственный успех, о «стратегах из классной комнаты», о «профиле хищной птицы» у Мольтке...[69] Впрочем, до определенного момента он все же сохранял уважение к генералу и писал, что «генеральный штаб мне вообще не нравится, кроме хорошего и умного старого Мольтке; его офицерам успех ударил в корону, и я часто боюсь, что подобная завышенная самооценка еще повлечет за собой наказание; именем Мольтке прикрываются другие, а сам он уже стар и пускает все на самотек»[70]. Но к концу октября Бисмарк понял, что шеф генерального штаба является его основным противником, а вовсе не ширмой для своих сотрудников. Отношения двух деятелей испортились окончательно.

В декабре противоречия обострились до предела. Непосредственным поводом к конфликту стал вопрос об обстреле Парижа. Бисмарк обвинял Мольтке в том, что его стратегия порочна. Шеф генерального штаба, в свою очередь, не собирался терпеть вмешательства штатских в его законную сферу ответственности. Поэтому генеральный штаб вновь попытался окружить Бисмарка своеобразной информационной блокадой, перестав снабжать его информацией о ходе боевых действий.

Подобное положение вещей никак не устраивало Бисмарка, который потребовал, чтобы обо всех планируемых операциях ему сообщалось заранее, даже до доклада королю. Мольтке, в свою очередь, возмутился до глубины души и заявил кронпринцу: «Все это вообще не касается канцлера, и пока мне не прикажут, я ему ничего не буду сообщать»[71]. Конфликт расширялся, охватывая все большее число влиятельных персон: на стороне Бисмарка выступил Роон, на стороне Мольтке — кронпринц. Фридрих Вильгельм видел, что шеф генерального штаба «глубоко уязвлен беспардонными претензиями Бисмарка на единовластие»[72], и сочувствовал своему бывшему адъютанту, тем более что сам в глубине

---

[68] *Herre F.* Op. cit. S. 314.
[69] Ibid. S. 315.
[70] Bismarck-Briefe. Goettingen, 1955. S. 366.
[71] *Herre F.* Op. cit. S. 314.
[72] Ibid.

души недолюбливал «железного канцлера». «Король и кронпринц очень расстроились из-за этого конфликта, однако не в их силах прекратить его», — писал Штош[73]. Бисмарк отстаивал идею примата политических соображений над военными; Мольтке же, напротив, считал, что на войне первую скрипку должен играть именно генеральный штаб, а не политики, поскольку война — это дело военных. Примирить эти точки зрения было невозможно.

5 декабря Мольтке через парламентера проинформировал Трошю о поражении французских армий на юге, надеясь, что эта информация ускорит капитуляцию Парижа. Бисмарк немедленно обратился с жалобой к королю — Мольтке лезет в дипломатические дела, кроме того, последний лейтенант располагает большей информацией, чей он, канцлер! Он потребовал права присутствовать на всех военных докладах и, кроме того, быть посвященным во все планируемые операции. Вмешательство военных в политические дела возмущало канцлера. «Господа военные ужасно осложняют мне жизнь! — писал он супруге. — Они тянут одеяло на себя, все портят, а отвечать приходится мне!»[74]

В январе ссора разгорелась с новой силой. Бисмарк вновь явился с королю с жалобой на Мольтке, который по-прежнему не только отказывается информировать канцлера о делах в своей епархии, но и ведет сепаратные переговоры с парижскими властями! Вызванный для объяснений Мольтке, в свою очередь, заявил, что Бисмарку ничего нельзя сообщать, поскольку он слишком вольно обходится с полученной информацией, в частности сообщает военные планы супруге и другим лицам, через которых может произойти утечка секретных сведений[75]. 8 января Мольтке заявил наследнику престола, что Бисмарк пытается определять все и в политической, и в военной сфере и при этом совершенно не учитывает мнения специалистов.

Кронпринц попытался примирить антагонистов, пригласив их 13 января на обед. Мольтке пришел вовремя, Бисмарк опоздал на полчаса и прямо с порога начал пламенные речи: необходимо как можно скорее заключать мир! Мольтке возражал, причем весьма резко и многословно, что бывало с ним весьма редко: французов надо разгромить окончательно, после падения Парижа высвободившиеся силы следует бросить на юг и добиться капитуляции столь же безоговорочной, как седанская.

---

[73] Ibid. S. 318.
[74] *Craig G.* Op. cit. S. 233.
[75] *Beumelburg W.* Bismarck gruendet das Reich. Oldenburg, 1933. S. 450.

Уничтожить Францию как великую державу — такова, ни много ни мало, была его цель. Бисмарк, однако, прекрасно понимал, что великие державы Европы не потерпят полного разгрома Франции и стремительного взлета Пруссии. Мольтке же настаивал на том, что военные соображения в данный момент куда важнее, чем политические, и что не он должен получать согласие Бисмарка на операции, а Бисмарк — его согласие на тот или иной дипломатический маневр. Это было слишком даже для кронпринца, который заметил, что Мольтке все-таки следовало бы действовать в согласии с правительством. Однако шеф генерального штаба подчеркнул, что он — военный советник короля, и Бисмарк ему не указ. Попытка примирения провалилась, более того — враждебность двух деятелей усилилась. На следующий день в разговоре со Штошем Мольтке дал выход своим эмоциям, заявив, что не собирается больше общаться с канцлером, и пусть король разрешает их спор[76].

14 января Мольтке подал королю памятную записку, в которой предлагал обращаться с Парижем так же, как с Мецем, — город должен быть занят немецкими войсками, все находящиеся в нем военнослужащие — сложить оружие и отправиться в плен. При этом Мольтке старательно делал вид, что ограничивается только военными вопросами, хотя не мог не понимать, что подобная капитуляция способна только отодвинуть заключение мира. В тот же день памятную записку королю послал и Бисмарк — обращая внимание монарха на угрозу вмешательства третьих держав, он настаивал на скорейшем заключении мира.

23 января министр иностранных дел Франции Ж. Фавр вступил с Бисмарком в переговоры по вопросу о перемирии. Естественно, что к этим переговорам был привлечен и Мольтке, однако на вторых ролях — главным уполномоченным с немецкой стороны был назначен Бисмарк. Тем не менее в качестве военного эксперта начальник генерального штаба был незаменим. Он изначально поставил весьма жесткие условия: все французские армии, за исключением Восточной (шеф генерального штаба не хотел лишать свою армию еще одной громкой победы), должны были прекратить огонь; все форты Парижа должны быть переданы немцам. Фавр согласился, и уже 26 января военные действия у стен Парижа завершились.

Именно в этот момент Мольтке, который все еще надеялся довести войну до абсолютной победы, получил сильнейший удар. 25 января увидели свет два королевских приказа. Шефу генерального штаба пред-

---

[76] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche. S. 168.

писывалось воздерживаться от вмешательства в политические дела и подробно информировать канцлера о состоянии военных операций. Мольтке был глубоко возмущен и, по некоторым данным, хотел просить своей отставки. 29 января он отправил королю послание, в котором писал, что, по его мнению, «шеф генерального штаба и канцлер, особенно на войне, являются равноправными и независимыми друг от друга инстанциями под непосредственным руководством Вашего Королевского Величества»[77], и он лично всегда старался поддерживать этот баланс. Однако канцлер, судя по всему, считает иначе и тем самым вмешивается в область компетенции Мольтке, нарушая принцип военного единоначалия. Если монарх собирается поддерживать эти устремления Бисмарка, что ж — шеф генерального штаба готов их принять, но при условии, что канцлер возьмет на себя полную ответственность за ход боевых действий: «Я с удовольствием передам соответствующие полномочия и связанную с ними ответственность канцлеру»[78].

Тем не менее Мольтке не стал доводить дело до разрыва, считая, что данная им присяга не позволяет оставлять свой пост до окончания войны. Однако он выступал резко против любых компромиссов с Францией; ненависть к этой стране заставляла его стремиться к тотальному разгрому западной соседки германского рейха.

Во время перемирия конфликт продолжался. Бисмарк считал заключение мира делом решенным. Мольтке же считал возможным продолжение войны и потому принимал меры, направленные на подготовку новой кампании, в частности отдал приказ о переброске двух армейских корпусов на Луару. «Страна на деле находится под угрозой анархии, — писал Мольтке брату Адольфу 3 февраля. — Поэтому мы должны быть полностью готовы к продолжению борьбы»[79]. Во время совещания у короля 8 февраля канцлер обвинил Мольтке в саботаже мирных переговоров. Шеф генерального штаба отреагировал столь эмоционально, что король от изумления потерял дар речи, а затем одобрил все предложенные им мероприятия.

Серьезный спор между канцлером и шефом генерального штаба разгорелся по поводу Меца. Бисмарк считал возможным оставить эту крепость Франции, поскольку население города и окрестностей состояло практически из одних французов. Мольтке же отстаивал аннексию Меца

---

[77] *Herre F.* Op. cit. S. 325.
[78] *Moltke H.K.B.*, von. Leben und Werk... S. XVIII.
[79] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen... S. 273.

как стратегически важного укрепленного пункта, который один стоит 120-тысячной армии. В конечном счете его точка зрения победила.

Создание Германской империи в 1871 г. создало новую расстановку сил в Европе. Одновременно победа над французами значительно увеличила авторитет и влияние Большого генерального штаба и лично Мольтке. Если ранее последний отстаивал свое право активно вмешиваться во внешнюю политику, и его подчиненные всецело разделяли эту точку зрения, то теперь эта возможность значительно увеличились.

Мольтке не рассматривал заключенный в 1871 г. мир как окончательный. Он не сомневался, что будет новая война, и считал весьма вероятным, что разразится она довольно скоро. Фельдмаршал предвидел вероятность союза западного и восточного соседей Германии и стремился принять необходимые приготовления на случай именно такого развития событий. В памятной записке от 27 апреля 1871 г., так и озаглавленной — «Война с Россией и Францией», шеф генерального штаба указывал, что «возможность подобной комбинации невозможно отрицать», поскольку, несмотря на дружеские отношения между династиями, между народами империй Романовых и Гогенцоллернов, «несомненно существует обоюдная неприязнь»[80]. Со временем эта неприязнь проникнет и в международные отношения из-за дружбы Германии с Австрией, с которой у России множество противоречий. Обладая армией, слабо приспособленной для наступательных войн, Россия вынуждена будет пойти на союз с Францией. При этом достаточно трудно рассчитывать на то, что быстрым наступлением удастся разгромить Францию и потом развернуть все силы против восточного противника[81].

Враждебность Мольтке к России, казалось, носила иррациональный характер. Империя Романовых в его глазах продолжала оставаться потенциальным противником Германии. Ничуть не исправил положение даже торжественный прием, оказанный императору и ему в Петербурге в декабре 1871 г. «Делается все для того, чтобы принять нас наилучшим образом», — писал Мольтке своему брату Фрицу[82]. Однако шеф генерального штаба не доверял русским, в первую очередь военному министру Милютину. В этом он был далеко не одинок — особых симпатий к России у большинства немцев не было, на восточного соседа они смотрели как на непредсказуемую варварскую страну.

---

[80] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd. 3. S. 74–75.
[81] Ibid. S. 76–79.
[82] *Moltke H.K.B.*, von. Aufzeichnungen. S. 277.

Идея войны на два фронта, причем войны превентивной, стала в дальнейшем основой германского военного планирования. «Решающее значение имело соображение, где можно добиться наиболее быстрой и полной победы — на западе или на востоке»[83]. На западе Франция представляла собой достаточно сильного противника, однако ее территория не столь велика, и быстрым наступлением можно было рассчитывать нанести удар в самое сердце страны. Россия, с другой стороны, не сможет достаточно быстро перейти в наступление, и поэтому вполне реально сконцентрировать сначала все силы против Франции ради достижения быстрой победы. Эта идея легла впоследствии в основу плана Шлиффена. Впрочем, в отличие от своих преемников, Мольтке подходил к вопросу направления первого удара очень гибко, считая возможным менять его в зависимости от политической обстановки. «Планы Мольтке не только несли в себе тщательный анализ технических аспектов военных возможностей Германии, но и принимали во внимание связанные с войной политические факторы», — писал Г. Крейг[84].

Мольтке в этот период интересовался весьма широким кругом вопросов, даже не входивших напрямую в его компетенцию. Военная верхушка стремилась не только обеспечить себе независимость от «штатских» властей, но и оказывать значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику империи в годы мира. «Для всех высших военных органов было характерно стремление поставить под свой контроль и другие, формально не зависящие от них ведомства»[85]. Как писал Г. Крейг, «политику армии, которая имела решающее значение для внутренних дел в Германии, следует признать не менее значимым фактором в области внешней политики»[86]. «Мольтке намеревался использовать приобретенное во время войны положение генерального штаба как высшего военно-командного органа для сильного политического влияния в мирные годы», — считают Х. Хелмерт и К. Шмидель[87].

Формально признавая аксиому Клаузевица о войне и политике, Мольтке тем не менее счел необходимым дополнить ее новыми черта-

---

[83] *Дашичев В.И.* Проблема борьбы на два фронта в истории германского милитаризма // Германский империализм и милитаризм. М., 1965. С. 160.

[84] *Craig G.* Op. cit. S. 304.

[85] *Прокопьев В.П.* Военный институт в государственном механизме буржуазной Германии. Калининград, 1982. С. 30.

[86] *Craig G.* Op. cit. S. 14.

[87] *Helmert H., Schmiedel K.* Kriegspolitik und Strategie des Generalstabes // Diplomatie und Kriegspolitik... S. 136.

ми. «Политика использует войну для достижения своих целей, — писал он в 1871 г. — Она решающим образом действует на ее начало и окончание, но в ходе кампании воздерживается от того, чтобы увеличивать свои запросы или пытаться довольствоваться меньшим успехом. Стратегия может направлять свои усилия только на высшую цель, которая вообще достижима имеющимися у нее средствами. Она наилучшим образом работает на руку политике, для ее целей, но будучи совершенно независимой от нее в своих действиях»[88]. Подобная точка зрения имела весьма далеко идущие последствия для будущего Германии.

Военные претендовали на серьезное влияние, прежде всего, в области внешней политики, считая себя непререкаемым авторитетом в вопросах национальной безопасности: «Совет военных неизменно запрашивался, если на карте стояла безопасность страны, и даже когда его не запрашивали, он все равно давался»[89]. Их претензии подкреплялись тем, что вооруженные силы играли важную роль в международных отношениях, особенно после того, как технический прогресс сделал войну гораздо более сложным процессом. Свою «внешнюю политику» военная верхушка могла проводить через военных атташе и представителей императора при иностранных дворах[90].

Это неизбежно порождало соперничество между военными и гражданскими институтами власти. Впрочем, не исключалось и сотрудничество в определенных вопросах, где интересы Бисмарка и генералов совпадали[91]. В частности, «железному канцлеру» было необходимо согласие с армейской верхушкой в ряде внешнеполитических вопросов и в борьбе с «врагами империи» внутри страны, «в военной силе он все еще видел первую и важнейшую сторону государственной жизни»[92] и поэтому поддерживал прусскую военную систему и защищал ее от малейших посягательств[93]. Обе стороны прекрасно понимали, что гегемония Пруссии в империи обеспечивается, прежде всего, ее вооруженными силами. Канцлер был не меньше военных заинтересован в сильной и независимой от парламента армии. Так, в письме Вильгельму от 31 января 1872 г. он называл ее «единственной гарантией, которая есть у

---

[88] *Craig G.* Op. cit. S. 240.
[89] *Craig G.* Deutsche Geschichte. 1866–1945. S. 129.
[90] *Брусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 67.
[91] Von Scharnhorst zu Schlieffen 1806–1906. Berlin, 1933. S. 217.
[92] *Eyck E.* Bismarck. Bd. 3. S. 28.
[93] *Rosenberg A.* The Birth Of German Republic. London, 1931. P. 5.

Германии в войне и в мире»[94], — только взгляды на руководство и использование вооруженных сил у обеих сторон были различными.

Единственной инстанцией, способной разрешать споры канцлера и генералов, был император. Влияние Бисмарка на Вильгельма I было велико, но и влияние армейской верхушки, обеспеченное военными пристрастиями главы государства, следует признать весьма масштабным. На руку канцлеру играла запутанность системы военных учреждений, точное положение и функции каждого из которых не были предписаны законодательством.

Столкновения двух концепций — Бисмарка о подчинении армии гражданским властям и Мольтке о примате интересов вооруженных сил — начались сразу же после основания империи. Они происходили в первую очередь вокруг вопросов превентивной войны.

Повторная война с Францией была навязчивой идеей Мольтке чуть ли не с момента заключения перемирия. Он до конца своих дней сожалел о том, что не смог довести кампанию 1871 г. до полного уничтожения западного противника. Зная, что французы никогда не простят немцам унижения 1870–1871 гг., шеф генерального штаба считал подобное столкновение неизбежным. Поскольку Франция активно вооружается, справедливо полагал он, удар должен быть нанесен как можно раньше. Поэтому фельдмаршал стремился всячески преувеличивать французскую угрозу и в целом нагнетать атмосферу в отношениях двух стран. Еще в 1872 г, когда во Франции была введена всеобщая воинская повинность, Мольтке писал командующему немецкими оккупационными войсками во Франции генералу Мантойфелю о возможности новой кампании уже в самом ближайшем будущем. В январе 1873 г. он заявлял, что Германии, возможно, придется сражаться с численно превосходящей французской армией[95], а в апреле спросил доверенное лицо Бисмарка, Иоханна Микеля, как отреагирует страна на начало войны еще в текущем году, присовокупив, что в таком случае столкновение обойдется Германии на 100 тысяч жизней дешевле, чем два года спустя[96]. Французский посланник Гонто-Бирон в частной беседе пытался убедить Мольтке, что его страна еще весьма слаба в военном отношении и не способна воевать. Фельдмаршал, заверяя собеседника в миролюбии Германии, в то же время упирал на нестабильность внутренней ситуа-

---

[94] Die grosse Politik der europäischen Kabinette (GP). Bd. 1. Berlin, 1922. S. 110.
[95] *Schwertfeger B.* Im Kampf um den Lebensraum. Potsdam, 1940. S. 9.
[96] *Craig G.* Deutsche Geschichte. 1866–1945. S. 130.

ции и реваншистские настроения во Франции[97].

По мнению ряда историков, начать превентивную войну в первый же удобный момент стало для германского генерального штаба своеобразной «идеей фикс»[98]: «В течение всего этого времени (1871–1888) подготовка войны на два фронта против Франции и России оставалась его главной задачей»[99]. Любопытен следующий анекдот, приводимый В. Тиссо: однажды, на одном из светских приемов, Мольтке пребывал в глубокой задумчивости. На почтительный вопрос о том, что занимает мысли великого полководца, последний будто бы ответил: «Я спрашиваю себя, откуда бедные французы возьмут ту ужасную сумму денег, которую мы потребуем от них после вторичного поражения»[100].

В 1873 г. Мольтке писал в меморандуме о возможной войне с Францией, о необходимости «закрыть вулкан, сотрясающий Европу на протяжении вот уже целого столетия своими войнами и революциями»[101]; помимо всего прочего, он рассматривал новую кампанию как повод к большей унификации Германии и реформированию системы военного управления[102]. Осуществление быстрого удара по противнику облегчала и упоминавшаяся выше система мобилизации германской армии. Необходимо отметить, что Мольтке не рассчитывал на безусловную быструю победу и принимал во внимание возможность затяжной кампании — в этом случае, согласно его воззрениям, на помощь солдатам должны приходить дипломаты[103]. Мысли о войне на два фронта временно отошли на задний план лишь в 1873 г., после заключения Союза трех императоров, и вновь появились лишь в 1876 г.[104]

«Кто бы ни объявил войну, исходить она будет от французского правительства», — писал Мольтке в своем меморандуме[105]. Блестящая фраза, полностью снимающая с Германии ответственность за агрессию, была неоднократно в различных вариациях использована и в дальней-

---

[97] *Moltke H.K.B.*, von. Gespraeche... S. 175.
[98] *Helmert H., Schmiedel K.* Op. cit. S. 146.
[99] Von Scharnhorst zu Schlieffen. 1806–1906. S. 233.
[100] *Tucco B.* Путешествие в страну миллиардов. СПб., 1876. С. 242.
[101] Des Volkes Feind. Berlin, 1961. S. 19.
[102] Прусско-германский генеральный штаб. 1640–1965. С. 66.
[103] *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. Muenchen, 1995. S. 241.
[104] *Feldmann E.* Die Sicherung der Westgrenze in der deutschen Wehrpolitik von 1871 bis 1914. Bonn, 1941. S. 20.
[105] *Moltke H.K.B.*, von. AW. Bd. 3. S. 81.

шем. В том же 1873 г. в меморандумах Мольтке все настойчивее звучит мысль о том, что французы могут использовать для своего наступления бельгийскую территорию; до оправдания «превентивного» вступления в Бельгию остается один шаг.

Бисмарк же, не являясь в данном случае сторонником превентивной войны, сдерживал военных и работал в направлении ослабления Франции своими методами. Он проводил политику сохранения мира при одновременной подготовке к войне[106] — «si vis pacem, para bellum». Обладая большим, если не решающим влиянием в вопросах войны и мира, он имел возможность сдерживать устремления военной верхушки навстречу новым боям. При этом Бисмарк время от времени рассматривал возможность «использовать сильное положение, чтобы вновь спровоцировать только что разбитого противника, прежде чем он оправится от поражения, и сделать его неспособным восстановиться в такой мере, чтобы когда-либо представлять опасность и создавать угрозу реванша даже в союзе с другими державами»[107]. Не случайно на запрос генерального штаба, может ли канцлер гарантировать отсутствие угрозы французского реванша, Бисмарк ответил, что единственное, что он может гарантировать, — это новые войны[108].

В 1873 г. Мольтке вместе со своим императором отправился в Петербург, где подписал военное соглашение — так называемую «конвенцию Мольтке—Берга». Согласно этому документу, в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая должна была прийти ей на помощь 200-тысячной армией. Впрочем, шеф генерального штаба, всегда скептически относившийся к военному сотрудничеству с Россией, на придавал этому соглашению слишком большого значения.

И Бисмарк, и Мольтке неустанно говорили о миролюбии Германии. «Могущественное, но миролюбивое государство в центре Европы, — писал шеф генерального штаба, — является вернейшей гарантией продолжительного мира в этой части света. Германия доказала всему свету, что она миролюбива, не нуждается в войне ради достижения славы и не желает ее ради завоеваний... Германия преследует с 1870–1871 гг. мирную политику, еще не виданную во всемирной истории. Но такая политика может быть проведена при опоре на сильную армию, готовую к войне. Если бы недоставало этого огромного махового колеса, государ-

---

[106] *Darmstaedter F.* Bismarck And The Creation Of Second Reich. New York, 1965. P. 401.
[107] *Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik. Bd. 1. Berlin, 1952. S. 50.
[108] *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия. С. 98.

ственная машина остановилась бы»[109]. Чего стоили все подобные заверения Германии, показала «военная тревога» 1875 г.

Мольтке принимал в «военной тревоге» самое активное участие. В частности, он заявил английскому послу Расселу, что «желает войны не та держава, которая выступает, а та, которая своим образом действий заставляет других выступать»[110], и, таким образом, немецкое нападение было бы вполне оправданным. 30 апреля, встретившись теперь уже с бельгийским послом Нотомбом, он вновь посетовал на скорость французских вооружений, которая «является неоспоримым свидетельством подготовки к войне. В таких обстоятельствах мы не можем ждать, пока Франция будет готова — наш долг заключается в том, чтобы опередить ее»[111]. Те же идеи он высказывал и в беседах с представителем Австро-Венгрии, называя даже конкретный срок предполагаемого французского нападения — весна 1876 г.

Высокий авторитет Мольтке способствовал тому, что его высказывания были восприняты в Европе более чем серьезно. Королева Виктория в своем личном письме Вильгельму I заявила, что именно слова столь выдающейся личности, как Мольтке, и заставили англичан поверить в возможность скорой войны[112].

Участие Мольтке в этих событиях абсолютно не похоже на спонтанные действия; оно настолько хорошо вписывается в общую канву, что ряд авторов, в том числе и один из самых знаменитых биографов Бисмарка — Э. Эйк, говорят об «игре с заранее распределенными ролями»: «Разве кто-нибудь может поверить, что шеф генерального штаба пришел к английскому посланнику с такими известиями без ведома и одобрения канцлера? В привычки Мольтке не входило вмешательство в работу дипломатов. Так же, как он не терпел незваного вмешательства в свои военные дела, он сознательно избегал вмешательства в дела других»[113]. При этом фельдмаршал вполне серьезно стремился к развязыванию войны; у него на руках имелись целых три проекта стратегического развертывания, и он активно добивался у короля разрешения начать непосредственную подготовку к вторжению.

Однако французская дипломатия тоже не дремала, запросив помощи

---

[109] *Мольтке Г.К.Б.* Военные поучения. СПб., 1913. С. 6.
[110] *Чубинский В.В.* Бисмарк. С. 297.
[111] *Herre F.* Op. cit. S. 355.
[112] Die grosse Politik... Bd. 1. S. 293.
[113] *Eyck E.* Op. cit. Bd. 3. S. 167.

у других великих держав. При этом французские дипломаты ссылались именно на слова Мольтке. Поскольку все немецкие заявления об «угрозе с запада» были явно надуманными, Франции удалось без труда склонить на свою сторону Россию и Англию, не желавших нового усиления Второго рейха. В начале мая Бисмарку пришлось громко трубить отбой, заявив, что у Германии «нет никакой причины нападать на Францию»[114]. Вину за развязывание кризиса он свалил на прессу, не забыв «лягнуть» и Мольтке, которого обозвал «молокососом в политике» и «деревянной башкой»[115]. Шеф генерального штаба в данной ситуации, действительно, не проявил свойственной ему мудрости, слепо разыграв ту роль, которая предназначалась для него канцлером. Это дало возможность и современникам, и многим историкам обелить «железного канцлера», снимая с него всякую ответственность за разразившийся кризис.

«Военная тревога» ясно показала, что усиление Германии тревожит практически всех ее соседей. Следовательно, сделал вывод шеф генерального штаба, вполне может наступить момент, когда страна окажется в окружении враждебных армий, как Пруссия при Фридрихе Великом. Именно к войне на несколько фронтов следует готовиться, причем лучше, если момент для начала войны выберут немцы. Бисмарк пытался улучшить позиции страны созданием коалиций; Мольтке же считал, что «коалиции хороши до тех пор, пока все интересы всех их членов одинаковы»[116], и полагался больше на военную силу.

Следует еще раз оговориться: сказка о том, что Германия вынуждена была защищаться от враждебного окружения, была выдумана исключительно для праздной публики. И Бисмарк, и Мольтке считали необходимым укреплять и защищать роль Германии как гегемона Европы — положение, к которому она приблизилась в 1871 г. Именно стремление встать над другими великими державами, а не защитить себя — ведь реально стране никто не угрожал — направляло их мысли и поступки.

В 1877–1878 гг. Мольтке предлагал, используя русско-турецкую войну, нанести превентивный удар по Франции, а в 1879 г. принимал самое активное участие в заключении Двойственного союза с Австрией. В последнем вопросе Бисмарк не имел ничего против активности шефа генерального штаба — впервые за последние 10 лет оба деятеля работа-

---

[114] *Чубинский В.В.* Бисмарк. С. 297.
[115] *Herre F.* Op. cit. S. 356.
[116] Ibid. S. 357.

ли с таким единодушием. Вместе они уговаривали Вильгельма I, который с большим неодобрением относился к антироссийскому характеру будущего союза. Мольтке всячески сгущал краски, рассказывая императору о громадной концентрации русских войск на восточной границе Германии. «С одними русскими мы бы справились и без союзников, — заявлял фельдмаршал. — Но наше положение стало бы исключительно сложным, если бы имели одновременно вторым противником Францию... Обе возможности детально проработаны в генеральном штабе... С военной точки зрения дружественная позиция Австрии дала бы нам большое преимущество, поскольку, даже не действуя наступательно, ее армия сковала бы значительную часть русских войск»[117].

Да, Германия способна в одиночку отразить французское вторжение, — писал Мольтке Вильгельму 10 октября. «Но очень большую опасность я вижу в том, что два наших соседа объединятся для совместного удара, и, чтобы успешно противостоять этой угрозе, нам нужен союз с другой державой... Я вижу в союзе с Австрией... ценнейшую гарантию нашего будущего»[118].

Активное вмешательство военных во внешнюю политику продолжалось и в дальнейшем. Однако, пока главными действующими лицами были столь масштабные личности, как Бисмарк и Мольтке, это не приводило к катастрофическим последствиям. С одной стороны, «железный канцлер» обладал достаточной властью и влиянием для того, чтобы пресечь все неугодные ему попытки вмешательства со стороны военных. С другой стороны, Мольтке умел ограничивать свои претензии и воздерживаться от слишком откровенного вмешательства в сферу дипломатии. Однако приближался день, когда оба действующих лица должны были уйти с политической арены. О том, как будут складываться отношения Большого генерального штаба и внешнеполитического ведомства после этого, можно было судить уже в 1882 г., когда генерал-квартирмейстером — фактически ближайшим помощником Мольтке — был назначен Альфред фон Вальдерзее.

В 1883 г. по настоянию Вальдерзее Большой генеральный штаб получил формальную независимость от военного министерства. Это обеспечивало сохранение его положения в системе военных институтов и после отставки Мольтке. Вальдерзее горячо выступал за скорейшую превентивную войну. Ему не терпелось снискать лавры на полях сраже-

---

[117] GP. Bd. 3. S. 75.
[118] Ibid. S. 122–123.

ний. При этом он питал к политическому руководству страны гораздо меньше пиетета, чем сам Мольтке: «Государственная власть может лишь создать для нации наиболее благоприятную с военно-стратегической точки зрения исходную позицию, поскольку последнее слово все равно скажут мечи»[119]. Соответственно достаточно быстро он вступил в конфликт с Бисмарком, изначально симпатизировавшим новому генерал-квартирмейстеру; уже в 1886 г. пути двух деятелей окончательно разошлись.

Вальдерзее старался всячески усилить свое влияние на внешнюю политику страны. В частности, он сделал многое для того, чтобы превратить военных атташе за рубежом в свой личный дипломатический корпус. Согласно планам генерал-квартирмейстера, военные атташе должны были иметь право посылать свои донесения непосредственно императору в обход всех дипломатических инстанций. Лишь с большим трудом удалось Бисмарку похоронить этот честолюбивый замысел. Однако право военного атташе вести прямую переписку с военным министерством и генеральным штабом в случае, если речь шла о чисто военных вопросах, не оспаривалось с 1869 г. практически никем. Круг же «чисто военных вопросов», как уже отмечалось выше, определить было весьма трудно. Особенно большое влияние имел военный атташе в Петербурге, который традиционно играл роль личного представителя прусского короля при дворе Романовых. Он пользовался особым доверием русского императора и действовал совершенно независимо от дипломатического представителя.

Последним по-настоящему крупным всплеском активности Мольтке стал кризис 1886–1887 гг. В этот период с подачи Бисмарка разразилась очередная «военная тревога»: немецкая дипломатия начала активно спекулировать угрозой войны как с Францией, так и с Россией. Мольтке, как и в 1875 г., готовился к войне вполне серьезно, и Вальдерзее поддерживал его в этом. В ноябре 1887 г. он создал памятную записку «Развитие вооруженных сил России с особым вниманием к текущему 1887 году», в которой доказывал, что восточный сосед готовится к скорой войне. Следовательно, необходимо как можно быстрее нанести упреждающий удар — возможно, уже этой зимой. Ознакомившийся с запиской, Бисмарк заявил, что считает «выводы графа Мольтке преждевременными»[120]; он только что заключил с Россией секретный «договор

---

[119] *Jeismann K.-E.* Das Problem des Praeventivkrieges. Freiburg; Muenchen, 1957. S. 144.
[120] GP. Bd. 6. S. 25.

перестраховки» — пакт о ненападении, о котором генеральный штаб не был извещен.

В ответ фельдмаршал пишет канцлеру письмо с доказательствами своей правоты. Одновременно он начал переговоры с австрийскими военными по поводу превентивной войны с Россией, уведомив о них монарха и ведомство иностранных дел. Главным действующим лицом на первом этапе стал военный атташе Германии в Вене майор Дейнес, который вышел далеко за рамки своих полномочий, обещая пересмотр договора 1879 г. в наступательном духе и советуя австрийцам начать переброску войск к русским границам. Даже Мольтке был вынужден впоследствии признать, что майор «был слишком далеко увлечен своей военной страстью»[121].

Бисмарк резко протестует против подобного, как ему кажется, вмешательства в сферу его компетенции; между ним и Мольтке в конце 1887 г. разыгрывается очередной конфликт. «Успех дипломатии был всерьез поставлен под угрозу из-за безответственных действий военных инстанций», — считал Г. Крейг[122].

Наконец, Бисмарк был вынужден сообщить шефу генерального штаба то, что тому уже давно положено знать, — между Германией и Россией существует тайный договор. Фельдмаршал вынужден уступить и выхолостить переговоры с австрийцами, к большому разочарованию последних; им было объявлено, что все обсуждаемые мероприятия относятся не к текущему моменту, а к случаю casus foederis, решение о котором будет принимать политическое руководство. «Мы не можем ничего обещать австрийцам — никакого развертывания, никакой мобилизации, если они будут нападающей стороной»[123]. Военные официально заверили канцлера, что ни в коем случае не собираются вмешиваться в сферу его компетенции.

В 1888 г. ушел в отставку Мольтке, а в 1890 г. — и Бисмарк. В 1891 г. за ними последовал Вальдерзее. Произошла смена поколений в государственном и военном руководстве страны. Однако концепции, заложенные Мольтке в основание деятельности Большого генерального штаба, продолжали развиваться.

Возглавляя генштаб, Мольтке самым активным образом участвовал в определении внешнеполитического курса страны. Он не только вы-

---

[121] *Craig G.* Die preussischdeutsche Armee... S. 296.
[122] Ebenda. S. 14.
[123] GP. Bd. 6. S. 62.

двигал собственные концепции, увязывая их с соображениями чисто военного порядка, но и лично выполнял дипломатические миссии, часто без согласования с гражданскими властями. При этом он выступал за четкое разграничение военной и политической областей, считая, что подобную черту можно провести на практике.

Его преемники — в первую очередь Шлиффен — подхватили идею о том, что война является делом только военных, и творчески развили ее. Именно военные специалисты, по мнению Шлиффена, могут правильно оценить соотношение своих сил и сил противника и, следовательно, выбрать наиболее благоприятный момент для начала войны. Поэтому Большому генеральному штабу, а не политическому руководству должно принадлежать право определять время начала кампании, которая будет носить превентивный характер. Аксиома Клаузевица о «войне как продолжении политики другими средствами» была фактически поставлена с ног на голову. Преемники Мольтке постарались довести ход его мыслей до логического завершения, однако, не обладая широтой его кругозора, они зашли так далеко, как фельдмаршал не смог бы зайти никогда. Фактически Большой генеральный штаб при Шлиффене начал претендовать на то, чтобы определять внешнюю политику Германии.

В то же время в политическом руководстве страны после 1890 г. не было столь сильных и влиятельных фигур, как Бисмарк, способных эффективно противостоять давлению военных. Император Вильгельм II не скрывал своих милитаристских симпатий, и шеф генерального штаба был ему куда ближе, чем глава правительства. В результате семена, посеянные при Мольтке, дали кровавые всходы в 1914 г. Окончательный же апофеоз власти Большого генерального штаба наступил в 1916 г., когда назначенный его шефом Гинденбург стал фактически верховным правителем страны.

И.П. Уколова

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРОИЗВОДСТВА АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Обеспеченность государства отечественными военно-техническими разработками, возможности производства военной техники и систем вооружения в необходимом количестве являются важнейшими факторами безопасности страны. Однако не всегда собственные НКИОР позволяют в полной мере решать эти задачи, и тогда очень востребованным становится иностранный опыт. Именно по этой причине во второй половине XIX — начале XX в. российские конструкторы при создании образцов вооружения, в частности артиллерийского, активно использовали достижения своих западных коллег.

Кроме систематического ознакомления с иностранной специальной литературой традиционной формой военно-технического сотрудничества с середины XIX в. стали заграничные командировки офицеров Главного артиллерийского управления (ГАУ) России на военные заводы, в конструкторские и испытательные подразделения военных ведомств и частных предприятий. При этом российские ученые применяли экспериментальный потенциал (современные приборы, оборудование) иностранных фирм и полигонов для собственных научно-исследовательских и конструкторских работ. Естественно, что подобные возможности предоставлялись на взаимовыгодной основе. Во второй половине XIX столетия результаты исследований русских ученых-артиллеристов (Н.В. Маиевского, А.В. Гадолина, Н.А. Забудского и др.) активно использовались на военных предприятиях Германии и Франции[1].

Оборудуя собственные исследовательские лаборатории и испытательные площадки, российский Артиллерийский комитет ГАУ закупал необходимые приборы за границей. Например, в конце 50-х гг. XIX в. известнейший конструктор Н.В. Маиевский лично занимался заказом, доставкой и установкой на полигоне «Волково поле» под Петербургом электротехнического маятника, разработанного капитаном бельгийской

[1] См.: *Мандрыка А.П.* Николай Владимирович Маиевский. М., 1964.

артиллерии Наве. Для проведения исследований в области внешней баллистики использовался хронограф Лебуланже[2].

Традиционным способом отбора вооружения для российской армии был конкурс образцов. При этом выбор неоднократно делался в пользу иностранных разработок, что объяснялось вполне объективными причинами. Заграничные образцы орудий и боеприпасов, как правило, создавались непосредственно проектно-конструкторскими подразделениями фирм-производителей (Круппа, Шнейдера и т. д.) в соответствии с современными тактико-техническими требованиями. Затем опытные изделия предлагались военным ведомствам. Заводы заранее вносили изменения в существующие технологии или оборудовали новые технологические линии под производство конкретных образцов.

В России же проектированием артиллерийского вооружения занимались почти исключительно специалисты из Артиллерийского комитета ГАУ[3], передавая массовое производство казенным или частным предприятиям.

Обращение российского военного ведомства к заграничным заказам на вооружение вызывало резкую критику со стороны общественного мнения. Однако привлечение иностранных фирм к изготовлению военной техники для России становилось единственным выходом в условиях спешного перевооружения, военного времени, технологической отсталости отечественной промышленности и недостатка финансовых средств на реализацию долгосрочных программ ее развития.

В 70-х г. XIX столетия в России и за границей шли активные исследования по разработке новых, так называемых дальнобойных артиллерийских орудий и материальной части к ним. К лету 1876 г. отечественные конструкторы из Артиллерийского комитета ГАУ создали образцы бронзовых полевых орудий, требовавшие некоторого времени для доработки. С началом Русско-турецкой войны стала очевидной необходимость срочного перевооружения, «каких бы то ни потребовало денежных затрат и чрезвычайных мер»[4].

В 1877 г. германская фирма Круппа представила в ГАУ образец 4-фунтовой стальной пушки. Испытания стрельбой выявили преимущества заграничной системы. Помимо боевых свойств крупповских ору-

---

[2] *Мандрыка А.П.* Николай Владимирович Маневский. С. 34, 59.

[3] ГАУ — Главное артиллерийское управление.

[4] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — ВИМАИВиВС). Ф. 6. Оп. 49. Ед. хр. 96. Л. 1.

дий привлекала возможность их срочного изготовления в значительном количестве на всемирно известном и технически мощном предприятии. «Дальнейшее же приготовление стальных орудий могло быть возложено на Обуховский сталелитейный завод, который мог быть к тому подготовлен в течение одного или полутора лет»[5].

Дополнительно завод Круппа разработал 9-фунтовое стальное орудие. Докладывая о нем военному министру, начальник ГАУ А.А. Баранцов в сентябре 1877 г. писал: «Хотя 9-фунтовая пушка... не была еще испытана стрельбой, но я бы полагал возможным дать Круппу валовой заказ... не требуя предварительного представления образца... Его испытание потребовало бы не менее трех месяцев времени и на такой же срок отдалилось бы окончание поставки орудий». Доклад Баранцова был высочайше утвержден, и контракт на 400 9-фунтовых орудий заключили в сентябре без предварительных испытаний[6].

Всего Круппу было заказано 1600 орудий только в течение 1877 г. Особые обстоятельства сопутствовали выдаче последнего в 1877 г. — декабрьского — заказа. 14 декабря представитель фирмы Круппа в Санкт-Петербурге Вахтер конфиденциально сообщил А.А. Баранцову, что до 1 мая 1878 г. завод будет занят изготовлением орудий для России. После же «средства эти делаются свободными. Некоторые правительства и частные банкирские дома... делали уже Круппу предложения на заказ таких же... орудий». В случае заказа Россией 200–300 пушек фирма обещала на время выполнения этого заказа других предложений не принимать.

По существу, российское военное ведомство столкнулось с незавуалированным шантажом, которому в условиях войны ГАУ было вынуждено уступить. 22 декабря 1877 г. в высочайше утвержденном докладе Баранцова говорилось: «Орудия, которые банкиры намерены заказать Круппу, очевидно, предназначены турецкому правительству». Так состоялся дополнительный заказ на 400 4-фунтовых и 100 9-фунтовых пушек. Утешительным моментом в этой истории была относительная экономическая выгода: крупповские орудия в 1877 г. стоили 1655 рублей за 4-фунтовую пушку и 2300 рублей — за 9-фунтовую, в то время как цены Обуховского завода составляли соответственно 1800 и 2400

---

[5] Очерк преобразований в современной артиллерии. Т. 2. Период 1877–1889 гг. СПб., 1889. С. 57.

[6] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Ед. хр. 827. Л. 276.

рублей[7]. По результатам испытаний пробных образцов Обуховский завод был признан готовым к валовому производству осенью 1877 г., и 8 октября ему заказали 1700 орудий, которые он должен был изготовить к 1880 г.

Срочный характер заказов 1877 г. обусловил форсированный, упрощенный порядок проведения контрольных испытаний. Орудия и лафеты, изготовленные фирмой Круппа, было нецелесообразно везти для контрольных стрельб в Петербург. В соответствии с условиями контрактов испытания производились на опытном поле фирмы в Германии, но обязательно в присутствии одного или нескольких офицеров ГАУ[8].

Предприятие Круппа располагало обширным полигоном протяженностью до 17 верст на удалении трех верст от Меппена. Уже в 1879 г. опытное поле Круппа было оборудовано телеграфом, телефоном, бетонными основаниями для орудий, подвижным краном грузоподъемностью до 75 тонн, рельсовыми путями, современной баллистической и метеоаппаратурой, мастерскими, лабораторией и пороховыми погребами[9].

В России таким уровнем технической оснащенности мог похвастаться разве что Главный артиллерийский полигон ГАУ, и без того перегруженный всевозможными испытаниями. Впоследствии практика контрольных испытаний на месте производства стала обычной для заграничных заказов: изделия исправлялись и переиспытывались без лишних временных и финансовых затрат на транспортировку; в Россию поступали только безусловно качественные орудия, лафеты, порох.

В 80-е гг. XIX в. главными разработчиками отечественных образцов артиллерийской техники оставались офицеры-конструкторы ГАУ. Частные заводы иногда предлагали детальные изменения в конструкции вооружения (особенно боеприпасов), но в большинстве случаев они удовлетворялись ролью исполнителей государственных заказов по разработкам военного ведомства.

Несмотря на усилия государства стимулировать проектно-конструкторскую активность заводских изобретателей (предоставление валовых заказов без торгов по льготным ценам, закупка правительством

---

[7] Там же. Л. 652–661.

[8] Там же. Л. 401.

[9] Завод Круппа // Артиллерийский журнал. 1885. № 6. С. 67; Отчет об опытах, произведенных в августе 1879 г. на полигоне Круппа близ Меппена // Артиллерийский журнал. 1880. № 8. С. 875–929.

испытательного оборудования, помощь военных специалистов), масштабы заводского проектирования до конца века оставались весьма скромными. Подготовка производства к выполнению заказов на новое вооружение по проектам военного ведомства требовала дополнительных временных затрат. В результате технические возможности отечественных заводов неизбежно отставали от необходимых темпов роста. Технологическая отсталость казенных предприятий усугублялась постоянным недостатком бюджетных средств на их развитие.

В начале 1880-х гг. в России все еще не было прочно установленного валового производства стальных бронебойных снарядов больших калибров (9- и 11-дюймовых) для береговых орудий. Вплоть до 1885 г. 11-дюймовые снаряды ежегодно заказывали Круппу. Отечественная печать обвиняла ГАУ в отсутствии патриотизма, призывая обратить внимание на бедственное положение российских промышленников. Ключевым фактором в деле установления производства стальных бронебойных снарядов являлось качество стали, и здесь, кроме самих предприятий, никто не мог решить проблемы.

Требования к свойствам стальных бронебойных снарядов привносились в Россию с Запада: там раньше был создан броненосный флот и средства борьбы с ним. Доставляемые снаряды заводов Терр-Нуар (Франция) или Круппа (Германия) испытывались стрельбой в железные или сталежелезные плиты. В соответствии с результатами стрельб ГАУ формулировало требования к снарядам отечественного производства. «Наши требования от стальных снарядов подобия снарядам Круппа имеют какой-то случайный характер; они являются результатом частного испытания снарядов этого завода, и нет никакой гарантии в продолжительном существовании этого оценочного масштаба», — писал в 1883 г. специалист Артиллерийского комитета А. Якимович. Корень российских неудач он видел в том, что «правительство... не встречает со стороны заводов желаемой энергии». Отечественным предприятиям противопоставлялись заводы на Западе, которые «сами работают, помимо всякой инициативы свыше»[10].

Плиты для испытаний бронебойных снарядов приобретались только за счет казны за границей на заводах Петен и Годе, Кэммеля; а в России на Ижорских заводах и стоили очень дорого. Разработкой снарядов занимались Путиловский, Пермский, Обуховский заводы, товарищество

---

[10] *Якимович А.* Остальных снарядах // Артиллерийский журнал. 1883. № 4. С. 279.

«Менделеев и Износков», Сормовский завод Бенардаки, заводы Нобеля и Берда.

Правительство всячески способствовало развитию сталеснарядного дела в России: для специальных заводских опытов было ассигновано 140 тыс. рублей на приобретение сталежелезных плит. Тому заводу, который предоставит удовлетворительные снаряды, гарантировался валовой заказ. Но заводские стрельбы по плитам снарядами Обуховского, Путиловского, Александровского (Берда) и Пермского заводов не изменили положения дел.

В 1885 г. появился новый заграничный образец — 11-дюймовый снаряд фирмы «Сен-Шамон» (Франция), которая и получила в 1886 г. валовой заказ от русского правительства. В Петербурге к производству приступило общество Франко-Русских заводов, и только к концу 1880-х годов изготовление бронебойных снарядов началось на Пермском заводе[11].

Контрольные испытания продукции, изготовлявшейся по русским заказам за границей в конце XIX в., производились преимущественно по месту производства. Иногда обстоятельства таких испытаний были весьма необычными. К числу самых экзотических, безусловно, следует отнести случай контрольного отстрела на меткость 57-миллиметровых капонирных пушек Мэксим-Норденфельд (Великобритания) от первых двух партий 1892 г. У фирмы не было своего стрельбища, а английское правительство не разрешило использовать государственный полигон. Везти орудия в Россию было невыгодно в экономическом отношении. В результате испытания состоялись на большом речном пароходе в водах Темзы недалеко от Шебуринесса[12].

В 90-х гг. XIX в., в условиях нараставшей гонки вооружений крупнейшие российские заводы (Обуховский, Путиловский) намеревались серьезно заняться самостоятельной разработкой полевых скорострельных орудий. При этом активно использовалась иностранная военно-техническая помощь. Путиловский завод традиционно поддерживал связи с французской фирмой Шнейдер-Крезо; вообще отечественные проект скорострельной артиллерии учитывали, прежде всего, французский опыт, что объясняется тем, что Франция первой приняла на воо-

---

[11] Очерк преобразований. С. 153–156.

[12] Журнал Артиллерийского комитета. № 54. 1892 // Артиллерийский журнал. 1893. № 1. С. 368.

ружение систему нового типа — 75-миллиметровую скорострельную полевую пушку образца 1897 г.

Будучи заинтересованным в скорейшем завершении проектирования новых систем и в выборе лучшей из них, Артиллерийский комитет внимательно следил за ходом работ в России и за границей. Еще в 1896 г. Путиловский завод был извещен, что в случае принятия на вооружение его образца предприятие получит первый валовой заказ на льготных условиях относительно количества орудий и цен на них[13]. В том же 1896 г. ГАУ заказало опытные образцы 3-дюймовых скорострельных пушек Обуховскому, Пермскому заводам и иностранным фирмам — Сен-Шамон, Шнейдер, Канэ, Гочкисса, Норденфельда и Круппа.

Разработка образца 3-дюймовой полевой пушки в Артиллерийской технической конторе Путиловского завода завершилась в 1898 г. По результатам сравнительных испытаний в 1900 г. этот образец был признан лучшим среди других систем. Орудие приняли на вооружение под названием «3-дюймовая скорострельная пушка образца 1900 г.». Путиловский завод сразу же получил заказ на 750 орудий в качестве вознаграждения за разработку системы[14].

Исход конкурса не удовлетворил иностранные фирмы, которые не желали терять позиции на российском рынке артиллерийского вооружения. Представители предприятий Круппа и Шнейдера просили повторить конкурс, ссылаясь на то, что не смогли ко времени испытаний внести в свои системы все изменения, которые бы выдвинули их образцы на первое место. ГАУ располагало сведениями, что, например, во Франции разработаны новые, более устойчивые лафеты. Путиловский завод в свою очередь также не прекращал работ по совершенствованию своей пушки. В 1901 г. ГАУ объявило новый конкурс, в котором участвовали образцы предприятий Круппа, Сен-Шамон, Шнейдера, Эргард-Норденфельда и Путиловского завода. Повторный конкурс завершился победой путиловского орудия и принятием его на вооружение в 1902 г.[15]

Массовое производство вооружения по отечественным разработкам вело к технологическому развитию предприятий, росту их проектно-

---

[13] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 50. Ед. хр. 21. Л. 1.

[14] Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898–1902 гг. Б. м., б. г. С. 88.

[15] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода. 1801–1917. М., 1961. С. 156; К столетию Путиловского завода. 1801–1901. СПб., 1902. С. 84.

конструкторского потенциала, а в конечном счете — к военно-технической и экономической независимости от иностранных фирм. Получив возможность перевооружения армии орудиями Путиловского завода, артиллерийское ведомство России берет курс на сокращение заграничных заказов. Однако начавшаяся в 1904 г. война с Японией заставила изменить эти планы. Из-за неготовности российских заводов срочно изготовить большое дополнительное количество боеприпасов пришлось снова обратиться к иностранным военным предприятиям.

Выбор иностранных поставщиков определялся выгодной ценой, минимальными сроками изготовления, а также возможностью испытать заказанные снаряды. В 1904 г. внимание генерал-инспектора артиллерии Великого князя Сергея Михайловича привлек проект известного дельца французского гражданина Василия Захарова. Он предлагал свое посредничество в организации изготовления 3-дюймовых артиллерийских выстрелов в количестве 1 миллиона штук в течение 19 месяцев в Великобритании. Главным аргументом Захарова было то, что, если Россия не закажет английским фирмам снаряды, их свободные производственные мощности будут заняты производством вооружения для Японии.

«Патриотический» порыв дельца обставлялся весьма обременительными условиями: никаких гарантий по срокам, 1 миллион рублей авансом и конспиративный порядок выполнения заказа. Последнее объяснялось договором о нейтралитете между Англией и Японией от 1902 г., в соответствии с которым Великобритания не имела права поставлять России вооружение. Английское правительство просто не позволило бы вывезти произведенные снаряды за пределы страны. По условиям того же договора невозможно было организовать контрольные испытания снарядов, на чем особенно настаивало ГАУ. Проведение же «тайных» стрельб на территории иностранного государства, как предлагал Захаров, да еще в присутствии русских офицеров, представлялось полной нелепостью. Несмотря на протекцию Великого князя, ГАУ отклонило предложение Захарова[16].

Фирмы Беллера (Австрия), Эргардта (Германия) и Шнейдера (Франция) гарантировали организацию сдачи снарядов на месте производства — прием российских офицеров, предоставление полигонов и т. д. Эти заводы и получила заказы на производство боеприпасов. В. Захарову на приемлемых условиях заказали 15 тыс. мелинитовых гранат. Всего в

[16] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 50. Ед. хр. 128. Л. 25-26, 114.

течение Русско-японской войны за границей было заказано 1 млн 650 тыс. снарядов, несколько более, чем отечественным предприятиям (1 млн 074 тыс. 640 штук)[17].

Русско-японская война, подтвердив превосходные боевые качества 3-дюймовой скорострельной пушки, потребовала перевооружения горной артиллерии и создания новых гаубичных систем для разрушения полевых укреплений. Собственно, к разработке гаубиц ГАУ приступило еще в 1901 г., но война заставила форсировать и выбор образца, и размещение заказов.

Спешно изготовленный по проекту Обуховского завода в 1904 г., образец 48-линейной гаубицы после незначительных испытаний неоднократно дорабатывался уже в ходе валового производства. Заказанные в мае 1905 г. 55 орудий из-за забастовок не были изготовлены обуховцами в срок. Системы попали на службу уже после войны, скоро пришли в негодность и были сняты с вооружения. В результате конкурсных испытаний в 1909 г. для русской армии был принят иностранный образец — 48-линейная полевая легкая гаубица системы Круппа, одна из лучших в Европе по своим баллистическим качествам[18].

Подобным образом шло принятие на вооружение горной системы. Наспех сконструированная Обуховским заводом для Русско-японской войны в 1904 г. 3-дюймовая горная пушка в боевых условиях показала себя недостаточно меткой и дальнобойной. Следует отметить, что и отечественные, и заграничные заводы неохотно занимались разработкой горных орудий, поскольку при сложной конструкции они не сулили больших и выгодных заказов ввиду ограниченной потребности армии в таких системах (не более 500 штук). Более совершенная 3-дюймовая горная пушка системы Шнейдер-Данглиз, изготовленная Путиловским заводом с использованием французских разработок, была принята на вооружение только в 1909 г.[19]

В 1905 г. началась принципиальная разработка вопроса о выборе новых образцов тяжелой артиллерии в комиссии при Артиллерийском комитете. К 1906 г. Комиссия подготовила заключение, где устанавли-

---

[17] Там же. Ф. 7р. Оп. 7. Ед. Хр. 204. Л. 320–321; Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванной войной с Японией в 1904–1905 гг. Б. м., б. г. С. 191.

[18] *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. 1. М., 1948. С. 194, 219; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Ед. хр. 487. Л. 321.

[19] *Барсуков Е.З.* Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. Б. м., 1926.

вались типы орудий и требования к ним. ГАУ объявило конкурс на разработку систем тяжелой артиллерии с привлечением заводов: российских (Обуховского, Путиловского, Пермского, Брянского и Петербургского Металлического), иностранных (Армстронга, Виккерса, Круппа, Эргардта, Шкода, Бофорса, Сен-Шамона и Шнейдера). Только на улаживание всех формальностей по конкурсу (доклады, получение согласия министров торговли и промышленности на обращение к заграничному рынку и т. д.) ушло около двух лет. Причем министерство финансов настаивало, по условиям размещения заграничных займов, на предпочтении по артиллерийским заказам французских фирм. Весь перечень необходимых мероприятий по конкурсу был утвержден Военным Советом только в начале 1908 г.

Не дожидаясь результатов конкурса по разработке орудий, ГАУ обратилось к заводам, уже имевшим готовые современные системы. Ознакомившись с предлагаемыми образцами на заграничных полигонах, ГАУ решило не торопиться с заказами и в 1908 г. объявило иностранным и отечественным предприятиям новые условия конкурса. Откликнулись заводы Круппа, Эргардта, Шнейдера, Шкода и Бофорса. Пять систем испытывались в 1906–1909 гг. с явным преимуществом образца Шнейдера. И снова ГАУ не вынесло окончательного решения. Заводы периодически предлагали новые образцы, их испытания шли за границей и в России. Стремление дать армии лучшие современные орудия фактически привело к непростительному затягиванию перевооружения в условиях угрожающей отсталости российской тяжелой артиллерии. Полигонные испытания были закончены для выдачи валовых заказов лишь в начале 1910 г. Отобрав 7 образцов, Комиссия продолжала свою работу до начала Первой мировой войны[20].

В соответствии с условиями конкурса принятые на вооружение системы в любом случае должны были производиться на российских заводах. Поэтому отечественные предприятия не утруждали себя самостоятельной разработкой орудий. Кроме того, например, Путиловский завод заключил с фирмами Шнейдера и Круппа сепаратные соглашения: иностранные фирмы продавали патенты на свои разработки Путиловскому заводу с условием, что, получив первый валовой заказ, он будет выплачивать им определенный процент прибыли (Крупп получал 12% от стоимости таких заказов)[21]. Таким образом, после конкурсных испыта-

---

[20] *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии. С. 196–199.
[21] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* Указ соч. С. 342, 346.

ний и выбора образцов полномочия ГАУ в распределении заказов ограничивались соглашениями иностранных фирм и российских частных предприятий.

В случаях, когда иностранные заводы предполагали сами заниматься изготовлением предметов вооружения по русским заказам, они проявляли особый интерес к ходу и результатам испытаний своих образцов. За успешный исход стрельб офицеры Главного полигона под Петербургом удостаивались «неформальных» видов благодарности. Об одном из таких случаев рапортовал испытатель штабс-капитан А.А. Кушакевич в 1912 г.: «Доношу, что 28 февраля сего года представитель Рейнского завода Гартман, будучи на полигоне, при встрече со мной предложил мне принять конверт с вознаграждением за понесенные труды по испытанию в 1911 г. 3-дюймовых бризантных шрапнелей Рейнского завода. Предложение Гартмана мною было отклонено и вознаграждение не принято»[22].

Важнейшей проблемой российского артиллерийского ведомства на рубеже XIX — XX вв. была недостаточная информированность об иностранных военно-технических достижениях. Сведения доходили неполные и почти всегда с запозданием. Вся осведомительная служба сосредоточивалась в Главном управлении генерального штаба, которому подчинялись военные агенты при посольствах. Военные агенты, не будучи сведущими в специальных технических вопросах, часто передавали малоценные или совсем непригодные материалы. Основным источником информации оставались периодические издания военной тематики, иностранная литература. Ежегодно ГАУ получало на командирование за границу офицеров 10 тыс. рублей, из которых треть отпускалась Михайловской артиллерийской академии, а остальное — Артиллерийскому комитету, Главному полигону, техническим артиллерийским заведениям и приемщикам[23]. Указанной суммы, конечно, было недостаточно для получения своевременной и полной информации о военных заводах, учреждениях, новых образцах вооружения.

С другой стороны, организация заграничных командировок была сопряжена с трудностями нефинансового характера. Готовясь к приему командированных в Германию, Австрию и Францию офицеров ГАУ, российский военный атташе в Берлине сообщал Главному штабу в 1903 г.: «Я далеко не могу выразить уверенности, что получение разре-

---

[22] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 7. Ед. хр. 204. Л. 658.

[23] *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии. С. 205–206.

шения присутствовать на учебной стрельбе нашим офицерам обеспечено; напротив того, считаю вероятным, что прусское военное министерство под тем или иным предлогом постарается, если возможно, отклонить ходатайство, не доводя о нем до сведения императора, ибо мне достоверно известно, что оно весьма неохотно допускает посторонних лиц на полигоны»[24].

В условиях возраставшей военной опасности российское военное руководство принимало свои меры для пресечения утечки ценной военно-технической информации. Например, по учреждениям ГАУ было разослано письмо его начальника Д.Д. Кузьмина-Караваева от 28 февраля 1910 г.: «Участились случаи опасной невоздержанности на язык наших офицеров. В обществе последними обсуждаются военные вопросы, даже секретного характера... Наши офицеры с легкомыслием недопустимым позволяли эксплуатировать себя в целях шпионства местным и иностранным проходимцам, втиравшимся в доверие... Такая болтливость и непристойность знакомств — явление, которое не может быть терпимым среди офицеров. Для непонимающих этого пусть служат примером молчаливость и сознание собственного достоинства офицерства некоторых соседних армий. Повторение подобных случаев будет навлекать на себя всю строгость заслуживаемой ими кары»[25].

В преддверии Первой мировой войны сведения о новых конструкциях вооружения в зарубежных военно-технических изданиях и специальной литературе практически сошли на нет, особенно в отношении Германии. Из-за нежелания фирмы Круппа представить новейшие образцы зенитного, или, как тогда говорили, противовоздушного, орудия и отсутствия готовых разработок у отечественных заводов конкурс на этот вид вооружения так и не состоялся. С 1909 г. по настоянию ГАУ проектирование орудия для стрельбы по воздушным целям началось в артиллерийской технической конторе Путиловского завода под руководством инженера Ф.Ф. Лендера. Первые образцы были готовы к концу 1914 г. и после испытаний их спешно отправили в Царское Село[26].

В сражениях Первой мировой войны российские войска остро ощущали как качественные пороки существующего вооружения, так и его хроническую количественную недостаточность. Тяжелейший снаряд-

---

[24] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Ед. хр. 367. Л. 287.

[25] Там же. Ф. 7р. Оп. 7. Ед. хр. 204. Л. 590.

[26] *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии. С. 205–206; *Агренич А.А.* Зенитная артиллерия. М., 1960. С. 12; *Лендер В.Ф.* Труд, равный подвигу. М., 1982. С 21.

ный голод весной и летом 1915 г. заставил ГАУ принимать экстренные меры: дополнительные заказы, усиление контроля по выполнению уже выданных заказов. Особое значение придавалось нехватке 3-дюймовых снарядов. Для быстрого увеличения их выпуска возникла идея использования французского опыта — широкого привлечения частных предприятий к изготовлению 3-дюймовых снарядов упрощенной конструкции. При непосредственном содействии офицеров союзной Франции в 1915 г. при ГАУ была создана Организация по заготовлению снарядов французского образца под руководством генерала С.Н. Ванкова. В работу Организации включилось около 450 предприятий. Ее успех был очевиден: за время войны заводы Организации изготовили почти половину всех выпущенных в России 3-дюймовых гранат[27].

Вследствие чрезвычайно медленно продвигавшейся мобилизации промышленности, несогласованной работы различных ведомств и учреждений по вопросам вооружения и снабжения армии (Распорядительной комиссии по артиллерийской части, Особого совещания по обороне, Военно-промышленных комитетов, Всероссийского союза земств и городов) фронтовая артиллерия не получала от отечественных предприятий военной техники в нужных объемах[28].

Традиционные военно-производственные связи с предприятиями Германии (фирмой Круппа и др.) были разорваны, что потребовало срочной переориентации политики заграничных заказов. Россия была вынуждена производить значительные закупки вооружения в Англии, Америке, Франции, Японии (до 23,9% одних орудий).

Опытные исследования и контрольные испытания иностранных образцов, закупленных у союзников, и трофейных немецких производились в России. Только на Главном полигоне за время войны прошли испытания около 30 иностранных образцов[29].

Офицеры артиллерийского ведомства активно командировались за границу для приема предметов вооружения, изготовленных по русским заказам. При этом отмечалась острая нехватка специалистов, приводившая к немыслимым по меркам мирного времени ситуациям. Например, во Франции приемом снарядов пришлось заняться лично российскому военному агенту А.А. Игнатьеву, так описавшему стрельбу в

---

[27] *Черняк А.Я.* Семен Николаевич Ванков. М., 1984. С. 196–110.

[28] *Лаверычев В.Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 141.

[29] *Трофимов В.М.* Материалы о научной деятельности ученого. Л., 1966. С. 53.

Гавре на полигоне Шнейдера: «Генштабист со шпаргалкой, составленной для него артиллеристом, стоял на полигоне и отмечал попадания на различные дистанции, взрывал в песке гранаты, считая после этого осколки, расположив их по величине размера, — словом, выполнял все обязанности технической комиссии»[30].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что военно-техническое сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. было эффективным средством повышения качества российского вооружения, если оно сочеталось с активной деятельностью по созданию отечественных образцов военной техники. Ставка на преимущественно иностранные конструкторские разработки и массовые заказы вооружения за рубежом были чреваты военно-техническим отставанием в мирное время и тяжелейшими поражениями в годы войны.

[30] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 513.

О.А. Андрианова

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В 1914–1915 ГГ.

Первая мировая война, которая началась в результате столкновения двух военных блоков Антанты и Тройственного союза, стала военным фактором, определившим развитие международных отношений на долгие годы вперед. В ходе этого масштабного военного конфликта выявились проблемы, последствия которых ощущаются и в наше время.

Одной из таких проблем, которая имела политический, национальный и конфессиональный характер, стала судьба Восточной Галиции, ныне часть так называемой Западной Украины. В начале XX в. в Восточной Галиции в тесной связи с местными польско-украинскими противоречиями столкнулись интересы России, Австро-Венгрии и Ватикана.

В XIII в. из юго-западной части Древнерусского государства выделилось Галицко-Волынское княжество, в состав которого входила территория, позднее получившая название «Восточная Галиция». В XIV в. княжество вошло в состав Польши, объединившейся в 1559 г. по Люблинской унии с Литвой в Речь Посполитую. В 1772 г. в результате первого раздела Польши эта территория отошла к Австро-Венгрии в составе «Королевства Галиции и Лодомерии».

Первоначально Православная церковь занимала господствующее положение на территории Восточной Галиции, но после вступления Галицко-Волынского княжества в состав Польши, где католицизм был государственной религией, ситуация стала меняться. В 1596 г. была заключена Брестская церковная уния, в результате которой на территории Речи Посполитой была образована Униатская церковь, которая при сохранении православной обрядности, признавала примат Римского Папы и католическое вероучение. Православная церковь сохраняла свое влияние в Восточной Галиции до начала XVIII в., когда утвердилось влияние Римско-католической церкви.

К концу XIX в. территория Галиции традиционно делилась на две части — Восточную и Западную, при этом «Восточную часть этой территории населяло преимущественно униатское ("русское") население,

западную — преимущественно католическое (польское)»[1]. Так называемое русское население края являлось «продолжением этнического массива восточных славян Подолии, Волыни, Холмщины, наиболее часто обозначается как русины... термин "русины" закрепился прежде всего за "русским" населением Австро-Венгрии, обозначавшимся также (прежде всего в работах русских авторов) как малороссы»[2].

Как отмечает В.Н. Савченко, в Галиции исторически сложилось господство польского помещичьего землевладения, в то же время «русское» население было представлено в основном малоземельным крестьянством и униатским духовенством (в основном низшим)[3]. По подсчетам исследователя, к 1914 г. в Восточной Галиции насчитывалось до 4 млн «русских», поляков же вместе с частью евреев-католиков и немцев было 403 750 человек[4]. Данные австрийских источников несколько отличаются. Так, согласно переписи 1910 г., во всей Галиции было 3 208 092 «русских» по языку, и 4 672 500 поляков, из них 3732961 католиков.[5] Причем польское население проживало в основном в городах, «русское» население в основном селилось в сельской местности[6].

Согласно памятной записке П.П. Волконского, во всей Галиции в 1900 г. насчитывалось «две с лишним тысячи человек»[7] православных, католиков латинского обряда — 3 731 569 человек, а греко-католиков — 333 845, при этом в Галиции были как Краковское архиепископство, так и Львовская митрополия, в то время как униатская церковь подчинялась только Львовскому митрополиту[8]. Вопрос национальной принадлежности был тесно связан с религиозным, отмечал В.Н. Савченко. В Галиции «нет двух национальностей, есть две религии»[9].

Среди населения Восточной Галиции не было единства, так как существовали острые разногласия между поляками и «русскими» галичанами. По сообщению русского представителя в Вене Н. Гирса, в 1913 г.

---

[1] *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. № 11/12. С. 95.

[2] Там же. С. 97.

[3] Там же. С. 95.

[4] Там же. С. 100.

[5] Там же. С. 100.

[6] Там же. С. 100.

[7] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Волконский П. П. Памятная записка о некоторых церковных вопросах в Галиции. 29.03.1915. Л. 100.

[8] Там же. Л. 101.

[9] *Савченко В.Н.* Указ. соч. С. 101.

национальная борьба в Галиции между поляками и «русскими» основывалась на двух вопросах[10]: вопрос об избирательном праве в местный сейм для «русинов» (в результате революционных событий 1848 г. в Галиции был создан сейм, представлявший интересы польского населения), и создание украинского университета во Львове[11].

Существовали разногласия и среди «русинов» Восточной Галиции. Надо отметить, что к началу войны в Восточной Галиции сложилось «массовое культурно-политическое течение», так называемые «москвофильство», или «русофильство», представители которого «исповедовали идею национального единства "всех русских земель" под эгидой России»[12].

Ему противостояло «украинофильство», тесно связанное с греко-католическим (униатским) духовенством. Чиновник дипломатической канцелярии МИДа при Ставке Верховного главнокомандующего К.А. Олферов отмечал в феврале 1915 г., что в духовную Греко-католическую семинарию во Львове в основном поступала молодежь из украинских сепаратистских партий, «другими словами, уния и украинство слились в одно целое и вместе работали против русской мософильской партии»[13]. В то же время, как отмечает в письме Львовский консул, поляки остаются политически самой сильной частью населения, именно в их руках сосредоточена вся администрация в городах[14].

В самой России также существовало движение за воссоединение с Восточной Галицией, одним из ярых сторонников которой был граф В.А. Бобринский, известный «как ревностный патриот-монархист... боровшийся за религиозную и национальную свободу русского галицкого народа». Фигура Бобринского было популярна «в Галиции среди галичан-русофилов»[15]. Хотя Н. Гирс отмечал, что деятельность графа

---

[10] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 14. Н. Гирс — С.Д. Сазонову. 14.04.1913. Л. 31.

[11] Термины «украинец», «украинский» в конце XIX — начале XX в. употреблялись для обозначения политической принадлежности к националистическим партиям и организациям, выступавшим за создание независимого украинского государства (укроинофильство).

[12] *Савченко В.Н.* Указ. соч. С. 97.

[13] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К А. Олферов — М.Ф. Шиллингу 12.02.1915. № 37. Л.45.

[14] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д.166. Копия из донесения Императорского Консула во Львове 9/22. 06. 1914 г. № 86. Л. 22.

[15] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994 // www.pravbeseda.ru/library/index.php

возбуждала против православных прикарпатской Руси польское коло[16] и административные власти в Галиции и давали им «предлог к принятию строгих контрольных мер своим недопустимым в каком бы то ни было государстве вмешательством во внутренние дела чужой державы»[17].

О «русофильских» настроениях в Восточной Галиции Н. Гирс сообщал: «Я рад отметить здесь наблюдаемое мною в последнее время возникновение симпатий к России, основанное на воскрешении сознания славянской солидарности»[18]. Таким образом, к началу войны вопрос о включении Восточной Галиции в состав Российской империи казался естественным.

В августе-сентябре 1914 г. на юго-западном направлении Восточного фронта проводилась так называемая Галицийская операция, или Галицийская битва, длившаяся около месяца, в результате которой русские войска продвинувшись в глубь Австро-Венгрии почти на 300 км, заняли Галич и Львов, захватив, таким образом, всю Восточную Галицию и часть австрийской Польши. Вслед за тем на занятых территориях было образовано Военное генерал-губернаторство, возглавил которое родственник В.А. Бобринского — граф Г.А. Бобринский. Любопытна характеристика, которую дал ему в своих воспоминаниях генерал А.А. Брусилов: «Должен признаться, я чрезвычайно удивился, что на этот пост был избран генерал граф Бобринский. Я его давно знал как человека очень корректного, безусловно честного, но такого, который во всю свою жизнь, в сущности, никаким делом не занимался и решительно никакого административного опыта не имел и иметь не мог. В молодости он служил в лейб-гусарском полку, а затем почти все время был без дела, исполняя по временам разные поручения. С Галицией он, безусловно, знаком не был, и нужно полагать, что большинство ошибок, которые были им впоследствии совершены во Львове, происходили от неопытности и незнания края»[19].

Религиозный вопрос в деле воссоединения Восточной Галиции с Россией стал одним из основополагающих еще в 1913 г. Управляющий императорским консульством во Львове Верховцев писал, что органом влияния на крестьянство в Восточной Галиции должна стать Право-

---

[16] «Польское коло» — обощенный термин, трактуется как политическая организация, выражавшая национальные интересы польского населения.

[17] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 14. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 27.03/9.04.1913. Л. 26.

[18] Там же. Л. 22.

[19] *Брусилов А.А.* Воспоминания. М, 1963. С. 108. // www.militera.lib.ru/memo/ russian/brusilov/index.html

славная церковь, объединяющая русский народ «в самых святынях его естества»[20]. Как отмечает А.Ю. Бахтурина, «необходимость объединения галицийских униатов с православной церковью диктовалась целым рядом соображений внутриполитического порядка... сохранение унии в Галиции в случае её присоединения к Российской Империи означало восстановление униатства, ликвидированного в России ещё в конце XIX столетия».[21]

После указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. часть бывшего униатского населения в западных губерниях России перешла в католичество, что «заставляло задуматься о возможных обращениях не только униатов в православие, но и православных Российской Империи в унию в случае присоединения Галиции к России... казавшееся недалёким начало мирных переговоров подталкивало российские правящие круги к тому, чтобы максимально укрепить позиции России в Восточной Галиции, оградить себя от возможных притязаний поляков на эти земли»[22]. Волынский архиепископ Евлогий в январе 1915 г. писал министру внутренних дел Н.А. Маклакову: «... государственное объединение Галичины с Россией тогда только будет прочно, когда она объединится и в нашей родной православной вере. Если же... она останется в унии, то она будет таким опасным гнездом украинско-мазепинского сепаратизма, который доставит нашему Правительству много забот, мы приобретём вторую Финляндию».[23]

Опыт воссоединения униатской церкви с православием в Российской империи уже был. К концу XIX в. униатская Холмская епархия была воссоединена с Православием, где ключевую роль сыграло местное греко-католическое духовенство[24]. По этой причине русская администрация пыталась привлечь на свою сторону галицкое униатское духовенство, авторитет которого среди населения был хорошо известен. К.А. Олферов писал: «Народ привык видеть в лице своего настоятеля прихода не только духовного пастыря, но и советчика и наставника во всех вопросах столь сложной до сего времени в политическом и нацио-

---

[20] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 14. Копия донесения Управляющего императорским консульством во Львове от 14/27.06.1913. Л. 39.

[21] *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 142.

[22] Там же. С. 142–143.

[23] Там же. С. 143.

[24] Там же. С. 143.

нальном смысле жизни русского галичанина»[25]. Правда, почти сразу стало ясно, что униатское духовенство не стремится к сотрудничеству, и прежде всего это касалось главы галицких греко-католиков митрополита Львовского Андрея Шептицкого[26]. Уже в 8 августа 1914 г. он говорил в своем послании: «Происходит война между нашим Императором и Царём Москвы. Войну ведут за нас, ибо московский Царь не мог стерпеть того, что в Австрийском государстве у нас есть свобода веры и народности»[27].

Фигура А. Шептицкого еще до войны привлекала пристальное внимание русских властей. Деятельность митрополита, направленная на распространение унии в России, и приверженность «украинофильским» идеям были хорошо известны в Министерстве внутренних дел. Так, в справке Департамента полиции от 15 сентября 1914 г. сообщалось, что он предпринимал попытки «восстановления унии в России (вербовка русских православных священников и старообрядческого духовенства в орден Базилиан; посредством подставных лиц занимался скупкой земель в пограничных с Галицией губерниях и в Белоруссии с целью переселения туда русских униатов из Галиции и пропаганды унии»[28], в самой Галиции «подвергал жестоким насилиям и преследованиям местных галицко-русских священников, принадлежавших к русской народной организации... организовал на свои средства Украинско-мазепинские организации, направлял их деятельность против России, делал доклады императору Францу-Иосифу в противорусском духе и перед самой войной обмундировал целый отряд мазепинских стрелков».[29] Вопрос об аресте Шептицкого, видимо, был вопросом времени. Как писал С.Д. Сазонов, «деятельность униатского митрополита Шептицкого была до сих пор весьма вредной для нас и удаление его из края является поэтому вполне обоснованным»[30]. Позднее К.А. Олферов писал: «Шептицкий успел уже много сделать за последние годы в смысле закрепления за Римом вверенной ему Ватиканом Греко-католической церкви; его агенты и теперь не дремлют, работа в Галиции против пра-

---

[25] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К. А. Олферов — М. Ф. Шиллингу. 12.02.1915. № 37. Л. 43.

[26] Митрополит Шептицкий был известным политическим и общественным деятелем, он входил в австрийский парламент и сейм Галиции.

[27] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 143.

[28] Цит. по: Там же. С. 147.

[29] Там же. С. 147.

[30] Там же. С. 147.

вославия идет беспрерывно, и кто знает, быть может, с большим еще ожесточением, чем под австрийским владычеством»[31].

Поводом для ареста стала проповедь митрополита 6 сентября 1914 г. в Успенском соборе во Львове, где, в частности, были произнесены следующие слова: «Теперь, когда попущением Божьим пали границы, используем представившуюся нам возможность познакомиться ближе друг с другом... У вас то же богослужение, что и у нас. Вы называете себя "православными", и у нас тоже православная вера. Однако, наше "православие" — церковное, а ваше — государственное и, так сказать, "казённое". Это значит, что вы делаете опорой своего православия государственную власть. Мы же, напротив черпаем духовную силу из нашего единства со Святой Католической Церковью, через которую исходит благодать Божия и в которой заключён подлинный источник спасения. Это-то мы и можем вам дать»[32].

Надо отметить, что перед этим митрополит встречался с Г.А. Бобринским, и последний даже взял с митрополита слово, «что он прекратит какие бы то ни было политические выступления»[33]. Поэтому речь Шептицкого расценили как нарушение данного обещания; таким образом, был найден повод для ареста. Позднее в ходе обыска в доме митрополита был обнаружен тайник с документами, о которых К.А. Олферов писал, что документы эти дадут «немало интересных сведений, как относительно деятельности самого митрополита Шептицкого и его сотрудников, так и касательно его планов на будущее, не осуществленных еще вследствие войны и его высылки»[34].

По данным Ставки, бумаги Шептицкого содержали подтверждение планомерной и продолжительной деятельности митрополита по устройству в Российской империи униатской епископской кафедры, планы организации управления Малороссией в случае её захвата австро-венгерскими войсками, письма митрополита настоятелям униатских приходов[35]. В переписке главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым в 1915 г. также сообщается: «Обращала на себя внимание собственноручная записка митрополита... в которой он излагал план действий униат-

---

[31] АВПРИ Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Л. 46–47.
[32] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 146.
[33] Там же. С. 145.
[34] АВПРИ Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Л. 46.
[35] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 150.

ской церкви в имеющих быть занятыми австрийцами русских областях»[36].

В своей статье, посвященной истории унии в первой половине XX в. А. Юдин утверждает, что еще в 1907 г. Шептицкий обсуждал с Пием X свой проект по созданию на территории России «русской католической церкви», и «Шептицкому удалось убедить Пия X в том, что Греко-католическая церковь сможет сыграть провиденциальную роль своего рода моста, наведенного между католическим Западом и православной Россией»[37]. В результате, по мнению исследователя, Пий X дал Шептицкому практически неслыханные патриаршие полномочия в России, которые давали митрополиту «свободу организации Католической церкви восточного обряда»[38]. А. Юдин, правда без ссылок на источники, пишет далее: «С тем чтобы сохранить абсолютную секретность, эти полномочия были переданы папой Галицкому митрополиту в устной форме. В 1908 г. Пий X дает письменное подтверждение этим чрезвычайным полномочиям, однако по-прежнему так, чтобы об этом не узнал никто из высокопоставленных лиц в Ватикане»[39].

Историки М.М. Шейнман[40] и Э. Винтер[41] описывают в своих исследованиях так называемую докладную записку митрополита Шептицкого, адресованную австро-венгерскому императору Францу-Иосифу I, о военном, гражданском и церковном устройстве Украины на случай занятия ее австрийскими войсками, которая начинается следующими словами: «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам предстоит решить троякую задачу: военной, правовой и церковной организации края»[42], чтобы «возможно полнее отторгнуть от России»[43] украинские области. Он предлагал конкретные действия: опубликовать на Украине австрийское гражданское уложение, создать самостоятельную украинскую Церковь, которая должна быть отделена от Русской православной церкви[44].

---

[36] Там же. С. 151.

[37] *Юдин А.* Брестская уния в России в первой половине XX века // 400 лет Брестской церковной унии 1596–1996 гг. М., 1998. С. 73.

[38] Там же. С. 73.

[39] Там же.

[40] *Шейнман М.М.* Ватикан и католицизм в конце XIX–начале XX века. М., 1958. С. 413.

[41] *Винтер* Э. Папство и царизм. М., 1977. С. 490.

[42] *Шейнман М.М.* Указ. соч. С. 413.

[43] Там же. С. 413.

[44] Там же.

М.М. Шейнман отмечает, что митрополит был уверен, что Ватикан одобрит все, что он ни сделает. Шептицкий писал: «Как митрополит я мог бы это сделать, так как, согласно постановлениям восточного церковного права и традициям моих предшественников, я имею право, одобренное и Римом, осуществлять архипастырскую власть во всех этих областях...»[45]

После ареста в сентябре 1914 г. он был отправлен в Киев, оттуда перевезён в Нижний Новгород, где провёл три дня. Затем его перевезли в Курск, где митрополит находился до сентября 1916 г. Некоторое время Шептицкий содержался в одном из православных монастырей Суздаля, но это вызвало недовольство Ватикана и иностранной прессы, поэтому в декабре 1916 г. его перевели в Ярославль, где он находился до 12 марта 1917 г. и был освобожден в связи с Февральской революцией[46].

Узнав об аресте митрополита, Ватикан пытался вмешаться и как-то облегчить судьбу униатского первосвященника. Так, глава русской миссии при Римской Курии Д.А. Нелидов докладывал о своей частной беседе с папой, в ходе которой понтифик, в частности, заметил, что, видимо, «мой друг господин Сазонов обладает достаточно вескими доказательствами политической виновности митрополита, если допускает его удаление внутрь России»[47], и выразил желание ознакомиться с возведенными на митрополита обвинениями[48]. Позднее статс-секретарь в частной форме поинтересовался, нельзя ли отправить Шептицкого в Канаду под ответственность тамошних епископов, на что Нелидов ответил, что, пока дело не закончено, это вряд ли возможно.

В дальнейшем Ватикан не раз обращался к этому вопросу. В августе 1916 г. Н. Бок[49] писал в Петербург, что с конца 1914 г. «дело Шептицкого являлось главным осложнением в русско-ватиканских отношениях»[50]. Летом 1916 г. статс-секретарь кардинал Гаспарри передал российскому представителю при Ватикане три предложения об освобождении Шептицкого предполагалось: 1) перевести его в Канаду, 2) перевести в

---

[45] Там же. С. 413.

[46] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 152-153.

[47] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 257. Секретная телеграмма при Святом Престоле 3/16.11.1914. № 319. Л.164.

[48] Там же. Л. 164.

[49] Н. Бок при Д.А. Нелидове был его секретарем, но после назначения последнего послом в Бельгию, до октября 1917 г. оставался поверенным делах и фактически возглавил русскую миссию при Ватикане.

[50] *Шейнман М.М.* Указ. соч. С. 413.

Англию под надзор вестминстерского архиепископа Борна и 3) поселить в Риме, где его обяжут не покидать стен Ватикана[51]. В конце концов Сазонов отправил Гаспарри фотографический снимок с найденного в бумагах графа Шептицкого собственноручного черновика его докладной записки, «изобличающей его деятельность, направленную на отторжение от России юго-западных областей»[52]. Как сообщал Н. Бок, после этого письма, в котором были даны «исчерпывающие доказательства виновности Шептицкого, подкрепленные фотографическими снимками с крайне компрометирующих его документов»[53], вопрос о Шептицком потерял остроту, «как бы отошел на задний план»[54]. Арест митрополита был одним из первых шагов русской администрации в Восточной Галиции в вопросе религиозной политики, хотя и расценивался прежде всего как политический шаг.

Первая программа конфессиональной политики в Восточной Галиции была составлена обер-прокурором Святейшего Синода В.К. Саблером, который предложил направить в Галицию православного архиепископа и «возложить на него обязанности по удовлетворению нужд православного населения»[55], что характерно — никаких конкретных инструкций предложено не было. По распоряжению Николая II дело это было поручено архиепископу Евлогию, возглавлявшему Волынскую епархию, который и разработал программу деятельности православного духовенства в Галиции, одобренную Св. Синодом и императором[56]. Он предлагал ввести должности благочинного, чтобы наладить работу священников на местах, организовать приезд последних в Галицию для удовлетворения потребностей новых православных приходов[57]. Сам архиепископ был фигурой заметной: сподвижник Антония (Храповицкого), член 2-й и 3-й Государственной Думы, монархист по своим убеждениям, бывший глава Холмской епархии, он был знаком с проблемой униатского воссоединения и, в частности, считал, что в Восточной Галиции «православное самосознание держится главным образом в деревне... народ в огромной своей массе будет с православным»[58]. Он

---

[51] Там же. С. 413–414.
[52] Там же. С. 414.
[53] Там же. С. 414–415.
[54] Там же. С. 414–415.
[55] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 154.
[56] Там же. С. 160.
[57] Там же.
[58] Там же. С. 157.

выехал в Галицию осенью 1914 г. через Почаев, где узнал, что три прихода приграничного Бродского уезда были присоединены к Православной церкви.

А.Ю. Бахтурина отмечает, что поведение населения приграничных сёл было вполне естественным, учитывая издавна существовавшие тесные связи тамошнего населения с Россией и почитание ими святынь Почаевской Лавры, хотя уже тогда появились настораживающие моменты[59]. Позднее архиепископ вспоминал: «Епископ Дионисий предложил мне посетить сейчас же эти приходы, "...но только надо жандармов с собою взять, потому что священники ключей от храма не дают, — надо будет их отобрать..." Смотрю, молоденький жандарм тут же неподалёку вертится. Меня всё это очень покоробило. Присоединение к православию мне представлялось постепенным сознательным процессом, — не такими скоропалительными переходами, да ещё с участием жандармов»[60].

К сожалению, уже эти первые акты присоединения униатского населения к православию, а также несколько поспешные выводы российской печати о деятельности Православной церкви в Восточной Галиции бросили тень на все последующие меры русского правительства. Таким образом, сложилось мнение о насильственном обращении Галицких униатов в православие, ответственность за что была в значительной степени возложена на архиепископа. Так, «Правительственный вестник» сообщал, что архиепископ Евлогий «назначен церковным администратором завоёванной области и прибыл из Житомира в Почаев и Львов 6 сентября для присоединения к православию галичан»[61]. Негативные последствия подобных публикаций прекрасно понимало высшее чиновничество. Так, глава МИД С.Д. Сазонов писал В.К. Саблеру, что подобные сообщения создают неверные представления о деятельности архиепископа Евлогия, «тогда как "входя в новый край, нам желательно создать в населении впечатление о том, что Россия применяет приёмы обратные тем, к коим прибегала Австрия" в вероисповедной политике»[62].

Недовольство проводимой конфессиональной политикой выразила Ставка, которой был необходим мир в тылу войск. Верховный главно-

---

[59] Там же.
[60] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч.
[61] Цит. по: *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 158.
[62] Там же. С. 158.

командующий великий князь Николай Николаевич писал императору по поводу деятельности архиепископа Евлогия: «Начались указания епархиальной власти о необходимости униатам и их пастырям переходить в православие, которые могут вызвать сильные волнения населения в тылу русских войск»[63].

Местная администрация также относилась к деятельности архиепископа весьма настороженно, Г.А. Бобринский, получив сообщение от Евлогия о желании последнего приехать во Львов, ответил, что «находит эту поездку преждевременной»[64].

В результате такого отношения, а также вследствие переписки между Ставкой и императором, еще в сентябре 1914 г. Евлогий получил телеграмму сначала из Ставки, а затем от Николая II, которые фактически воспрещали любую миссионерскую работу в Восточной Галиции[65]. По этому поводу генерал Н.Н. Янушкевич телеграфировал Г.А. Бобринскому из ставки, чтобы «не было допускаемо никаких мер к обращению униатов в православие, исключая совершенно добровольного желания отдельных лиц, самостоятельно ими выраженного»[66].

Но если военная и гражданская администрация стремилась нейтрализовать любую религиозную политику в крае, то галицкие «русофильские» организации и русские националистические круги призывали к активным действиям, полагая, «что местное население в большинстве своем малограмотно и инертно, достаточно плохо понимает суть различий между униатской и православной церковью, поэтому наиболее удобный путь присоединения униатов к православию — это не долгая миссионерская деятельность (как это планировалось в Св. Синоде), а активная замена местного униатского духовенства православным»[67]. Глава галицкой русско-народной партии адвокат В.Ф. Дудыкевич в начале сентября 1914 г. предлагал Г. А. Бобринскому «повлиять на униатское духовенство, чтобы они добровольно отказались от исполнения своих обязанностей и освободили храмы, и тогда можно будет передать их церкви в ведение православного духовенства»[68]. Как вспоминает архиепископ Евлогий, в Восточной Галиции существовали «два течения: 1) русская администрация во главе с генерал-губернатором графом Г. А.

---

[63] Там же. С. 160.
[64] Там же.
[65] Там же. С. 161.
[66] Там же.
[67] Там же. С. 162.
[68] Там же. С. 164.

Бобринским, которая против поддержки православного движения в оккупированной Галиции; 2) "русская партия", возглавляемая графом Владимиром Бобринским, Чихачевым... подкрепляемая галицкими деятелями "москофилами", стоит за более активную, определенную, энергичную политику в этом деле»[69]. Сам архиепископ Евлогий, по его собственному признанию, тяготел ко второй группе, но не соглашался с их методами, которые исходили из принципа: «Куй железо, пока горячо»[70].

Неустойчивые настроения по вопросу религиозной политики в Восточной Галиции лучше всего иллюстрируют статьи циркуляров, изданные осенью-зимой 1914–1915 гг. генерал-губернатором Восточной Галиции Г.А. Бобринским. Первый циркуляр был опубликован 26 сентября 1914 г., где наряду с провозглашением принципа веротерпимости и невмешательства в религиозные дела края устанавливался порядок назначения православных священников в униатские приходы. В ходе наступления русских войск вслед за отходящими австрийскими войсками следовало и гражданское население, среди которого были приходские священники. Поэтому одна из задач, которая была возложена на архиепископа Евлогия, состояла в том, чтобы восстанавливать работу в приходских храмах.

Согласно циркуляру, если 75% населения села было согласно пригласить православного священника, тогда таковой присылался, в то же время запрещалось допускать обратно священнослужителей, выехавших при появлении русских войск[71]. Но практически сразу Св. Синод выразил свое недовольство, считая, что «совершенно несоответственным с достоинством Православной церкви является... условие, в силу коего для назначения православного священника... необходимо 3/4 жителей. В делах веры и совести нет места арифметическим вычислениям»[72]. Процедура баллотировки также вызывала нарекания. Архиепископ Евлогий вспоминал: «В село въезжали власти в сопровождении жандармов и приступали к баллотировке. Населению раздавали горошинки, которые должны были играть роль баллотировочных записок. Тотчас же возникали недоразумения. Бабы горошинки теряли, в ожидании своей очере-

---

[69] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни.
[70] Там же.
[71] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 164.
[72] Там же. С. 165.

ди их сгрызали; случалось, что самый факт баллотировки горохом вызывал протест: "Как можно на горохе мою веру ставить!"»[73]

С другой стороны, по мнению А.Ю. Бахтуриной, такая непоследовательность в проведении религиозной политики в Восточной Галиции имела и положительный результат: «Удалось до определённой степени успокоить поляков-католиков и особенно интеллигенцию Львова, убедив их, что насильственных обращений в православие не будет»[74].

К ноябрю 1914 г. положение русских войск на Юго-Западном фронте стабилизировалось, и в Галицию была направлена комиссия МВД, исследовавшая, в частности, и конфессиональный вопрос. Итогом ее работы стал доклад чиновника МВД А.В. Петрова, в котором он критиковал метод опроса населения как основы для посылки в сёла православных священников, отмечая, что крестьяне при встречах «откровенно сознавались, что сами опасались, по вполне понятным местным отношениям, просить присылки православного священника, но если бы таковой был прислан, они бы охотно его приняли»[75]. Он считал, что в некоторых случаях неизбежен нажим на униатских священников, устранение их из приходов, «по возможности, добровольное», с материальной компенсацией, с присылкой на их места православных священников[76].

Одним из результатов работы комиссии было издание нового исправленного циркуляра генерал-губернатора от 20 ноября 1914 г., согласованного на этот раз со Ставкой и духовенством. Согласно документу, теперь «в тех селах, где униатский священник бежал, и большинство населения просит о присылке православного священника, то присылать такового незамедлительно и предоставлять ему полное пользование униатской церковью»[77]. При этом запрещалось занимать униатские храмы, если в селе остался униатский священник, который не желает служить поочередно с православным, даже если 75% населения просили о присылке православного священника; в таких случаях предлагалось служить литургию на походных антиминсах[78]. Передача храма

---

[73] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч.

[74] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 167.

[75] Там же. С. 168.

[76] Там же.

[77] Там же. С. 169.

[78] Антиминс (греч. — вместо, лат. — престол) — платок с зашитыми частицами мощей, на котором совершается литургия. Может использоваться для проведения литургии вне храма: на дому, в походных условиях (Там же).

православному священнику признавалась возможной только в том случае, если униатский храм в течение месяца практически не посещался[79]. Этот циркуляр, как отмечает А.Ю. Бахтурина, более мягкий в отношении деятельности православного духовенства, был воспринят как официальное разрешение миссионерской деятельности православия в Восточной Галиции[80].

Следующий циркуляр генерал-губернатора Г.А. Бобринского «по церковно-религиозным вопросам»[81] был издан 25 января 1915 г. Наряду с сохранением принципа веротерпимости он еще больше расширил возможности назначения православных священников в униатские приходы. Так, согласно новому циркуляру, «если униатская церковь не имеет своего постоянного священника, то в случае обращения хотя бы меньшинства прихожан пустующей церкви с просьбой прислать им православного священника для совершения богослужения в их церкви местный православный епископ посылает такого священника»[82]. При этом после утверждения его кандидатуры генерал-губернатором, священнику передавались также ключи от церкви[83].

В циркуляре по-прежнему сохранилось правило о присылке в приход православного священника, если об этом просит не менее 75% населения, но оговаривалось, что при этом православный священник «обязуется предоставить оставшемуся униатскому священнику возможность совершать богослужение и пользоваться церковной утварью по установленной взаимным между ними соглашением очереди»[84], в то время как предыдущий циркуляр разрешал передачу униатского храма православному священнику, только если здание пустовало месяц.

В циркуляре также содержался пункт касательно униатских священников, перешедших в православие, где говорилось: «В случае перехода униатского священника в православие он остаётся в своём приходе, если со стороны прихожан не последует жалобы...»[85], в противном случае предусматривалась баллотировка. В феврале 1915 г. был выпущен до-

---

[79] Там же.
[80] Там же.
[81] АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 59. Меры против инославного духовенства в Галиции. Январь 1915 г. Л. 2.
[82] Там же.
[83] Там же. Л. 3.
[84] Там же. Л. 2.
[85] Там же.

полнительный циркуляр, регламентировавший процедуру назначения православных священников в приходы.

Всего за период с осени 1914 г. до лета 1915 г., по данным канцелярии военного генерал-губернатора, в приходы Восточной Галиции было направленно 86 православных священников, из них 75 человек получили назначения по Львовской губернии и 11 — по Тарнопольской и Перемышльской[86]. По данным «Церковно-общественного вестника», за два месяца оккупации из унии в православие перешло свыше 30 тыс. человек[87]. Но, как отмечает А.Ю. Бахтурина, «перешедшими в православие в Восточной Галиции считали всех униатов, исповедавшихся и причастившихся в православном храме или у православного священника, тогда как для местного населения посещение православного храма далеко не всегда означало отказ от унии»[88]. Так, протопресвитер Г.А. Шавельский вспоминал: «Я совершал богослужение в большой униатской Львовской церкви (кажется, Св. Николая). За богослужениями храм был переполнен молящимися, главным образом — униатами. Мужчины и женщины подходили ко мне под благословение, принимали на всенощной помазание елеем, причем все целовали мне руку. У меня тогда явилась мысль: значит, они не делают различия между мною и своими священниками; значит, они считают, что мы одно с ними по вере, что мы им — свои»[89].

Сохранилось множество свидетельств современников о массовых переходах галичан в православие, которые публиковались в газетах и в конечном итоге формировали общественное мнение в Галиции и в России, что обращение униатов в православие идёт полным ходом[90]. Так, в ноябре 1914 г. священник Митрофан Митроцкий, член Государственной Думы писал: «Масса населения... признавая себя вообще православными, обращается к архиепископу Евлогию с мольбами дать священников, таких "как в Киеве и Почаеве"»[91]. Об этом же не раз упоминает в своих воспоминаниях и архиепископ Евлогий[92]. Но в действительности, как

---

[86] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 175.
[87] Там же. С. 166.
[88] Там же.
[89] *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. I. С. 166 // www.militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html
[90] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 167.
[91] Там же.
[92] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч.

отмечала А.Ю. Бахтурина, в Галиции было примерно на 3,5 униатов, в православие перешло 0,85% униатского населения[93].

Причины столь скромной миссионерской деятельности были различны. Как уже отмечалось, благодаря усилиям Ставки осенью 1914 г. любая активная деятельность архиепископа Евлогия жестко пресекалась. С другой стороны, как писал Г.И. Шавельский, часто униатское население не осознавало себя отличным от православия: «основные пункты, отличающие унию от православия — догматы о filioque[94] и о главенстве папы — для простого униатского народа, — пустой звук... простецы-униаты считают себя заодно с православными»[95], поэтому протопресвитер считал, что униатов в Восточной Галиции надо не воссоединять с православием, а «всеми способами показывать им, особенно оставшимся без своих священников, бежавших в глубь Австрии, — красоту и теплоту православия... При таком характере нашей работы униаты, может быть, поверили бы нам, привыкли бы к нам, а может быть, и полюбили бы нас и незаметно слились бы с нами. При ином — одни нас возненавидят, другие, поверив нам, будут под угрозой мести со стороны австрийцев, которые, если территория с воссоединенными снова перейдет в их руки, не пожалеют для "изменников" пуль и виселиц»[96].

С другой стороны, непродуманность некоторых пунктов циркуляра, а также плохая подготовка местного русского чиновничества, часто плохо знакомого с реальным положением дел в Галиции, приводили к злоупотреблениям местной администрации и взяточничеству. Местные полицейские чины брали взятки со сторонников унии, чтобы не допустить перехода крестьян в православие или в случае отказа населения принять православного священника. Неблагоприятное отношение к православию создавали священники-униаты, перешедшие в православие, которые, по свидетельству современников, часто прибегали к насильственным мерам при обращении своих прихожан в православие, используя наиболее распространенный прием — обвинение всех оставшихся в унии во враждебных настроениях против России[97]. Как отмечает А.Ю. Бахтурина, «многие местные чиновники, не глядя на другие

---

[93] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 167.

[94] Filioque (лат. — и от сына) — добавление, сделанное в VII в. Католической церковью к христианскому «Символу веры» IV в.; в догмате Троицы: «Об исхождении Св. Духа не только от Бога-отца, но и от сына». Православная церковь филиокве не принимает.

[95] *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 175.

[96] Там же. С. 167

[97] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 171.

пункты циркуляра, восприняли его как требование всем униатским священникам принимать православие или же покидать свои приходы. В результате в приходах, где священники-униаты продолжали служение, им предлагали принять православие. Особенно усердствовали местные полицейские чины»[98].

Не менее важно отметить, что финансовое положение православных священников было довольно плачевным. К.А. Олферов писал в одном из своих донесений, что православные священники, присланные в Восточную Галицию, часто не получали жалование, не говоря уже о подъемных; были случаи, когда священники вообще оставались без содержания[99]. Поэтому архиепископ Евлогий направил запрос в Совет Министров о необходимости финансирования галицкого православного духовенства из государственной казны, отмечая, что местное крестьянство содержать священников не могло по причине их бедности[100]. Действительно, из государственного казначейства были выделены средства на выплату жалования в течение 2 месяцев по 10 тысяч рублей в месяц с 1 января 1915 г.[101] Чуть позже в феврале 1915 г. архиепископ Евлогий добился выделения 39 тысяч 400 рублей на расходы по устройству церковной жизни в Галиции в течение марта и апреля 1915 г. из средств государственной казны[102]. Затем в мае снова были выделены «36 тысяч 900 рублей на расходы по устроению церковной жизни в Галиции в течение мая и июня 1915 года»[103].

Еще одно затрудняющее обстоятельство — это неподготовленность православного клира к работе на территории Восточной Галиции, они были «совершенно не знакомые с религиозным и церковным вопросом в Галиции и чуждые столь нашумевшему в России за последние годы

---

[98] Там же.

[99] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 12.02.1915. № 37. Л.43.

[100] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Об отпуске из государственной казны на содержание причтов в новоучрежденных приходах. Л. 27.

[101] Там же.

[102] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Об отпуске из государственной казны средств на расходы по устроению церковной жизни в Галиции. 3.03.1915. Л. 82.

[103] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 162. Об отпуске из государственного казначейства средств на расходы по устройству церковной жизни в Галиции в Совете Министров. 12.05.1915. Л. 110.

русскому национальному движению в крае и связанному с таковым украинскому сепаратизму»[104].

К.А. Олферов писал о ситуации в Восточной Галиции: «Жестоко заблуждались те, кто рассчитывал встретить в Галиции чуть ли не поголовный переход униатского населения с их священниками на лоно православной церкви... в настоящее время бороться с униатами и иезуитами, а тем более насаждать православие мы не можем»[105], и добавлял: «За редким исключением личный состав православного духовенства не соответствует возложенной на него великой и ответственной задаче. Нужны священники с более обширным кругозором, чего нельзя требовать от иеромонахов Почаевской Лавры, нужны опытные и искусные проповедники, люди культурные в самом широком смысле этого слова»[106].

Уже после отступления русских войск осенью 1915 г. ординарный профессор Императорской Киевской Духовной Академии протоиерей Федор Титов[107] предлагал для решения этой проблемы поручить высшее заведование церковными делами в Галиции протопресвитеру Военного и Морского Духовенства Г.И. Шавельскому, объясняя это, в частности, тем, что протопресвитер находится при Верховном Главнокомандующем и лучшим образом осведомлен о положении дел в церковном, военном и политическом отношении. Автор также указывает на хорошую репутацию военного духовенства и высокий образовательный ценз, что «может удовлетворить запросам и духовным нуждам галицко-русского населения, среди которого, при австрийском владычеств, действовали священники с высоким образованием»[108], не менее важно и то, что финансирование военного духовенства приспособлено к военному времени и состоянию края на военном положении, а значит затруднений с содержанием клира не возникнет[109].

Другая причина, пожалуй, одна из основных в этом вопросе, — сопротивление униатского духовенства принятию православия, которой

---

[104] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 12.02.1915. № 37. Л. 43.

[105] Там же. Л. 46–47.

[106] Там же. Л. 43

[107] В последствии именно Ф.Титов с подачи протопресвитера Г.И. Шавельского сменил архиепископа Евлогия на его должности в Восточной Галиции.

[108] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 162. Записка об основных положениях проектируемого решения церковного вопроса в Галиции на время войны. 4.02.1916. Л. 149.

[109] Там же.

во многом способствовала не совсем последовательная политика Православной церкви. К.А. Олферов писал по этому поводу: «В самом начале Греко-католический капитул держал себя приниженно и скромно, но зато в настоящее время, видя, что на нашей стороне царит какая-то неуверенность, граничащая чуть ли не со страхом перед той же унией и Римом, он воспрянул и все более и более откровенно входит в свои права и близок к открытому выступлению против непрошенного гостя — российского православия»[110].

Одним из примеров такой политики можно считать конфликт вокруг службы архиепископа Евлогия в одном из униатских храмов Львова. 6 и 7 декабря 1914 г. архиепископ провел службу в двух униатских храмах по случаю именин Николая II. В то время во Львове была только одна православная церковь Святого Георгия, вмещавшая не более 500 человек[111], но из-за возросшего числа православных прихожан вместить всех желающих церковь не могла. Тогда для проведения службы Совет Ставропигийского Института и правление Русского Народного Дома во Львове по своей инициативе предоставили генерал-губернатору принадлежащие им униатские храмы — Успенский и Преображенский соборы соответственно. Действительно, архиепископ Евлогий отслужил литургии в обоих храмах, в частности, в Преображенском соборе Евлогий произнес речь, которая произвела неоднозначное впечатление на присутствующих. Как отмечал Олферов, галичане высказывались, что «после такого пастырского слова унии больше нет...»[112] По воспоминаниям архиепископа, "москвофилы" были в восторге от патриотического энтузиазма, охватившего толпу после моей проповеди. Генерал-губернатор смущённо крутил ус: не очень ли громко мы заявляем австрийцам о нашем присутствии?»[113]. Как вспоминает архиепископ, «генерал-губернатор боялся раздражать местное население слишком яркими православно-русскими манифестациями, тогда как "русская партия" считала нужным устраивать такие демонстрации для подъема настроения галицкого русского народа»[114].

Выступление православного архиепископа во Львове довольно ясно обозначило позиции Православной церкви в отношении униат и вызва-

---

[110] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К. А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 12.02.1915. № 37. Л. 44–45.

[111] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Л. 12.

[112] Там же. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 27.12.1914. № 46. Л. 20.

[113] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни.

[114] Там же.

ло недовольство среди униатского духовенства. В речи архиепископ заявил, в частности: «Народ Галицкий, хотя и увлечен был в унию два века назад, но всегда сознавал и теперь сознает себя православным»[115]. В ответ униатское духовенство писало Евлогию: «Мы решительно протестуем против этого утверждения и заявляем, что мы едины с православной церковью в обряде и народности, но совершенно различны во всём остальном, ибо общения церковного держимся с Римом и всеми римскими церквами... и заявляем, что соединение наше с Римом не насильственно... и верховное начальство Папы Римского не есть "чужое ярмо", а власть от Бога и Спасителя нашего, св. Петру и его наследникам данная...»[116]

В речи архиепископа присутствовали следующие слова: «И не в жалком виде австрийской невольницы, не в убогом рубище рабыни, а в белоснежной брачной одежде невесты — родной и дорогой дочери России — войдет многострадальная Галичина в ея светлые чертоги на этот брачный пир, на торжество единения с нею в вере молитве и любви. И пусть в этих Галицких русских храмах скрепит и благословит Господь этот святой союз, нерасторжимый на веки вечные. Аминь»[117]. Как отмечал впоследствии К.А. Олферов, «архиепископу Евлогию не следовало в его проповеди касаться отношений между двумя религиями и как бы провозглашать воссоединение двух церквей, объясняя происшедшее разделение таковых случайным недоразумением и т. п. Особенно в чужом храме не надо было этого касаться»[118]. Последствия этого неоднозначного выступления и реакция униатского духовенства скоро выявились. Так, К.А. Олферов писал, что не задолго до Рождества военный генерал-губернатор снова вынужден был обратиться к отцу Белецкому, замещавшему митрополита Шептицкого, с просьбой предоставить один из униатских храмов для совершения праздничного богослужения. Согласие было получено, но, видимо, речь архиепископа произвела на униатское духовенство особое впечатление, потому что викарий дал специальное распоряжение настоятелю Преображенского собора отцу Давыдовичу разрешить православное богослужение в храме только при условии, если не будет проповеди, хотя в письме генерал-губернатору

---

[115] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 27.12.1914. № 46. Приложение № 1. Л. 23.

[116] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 171.

[117] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К. А. Олферов — М. Ф. Шиллингу. 27. 12. 1914 г... Л. 23.

[118] Там же. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 12.02.1915. № 37. Л. 44–45.

отец Белецкий ни словам об этом не обмолвился[119]. Так как служба должна была проходить в сочельник, отец Туркевич смог убедить настоятеля храма в необходимости проповеди, но ограничился лишь поздравлениями на Рождество и благодарностью униатскому духовенству за предоставленный храм[120].

К.А. Олферов также сообщает, что отец Белецкий заявил, «что относительно допущения им православного богослужения в Греко-католических храмах он счел себя обязанным донести в Рим, прося указаний на будущее время»[121]. Из этого чиновник МИД делает неутешительный вывод о том, что «вопрос о православном богослужении в Галиции особенно в Львове, уже теперь предвещает нам не мало хлопот»[122]. Он отмечает, что необходимость в своем православном храме уже назрела: приближающиеся большие праздники (Крещение, Пост, Пасха), «высокоторжественные дни» с парадом войск. К.А. Олферов предлагал решить этот вопрос через Ватикан, аргументируя свое предложение следующим образом: «Местное униатское духовенство, исполнив предписания Св. Престола, сложило бы с себя всякую ответственность, с другой стороны, Военному Генерал-губернатору не надо будет в каждом отдельном случае обращаться в капитул с просьбами и письмами, и наконец сам Ватикан не будет иметь оснований заподозрить Русскую власть в нарушении провозглашенных начал веротерпимости по отношению к Греко-католической церкви в Галиции»[123]. Но в МИДе к этой идее отнеслись прохладно, и, в частности, начальник канцелярии М.Ф. Шиллинг писал по этому поводу: «Заранее можно предвидеть отрицательное отношение Ватикана к подобному официальному обращению нашему в Рим»[124], и настаивал на необходимости решить этот вопрос на месте, во Львове. Хотя Д.А. Нелидову все же было рекомендовано, если Ватикан сам затронет эту проблему, «указать на то, что в данном случае лишь неотложная необходимость заставила генерал-губернатора уклониться от усвоенного им порядка охранения неприкосновенности Греко-униатских храмов. При этом, однако, и здесь оста-

---

[119] Там же. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 27.12.1914. Л. 21.
[120] Там же.
[121] Там же.
[122] Там же.
[123] Там же. Л. 22.
[124] Там же. Начальник канцелярии — К.А. Олферову. 7.01.1915. Л. 36.

лись незатронутыми права собственности на здания храмов и оказано должное внимание по отношению к местной духовной власти»[125].

Действия русского правительства в Восточной Галиции вызвали «заметный интерес»[126] в Ватикане. Так, осенью 1914 г. Д.А. Нелидов сообщает о своей частной беседе с папой, в ходе которой понтифик интересовался судьбой митрополита Шептицкого и проблемой православного богослужении в униатских храмах[127]. По последнему вопросу папа ответил, что ни в чем не обвиняет правительство, но просит, чтобы были приняты меры «всепрепятсвования» в будущем[128]. Русский посланник ответил на это, что, возможно, имели место единичные случаи, но они ни в коем случае не отражают намерений императорского правительства.[129]

Сильнее Ватикан забеспокоился после публикации третьего циркуляра, с которым Д.А. Нелидов неосторожно ознакомил папу, вызвав недовольство С.Д. Сазонова[130]. Статс-секретарь выразил «нечто вроде словесного протеста» по поводу некоторых пунктов циркуляра[131]. Прежде всего, это ксзалось пункта о передаче приглашенному православному священнику ключей от церкви[132], а также пункта о совместном использовании храма униатскими и православным священниками[133]. Статс-секретарь возразил, что храм является принадлежностью прихожан, только если они сами принадлежат «тому исповеданию, коему посвящен храм»[134]. Таким образом, если прихожане откажутся от католичества или унии, храм останется католическим, а это значит, что он не может находиться в совместном пользовании, кроме того, «очередное богослужение» в одном и том же храме запрещено Католической церковью.[135] Вслед за тем весной 1915 г. Курия направила в адрес русской миссии меморандум, где изложила свою точку зрения на «вопрос о при-

---

[125] Там же. Ф. 136. Оп. 890. Д. 49. Об униатских храмах во Львове. Л. 2–3.

[126] Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Д.А. Нелидов — С.Д. Сазонову. 22.10/ 4.11.1914. № 45. Л. 4.

[127] Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 257. Секретная телеграмма при Святом Престоле. 3/16.11.1914. № 319. Л. 164.

[128] Там же.

[129] Там же.

[130] Там же. Ф. 136. Оп. 890. Д. 59. С.Д. Сазонов— Д.А. Нелидову. 4.05.1915. Л. 8.

[131] Там же. Секретная телеграмма посланника при Святом Престоле. 2/15.05.1915. Л. 7.

[132] Там же. Л. 3.

[133] Там же. Л. 2.

[134] Там же. Л. 7.

[135] Там же. Л. 7.

надлежности церковных зданий и утварей в униатских приходах, отчасти перешедших в православие, и о совместном служении в означенных приходах»[136] в Восточной Галиции.

Протесты Ватикана редко приводили к каким-либо серьезным последствиям, официально Курия высказывала лояльность к нашей политике в Восточной Галиции. Так в августе 1915 г., по сообщению Н. Бока, у него состоялся разговор со статс-секретарем кардиналом Пачелли, который показал ему телеграмму от И. Габриса и графа М. Тышкевича, просивших от лица литовцев и украинцев соответственно о заступничестве папы перед российским правительством в целях «прекращения опустошений, чинимых нашими войсками при отступлении»[137]. Статс-секретарь сообщил нашему представителю, что оставит телеграмму без последствий[138]. С другой стороны, Ватикан мог проводить и свою собственную политику среди униатского духовенства, обходя официальные каналы. Папа Бенедикт XV в первое время после начала войны, как и его предшественник Пий IX, придерживался прогабсбургской позиции, хотя и сохранял нейтральные отношения с державами Антанты, поэтому можно предположить, что, как сторонник Австро-Венгрии и инициатор создания униатской церкви, Ватикан мог поддерживать сторонников митрополита Шептицкого.

Здесь ярким примером может послужить история о бельгийских монахах, оказавшихся на территории Восточной Галиции в годы войны. Осенью 1914 г. Д.А. Нелидов сообщил в МИД о разговоре с бельгийским посланником бароном д'Эрпом, который по поручению своего правительства просил выяснить судьбу двух иезуитских общин в Тарнополе и Львове, большинство членов которых были бельгийцы.[139] В декабре 1914 г. Российский МИД обратился к К.А. Олферову с поручением передать аббату Шриверсу письмо настоятеля ордена редемптористов Муррея, где, в частности, содержалось предложение бельгийским монахам выехать в Канаду. Начальник канцелярии МИДа советовал воспользоваться «настоящим почином, исходящим от их же духовной власти в Риме, для предоставления названным духовным лицам воз-

---

[136] Там же. Д. 74. Л. 1.

[137] Там же. Д. 60. Секретная телеграмма от поверенного в делах при Святом Престоле (Н. Бок). 31.08/13.09.1915. № 45. Л. 42.

[138] Там же. Л. 42.

[139] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Д.А. Нелидов — А.К. Бентковскому. 25.11/8.12.1914. Л. 11.

можности беспрепятственно покинуть теперь же пределы Галиции»[140]. К.А. Олферов позднее сообщил о встрече с И. Шриверсом в Уневе, которое оказалось имением митрополита Шептицкого, и другими с монахами, после чего пришел к выводу, что на самом деле о выезде бельгийских монахов «куда бы то ни было пока нечего и думать»[141]. Автор письма отмечает, что официально бельгийцы не иезуиты, к тому же они не поляки, а значит, «можно без особого для себя риска чужими руками жар загребать»[142]. К.А. Олферов сообщает о тайном совещании униатского капитула во главе с отцом Белецким, замещавшим Шептицкого после его ареста, во Львове 31 декабря 1914 г., где, в частности, присутствовали римско-католический архиепископ Бильчевский и иезуит ксендз Сопух из ассистенции ордена, куда входили бельгийские монахи. На совещании обсуждались меры для «ограждения унии от грозящей ей со стороны православия опасности»[143].

Любопытно, что в беседе с отцом Белецким архиепископ Бильчевский заметил, что согласно комментариям к статьям конкордата, если унии угрожает опасность, то униатам следует переходить в латинство, в чем он поможет[144]. Ксендз Сопух, в частности, заявил, что «в деле борьбы против православия большую пользу могут принести кроме базиликан бельгийские иезуиты, и что необходимо их иметь в виду»[145].

К.А. Олферов предполагает, что вряд ли бельгийские монахи добровольно уедут из Галиции, да и в средствах вряд ли особо нуждаются, так как Рим их не оставит, да и архиепископ Бильчевский может им помочь, «коль они могут быть ему полезны в деле борьбы против православия»[146]. К.А. Олферов довольно пессимистично заканчивает эту часть своего письма: «Иезуиты вообще готовят нам много хлопот, и над вопросом о ликвидации этого ордена в Галиции придется немало нам поработать и мне не представляется, чтобы мы в этом достигли скоро благоприятного результата»[147].

В итоге М.Ф. Шиллинг направляет письмо в русскую миссию при Римской Курии, где пишет, что по мнению «местной нашей православ-

---

[140] Там же. Начальник канцелярии — К. А. Олферову. 17.12.1914. Л. 18.
[141] Там же. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 12.02.1915. Л. 42.
[142] Там же..
[143] Там же.
[144] Там же.
[145] Там же.
[146] Там же. Л. 43.
[147] Там же.

ной власти, именно теперь, когда отношения между православной и униатской церковью в Галиции начинают выясняться, присутствие там монахов представляется особенно нежелательным»,[148] но так как Бельгия союзник, то переговоры надо вести очень аккуратно.

А.К. Нелидову было поручено договориться с аббатом Мурреем, их куратором, о более настоятельном требовании отправить монахов в Канаду. При этом следовало подчеркнуть, что ничего против монахов русская администрация не имеет, но «так как они находятся в тесной связи с элементами, не всегда доброжелательно настроенными по отношению к нашим властям, то последнее обстоятельство может вызвать осложнения, которых мы искренне желали бы избежать»[149].

Правда, сменивший д'Эрпа господин Ван-ден-Гевель поинтересовался у Д.А. Нелидова: «Не скрывается ли под этим советом намерение Императорского Правительства стеснить свободное существование так называемого "восточного" обряда, коему принадлежат некоторые из этих монахов, и не вызовет ли при этих условиях их отъезд новых толков об отсутствии у нас веротерпимости».[150] На что Д.А. Нелидов ответил: «Населению тех краев приходится... применяться к новой власти и новым порядкам. При таких условиях и при неизбежных на первых порах трениях присутствие "посторонних свидетелей", хотя бы лично и внушающих полное доверие, не может быть ни желательно властям, ни полезно населению, и добровольный отъезд монахов является лучшим и наиболее естественным выходом из исключительного положения»[151].

Российский МИД пытался использовать эту историю в своих целях. В ответ на многочисленные слухи о политике, проводимой русской администрацией в Восточной Галиции, гофмейстер Нератов писал: «Императорская власть не только не преследует католиков, но всячески охраняет их права»[152], и указывал на бельгийских монахов как на яркий пример, отмечая, что из-за опасения за них их духовное начальство предложило им покинуть Галицию, «но они ответили, что им так хорошо живется в Галиции, что они предпочитают продолжать там свою

---

[148] АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 60. Л. 2.

[149] Там же.

[150] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 162. Д.А. Нелидов — М.Ф. Шиллингу. 6/19.05.1915. № 178. Л. 112.

[151] Там же.

[152] Там же. Д. 154. Черновик письма Нератова посланнику России в Бельгии. 23.02.1915. № 1022. Л. 77.

деятельность»[153]. Надо отметить, что с началом 1915 г. в МИД стали стекаться донесения наших представителей о постоянной критике русской администрации в Восточной Галиции, которая развернулась в иностранной прессе.

Еще в декабре 1914 г. российский посол в Италии Купренский писал: «Во влиятельных клерикальных, нам враждебных кругах и печати распространилось и неблагожелательно комментируется известие о насильственном будто бы обращении нами в православие католиков в Галиции. Это способ вызвать в католиках в Италии религиозные опасения и враждебность к нам»[154]. Затем в феврале 1915 г. Д.А. Нелидов сообщил в МИД: «Клерикальная печать начала недавно систематическую кампанию клеветы и инсинуации против действий Императорских Властей в Галиции»[155], обвиняя русскую администрацию в притеснении униатского населения. Далее он писал о появившихся в печати сообщениях о ссылке в Сибирь восьми униатских приходских священников и о казни четырех капуцинов в местечке Олеско[156]. В ответ на запрос из русской миссии К.А. Олферов сообщал: «За время, считая с первого дня введения в крае гражданского управления по сие число... по распоряжению Военного Генерал-губернатора никто из духовенства и монахов казнен не был»[157]. По поводу капуцинов из Олеско он писал: «Капуцины из Олеско, если и были казнены, то в период до боев, по приказу командующего армией»[158].

По вопросу о высылке униатских священников представитель МИДа при Ставке сообщал: «Всего распоряжением Генерал-губернатора выслано за враждебность, вредную деятельность и подозреваемых в шпионстве 20 униатских священников, 13 ксендзов и 12 монахов, из них в Европейскую Россию 14, в Сибирь — 5, и оставлены в Галиции 26»[159]. При этом основная причина высылки звучала: «За возбуждение населе-

---

[153] Там же.

[154] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 257. Секретная телеграмма посла в Риме. 23.11/6.12.1914. № 192. Л. 138.

[155] АВПРИ. Ф. 136. Оп. 890. Д. 59. Секретная телеграмма Нелидова Д.А. 12/25.02.1915. Л. 4.

[156] Там же. Л. 4.

[157] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. К.А. Олферов — М.Ф. Шиллингу. 19.02.1915. № 44. Л. 72.

[158] Там же. Л. 71.

[159] Там же.

ния против русских властей... за украинофильскую пропаганду»[160], что естественно не поощрялось русскими властями. Справедливости ради надо отметить, что аресты и высылки практиковались не только российской стороной. Так в январе 1915 г. Д.А. Нелидов запрашивал информацию об австро-венгерских зверствах в отношении православных, чтобы использовать их «для поддержания Бельгийцев и Англичан в их борьбе с австро-германским влиянием на Ватикан»[161]. Высылка «неблагонадежных» в концлагеря, наиболее известным из которых стал Талергоф в Штирии, аресты и расстрелы практиковались и австрийской стороной[162].

Порой иностранная пресса шла навстречу нашим представителям и опровергала столь нелестные сообщения. Так, российский посланник при Бельгийском дворе Кудашев сообщает об обращении к нему бельгийской газеты «Двадцатый век», стоявшей во главе ультракатолической печати в Бельгии, с предложением своих услуг в опровержении «клеветы», распространяемой швейцарской и итальянской прессой о российской администрации в Галиции, «якобы всячески преследующей католиков»[163].

Как считает А.Ю. Бахтурина, в результате не совсем последовательной политики русского правительства касательно религиозного вопроса в Восточной Галиции в руководстве галицкого генерал-губернаторства, в Ставке и среди местной интеллигенции к весне 1915 г. сложилось твёрдое убеждение в том, что бурное и не всегда добровольное обращение униатов в православие — результат торопливой деятельности российского духовного ведомства и лично архиепископа Евлогия.[164] Поэтому через некоторое время после приезда в Восточную Галицию Николая II в апреле 1915 г. Евлогий, по сообщению Г.И. Шавельского[165], и с ним согласна А.Ю. Бахтурина, был отправлен в отставку[166]. Надо отметить, что, по воспоминаниям самого архиепископа, никакого офици-

---

[160] Там же. Доклад обер-офицера для поручений при штабе военного генерал-губернатора Галиции. 18.02.1915. № 74. Л. 64.

[161] Там же. Телеграмма Д.А. Нелидова от 19.01/1.02.1915. Л. 39.

[162] *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 140–149 // www.ukrstor.com/

[163] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 154. Секретная телеграмма посланника при Бельгийском дворе. 20.02/ 5.03.1915. № 18. Л. 73.

[164] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 171.

[165] *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 180.

[166] *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 171.

ального объявления о его отставке не последовало, как он сам пишет, «после эвакуации я донес в Синод о своих действиях как главы Православной Церкви в Галиции. Формальной моей отставки не последовало, просто новое Управление организовали без меня»[167].

Деятельность архиепископа вскоре была прекращена из-за начавшегося весной 1915 г. наступления немецких и австрийских войск. По сообщениям архиепископа Евлогия и Г.И. Шавельского, в результате отступления судьба галичан, принявших православие, была довольно плачевна. Так протопресвитер вспоминает: «9 мая началось наступление немцев, закончившееся очищением от наших войск почти всей Галиции... Бежало и много воссоединенных. Говорили, что будто бы до 80 тысяч галичан после этого разбрелись по Волыни, Дону и другим местам. Рассказывали также, что до 40 тысяч из оставшихся на месте погибли на виселицах и от расстрелов. Огромный процент среди них составляли воссоединенные...»[168]

Архиепископ Евлогий, который сам непосредственно был занят эвакуацией «воссоединившихся» галичан, описывает полную неорганизованность этого процесса, невольно обвиняя власти в том, что они бросили мирное население на произвол судьбы. Так, он пишет: «Я бросился к генерал-губернатору умолять его помочь мне спасти галичан. Он стал меня успокаивать: "Ничего, ничего, владыка, пусть эвакуируются, а у нас в пограничных губерниях они рассосутся". Рассосутся! Безответственное слово... Как могли "рассосаться" 50–100 тысяч пришлого населения в нищих, истощенных военными реквизициями, приграничных областях?»[169] Архиепископ вспоминал о процессе эвакуации: «Положение галицийского каравана было ужасно. В пыли, грязи, под дождем и зноем, рожая и умирая в пути, двигался грандиозный табор беженцев, не зная, где и когда он осядет»[170]. Часть беженцев осела в Волынской губернии и была размещена на артиллерийском полигоне в Шубково[171], но из-за нехватки воды и близости болот там скоро началась холера, впоследствии, после карантина, часть галичан заняла поселения немецких колонистов, которых из-за опасения связей с немецкими войсками выслали в глубь России[172].

---

[167] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни.
[168] *Шавельский ГИ.* Указ. соч. С. 182.
[169] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч.
[170] Там же.
[171] Там же.
[172] Там же.

Русские войска вновь заняли часть Восточной Галиции и Буковину только летом 1916 г. в результате Брусиловского прорыва. На этот раз управление церковным вопросом было поручено протопресвитеру Г.И. Шавельскому[173], который передал все руководство своему помощнику, профессору Киевской Духовной Академии протоиерею Ф.И. Титову. О своей деятельности Г.И. Шавельский вспоминал: «В Галиции же, сношения между нами — православными и униатским населением были испорчены церковной политикой прошлого года, промахи которой сумели использовать для себя местные униатские и католические ксендзы. Одни из униатов были настроены в отношении нас положительно враждебно, а другие были запуганы прошлогодними репрессиями австрийцев и, по пословице, обжегшись на молоке, теперь дули на воду. Всё же, к концу 1916 г. до 50 наших священников служили в униатских Галицийских приходах, удовлетворяя все духовные нужды местных прихожан... К воссоединению никто не призывал униатов, но фактически воссоединение крепло везде, где служили наши священники»[174].

Императорское правительство с самого начала стремилось присоединить Восточную Галицию к России и включить этот пункт в ход мирных переговоров после войны, для чего необходимо было закрепиться на этой территории. Оккупировав Восточную Галицию, российское правительство предприняло ряд мер для сближения края с империей, включив в свою программу и религиозный вопрос. Но его реализация натолкнулась на ряд трудностей: отсутствовала четкая программа для работы в крае, не был должным образом подготовлен православный клир, который столкнулся, с одной стороны, с сопротивлением униатского духовенства, тесно связанного с «украинофилами», а с другой стороны, с активной, и не всегда продуманной, поддержкой местных «русофильских» организаций. Не менее важной оказалась и позиция Ставки, вмешавшейся в самом начале в конфессиональный вопрос из-за опасения за спокойствие в тылу своих войск и по сути определившей отношение местной администрации к религиозной политике в крае и ее дальнейшее развитие.

Проводимая в крае конфессиональная политика затронула интересы и Ватикана. Хотя следует отметить, что официально Курия выражала беспокойство только по двум вопросам: протесты по поводу передачи

---

[173] *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 37–38.
[174] Там же. С. 44.

униатских храмов под православное богослужение, так как Курия считала их своей собственностью, и переговоры об освобождении арестованного митрополита Шептицкого. Можно предположить, что на неофициальном уровне Ватикан оказывал поддержку униатскому духовенству, о чем свидетельствуют контакты высшего униатского духовенства с представителями римско-католических орденов. Можно также предположить, что в целом Ватикан был даже заинтересован в активной «воссоединительной» политике, сомнительные результаты которой в конечном счете способствовали переходу греко-католиков в католичество. Так, в результате закона 1905 г. о веротерпимости часть бывших униатов Холмской губернии перешла в католичество.

Со своей стороны российский МИД стремился максимально ограничить вмешательство Римской Курии в религиозную политику, проводимую в Восточной Галиции. Таким образом, деятельность русской миссии в этом вопросе ограничивалась опровержением слухов в клерикальной печати и нейтрализацией по возможности любого вмешательства Ватикана в конфессиональную политику края.

А.Ю. Павлов

ПРОБЛЕМА ВОЕННОЙ ПОМОЩИ СЕРБИИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ДЕРЖАВАМИ АНТАНТЫ В 1915 Г.

Как известно, начало Первой мировой войне было положено на Балканах. В критические дни июльского кризиса Россия приняла стратегическое решение использовать военную силу для спасения Сербии, вступив в войну в далеко не самый благоприятный для стран Антанты момент. Российское правительство обосновывало такое решение как вынужденное, принятое под давлением обстоятельств именно для спасения Сербии. Затем в войну вступили и другие державы Согласия.

В 1914 г. Сербия сумела отстоять свою территорию и отбить австро-венгерское наступление, но осенью 1915 г. новое наступление привело к поражению сербской армии, вынужденной уйти с территории Сербии. В период отступления сербское правительство обращалось к правительствам Антанты с отчаянными призывами оказать помощь для спасения сербской армии и государства, но существенной помощи так и не было получено. Чем же объясняется нерешительность союзников Сербии, их неготовность спасти столь стратегически важного союзника, из-за которого, казалось бы, и началась мировая война?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть, во-первых, различные планы помощи Сербии и ее спасения, разрабатывавшиеся правительствами и штабами России, Франции и Великобритании осенью 1915 г., а во-вторых, проблему реализации этих планов. Отдельные усилия, предпринятые державами Согласия осенью 1915 г., уже не раз становились объектом исторических исследований. В трудах Ю.А. Писарева, Ф.И. Нотовича и других рассматривались отдельные проекты и решения, в особенности проблема Салоникского фронта и военных поставок в Сербию[1]. Но важно изучить по возможности все проекты и понять их значение в стратегических планах держав Антанты.

Итак, в 1914 г. Сербии удалось отразить наступление, но уже к концу лета 1915 г. стало понятно, что будущие действия Центральных держав против Сербии станут гораздо более серьезной угрозой. На этот раз австро-венгерские силы подкреплялись германскими, и Болгария все

---

[1] *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. М., 1990; *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л., 1947.

более явно склонялась к выступлению против Сербии. В сентябре опасность «сдавливания» Сербии с двух направлений начала реализовываться. Правительства держав Антанты окончательно осознали, что политическими средствами удержать Болгарию от войны с Сербией не удастся, и начали обсуждать возможность использования военных сил для предотвращения разгрома Сербии.

В первую очередь, конечно же, рассматривалась возможность отправки в Сербию войск союзных держав. Впервые этот вопрос был поднят еще в начале 1915 г. Тогда проект отправки небольших контингентов союзных войск рассматривался в связи с усилиями по вовлечению в войну Греции и воздействия на Болгарию. Именно таким способом, как считали некоторые военные и политики стран Антанты, можно было бы укрепить положение Сербии и в целом позиции Антанты на Балканах. Предполагалось, что если на сербской территории будут располагаться хотя бы символические военные силы союзных держав, Болгария не посмеет напасть на Сербию. Инициатива обсуждения такой возможности исходила от британского правительства, военный совет уже в январе одобрил план отправки как минимум двух дивизий, одну из которых должна была предоставить Англия[2].

Британское командование, планируя операция в Дарданеллах, нуждалось в содействии Греции, а отправка на Балканы союзных сил могла побудить ее правительство присоединиться к Антанте. В феврале в Париже на межсоюзнической конференции Д. Ллойд Джордж поставил вопрос на обсуждение[3]. Несмотря на противодействие военного министра Франции Мильерана и Главнокомандующего французскими армиями генерала Жоффра, решение было принято. Тогда же впервые рассматривался и вопрос об отправке на Балканы небольших русских частей, также решенный русским командованием положительно. Тем не менее в начале 1915 г. по различным причинам французские, британские и русские войска так и не появились на Балканском полуострове.

Таким образом, в сентябре 1915 г., когда над Сербией вновь нависла угроза вторжения, вопрос о направлении союзных контингентов ей на помощь уже был не нов. 28 сентября французское правительство приняло решение о немедленной отправке в Салоники французской дивизии

---

[2] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. М.,1934. Т. I–II.

[3] Телеграмма российского посла в Париже министру иностранных дел 31 января/13 февраля 1915 г. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Оп. 1. Д. 1126. Л. 50.

из Галлиполи и о последующей после прекращения наступления на французском фронте отправке еще четырех дивизий[4]. Очевидно, что появление в Салониках одной дивизии не могло существенно повлиять на военную обстановку вокруг Сербии. Решение французского правительства объяснялось, прежде всего, политическими соображениями, тем более, что французское военное командование не участвовало в его принятии. Более того, члены правительства предвидели негативную реакцию самого генерала Жоффра, но намеревались тем самым продемонстрировать, что стратегия — дело не только военных. Британское командование также согласилось направить одну дивизию, т. е. практически союзники приступили к исполнению февральского плана действий. За день до начала австро-германского наступления первые подразделения 156-й французской и 10-й британской дивизий начали высаживаться в Салониках[5]. Войска этих дивизий продолжали прибывать в Салоники в течение почти десяти дней, и только в середине октября они смогли начать активные действия.

6 октября началось новое наступление австро-венгерских и немецких войск против Сербии, на этот раз сербские армии оказались в гораздо более тяжелой ситуации, чем в предыдущем году. В ночь с 13 на 14 октября боевые действия начала Болгария, и положение Сербия осложнилось еще больше. Болгарское наступление угрожало перерезать связь Сербии с союзниками, осуществлявшуюся через греческий порт Салоники.

Выступление Болгарии, естественно, не стало неожиданностью для держав Антанты, но, пока оставалась надежда нейтрализовать ее политическими средствами, к силовому давлению союзники не прибегали, хотя и рассматривали такую возможность. Было понятно, что, как и в начале года, эффективную помощь сербской армии может оказать отправка британских и французских войск в Сербию через Салоники. Накануне вступления Болгарии в войну, 9 октября, генерал Жоффр на совещании во Франции представил британскому военному министру лорду Китченеру меморандум, в котором изложил свой взгляд на возможные действия по оказанию помощи Сербии, экспедиционные силы которой будут весьма ограниченными:

«1. Укрепить и удержать Салоники в качестве базы для французской, английской и сербской армий.

---

[4] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. М., 2002. Т. 1. С. 106.

[5] *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны. 1914–1918. М., 1937. С.56.

2. Защитить и удержать железнодорожную линию между Салониками и Ускюбом, чтобы обеспечить коммуникационную связь с сербской армией и снабжение этой армии.

3. Прикрывать правый фланг сербской армии, мешая всякой попытке противника захватить центральную Сербию»[6].

План генерала Жоффра предусматривал отправку 150 тысяч солдат (90 тысяч англичан и 60 тысяч французов), чего казалось достаточно для выполнения поставленных задач. Лорд Китченер в принципе согласился с предложением, но окончательное решение было принято гораздо позже, 31 октября на совещании в Лондоне, в котором принял участие и генерал Жоффр[7].

В британском правительстве существовали серьезнейшие разногласия по данному вопросу. По сообщению российского посла в Лондоне Бенкендорфа, некоторые министры противились отправке войск в Салоники, настаивая на обеспечении в первую очередь безопасности Египта, намереваясь послать дополнительные английские силы именно туда. За Салоники выступали, прежде всего, министр снабжения Д. Ллойд Джордж и сам лорд Китченер. Их главный аргумент состоял в том, что в тот момент основную угрозу позициям союзников на востоке составляла перспектива разгрома Сербии и получения немцами возможности свободного движения к Босфору, а чтобы обезопасить Египет и Индию, необходимо было остановить движение германских войск к Стамбулу[8].

Впрочем, часть французского плана начала выполняться ранее. После окончания сосредоточения двух дивизий в Салониках, 14 октября, командовавший союзными экспедиционными силами французский генерал Саррайль отправил войска для прикрытия железной дороги Салоники—Белград.

Параллельно с процессом принятия решения об отправке британских и французских войск в Салоники продолжались и переговоры об отправке туда русских и итальянских войск. План генерала Жоффра предусматривал привлечение к операциям на Балканах итальянцев, но правительство Италии дало понять, что не располагает свободными вой-

---

[6] Д. Ллойд Джордж в своих мемуарах приводит полный текст данного меморандума (Ллойд Джордж Д. Указ.соч. С. 336).

[7] Телеграмма А.П. Извольского 23 октября/5 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 12).

[8] Телеграмма русского посла в Лондоне 8/21 октября 1915 г (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 26).

сками, хотя переговоры и продолжались, а в начале ноября французское правительство даже направило в Италию героя Дарданелл генерала Гуров, целью миссии которого было попытаться убедить итальянцев послать в Салоники две дивизии. Негативная позиция итальянского премьер-министра А. Саландры и неясная обстановка на австро-итальянском фронте надолго отсрочили прибытие итальянцев в Салоники.

С Россией дело обстояло сложнее. Именно Россия наиболее энергично выступала за оказание быстрой и эффективной помощи Сербии, и союзники имели основания ожидать от нее энергичных действий. Как и ранее, правительства Великобритании и Франции желали, чтобы в экспедиции в Салоники приняли участие и русские части. Зондаж по данному вопросу проводился в сентябре 1915 г., а 1 октября президент Франции Р. Пуанкаре обратился с личным посланием, в котором предложил отправить на охрану салоникской железной дороги русские части. В телеграмме упоминалась и угроза разрыва прямого сообщения между Францией и Россией через Салоники и Сербию[9].

Верховное командование русской армии весьма холодно относилось к подобной идее, но под давлением как союзников, так и российских дипломатов, думавших о политической стороне дела, согласилось послать в Салоники небольшой отряд[10]. Прибытие русских войск, по мнению союзников, должно было иметь, прежде всего, моральное значение. Считалось, что болгарские солдаты не станут стрелять в русских. Так думали во Франции, об этом министр иностранных дел Т. Делькассе говорил, ссылаясь на сведения из Софии, в беседе с русским послом А.П. Извольским[11].

Эту точку зрения в целом разделяли и в России. На чем же основывались подобные предположения, оказавшиеся позже заблуждением? Стоит подробнее остановиться на данном вопросе. Очевидно, что основой таких надежд являлись традиционные взаимные симпатии русского и болгарского народов, а также память о тогда еще не столь далеких событиях войны 1877–1878 гг. Однако то, что Россия являлась главным союзником Сербии могло, после второй Балканской войны, подорвать

---

[9] Телеграмма Р. Пуанкаре Николаю II 1 октября 1915 г. (Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 151. О. 482. Д. 4259. Л. 43).

[10] Подробнее см.: *Павлов А.Ю.* Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны (1916–1918 гг). СПб., 1998. С.11–14.

[11] Телеграмма А.П. Извольского С.Д. Сазонову 13/26 сентября 1915 г. (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4259. Л. 38).

дружественное восприятие болгарами русских. Российское военное командование пристально следило за действиями болгарского правительства и настроением болгарского общества. В получаемых из Болгарии донесениях вопросу об отношении политических кругов и народа к России отводится особое место.

Приведем несколько примеров. После выступления в 1914 г. Турции на стороне Центральных держав поверенный в делах России в Сербии сообщил в Петроград о содержании его беседы с болгарским военным атташе. Болгарский офицер выразил мнение, что, несмотря на территориальные претензии Болгарии, теперь она не может воевать с Сербией, Грецией и Румынией, и причина тому — невозможность для болгар выступить против России заодно с Турцией[12]. В апреле 1915 г. русский военно-морской атташе в Болгарии писал: «Болгарский народ ждет с нетерпением активного шага России в виде высадки в Бургасе или иного, дабы вступить на единственный путь, обеспечивающий дальнейшее существование страны»[13].

В дальнейшем, правда, донесения старшего лейтенанта Яковлева стали не столь оптимистичными. В июне того же года в своем донесении он отмечает большой размах немецкой пропаганды, антирусские настроения командования армии и недовольство политических кругов, в том числе и дружественных России, русской позицией на переговорах с Болгарией, но тем не менее считает возможным подвигнуть Болгарию к выступлению против Турции в случае появления на болгарской территории русских и союзных войск[14].

В качестве еще одного примера можно привести текст полученной в российской Государственной Думе в марте 1915 г. телеграммы из Софии: «Члены болгарского Народного Собрания восхищены известием об успехе русского оружия — взятии Перемышля. Верные толкователи чувств болгарского народа шлем вам и членам Думы сердечнейший привет и искренние пожелания. Да здравствует храбрая русская армия,

---

[12] Телеграмма поверенного в делах в Сербии 21 октября/3 ноября 1914 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4416. Л. 7).

[13] Донесение русского военно-морского агента в Болгарии 27 марта/9 апреля 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3494. Л. 1).

[14] Донесение русского военно-морского агента в Болгарии 27 мая/9 июня 1915 г. (Там же. Л. 2).

да дарует ей Бог полный успех в начатом Россией великом деле!» Под телеграммой стояли подписи 65 народных представителей[15].

Большой интерес представляет полученная русским военным командованием из Болгарии в сентябре 1915 г. записка титулярного советника Белановича о настроении болгарского народа[16]. В ней автор подробно анализирует отношение различных слоев общества и политических кругов к России. Он пишет о том, что из десяти политических партий только две можно считать пророссийскими, еще четыре оппозиционные партии ориентируются скорее на Великобританию и верят в наличие русской опасности для интересов Болгарии. В записке подробно анализируются предъявляемые к России претензии. В то же время, по мнению Белановича, болгарский народ не очень подвержен влиянию антироссийской пропаганды. «Несмотря на полувековую пропаганду вражды и ненависти, имя России и русского народа все еще священно для болгарина»[17].

В заключение автор делает весьма оптимистический прогноз относительно возможных последствий решительных действий русских войск. Он пишет, что подобные настроения «позволят армии, в особенности если она потерпит хотя бы частичные неудачи на других фронтах, сложить оружие перед Россией, что будет признано одной частью этой армии исполнением долга, а не позором, а другой — красивым жестом, который к тому же может вывести страну из безвыходного положения и за который, может быть, даже удастся потребовать награды»[18].

Позже, уже после вступления Болгарии в войну, в составленной в штабе русской VII армии сводке сведений о Болгарии опять подтверждается, что симпатии болгарского населения целиком на стороне России, отмечается широкое недовольство правительством, сообщается о многочисленных случаях дезертирства и бунтов в армии[19].

Таким образом, как бы на самом деле ни относились болгары к России, русское правительство и верховное командование русской армии

---

[15] Телеграмма из Софии 15 марта 1915 г. (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278, Оп. 5. Д. 1133. Л. 34).

[16] Записка титулярного советника Белановича о настроении болгарского народа и возможном отношении его к русским военным действиям в Болгарии (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3494. Л. 3).

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Сводка сведений о Болгарии в штабе 7-й армии на 3 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1130. Л. 495).

действительно имели основания считать, что болгарские солдаты могут отказаться стрелять в русских. Последовавшие события показали, что появление в 1916 г. на Салоникском фронте двух русских особых пехотных бригад не возымело ожидавшегося действия. Часто на фронте непосредственными противниками русских частей оказывались подразделения болгарской армии, сражавшиеся с русскими солдатами не менее упорно, чем с сербами.

Решение об отправке небольшого русского отряда в Салоники на помощь Сербии преследовало и еще одну цель, также не совсем военного характера. Французское правительство имело сведения из Болгарии о том, что там существует убеждение о нежелании России активно воевать с Болгарией и даже о молчаливом согласии русского правительства на захват болгарами Македонии. Об этом новый премьер-министр Франции А. Бриан говорил с российским послом А.П. Извольским, и это заблуждение призвано было развеять появление русских мундиров в рядах союзных войск на балканском фронте[20].

Вскоре после вступления Болгарии в войну союзники по Антанте решили провести еще одну совместную операцию с целью продемонстрировать свою солидарную позицию перед новым противником. Командования британского и французского флотов в Средиземном море планировали подвергнуть обстрелу болгарское побережье Эгейского моря, в частности порт Додеагач, и предложили русскому командованию одновременно нанести удар по болгарским черноморским портам[21]. Одновременно с этим британские морские силы планировали произвести очередную бомбардировку турецких укреплений у Дарданелл.

Русская Ставка согласилась, и командующему флотом Черного моря был отдан соответствующий приказ. Дополнительно в приказе содержалось распоряжение обстреливать только укрепления и избегать попаданий по городам[22]. Первыми начали действовать французы и англичане; 21 октября отряд легких крейсеров обстрелял Додеагач. По-видимому, для придания операции характера союзнической английский адмирал Де Робек включил в отряд русский крейсер «Аскольд», находившийся тогда в Средиземном море. 27 октября силы русского Черноморского

---

[20] Телеграмма А.П. Извольского 1 ноября/19 октября 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). М., 1931–1938. Серия III. Т. VI. Ч. 1. № 189.

[21] Сообщение французского военно-морского атташе капитана Гало 4/17 октября 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 6).

[22] Телеграмма адмирала Ненюкова 5/18 октября 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 11).

флота, к удовлетворению союзников, подвергли обстрелу портовые сооружения и укрепления Варны. В донесении командующего Черноморским флотом отмечаются успешные действия гидросамолетов, проводивших разведку и сбросивших 21 бомбу на неприятельские позиции[23].

Но вернемся к вопросу о совместных действиях союзников на суше. И на этот раз принятое было решение об отправке бригады пехоты, дивизиона артиллерии и казачьей сотни русское командование отменило, причем с согласия французского военного командования. Довольно скоро стало понятно, что переброска займет слишком много времени, отряд мог прибыть только к середине декабря, и должного эффекта появление русских на Балканах уже не произведет[24]. С этим мнением, по сообщению русского посланника в Сербии, согласился даже премьер-министр Сербии Н. Пашич[25].

Но дело было еще и в том, что отправка этого отряда никогда не рассматривалась русской Ставкой как единственный или основной план военной помощи Сербии. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев прекрасно понимал, что отправка на помощь Сербии относительно небольшого количества войск не спасет ее, но оставлять балканского союзника на произвол судьбы отнюдь не собирался. В сентябре 1915 г. Верховное командование русской армии приняло решение о формировании на юге России, в районе Одесса — Кишинев, группировки войск, предназначенной для действий против Болгарии. Роль экспедиционных сил должна была сыграть VII армия под командованием генерала Щербачева.

6 октября к командованию русскими армиями обратился французский главнокомандующий генерал Жоффр, выразив в своем письме пожелание о присоединении России к военно-политическим усилиям союзных держав по спасению Сербии[26]. В ответном послании генерал Алексеев сообщил о формировании армии в 100 тысяч человек и изложил пять вариантов ее будущих действий:

1. Удар по австро-венгерским силам в Галиции мог заставить австрийцев снизить давление на Сербию.

---

[23] Телеграмма адмирала Эбергарда 14/27 октября 1915 г. (Там же, Л. 33).

[24] Телеграмма С.Д.Сазонова А.П. Извольскому 3 ноября/21 октября 1915 г. // МОЭИ, Т. IX. № 149.

[25] Телеграмма российского посла в Нише 4/11 октября 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 1).

[26] Телеграмма генерала Жоффра 6 октября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 4).

2. В случае выступления на стороне Антанты Румынии VII армия могла бы нанести удар по Болгарии вместе с румынской армией.

3. Удар по Болгарии через территорию Румынии. Этот вариант генерал Алексеев считал наиболее эффективным, но проблема заключалась в позиции правительства Румынии, от решения которого зависела возможность прохода через румынскую территорию.

4. Высадка русских войск в болгарском порту Варна и последующее движение в глубь болгарской территории.

5. Высадка русского десанта в районе турецких портов на Черном море Зонгулдака (Сангулдака) и Эрегли с последующим движением к Босфору[27].

Генерал Алексеев предусматривал возможность усиления экспедиционных сил еще на 100 тысяч солдат, а возможно, и более, при условии поставки союзниками винтовок и другого оружия, которых в русской армии катастрофически не хватало. Уже на франко-британском совещании в Лондоне, на котором обсуждался вопрос об отправке войск в Салоники, союзники согласились выделить России оружие. По данным русского посольства в Париже, оговоренное количество винтовок составляло 239 тысяч штук, хотя ранее французский посол в Петрограде М. Палеолог сообщал о возможности предоставления Великобританией 500 тысяч винтовок[28].

Изначально в состав VII армии вошли 2-й, 16-й и 5-й Кавказский армейские корпуса, позже Николай II из Ставки сообщил министру иностранных дел России С.Д. Сазонову, что, если союзники предоставят России 500 тысяч винтовок, русское командование сможет сосредоточить против Болгарии 5 корпусов[29]. Немедленно русские военные и дипломатические представители в Великобритании и Франции начали переговоры о поставке оружия. Русскому военному атташе во Франции полковнику Игнатьеву генерал Жоффр пообещал предоставить 180 тысяч винтовок и еще 20 тысяч пообещали в военном министерстве. Кроме того, французское правительство согласовало с правительством Италии возможность предоставления России 300 тысяч итальянских винто-

---

[27] Телеграмма генерала Алексеева 7/20 октября 1915 г. (Там же. Л. 5).

[28] Телеграмма из русского посольства в Париже 23 октября/5 ноября 1915 г. (Там же. Л. 12); Нота французского посольства в Петрограде 5/18 октября 1915 г. // МОЭИ. Т. IX, № 16.

[29] Телеграмма Николая II 19 октября/ 1 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 503. Л. 106).

вок[30]. Британия пообещала России 150 тысяч японских винтовок, доведя, таким образом, общее количество до 650 тысяч штук, что даже превышало запросы русского командования, — столь большое значение придавалось планирующимся действиям русской армии. Действительно, союзники России прекрасно осознавали, что только скорейшее воплощение в жизнь плана русского командования может спасти Сербию от полного поражения. По сообщению российского посла в Лондоне, министр иностранных дел Великобритании лорд Грей поручил британскому послу в Японии добиваться уступки, причем из японских арсеналов, винтовок и патронов для русской армии, что дало бы ей возможность как можно скорее начать решительные действия[31].

Первая партия в 80 тысяч винтовок была послана из Франции уже в конце октября, но основное количество винтовок отправлялось различными партиями в течение всего ноября, а итальянское оружие требовалось еще переправить через Францию, японские же винтовки Англия вообще планировала прислать лишь в течение трех месяцев[32]. Необходимо также отметить, что союзники предоставили России в основном устаревшее оружие, большую часть которого (винтовки систем Гра, Кропачека и Виттерли) пришлось отправить в запасные батальоны для обучения новобранцев, взяв из этих частей русские трехлинейки для отправки на фронт.

Параллельно с попытками решить проблему военного снабжения формирующихся войск русское командование, консультируясь с союзниками, разрабатывало план действий для VII армии, выбирая между вышеупомянутыми пятью вариантами. Как уже говорилось, оптимальным представлялся вариант, при котором русские войска наносили бы удар по Болгарии совместно с румынской армией или самостоятельно через румынскую территорию, заручившись согласием правительства Румынии на проход через ее территорию. Но как только румынский премьер Брэтиану представил условия, при которых его страна готова была выступить на стороне Антанты, надежды союзников рухнули. 15 октября Брэтиану заявил посланнику Великобритании о необходимости сосредоточить в Салониках союзные войска численностью 500 ты-

---

[30] Телеграммы А.П. Извольского 11/24 и 15/28 октября 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4383. Л. 178–180).

[31] Телеграмма Бенкендорфа 21 ноября/4 декабря 1915 г. (Там же. Д. 3497. Л. 109).

[32] Телеграмма генерала Беляева в Ставку 6/19 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.Д. 1165. Л. 42).

сяч человек и столько же должна была выставить против Болгарии Россия[33]. Румынское правительство, очевидно, еще до вступления в войну хотело иметь гарантию того, что, даже при неблагоприятном развитии событий, страна не останется, как Сербия, без эффективной поддержки. И Румыния требовала серьезных гарантий в виде действующих на Балканах миллиона союзных солдат, к которым она готова была бы присоединить свою армию. Учитывая достаточно неблагоприятную обстановку на фронтах, а именно: отступление русской армии в 1915 г.; ставшую очевидной неудачу Дарданелльской операции, вступление в войну Болгарии и поражение Сербии, а также слабость армии Румынии, румынское правительство понять можно.

Итак, единственной возможностью нанести удар непосредственно по Болгарии оставался вариант, предусматривавший высадку морского десанта в Варне. В принципе возможность крупномасштабной десантной операции в Черном море рассматривалась в России уже достаточно давно, только предполагаемым пунктом высадки, конечно же, был район Босфора. Подготовка к такому десанту велась и накануне, и во время войны. В марте того же 1915 г., по настоянию прорывавшихся через Дарданеллы союзников, русское командование уже готовило войска в составе четырех корпусов для высадки в районе Босфора в случае удачи англичан и французов. Подготовка к операции продолжалась и далее: в портах Одессы, Николаева и Херсона собирались транспорты, велись переговоры о покупке и фрахте судов за границей[34]. Однако и тут существовали серьезные препятствия.

Осенью 1915 г. стало очевидно, что масштабная англо-французская десантная операция на полуострове Галлиполи зашла в тупик. Союзники смогли выделить для ее проведения почти 500 тысяч солдат и мощные силы флота, организовали базы снабжения на находящихся неподалеку греческих островах, установили контроль за морскими коммуникациями и тем не менее успеха не достигли. Подобный опыт должен был заставить российское командование всерьез задуматься о возможности проведения десантной операции в гораздо менее благоприятных условиях.

---

[33] За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002 С. 214.

[34] *Айрапетов О.Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России: Сб. статей. М., 2002. С. 212.

Не дремало и болгарское командование. Осенью в штаб VII армии и в Ставку поступают многочисленные агентурные сведения об усилиях болгар по укреплению своей границы с Румынией и морского побережья. В упоминавшейся уже записке Белановича говорится о появлении в Варне турецких войск и строительстве дополнительных укреплений. С точки зрения автора записки, высадка в Варне не принесла бы большой пользы, поскольку воевать пришлось бы с турками, что не дало бы ожидавшегося морального эффекта, а дальнейшее продвижение в глубь страны было бы затруднено гористой местностью[35]. В ноябре поступают сведения о появлении на границе с Румынией немецких войск, а в Варне — немецких офицеров и инженеров, руководивших фортификационными работами. В различных донесениях и разведывательных сводках говорится о строительстве новых оборонительных линий, о поставках артиллерии, в частности о размещении в Варне тяжелых 240-, 120-, 150-миллиметровых немецких и австрийских орудий, полевых пушек, о замене устаревших пушек на берегах Дуная и в Рущуке на новые скорострельные немецкие[36].

Впрочем, в качестве основных причин отказа от десантной операции начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев выделил три: слабость русского транспортного флота, «господство» немецких подводных лодок в Черном море и неблагоприятную погоду[37]. Действительно, если вспомнить, какие трудности испытывали осенью и зимой 1854–1855 гг., во время Крымской войны, находившиеся в Крыму союзные экспедиционные силы и количество потопленных черноморскими штормами британских кораблей, последний довод генерала Алексеева можно счесть чрезвычайно убедительным.

Пока союзники решали, какой вариант действий выбрать, положение Сербии становилось все более тяжелым. Сербская армия оказалась отрезанной от Салоник и, таким образом, потеряла связь с франко-британскими экспедиционными силами. 19 ноября премьер-министр сербского правительства Н. Пашич в очередной раз обратился с отчаянным призывом о помощи. Напомнив обещания союзников, он отметил,

---

[35] Записка титулярного советника Белановича о настроении болгарского народа и возможном отношении его к русским военным действиям в Болгарии (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3494. Л. 3).

[36] Сводки сведений о Болгарии в штабе 7-й армии, ноябрь 1915 г., донесения военного атташе в Румынии, доклады штаба VII армии в Ставку (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1130. Л. 495–512).

[37] Записка генерала Алексеева (Там же. Д. 1165. Л. 4).

что у них есть последний шанс исполнить эти обещания, и, видимо, уже не надеясь на серьезную помощь, сообщил о намерении пробиваться к Адриатическому морю[38]. Уже 29 ноября сербское командование вынуждено было признать поражение и отдать приказ об отступлении армии через территории Албании и Черногории к Адриатике.

У России оставался единственный вариант действий — нанесение удара по Австро-Венгрии в Галиции с целью заставить австрийцев ослабить воюющие против Сербии армии. Учитывая чрезвычайно неудачную для России обстановку, сложившуюся на этом фронте в 1915 г., осуществить такой план тоже было не просто, но русское командование не собиралось опускать руки. Более того, генерал Алексеев разработал план, предусматривавший не только спасение Сербии, но и формирование единой стратегии действий союзников, коренной пересмотр существовавших военных планов. Основные положения этого плана изложены в имеющихся в Российском государственном военно-историческом архиве двух собственноручных записках генерала Алексеева, не имеющих даты и озаглавленных: «Жоффру». Впоследствии план этот был предложен на межсоюзнической военной конференции, речь о которой пойдет ниже.

Стоит привести подробности данного плана, показывающие насколько широкомасштабные изменения задумывал произвести его автор[39]. Исходным положением, которое легло в основу плана, стала общая оценка динамики боевых действий на западе и востоке. Генерал Алексеев писал, что французский и итальянский фронты, с одной стороны, и русский и балканский — с другой, в корне отличаются друг от друга. Во Франции с 1914 г., так же как и в Италии, война носит позиционный характер, а на русском и балканском фронтах, вследствие особенностей местности, войска постоянно маневрируют. Следовательно, именно здесь необходимо попытаться нанести основной удар Германии и ее союзникам. План предполагал нанесение союзниками одновременных ударов по двум направлениям. Русская армия должна была наступать на широком фронте, нанося удары в сторону Варшавы и на юге через Буковину и Трансильванию в тыл австрийцам. Одновременно с этим французские, британские, итальянские и сербские войска, собранные на Балканах, начали бы наступление через Сербию на Австро-

---

[38] Телеграмма Пашича 19 ноября 1915 г. (Там же. Д. 1130. Л. 517).
[39] Записка генерала Алексеева (Там же. Д. 1165. Л. 4).

Венгрию, для чего, естественно, необходимо было перебросить в Салоники существенные силы с других фронтов.

По всей видимости, с точки зрения генерала Алексеева, если французское и британское командования отказались бы от наступательной стратегии во Франции, то оттуда безболезненно можно было снять значительные силы, не нужные для обороны позиций. Брошенные в наступление на Балканах, они могли не только освободить Сербию, но и вступить в Венгрию. Здесь, на линии Варшава — Будапешт, по предположению генерала Алексеева, русская, французская, британская, итальянская и сербская армии могли соединиться, окончательно разгромить Австро-Венгрию и организовать общее наступление на Германию с наиболее уязвимого для нее направления — с юга. Более того, такой поворот событий решал и еще одну проблему: в случае широкомасштабного наступления союзников на юге в войну непременно вступили бы колеблющиеся пока Румыния и Греция.

Таким образом, спасение Сербии становилось лишь подготовкой к достижению более масштабной цели, заключавшейся в общем разгроме коалиции Центральных держав. Что интересно, генерал Алексеев предполагал, что после соединения, именно Россия, имея «маневренную», а не «позиционную» армию и располагая наибольшими людскими резервами, возглавит общие силы союзников, как она сделала это когда-то, в 1813 г., объединив силы антинаполеоновской коалиции[40]. Автор плана считал это единственной возможностью обеспечить единство действий союзников, от отсутствия которого они постоянно страдали.

Русская Ставка готовила свой проект плана к намечавшейся в Париже союзной конференции, на которой предполагалось обсудить различные проблемы, связанные с взаимодействием союзных армий. Вопрос о положении на Балканах тоже включался в повестку дня, отнюдь не являясь главным. Основное внимание планировалось уделить «собственным» фронтам держав коалиции[41]. К началу конференции вопрос о судьбе сербской армии уже ставился по-иному, теперь речь шла уже лишь о ее эвакуации и последующей реорганизации. Возникла и новая проблема: союзные экспедиционные силы, отступавшие под натиском неприятеля к Салоникам, обратно на греческую территорию, оказались в сложном положении. Над ними нависла угроза со стороны Греции, где

---

[40] Там же. Л. 5.

[41] Письмо начальника французской военной миссии генерала д'Амада генералу Алексееву 17 октября 1915 г. (Там же. Л. 2).

прогермански настроенный король недавно сместил ориентировавшееся на Антанту правительство премьера Венизелоса. Греция стремилась сохранить нейтралитет и, согласно нормам международного права, должна была разоружить и интернировать союзные и отступавшие сербские войска на своей территории до окончания войны. Греки опасались, что преследующие войска Антанты немцы, австрийцы и болгары могут перейти границу Греции и перенести на ее территорию боевые действия.

До правительств стран Антанты доходили слухи о намерениях греческого правительства сделать это, о сосредоточении вокруг Салоник греческих войск, тем более, что со стороны Германии оказывалось все возрастающее давление с требованием принять меры против находящихся на греческой территории войск стран Антанты. Об этом в начале декабря доносили в Петроград российские дипломаты в Афинах и Риме[42]. Вскоре российский посланник в Афинах сообщил о принятом правительством Греции решении разоружать не только отдельные сербские части, отступившие на греческую территорию, но и союзный корпус[43]. О такой возможности, по словам сотрудника Министерства иностранных дел Франции А. Ферри, предупреждал и ушедший незадолго до описываемых событий в отставку министр иностранных дел Франции Т. Делькассе, считавший реальной угрозу превращения союзных войск в Салониках в заложников[44].

Теперь, когда Сербия потерпела поражение и под угрозой оказались уже непосредственно экспедиционные силы союзников, британское военное командование подняло вопрос о выводе войск из Салоник. Вновь возник план усиления обороны Египта и Суэцкого канала при помощи войск Салоникского фронта. Лорд Китченер, будучи в Афинах, даже сообщил об этом греческому королю Константину, предложив увести экспедиционные силы под прикрытием греческих войск. Решение британского командования имело серьезнейшие негативные последствия. В первую очередь всполошились отступающие в тяжелых условиях сербы. Отступавший вместе с сербским правительством и армией Г.Н. Трубецкой сообщил в Петроград о сильном деморализующем эффекте слухов об уходе союзников из Салоник и передал просьбу

---

[42] Донесения посланников в Риме и Афинах 20 ноября/3 декабря и 21 ноября/4 декабря 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 105,108).

[43] Донесение посланника в Афинах 28 октября/10 ноября 1915 г. (Там же. Л. 52).

[44] Les carnets secrets d'Abel Ferry. 1914–1918. Paris, 1957. P. 117.

Н. Пашича поскорее их опровергнуть[45]. Затем, усомнившись в единстве позиции стран Антанты, греческое правительство приступило к более решительным действиям, перебросив к Салоникам дополнительные войска. Кроме того, премьер-министр правительства Италии в разговоре с русским послом в Риме, сославшись на общественное мнение, заговорил о невозможности отправки итальянских войск на Балканы в момент, когда союзники собираются вообще оттуда уходить[46].

Все эти вопросы обсуждались на межсоюзнической конференции в конце ноября 1915 г. в Париже. Предложенный русским командованием план действий, по всей видимости, всерьез не принимался. «Какая богатая игра фантазии», — писал о проекте генерала Алексеева президент Французской Республики Р. Пуанкаре[47]. По данному вопросу решение не принималось, и позже проект рассматривался во французском Совете обороны, где также не получил поддержки: генерал Жоффр категорически выступил против переноса основных усилий на Балканы[48]. Убеждение французского командования и правительства в том, что именно на французском фронте решается исход войны, поколебать не удалось.

В русской Ставке восприняли подобную реакцию союзников с огромным разочарованием. Генерал Алексеев в письме представлявшему Россию на конференции генералу Жилинскому писал: «Ваша телеграмма 3 декабря лишний раз убеждает в невозможности согласовать действия наши с действиями на французском фронте. Результат: один из союзников раньше истощает свои средства и усилия, чем другой начинает, противник же получает возможность одни и те же силы применять на западе, востоке, ныне даже на юге. Конечно, отдаленность англо-французской армии от русской, изолированность итальянцев не позволяют поставить всем армиям общую ближайшую цель действий, а главное, внушить сознание необходимости одновременности действий по общему плану. Ввиду этого операционное направление Салоники—Белград—Будапешт наилучшим образом обеспечивало бы взаимодействие русской, англо-франко-сербской и итальянской армий»[49].

---

[45] Донесение русского посланника при сербском дворе 22 ноября/5 декабря 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 115).

[46] Донесение Гирса 19 ноября/2 декабря 1915 г. (Там же. Л. 95).

[47] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Т. 2. 1915–1916. М., 2002. С. 214.

[48] Там же. С. 231.

[49] Письмо генерала Алексеева 9/22 декабря 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 68).

Проблема салоникской экспедиции не была окончательно решена на конференции. Настойчивые требования представителей России и Франции, поддержанные итальянцами, сохранить войска в Салониках и превратить этот город в базу для будущих активных действий на Балканах, наталкивались на упорное стремление англичан увести оттуда войска. Все же солидарная позиция России и Франции заставила Великобританию отложить окончательное решение, переговоры по этому вопросу продолжились и после закрытия конференции.

Встретив дружный отпор планам вывода войск с Балкан и не желая всерьез подрывать единство Антанты, британское правительство вынуждено было смягчить свою позицию. По сообщению российского посла в Лондоне, министр иностранных дел Великобритании лорд Грей говорил об отсутствии окончательного решения о выводе войск и сомнениях лишь насчет возможности отправки в Салоники существенных подкреплений, что, по-видимому, было ответом на содержащиеся в плане генерала Алексеева предложения[50]. Одновременно между представителями французского и английского правительств происходили оживленные консультации по данному вопросу.

Наиболее жесткой позиции придерживался Китченер, который угрожал даже устроить министерский кризис, подав в отставку. С противоположной стороны наибольшую активность проявлял А. Бриан, совмещавший посты премьер-министра и министра иностранных дел. Он не только выступал за сохранение войск в Салониках, но и настаивал на отправке туда дополнительных сил[51]. В конечном итоге англичане пошли на компромисс. Китченер уступил, и решено было укрепиться в Салониках, тем более что войска Германии, Австро-Венгрии и Болгарии не предприняли попыток преследовать отступавший англо-французский корпус на территории Греции. О принятом решении Китченер сообщил в русскую Ставку, подчеркнув, что войска остаются в Салониках исключительно по политическим соображениям[52].

Тем временем, осознав невозможность совместных действий, русское командование предприняло попытку самостоятельно организовать наступление против Австро-Венгрии. В конце ноября — начале декабря VII армия была переброшена на австрийский фронт. Усиленная еще

---

[50] Донесение Бенкендорфа 19 ноября/2 декабря 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3497. Л. 98).

[51] Донесение Извольского 20 ноября/ 3 декабря 1915 г. (Там же. Л. 100).

[52] Телеграмма Китченера 1/14 декабря 1915 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1130. Л. 525).

одним корпусом, она начала наступление 29 декабря, но успеха так и не достигла.

Подводя итог, можно отметить, что стремление помочь Сербии в тяжелые для нее дни осени 1915 г. у союзников безусловно было, да и в конкретных военных планах недостатка не ощущалось. Державы Антанты осознавали всю опасность полного разгрома Сербии, но так и не смогли преодолеть некоторые серьезные противоречия, уже не раз осложнявшие положение союзников. Главным из них оставалось отсутствие согласованности в стратегическом военном планировании. Главный штаб каждой союзной армии принимал важнейшие решения, исходя в первую очередь из конкретных и ближайших интересов собственной страны. Еще одним, объективным препятствием, стала стратегическая ситуация. В сложившейся осенью 1915 г. обстановке Сербия оказалась отдалена, а вскоре и вовсе отрезана от своих союзников. Лишь Россия собрала большие силы и имела масштабный план их использования, который мог бы привести к спасению Сербии, но геополитическая обстановка не позволила воплотить его в жизнь.

Н.С. Ниязов

СОВЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВНЕШНИХ ВОЕННЫХ УГРОЗ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

К началу 30-х гг. Советский Союз, ценой огромных издержек и жертв, встал в ряд влиятельнейших участников мировой политики. И хотя СССР еще не был в полной мере интегрирован в существовавшую Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, его авторитет на международной арене неуклонно рос, в том числе благодаря стремительному наращиванию боевых возможностей РККА.

Необходимость быстрого насыщения Красной Армии современными системами вооружений способствовали заметной трансформации внутренней и внешней политики Москвы. В ряду важных установок марксизма, от которых советское руководство быстро отходило, был принцип необходимости замены кадровой армии всеобщим вооружением народа.

Однако в условиях, когда средствами вооруженной борьбы становились авиация, танки, мобильные артиллерийские системы, подводные лодки, крейсера и линкоры, надеяться на то, что мужчины, женщины и даже дети, вооруженные винтовками и пулеметами, смогут остановить или разгромить противника, не приходилось. Для качественного освоения перечисленных выше систем вооружений необходимо было, чтобы человек в течение продолжительного времени был «прикреплен» к своему оружию. Сделать это возможно было только в рамках кадровой армии, которую нужно было возрождать, пестовать и обеспечивать всем необходимым.

Возрождение одного из главнейших атрибутов национального государства — Армии постоянной готовности — требовало реабилитации таких понятий, как «государство», «родина», «родная земля» (читай контролируемая территория), «свой/свои», «чужой/чужие», «патриотизм». Кроме того, необходимость мобилизации значительных ресурсов и производственных мощностей исключительно на решение оборонных задач приводила к заметным издержкам в решении проблем социальной сферы.

К рубежу 1920–1930-х гг. откат от упоминавшихся установок марксизма, во многом вызванный необходимостью развития РККА, наряду с другими причинами привел к кризису в советском руководстве. Побе-

да И. Сталина и его сторонников в борьбе за власть, изгнание из страны Л.Д. Троцкого фактически означали, что СССР отныне намерен вести себя во внутренней и внешней политике как национальное государство, готовое отстаивать свои интересы на международной арене с помощью военной силы[1].

Необходимо подчеркнуть, что в течение 30-х гг. XX в. доминирующим интересом СССР на международной арене было обеспечение своей военной безопасности. По-своему интересным и поучительным является тот факт, что советское восприятие внешних угроз в военной сфере в тот период удивительным образом перекликается с современным российским восприятием вызовов безопасности.

В современной Военной доктрине Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. в ряду основных внешних угроз названы: «территориальные претензии к Российской Федерации... попытки игнорировать... интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности... наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников; создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации... расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации; ввод иностранных войск... на территории сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств; создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территориях Российской Федерации... нападения (вооруженные провокации) на... объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации»[2].

Заметные различия советского и российского подходов к проблеме касаются только приоритетов перечисленных проблем.

Так, для СССР на первом месте были «попытки *игнорировать*... (его. — *Н.Н.*) интересы в решении проблем международной безопасности», на втором — «*расширение военных блоков и союзов* в ущерб военной безопасности» Советского Союза и тесно связанное с

---

[1] Подробнее см.: *Ниязов Н.С.* Сравнительно-сопоставительный анализ политических и теоретических основ внешней политики СССР в межвоенные годы // Компаративистика. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003.

[2] Военная доктрина Российской Федерации от 21 апреля 2000 г.// Независимая газета. 2000. 22 апр.

этим «создание... группировок войск (сил)... вблизи государственной границы» и территориальные претензии.

Третье и четвертое места с переменным успехом делили «*оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований* и групп в целях их переброски для действий на территориях» СССР и «*наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы*».

На пятом — «ввод иностранных войск... на территории сопредельных... и дружественных... государств и как постоянная озабоченность «*нападения (вооруженные провокации)* на... государственной границе».

Угроза того, что решение проблемы международной безопасности может осуществляться без участия, а еще хуже за счет Советского Союза, серьезно беспокоила Москву до начала 30-х гг.

Отсутствие уверенности в собственных силах, усугубленное слабыми боевыми возможностями РККА, заставляло СССР долгое время выступать на международной арене наиболее последовательным защитником мира, всеобщего или частичного разоружения, международного права, особенно в части, касающейся мирного разрешения конфликтов. Например, стремительно присоседившись к пакту Бриана—Келлога, СССР обратился к пограничным странам, подписавшим пакт, с предложением договориться о досрочном вступлении указанного соглашения в силу, что и было сделано в столице советского государства 9 февраля 1929 г.

На Международной конференции по разоружению, которая начала свою работу 2 февраля 1932 г. в Женеве, глава советской делегации М.М. Литвинов, предупреждая об угрозе начала нового глобального столкновения, обращаясь к участникам форума, акцентировал внимание на том, что «советская делегация на Подготовительной комиссии... предлагала полное уничтожение наиболее агрессивных типов вооружений, в том числе: 1) танков и сверхдальней артиллерии большой мощности; 2) кораблей свыше 10 тыс. тонн; 3) судовой артиллерии более 12 дюймов; 4) авианосцев; 5) военных дирижаблей; 6) тяжелых бомбардировочных самолетов, всех авиационных бомб и других истребительных средств, сбрасываемых с воздушных судов, и 7) всех средств и при-

способлений химического, огневого и бактериологического нападения»[3].

В дальнейшем СССР стал одним из главнейших сторонников идей Восточного пакта, озвученного министром иностранных дел Франции Л. Барту, который предлагал, чтобы Германия, СССР, Польша, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия поставили свои подписи под соглашением, предусматривающим как неприкосновенность межгосударственных границ в Восточной Европе, так и осуществление необходимых шагов в военно-политической сфере в случае начала европейской войны. Поддержку странам пакта в кризисных условиях должны были оказывать также Франция, Англия, Италия и Бельгия.

Если бы подписание Восточного пакта состоялось, то, возможно, Советский Союз смог бы изменить свое негативное отношение к различного рода военным блокам, которые создавались под французским или английским покровительством на западных границах СССР на рубеже 1920–1930 х гг. Именно подобные образования, по мнению сталинского руководства, могли стать катализатором новой интервенции против Страны Советов.

В январе 1932 г., в спецсообщении Иностранного отдела ОГПУ, подготовленном на основе агентурных данных, исходящих из II отдела французского генштаба (центральный орган французской военной разведки и контрразведки) и адресованном Сталину, сообщалось, что «между генеральными штабами Франции, Чехословакии, Польши, Румынии якобы заключено соглашение о создании объединенной армии под руководством маршала Франции д'Эспере и генерала Бертье. Ведутся переговоры о вхождении в упомянутый военный блок хорошо экипированной венгерской армии. В случае участия Венгрии в упомянутом блоке французский генштаб взял бы на себя обязательства заставить французский Мининдел признать за Венгрией право на вооружение и аннулировать те пункты договоров, на основании которых она была этого права лишена... Трудно определить, какую позицию займет Германия в результате конфликта с СССР. II отдел полагает, что в этом случае Германия объявит нейтралитет. Если французские войска пройдут через германскую территорию, чтобы объединиться с польской армией, Германия ограничится протестом, но не будет оказывать сопротивления...

---

[3] Речь Председателя советской делегации М.М. Литвинова на пленарном заседании Конференции по сокращению и ограничению вооружений // Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. XV. С. 108.

Агенты французской разведки в Германии сообщают, что германский генеральный штаб убежден в полном поражении европейских армий в случае интервенции в СССР»[4].

Перечень стран, приведенных в этом документе, пересекался с фактическим списком государств–участников Малой Антанты, в которую входили Чехословакия, Румыния и Югославия, а также Польша, Финляндия и прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва. За спиной у них, по мнению советского руководства, стояли «буржуазная Франция, родина любвеобильной «Пан-Европы», «колыбель» пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира»[5], а также Англия, «наскоки» которой «на СССР нельзя считать случайностью»[6]. В случае начала войны к этим странам могли присоединиться или же предоставить «в их распоряжение свои военно-экономические ресурсы и коммуникации»[7] Венгрия, Болгария и Греция.

Недоверие к этому блоку со стороны Советского Союза усиливалось еще и тем, что ряд стран, входивших в него, имели территориальные претензии к СССР, в первую очередь речь идет о Польше и Финляндии[8].

Не меньшее внимание советская сторона уделяла и деятельности Балканской Антанты, образованной после подписания 9 февраля 1934 г. между Грецией, Румынией, Турцией и Югославией так называемого Балканского пакта. Под сильнейшим германским нажимом к соглашению отказались подключиться Болгария и Албания.

И хотя договор подразумевал совместную защиту балканских границ и согласование основных векторов внешней политики вышеперечисленных государств и имел больше антигерманскую, нежели антисоветскую направленность, в СССР опасались, что и данная структура может быть использована против Советского Союза.

---

[4] Спецсообщение ИНО ОГПУ о деятельности II отдела французского Генштаба // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 296–297.

[5] *Сталин И.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Сочинения. Т.12. М., 1952. С. 257.

[6] *Сталин И.* Политический отчет Центрального комитета XVII съезду ВКП(б) // Там же. С. 304.

[7] История военной стратегии России. М., 2000. С. 194–195.

[8] См.: *Старков Б.А.* Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С. 75.

Только в 1938 г. опасения СССР насчет военных блоков, созданных у ее западных границ, стали рассеиваться, но самым неприятным для него образом. К этому времени, вопреки очевидной логике, Англия и Франция, главные «гаранты» этих военно-политических образований, предпочитали односторонние действия по обеспечению своей безопасности коллективным усилиям по противодействию агрессорам, именно поэтому в рамках так называемой политики «умиротворения» они фактически «подарили» Гитлеру Чехословакию — ключевой элемент Малой Антанты. О значении этой страны в блоке свидетельствует хотя бы тот, факт, что в 1936–1938 гг. Чехословакия была одним из лидеров по производству танков не только в Малой Антанте, но и во всей Европе, уступая только СССР и Франции. Чехословацкие легкие и средние танки по своим боевым качествам были так хороши, что производство лучшего танка этой страны LT-38 было сохранено для Вермахта вплоть до 1942 г.[9], также для немецкой армии выпускались и два разных варианта танка LT-35.

И хотя после Мюнхена Англия и Франция предприняли определенные шаги для поддержки другого военно-политического блока — Балканской Антанты, в СССР с сожалением были вынуждены констатировать, что дни и этого бывшего противника уже сочтены.

В декабре 1938 г. военно-морской атташе СССР в Турции, капитан II ранга Родионов, сообщал, что в Афинах завершилась работа конференции Генштабов Балканской Антанты и что «в официальном коммюнике отмечается, что решения по всем вопросам были приняты единогласно», а на самом деле «по имеющимся у меня сведениям... конференция обсуждала преимущественно вопросы связи и транспорта на военный период, а также вопросы военной экономики. Генштабы Балканской Антанты пытались на этой конференции обсудить и решить следующие вопросы:

а). Сырье, которым располагает каждая из стран и которое она смогла бы в военное время поставить в другие страны Балкан. Антанты. Пути, по которым могут эти поставки идти, и охрана этих путей в военное время. Особенно речь шла о румынской нефти. Говорилось, разумеется, о тех видах сырья, которые интересуют военную экономику. Цель у

---

[9] *Бах И.В., Вараксин Ю.Н., Выгодский С.Ю.* Зарубежная бронетанковая техника. М., 1984. Т. 1. С. 11.

Балканской Антанты сводится здесь к тому, чтобы добиться максимальной возможной автономности в смысле снабжения в период войны.

б). Вопросы связи и транспорта (ж.-д. и морские перевозки) тоже обсуждались с точки зрения их живучести и защиты в военное время.

в). Вопросы единого командования вооруженными силами... на время войны даже не были поставлены... вопреки ходившим ранее слухам. Объясняется это тем, что такой вопрос... заведомо в настоящее время не разрешим. Общее впечатление от конференции таково, что она еще раз показала общность интересов по ряду вопросов у Греции и Турции. Эти две страны наиболее заинтересованы сейчас в усилении Балканской Антанты. Менее заинтересована в этом Румыния и вовсе не заинтересована, пожалуй, Югославия. В итоге Балканская Антанта в военном отношении не окрепла, а ослабла за истекший год»[10].

Усиление Германии, ослабление и даже гибель бывших «малых» Антант создавали для СССР призрачную надежду на то, что, оказавшись в одиночестве, или даже в малой группе, ряд государств, непосредственно граничащих с Советским Союзом, будут совершенно на иной основе строить свои отношения с Москвой в военной области. Но документы свидетельствуют о том, что поведение некоторых стран в области обеспечения собственной безопасности способствовало росту напряженности в межгосударственных отношениях. Так, в донесении Радиоразведки РККФ от 5 октября 1938 г. сообщалось: «С 08.00 4.10.38 начались маневры Румынской армии с участием ВМФ и ВВС. В проводимых маневрах отрабатывается задача — "Оборона границ с СССР и побережья Черного моря"»[11].

Не лучше обстояли дела и с Северо-Западными соседями — Финляндией и Эстонией. В декабре 1938 г. стало известно, что финны требуют срочной демаркации морских границ. 8 декабря Нарком иностранных дел М.М. Литвинов обратился к наркому ВМФ СССР М. Фриновскому с запросом по поводу требований финской стороны, при этом заметно, что внешнеполитическое ведомство СССР готово было пойти навстречу требованиям Хельсинки. Однако военные были другого мнения.

Проанализировав ситуацию в течение почти месяца, 4 января 1939 г., руководитель советского флота писал Наркому иностранных дел: «Про-

---

[10] Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 293.

[11] Там же. Ед. хр. 45. Л. 2.

изводство демаркации территориальных вод... СССР и Финляндии нежелательно, т.к. это создаст прецедент и для других государств. Если Финляндия... опасается возникновения конфликтов, никто не может воспрепятствовать односторонней установке... в некотором расстоянии от нее внутри финских территориальных вод. Линия этих знаков будет служить границей, за которую не должны переходить рыбаки, из-за которых, главным образом, происходят конфликты.

Установка же с нашим участием пограничных знаков даст возможность финнам превратить территориальные воды фактически во внутренние воды, и чему имеются тенденции, выдающиеся в протестах против "прохода через территориальные воды Финляндии", хотя этот проход является законным по международному праву; между тем в условиях Финского залива финские суда не нуждаются в проходе через территориальные воды СССР, с нашей е стороны надобность прохода через территориальные воды Финляндии может встретиться, почему считаю необходимым отстаивать прежнюю точку зрения с тем, что никаких знаков на границах территориальных не должно быть, кроме знаков навигационного характера.

В случае же дальнейшего настояния по этому вопросу со стороны Финляндии считаю нужным окончательное решение этого вопроса поставить в ЦК ВКП(б)»[12].

Ставка на действующие нормы международного права для обеспечения собственных военно-политических интересов делалась советской стороной и в другом случае, связанном с проходом через территориальные воды соседних стран. В июне 1939 г. заместитель Наркома иностранных дел В.П. Потемкин в своем письме новому Наркому военно-морского флота Н.Г. Кузнецову сообщал: «...нам прислан текст закона о водных путях, изданного эстонским правительством 21 января 1938 г. § 4 этого закона гласит: "В территориальном море имеют право прохода все суда и другие плавучие средства, военные же корабли иностранных государств — только на основании соглашения между государствами или же с разрешения правительственных властей, за исключением случаев аварии". Этот § закона противоречит международным обычаям и постановлениям Гаагской конференции по кодификации международного права, созванной в 1930 г.

Согласно международным обычаям, нашедшим подтверждение и в постановлении Гаагской конференции, суверенитет государства в...

---

[12] Там же. Ед. хр. 104. Л. 7.

территориальных водах ограничен в пользу международного мореплавания... В силу этого права иностранное судно может пересекать чужие территориальные воды, не испрашивая на то разрешения прибрежного государства и не предупреждая его о проходе. Это право распространяется... и на мирные военные корабли. Прибрежное государство может лишь регулировать их проход. В частности, военные подводные суда обязаны проходить на поверхности.

Эстонский закон не отвечает интересам нашего военного флота, корабли которого до сих пор иногда проходили через эстонские территориальные воды. Возникает вопрос, как нам реагировать на эстонский закон?

Следует иметь в виду, что до сих пор мы не получали от эстонского правительства официальной нотификации об этом законе. Поэтому мы могли бы по-прежнему, в случае необходимости, пользоваться эстонскими территориальными водами для прохода наших военных кораблей. В случае, если бы эстонское правительство выступило с возражениями по поводу несоблюдения нами указанного закона, мы могли бы изложить ему нашу точку зрения и подчеркнуть, что не считаем себя обязанными считаться с этим законом, ибо он противоречит международным обычаям. Прошу Вашего заключения по данному вопросу»[13].

В отличие от предыдущего сюжета, военным морякам потребовался всего лишь день, чтобы дать оценку ситуации и свое видение дальнейшего развития событий. Кроме того, ответ Н.Г. Кузнецова свидетельствует о том, что советская сторона хотела бы решить проблему без конфронтации, на основе правовых норм. В частности, в ответном письме Наркома ВМФ СССР говорилось: «Эстонский закон... существенно затрагивает интересы нашего флота на Балтийской море. § 4 закона помимо того, что противоречит международным обычаям и постановлениям Гаагской конференции, находится в противоречии с абзацем 7 § 2 Эстонского закона о нейтралитете (изданным значительно позже), в котором президент обязывается соблюдать общие принципы международного права и § 1 этого же закона, которым военным кораблям воюющих разрешается доступ в территориальные воды.

Сообщая изложенное выше, считаю необходимым отметить, что мы заинтересованы в сохранении на Балтийском море общего принципа,

[13] Там же. Л. 44–45.

представляющего право мирного прохода территориальных вод для военных кораблей»[14].

Традиционно принято считать, что в предвоенные годы в СССР в основном были озабочены угрозами, исходящими с западного и восточного направлений, однако анализ документов, в том числе архивного хранения, настойчиво указывает на то, что и южные границы находились под угрозой извне.

В Советском Союзе очень тщательно следили как за особенностями внешней и внутренней политики своих южных соседей, так и за наращиванием этими странами своего военного потенциала. При этом, в зависимости от складывающейся международной и военно-политической обстановки, СССР и сам мог активно способствовать росту боевых возможностей армий того или иного своего соседа, одновременно очень пристально следя за поставками в эти государства военно-технических изделий из других стран, но в любом случае в Москве не хотели, чтобы южные соседи тесно сближались с западными странами, будь то Англия, Франция или Германия.

Наиболее западной в географическом отношении южной страной, граничащей с Советским Союзом, была Турция. Пока руководителем Турецкой Республики являлся Мустафа Кемаль Ататюрк, взаимоотношения Москвы с этой страной развивались самым динамичным образом, в том числе в области военно-технического сотрудничества (например, в 1935 г. Анкара закупила у СССР 67 танков Т-26, являющихся советской модификацией английского «Виккерса»[15], и два средних танка Т-28[16]), и это при том, что в 1934 г. Турция стала одной из организаторов уже упоминавшейся Балканской Антанты. Видимо, степень доверия Ататюрку в Москве была довольно высокой.

После смерти первого президента Турецкой Республики новое руководство страны взяло курс на более тесное взаимодействие с государствами Запада, в первую очередь, Францией, Англией и Германией, хотя еще некоторое время военно-техническое сотрудничество между Москвой и Анкарой продолжало развиваться по инерции. Об этом свидетельствует письмо Народного комиссара ВМФ СССР М. Фриновского заместителю Народного комиссара иностранных дел В. Потемкину, в котором, в частности, говорится: «На запрос тов. Терентьева из Анкары от

---

[14] Там же. Л. 47.

[15] *Баратянский М.* Непризнанный «Виккерс» // Моделист-конструктор. 1992. № 11

[16] *Баратянский М.* Т-28. М., 1993. С. 29.

26.2.39 необходимо подробнее узнать условия приобретения, каким образом и на каких основаниях турецкое министерство национальной обороны предоставляет другим фирмам полные планы и чертежи постройки турецкой военно-морской верфи в Гельджине.

Влечет ли это приобретение какие-либо специальные обязательства с нашей стороны... Для выполнения этого вопроса тов. ТЕРЕНТЬЕВ может привлечь военно-морского атташе в Турции тов. РОДИОНОВА. После получения более подробных объяснений будет решено, что надо сделать для приобретения чертежей и планов»[17].

Заигрывание Турции с западными странами вызывало серьезную озабоченность Москвы, причем в СССР одинаково опасались сближения Анкары как с Парижем и Лондоном, так и с Берлином. В свою очередь и Франция с Англией, с одной стороны, а Германия — с другой, стремились добиться вовлечения Турецкой Республики в орбиту своего влияния. Скорее всего, турецкое правительство рассчитывало, что интерес к стране со стороны трех центров силы конца 30-х годов («франко-английского союза», Германии и Советского Союза) позволит ей лавировать между ними, получая максимальную выгоду от своего положения.

Забегая вперед, можно утверждать, что в конечном итоге, данная политика оказалась плодотворной и позволила Турецкой Республике выйти фактически без особых потрясений из событий начавшейся в скором времени Второй мировой войны, но в марте 1939 г. подобное поведение вызывало раздражение не только Москвы, но и судя по всему, и стран западноевропейских демократий. Последние, особенно англичане, готовы были для удержания Анкары в зоне своего влияния, подтолкнуть фашистскую Италию к агрессивным действиям против Турции. В свою очередь это автоматически заставляло турецкое правительство стремительно сближаться с Берлином, влияние которого на Рим было общеизвестным, но ценой за подобную дружбу становилась определенная напряженность во взаимоотношениях с Лондоном и Москвой, а также рост социальной напряженности внутри самой Турции.

Вся противоречивость внешней и внутренней политики Турции в обозначенный период нашла отражение в донесении в спецсообщении разведывательного отдела РКВМФ, датированным 2 марта 1939 г., в котором, в частности.ю говорилось: «Нашим источником донесены следующие данные о внутреннем и международном положении Турции:

---

[17] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 20.

вновь избранный президент Исмет Иненю начал смещать с должностей всех ставленников Ататюрка. В настоящее время "ушли" в отставку: министр иностранных дел — Рюштю Арас, премьер министр Джелал Баяр...

Молодежь интеллигентных и коммерческих кругов, симпатизирующая Ататюрку, относится недружелюбно к Исмету, а старики и особенно муллы, относившиеся враждебно к Ататюрку, сейчас симпатизируют Исмету. Армия, и в первую очередь высший командный состав, на стороне Исмета...

Новый премьер — Рефик Сейдам ярый германофил, и немцы немало потрудились для того, чтобы он был назначен премьером. Назначение Рефика Сейдама встретило большое недовольство со стороны англичан и вызвало толки о возможности со стороны Англии дипломатического нажима на Турцию (через Италию...)

После получения займов: от Англии 16 мл. фунтов и от Германии 150 мл. марок, положение турецкого правительства усложнилось, так как кредиторы вместе с займами навязали Турции целый ряд дополнительных обязательств, обеспечивающих им проведение их политики в Турции. В закулисных интеллигентных кругах, особенно среди греков турецкоподданных, а также среди иностранцев, проживающих в Стамбуле, понемногу усиливаются разговоры о захватнических планах Италии на южном побережье Турции в районе Аданы (что было обещано англичанами итальянцам в 1915 году при вступлении Италии в империалистическую войну).

Сейчас в Турции происходит сильная борьба между Англией и Германией за господство. По отзывам местных англичан (живущих в Турции), Англия должна иметь успех, т.к. ее окончательным ходом будет — толкнуть Италию на захват района Аданы, и тогда Турция (по их мнению) должна будет искать защиты у англичан...

В интеллигентских кругах идут разговоры, что бывшая дружественная политика Исмета к Советскому Союзу начинает постепенно охладевать.

Еврейский вопрос также получает свое отражение в Турции: все немцы, живущие в Стамбуле, бойкотируют еврейские магазины. Ходят упорные разговоры, что при получении от Германии займа в 150 мл. марок турки обязались выселить из пределов Турции всех евреев, имевших ранее немецкое или австрийское подданство... Выселено уже около 70 человек евреев... При выселении вывоз капитала не разрешается.

В греческих кругах ходят слухи, что имевшая место комбинация по поставке генералу Франко двух партий самолетов (по 50 штук каждая) через турецкого комиссионера Экрема Кёник якобы посредством подделки подписей высших турецких чиновников, в действительности была оформлена подлинными подписями чиновников, принимавших в этом деле непосредственное участие»[18].

Возможно, выпадение Турции из ряда дружественных стран СССР воспринял бы более или менее спокойно, если бы был уверен, что сближение Берлина и Анкары направлено на защиту последней от вторжения итальянцев или от чрезмерного усиления влияния Великобритании, но то, что “”турецкий путь” во внешней политике готовы были выбрать и Иран, и Афганистан, придавали картине неприятный оттенок.

В ряду стран, установивших дипломатические отношения с новой властью в Москве, Иран занимал особое место, в первую очередь из-за того, что в течение продолжительного времени страна находилась в орбите влияния, а точнее сказать, под фактическим контролем англичан. Поэтому неудивительно, что в СССР всерьез опасались, что эта страна может стать своеобразным плацдармом для Лондона в случае нападения западных стран на Советский Союз. Для нейтрализации этой угрозы Москва развернула мощную антианглийскую пропагандистскую кампанию не только в Иране, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, СССР сумел добиться от Тегерана согласия на тесное взаимодействие в экономической сфере. Благодаря этим обстоятельствам в течение 20–30-х гг. Иран с определенными оговорками воспринимался Москвой как дружественная страна.

Ситуация начала меняться после того, как в конце 30-х гг. началось сближение Берлина и Тегерана. Постепенно стало ясно, что Иран все больше и больше в своей внешней политике ориентируется на Германию, получая от нее взамен военную помощь, причем ассортимент закупок подталкивал Москву к выводу, что наращивание военной мощи этой страны направлено против СССР. Например, в спецсообщении Разведывательного управления РККА от 18 сентября 1938 г. сообщалось: «По сведениям, полученным из Тегерана, иранское правительство закупило в Германии береговую и зенитную артиллерию в счет кредита, предоставленного Ирану Германией в размере 7 млн германских марок. По сведениям, требующим проверки, на Каспийском море собрали и

[18] Там же. Ед. хр. 44. Л. 305–306.

спустили на воду несколько подводных лодок типа «малютка» (200–300 тонн водоизмещения). Подлодки собраны в Ноушехере»[19]. Было очевидно, что целью указанных субмарин могли быть корабли Каспийской флотилии и нефтеналивные суда, доставляющие нефтепродукты из Баку в глубь страны.

Поэтому неудивительно, что Москва стремилась при первой же возможности продемонстрировать Тегерану, хоть и в корректной форме, свою военную мощь. Например, весной 1939 г., на свадьбу наследного принца Ирана советская делегация направляющаяся из Баку, предпочла добираться не по сухопутному пути, а отправиться на канонерской лодке. Мало того, как сообщал заместитель наркома иностранных дел В. Потемкин своему коллеге заместителю народного комиссара ВМФ Игнатьеву, Нарком обороны К. Ворошилов не только дал разрешение на использование боевого судна для доставки советских представителей в Иран, но и «высказался... за посылку в Тегеран, вместе с т. Тюленевым[20], взвода военморов (военных моряков. — *Н.Н.*) с указанного судна. Тов. Ворошилов добавил, что эта мысль уже получила одобрение Инстанции»[21].

Прогерманская позиция Тегерана и в дальнейшем сильно беспокоила Москву, так как объектом ударов со стороны Ирана могли стать бакинские нефтепромыслы, которые в те годы покрывали более 70% потребностей СССР в горюче-смазочных материалах. Поэтому неудивительно, что в 1941 г., уже после нападения Германии на СССР и установления союзнических отношений с Лондоном, Советский Союз совместно с Великобританией оккупировал Иран без всякого сомнения и сожаления. Но пока еще советское руководство с одинаковым недоверием относилось к действиям в регионе, что Германии, что Англии. Последняя стремилась укрепить свое присутствие в странах, которые, по мнению Лондона, должны были находиться в орбите его влияния.

11 октября 1938 г., согласно спецсообщению Разведывательного управления РККА, стало известно, что «в Афганистан из Индии прибыл секретарь по иностранным делам Индии англичанин Меткаф и начальник военно-воздушных сил Индии Гендерсон. Установлено, что эти лица ведут переговоры с афганским правительством о продаже последне-

---

[19] Там же. Ед. хр. 46. Л. 1.

[20] Предположительно речь идет о Тюленеве Иване Владимировиче (1892–1978), командовавшем в это время войсками ЗакВО.

[21] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 32.

му военных самолетов... 9 октября премьер-министр Афганистана Сардар Мухаммед Хашим Хан принял Меткафа и имел с ним продолжительную беседу»[22].

Большой интерес к Афганистану проявляли и японцы. В ноябре 1935 г., Полномочный Представитель СССР в Афганистане Л.Н. Старк сообщал, что японский посол в Кабуле обратился к «афганскому правительству с предложением договориться о позиции Афганистана в случае войны между СССР и Японией»[23].

Посланник Страны восходящего солнца считал, что «Япония... имеет развязанные руки в военном отношении» и что Токио «уже сильнее Англии. Поэтому афганское правительство должно ориентироваться на поддержку, каковую Япония готова ему оказать. Со своей стороны афганское правительство должно будет в случае начала войны между СССР и Японией сосредоточить в северных провинциях большую часть своей армии и не препятствовать переброске из Афганистана на советскую территорию *басмаческих банд* (курсив наш. — *Н.Н.*). Все это имеет целью притянут в Среднюю Азию... часть советских вооруженных сил, которые, таким образом, не смогут быть использованы против Японии»[24].

Активность немцев, англичан и японцев, направленная на вовлечение в «свои ряды» Турции, Ирана и Афганистана, в советском восприятии усугублялась еще одним обстоятельством, а именно наличием на территории вышеперечисленных стран «окучиваемых» Берлином, Лондоном и Токио эмигрантских организаций и даже частных лиц, ставящих своей целью борьбу с советским строем[25].

И хотя советские спецслужбы вели довольно успешную работу по ослаблению военного и политического руководства эмиграции, возможность использования потенциала этих сил в войне против СССР не исключалась.

Именно эту угрозу, плюс потенциальную возможность использования вооруженных сил Турции, Ирана и Афганистана против СССР

---

[22] Там же. Ед. хр. 46. Л. 6–7.

[23] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Афганистане Л.Н. Старка в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР // Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. XVIII. С. 508.

[24] Там же.

[25] Подробнее см.: *Ермов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000.

можно обозначить как «создание... группировок войск (сил)... вблизи государственной границы».

Особенно разрушительными и эффективными действия антисоветских сил могли оказаться в регионах, представляющих особый интерес для военной экономики, а именно в нефтеносных областях юга СССР (Баку, Грозный, Майкоп), а также в промышленных районах Урала.

В случае начала войны проблемы для эффективной работы нефтянки могли создать даже не авиационные удары или открытие действия вражеских войск[26], а осуществляемая одновременно высадка в южный районах СССР белоказачьих отрядов, способных инспирировать различные антисоветские выступления на Дону, Кубани и Тереке, а также подрывная и террористическая деятельность на нефтепромыслах националистических групп.

В 1938 г., в распоряжении советской стороны вновь оказался документ, подготовленный во II отделе французского генерального штаба, из которого следовало, что турецкое правительство «в случае войны СССР с какой-либо другой большой державой и связанного с этим ухода всех или части войск, стоящих в Закавказье, или же в случае падения правительства Сталина» обязывает свои вооруженные силы «пересечь турецко-советскую границу и немедленно оккупировать: 1) в Грузии — район Батуми и округа Ахалцихе и Ахалкалаки; 2) в Армении — город и округ Ленинакана (Александрополь); 3) Азербайджан полностью, расквартировав там гарнизоны и создав правительство, согласное признать Азербайджан протекторатом Турции. В целях подготовки закавказского населения к возможной... оккупации правительство Анкары направило эмиссаров... для проведения пропаганды в пользу союза с Турцией кавказских народностей... Кроме того, турецкое правительство в феврале 1937 г. поручило... кавказскому эмигранту Хайдару Бамату проводить аналогичную пропаганду в кругах закавказской эмиграции и создать правительство... которое согласилось бы признать свою территорию протекторатом Турции... Бамат располагает большими суммами, пред-

[26] Возможность подобного развития событий также не исключалась, мало того, после начала советско-финской войны в Париже и Лондоне составлялись как планы бомбардировок Баку, так и возможность прямой интервенции на советскую территорию через Турцию и Иран (см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 — декабрь 1940). М., 1995. С. 374–383; История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1973. Т. 3. С.46).

назначенными для пропаганды. Это... позволяет полагать, что Турция действует совместно с какой-то большой европейской державой»[27].

Из доклада французских разведчиков со всей очевидностью вытекало, что державой, готовой активно использовать антисоветски настроенных эмигрантов в своих целях, является Германия, однако в Советском Союзе не исключали, что подобной страной может быть и Англия, и даже сама Франция.

23 сентября 1939 г., в день подписания советско-германского пакта о ненападении, Нарком внутренних дел СССР Л. Берия направил НКВД Азербайджанской ССР указание, в котором утверждалось, что «центры эмигрантских контрреволюционных организаций Кавказа по указаниям французской разведки ведут... работу по переброске диверсантов в Закавказье... для совершения диверсионных актов на бакинских нефтепромыслах... ведется подготовка... диверсантов, которые в ближайшее время через турецкую и иранскую границы намечены к переброске в Закавказье... французская разведка предложила турецкой разведке оказывать ей поддержку в переброске диверсантов в СССР. Выехавший со специальной миссией в Турцию член Высшего военного совета Франции генерал Вейган также вел переговоры с турками об организации диверсионной работы в Закавказье, и в частности в Азербайджане»[28].

После разгрома Франции летом 1940 г., турки стали рассчитывать на использование кавказской эмиграции, «дислоцированной» на своей территории, в случае «войны СССР с Германией или Англией»[29].

Угрозу уральскому промышленному району могли представлять как белоказачьи формирования, перебрасываемые с китайской территории, так и вооруженные формирования среднеазиатских националистов, так называемые басмачи, которых, как уже отмечалось выше, готовы были использовать в своих целях даже японцы.

---

[27] Справка 2-го бюро Генерального штаба французской армии о турецких планах в отношении Северного Закавказья // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 304.

[28] Указание НКВД СССР №4357/Б НКВД Азербайджанской ССР об активизации агентурно-оперативных мероприятий по выявлению и предупреждению диверсионных актов на бакинских нефтепромыслах // Там же. С. 94.

[29] Докладная записка НКВД СССР № 4749/Б в ЦК ВПК (б) с изложением данных, полученных от закордонного агента «Омери» о положении в Турции и о деятельности грузинской и кавказской эмиграции в Европе и на Ближнем Востоке// Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 271.

Судя по всему, советскими спецслужбами не исключалась возможность использования последних и с турецкой территории. Так, в октябрьском 1938 г., спецсообщении Разведывательного управления РККА говорилось: «В начале октября с/г (сего года. — *Н.Н.*) из Стамбула в Кабул прибыл ташкентский узбек эмигрант Ибрагим Ногай. Он ведет усиленную агитацию среди эмигрантских элементов узбеков, таджиков и туркмен за принятие турецкого подданства с целью выезда их в Турцию. Выезд из Афганистана этих эмигрантов предполагается провести через Иран. В Иране турецкое посольство обеспечивает согласившихся принять турецкое подданство паспортами и денежными средствами для въезда в Турцию»[30].

Но главной «базой» басмачей по-прежнему оставался Афганистан. В том же докладе советской разведки говорилось: «За последнее время... широко развернулась агитация среди белоэмигрантских элементов узбекской, туркменской и таджикской национальностей за переход в афганское подданство. В документах, которые выдаются белоэмигрантским элементам... не отмечается, как раньше, что они являются эмигрантами из СССР. На этот счет афганское правительство отдало секретное распоряжение своим генерал-губернаторам, предложив им заменить старые документы эмигрантов новыми. Целью этих мероприятий, якобы, является стремление афганского правительства собрать всех эмигрировавших из СССР узбеков, туркменов и таджиков и поселить их в полосе, приграничной с СССР, под видом коренных афганских жителей»[31].

Еще одним местом дислокации антисоветских формирований, состоявших из жителей бывшей Российской империи, был Китай. Именно эта страна до рубежа 20–30-х гг. считалась основным противником Советского Союза на дальневосточном направлении.

В августе 1929 г. конфликт вокруг КВЖД закончился разрывом дипломатических отношений и столкновениями Красной Армии с китайскими воинскими формированиями, которым большую помощь оказали бывшие солдаты и офицеры контрреволюционных сил, воевавших против большевиков на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Последние готовы были, используя китайскую территорию как плацдарм, совершать набе-

---

[30] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 6–7.

[31] Судя по всему, в дальнейшем этих людей планировали вновь использовать как личный состав басмаческих формирований, во всяком случае в СССР в этом были более чем уверены.

ти на советскую территорию и самостоятельно. Только разгром китайцев и их союзников Красной Армией позволил приступить к переговорам и в декабре того же 1929 г. восстановить дипломатические отношения в полном объеме.

Совершенно иные отношения с Китаем начали устанавливаться после того, как в сентябре 1931 г., Япония захватила Маньчжурию и создала на оккупированных территориях марионеточное государство Маньчжоу Ди-го во главе с последним китайским императором Пу И. Таким образом, рядом с СССР возник очаг вооруженного конфликта, в котором имевшая перед китайцами преимущество Япония представляла серьезную военную угрозу и Советскому Союзу. Поэтому неудивительно, что Москва, позабыв о старых обидах и разногласиях, стремилась оказать максимально возможную помощь Китаю, в том числе военными советниками и вооружениями в его противостоянии с Японией.

К концу 30-х гг. поток информации, идущий из Китая, позволял Советскому Союзу знать фактически о всех достижениях и просчетах прямых участников японо-китайского конфликта. А некоторые наблюдения, сделанные советскими экспертами после начала 7 июля 1937 г. японо-китайской войны наверняка пригодились Москве уже после 22 июня 1941 г.

Например, в одной из советских аналитических записок, составленных сразу после захвата японцами Кантона (Гуанчжоу), говорилось: «Борясь с хорошо вооруженным противником, китайская армия стремится растянуть линию фронта с тем, чтобы рассредоточить японские технические средства... большой ущерб и беспокойства наносят японским войскам партизаны. Стремясь к быстрому захвату территории, японская армия не успевает ее закреплять, что создает благоприятную почву для партизанской деятельности. Партизаны нередко причиняют большой ущерб японским войскам, заставляя их сосредоточиваться вокруг крупных пунктов и железных дорог. Китайская армия согласовывает свои действия на фронте с действиями партизан в тылу захваченных районов. Партизанской войной занимаются не только организованные в партизанские отряды крестьяне, но и регулярные китайские войска... В результате... японское командование вынуждено снимать силы с фронта и посылать их для усмирения, или, как японские газеты пишут, "очистки" районов от партизан»[32].

---

[32] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л.67.

Но тогда в СССР были более чем уверены, что война выигрывается в основном современными системами вооружений, управляемых хорошо подготовленными специалистами, поэтому с октября 1937 г. в Китай начались поставки советского оружия. В общей сложности правительству Чан-Кайши было передано 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тысяч пулеметов, 50 тысяч винтовок, 1550 грузовых автомобилей и тракторов[33]. Кроме того, из СССР в Китай вновь начали прибывать военные советники, в том числе почти 400 летчиков, из которых более 200 человек потом погибли, защищая китайское небо[34]. Всего с 1937 г. до начала 1942 г., через Китай «прошло» более 5 тысяч граждан Советского Союза[35].

Необходимо признать, что в это время определенную военно-техническую помощь Китаю оказывали и другие страны, в том числе Франция, Англия и США. Судя по всему, на тот момент СССР был заинтересован в расширении объемов этих поставок, так как это позволяло ему ограничить масштабы собственных военных поставок Чан Кайши, ибо в вооружении остро нуждались собственные вооруженные силы.

Поэтому можно смело предположить, что донесение советской разведки от 2 октября 1938 г. было с удовлетворением встречено в Москве. В частности, в нем говорилось: «В город Юньнань... прибыло по железной дороге 40 пушечных истребителей, закупленных у французской фирмы "Девуатин"... Сборка самолетов производится под наблюдением французских механиков. Вместе с самолетами прибыло 14 французских летчиков и 14 мотористов, которые будут использованы в качестве инструкторов в китайских авиационных школах. Из прибывших самолетов 25 уже собраны и готовы к вылету. В ближайшее время ожидается прибытие новой большой партии французских самолетов марки "Девуатин" и "Моран-Сольнье"... Полученные Китаем пушечные истребители смогут быть привлечены к участию в военных действиях только после освоения их китайскими летчиками, на что потребуется несколько месяцев»[36].

Правда, уже через две недели новое донесение советских разведчиков было уже не столь оптимистичным. Они сообщали, что «работа в

---

[33] Гриф секретности снят. М., 1993. С. 69.
[34] *Яковлев М.* 17 лет в Китае. М., 1981. С.12.
[35] Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1962. С. 106.
[36] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 13.

авиашколе, организованной французами... идет плохо. Кроме полученных сорока самолетов типа "Девуатин" других машин из Франции не поступает. Не прибыли обещанные французами истребители типа "Моран-Сольнье". Французские механики и пилоты оказались слабо подготовленными; многие из них не знакомы с особенностями самолета «Девуатин». При сборке самолетов было обнаружено, что отдельные детали недосланы, так, например, к двум самолетам недостает винтов. Из-за неопытности французских и китайских летчиков из двадцати пяти собранных самолетов несколько машин повреждены. В результате... в строю оставалось семнадцать самолетов, но из них недавно два самолета были разбиты на аэродроме японской авиацией... Прежний командир эскадрильи, француз капитан Лябиттэ, про которого китайцы открыто говорили, что он занимается шпионажем, уехал из Китая. Вместо него остался капитан Ангель... Большие трения вызывает вопрос об оплате французских инструкторов. Есть предположение, что эскадрилья французских самолетов и школа будут расформированы»[37].

Еще более неприятная ситуация складывалась с американскими поставками. С советской точки зрения набирающая вес Япония была серьезной угрозой интересам Соединенных Штатов Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В Москве знали, что США встревожены успехами японцев в Китае, в первую очередь из-за того, что в оккупированных районах японцы создавали препоны для деятельности иностранных компаний, что наносило серьезный удар по американскому бизнесу в Китае. Так, в ноте правительства Соединенных Штатов, предъявленной Японии 6 октября 1938 г. говорилось: «Правительство США неоднократно делало представление Вашему правительству в отношении предпринимаемых японскими властями в Китае мер и проводимой ими политики... В ответ на эти представления и при других случаях японское правительство... давало категорические заверения, что принцип равных возможностей или открытых дверей в Китае будет сохранен.

Однако правительство США вынуждено отметить, что... нарушения японскими агентами прав и интересов США продолжаются... правительство США приглашает японское правительство обратить внимание... что во время японской оккупации Манчьжурии японское правительство давало заверения, что принцип открытых дверей в Маньчжурии будет сохранен. Однако основная экономическая деятельность на

[37] Там же. Л. 24.

данной территории захвачена специальными компаниями, которые контролируются японцами...Большая часть американских предприятий, которые... работали в Маньчжурии, вынуждены были в результате... уйти[38]... Правительство США опасается сейчас, как бы не создалось такое же положение и в районах Китая, занятых японцами в результате теперешних боевых действий[39]... правительство США просит, чтобы японское правительство выполнило свои заверения, данные в отношении сохранения открытой двери и невмешательства в американские права»[40].

Но прошло чуть больше месяца после предъявления американских претензий к японцам, и в Москве, из донесений разведки, с удивлением узнали, что «помощник американского консула в Ханькоу в частной беседе признал, что в японских авиачастях, действующих в Китае, имеются на вооружении американские самолеты. Оценивая факт продажи Японии самолетов, помощник консула заявил: "Нашему правительству стыдно за моих соотечественников, снабжающих японцев самолетами и горючим". Американские авиационные фирмы продают одинаковые типы самолетов одновременно Японии и Китаю»[41].

Если учесть, что в начале октябре-ноябре 1938 г. советская разведка сообщала о том, что «японское военное ведомство заказало в Италии 80 бомбардировщиков: первая партия их в количестве 30 самолетов должна прибыть на Формозу в начале ноября, а вторая партия (остальные...) — в середине декабря»[42] и что «японское правительство получило в Германии заем в размере полутора миллиардов франков (в счет этого займа германская промышленность должна в текущем году выполнить заказ на 1 260 самолетов; из общего количества заказанных Японией самолетов — 840 самолетов...конструкции 1936–1937 гг., а 420 самолетов — 1938 г. 50% заказа составляют истребители»[43]), то получалось, что мощь наиболее эффективного рода войск японской армии, действующего в Китае, возрастает благодаря не только помощи фашистских стран, но и демократических США.

Можно предположить, что в Москве имели основания считать, что поставки американских самолетов Японии не являются случайными, а

---

[38] Там же. Ед. хр. 44. Л. 126.
[39] Там же. Л. 127.
[40] Там же. Л. 131.
[41] Там же. Ед. хр. 47. Л. 47.
[42] Там же. Л. 14.
[43] Там же. Л. 70.

осуществляются на взаимовыгодном партнерстве. Подобную уверенность могли придавать советские разведданные, основанные на «документальных материалах»[44], в которых говорилось, что «при выполнении задач бомбометания летному составу (японской авиации. — *Н.Н.*) не разрешается затрагивать интересы иностранцев в Китае, для чего на авиационных картах подробно наносятся объекты, составляющие собственность иностранцев»[45].

Кроме американцев большое количество собственности на территории Китая, в том числе в районе боевых действий, имели англичане. Теоретически они, так же как и американцы, должны были быть заинтересованы в том, чтобы китайцы удержали контроль на значительной части своей территории, но, видимо, напуганные перспективами войны в Европе, где как раз разворачивался конфликт вокруг Чехословакии, не хотели идти на серьезное обострение отношений с японцами в Китае.

Причем, чем выше был накал страстей в Старом Свете, тем «мягче» становилась позиция в Восточной Азии. Возможно, это было связано с тем, что Лондон, так же как и Париж, и Москва, опасался того, что в случае начала войны в Европе из-за Чехословакии Япония «придет в Европу с величайшей готовностью содействовать успеху германских интересов»[46].

Как бы там ни было, Москве точно было известно, что если еще 23 сентября 1938 г., англичане для защиты своих концессий в Тяньцзине готовы были использовать две из имевшихся в их распоряжении трех рот[47], то уже после заключения Мюнхенского соглашения «командующий английской флотилией на р. Янцзы контр-адмирал Холт самовольно передал японцам бывшую английскую концессию в Ханькоу». При этом иностранцы, проживающие в Ханькоу, склонны были считать, что «Холт действовал по распоряжению английского командования, которое... считает, что добровольная передача концессии спасет престиж Англии, так как все равно японцы со временем вынудили бы англичан сдать ее»[48]. Кроме того, согласно донесениям советской разведки, английский контр-адмирал выступал за «за сотрудничество с Японией... он заявил, что оборонительные работы под Ханькоу — дело рук русских

[44] Там же. Л. 18.
[45] Там же.
[46] Там же. Л. 7.
[47] Там же. Л. 10.
[48] Там же. Л. 47.

советников, пытающихся затянуть военные действия между Японией и Китаем»[49].

Советские подозрения в отношении политики Англии в японо-китайском конфликте еще более усугубились после того, как стало известно, что «английские дипломатические и торгово-промышленные круги Шанхая высказываются за применение "судетского метода" с целью разрешения японо-китайского конфликта, то есть путем вмешательства Англии и Германии. В английском консульстве в Шанхае полагают, что Англия... возьмет на себя посредническую роль между Китаем и Японией. Английский посол в Китае, в прошлом положительно оценивающий силу сопротивления китайской армии... изменил свою точку зрения и считает необходимым прекратить войну. Английские газеты, издающиеся в Шанхае, призывают последовать примеру мюнхенского совещания для установления мира в Китае»[50]. Таким образом, с точки зрения СССР ситуация выглядела абсурдной.

В Европе Англия и Франция при явном совпадении их геополитических интересов с Москвой предпочитали в той или иной форме поддерживать фашистские державы. Так, они не оказали никакого реального противодействия военному вмешательству Рима и Берлина в ход гражданской войны в Испании, чем фактически обеспечили победу фашистского режима генерала Франко, а затем пошли на заключение Мюнхенского соглашения с Италией и Германией, приведшего к росту военного и политического веса последнего.

На Дальнем Востоке, опять-таки при совпадении ключевых интересов Великобритании, Франции и Советского Союза, Лондон и Париж готовы были пойти на уступки Японии, хотя было очевидно, что в этом случае их экономическое и политическое влияние в регионе будет сильно ослаблено в первую очередь потому, что Япония считала, что, став главной силой в Китае, она даст определенные преференции Германии и Италии, так как те «как союзные страны... содействовали Японии в разрушении власти Чан-Кайши. В связи с этим Япония обратит особое внимание на экономическое продвижение этих союзных стран на китайском рынке как политическое вознаграждение за их вышеуказанную любезность»[51]. Кроме того, средства массовой информации Страны восходящего солнца откровенно писали о том, что «Япония будет рабо-

---

[49] Там же.
[50] Там же. Л. 20.
[51] Там же. Ед. хр. 44. Л. 120–121

тать в направлении углубления активной дружбы с союзными странами, учитывая действительное положение, что союз между странами, придерживающимися тоталитаризма, оказывает серьезное влияние на внешнюю политику Англии, Франции и СССР»[52].

То есть получалось, что даже японцы понимали, что Лондон, Париж и Москва находятся в одной лодке, а англичане и идущие в их фарватере французы готовы были раскачать и опрокинуть это суденышко во имя обеспечения собственной безопасности или в пику СССР, что несомненно усиливало опасения и страхи последнего, наиболее страшной из которых была возможность ведения войны во вражеском окружении.

Необходимо помнить, что все описываемые выше события разворачивались на фоне только что закончившегося конфликта вокруг озера Хасан, после которого японский военный вице-министр Тодзио, согласно данным японских газет, на совещании руководителей военных предприятий откровенно говорил: ««В будущем, хотим мы этого или нет, мы не можем не подготавливаться к одновременным вооруженным операциям на двух фронтах — против СССР и Китая»[53].

Возможно, перенос начала активной полномасштабной войны с Советским Союзом японцами откладывался на будущее из-за ставшего заметным, после боев за высоту Заозерная, превосходства РККА в новых системах вооружения. Так, 4 октября 1938 г. морской атташе в Китае Ковалев сообщал, что «окрестности высоты Заозерной с корейской стороны стали местом паломничества представителей военщины (японской. — *Н.Н.*) и всякого рода гражданских чиновников. Туда едут или командируются военные, чтобы посмотреть результаты действий современных технических средств РККА, а гражданские чиновники (с путевками от военных министерств) в качестве будущих агитаторов за большие ассигнования для новой подготовки войны против СССР»[54].

Что касается иностранных наблюдателей то они давали иногда диаметрально противоположные оценки как самому конфликту, так и действиям на поле боя противоборствующих сторон. Так, согласно данным советской разведки от 16 октября 1938 г. «по полученным из Китая агентурным данным, основанным на документальных материалах, французский военный атташе в Китае расценивает действия советской авиации в районе Чанкуфын (Заозерной. — *Н.Н.*) как неудовлетвори-

---

[52] Там же. Л. 120–121.
[53] Там же. Л. 73.
[54] Там же. Ед. хр. 45. Л. 9.

тельные». Английский авиационный атташе в Китае дает противоположную оценку, указывая, что бомбардировки японских позиций советскими самолетами производились с высоты 6 тыс. метров и отличались исключительной точностью. Американский посол в Японии в своем докладе на имя министерства иностранных дел США расценивает чанкуфынский инцидент как «определенную политическую победу СССР»[55].

Что касается советского взгляда на эффективность действий собственных вооруженных в районе конфликта, то приходится констатировать, что он был более критичным и реалистичным, одним из следствий чего стало отстранение от командования «войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта» маршала Блюхера и создание «из войск Дальневосточного фронта» двух отдельных армий, подчиненных «Народному Комиссару обороны»[56].

Однако этот шаг, направленный на усиление советской военной мощи на Дальнем Востоке, был совершенно иначе воспринят как Китае, так и Японии. Согласно данным советской разведки от 19 октября 1938 г., «в китайских кругах широко распространяются слухи об отставке Маршала БЛЮХЕРА. Прояпонские элементы используют эти слухи в целях усиления антисоветской пропаганды. Они утверждают, что отставка БЛЮХЕРА ослабила угрозу СССР в отношении Японии и что этим объясняется японское вторжение в пров. Гуандун... Чан Кайши заявил, что отставка БЛЮХЕРА может означать неблагоприятные для Китая изменения в дальневосточной политике СССР»[57].

Спрашивается, каких же изменений во внешней политике Советского Союза так опасались руководители Гоминьдана?

Во-первых, возможности того, что СССР перестанет оказывать заметную военную помощь Китаю. Во-вторых, рушились их надежды на то, что Советский Союз вместе с другими странами, вовлеченными в чехословацкий кризис, окажется втянутым в новую мировую войну. Как отмечала советская разведка в донесении от 5 октября 1938 г., «по заслуживающим доверия агентурным данным... за последние дни высшие правительственные и военные круги Китая лихорадочно следят за собы-

---

[55] Там же. Ед. хр. 46. Л. 8

[56] Приказ о результатах рассмотрения Главным военным советом вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке Дальневосточного театра военных действий. // Военно-исторический журнал. 1990. № 1.

[57] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 33.

тиями в Европе и с нетерпением ожидают возникновения мировой войны, которая, по их убеждению, облегчит положение Китая...Начальник отдела Печати ЦИК Гоминьдана В. Тонг высказывает мнение, что ввиду неизбежности скорой мировой войны Ханькоу не надо оборонять, чтобы не тратить живую силу; что Китай пошлет на помощь СССР и Франции десять лучших дивизий»[58].

Как бы там ни было, радикальное изменение советской дальневосточной политики на том историческом отрезке времени было невозможно, так как Москва по-прежнему получала информацию о том, что японцы, несмотря на определенные опасения, продолжают вынашивать планы ведения войны с Советским Союзом как самостоятельно, так и при поддержке других стран. В агентурном донесении, поступившем в распоряжение советского руководства в начале декабря 1938 г., говорилось: «Японское командование на случай войны с СССР ожидает генерального наступления Красной Армии на Приморском направлении со стороны Владивостока и на Забайкальском направлении со стороны Читы через Монгольскую Народную Республику с нанесением удара по западной ветке...

Японцы считают, что наступление на Мукден через МНР посредством мотомеханизированных войск является нереальным и... потерпит неудачу из-за трудностей местности и недостатка воды... японцы на случай войны с СССР подготовили три стратегических плана: 1. Минимальный план, применяемый в случае недостаточного количества войск и отсутствия поддержки со стороны Германии, — оборона в сторону Владивостока на западном направлении и мощное наступление на Сибирскую железную дорогу на участке, лежащем против Сахаляна-Сюньхэ. 2. Мощное наступление с целью захвата железной дороги на участке Чита—Иркутск и наступательные действия в секторе Сахалян—Сюньхэ. 3. После уничтожения морских и воздушных баз в Приморье посредством морского флота — высадка десантов на Приморском побережье»[59].

К началу лета 1939 г., когда СССР фактически вновь оказался на грани большой войны с Японией из-за агрессии последней против единственного надежного союзника Москвы в регионе — Монгольской На-

---

[58] Там же. Л. 16–17.
[59] Там же. Л. 79.

родной Республики[60], опять остро встал вопрос о защите Приморского побережья от возможных ударов со стороны японцев.

Например, с точки зрения тогдашнего Наркома ВМФ СССР Кузнецова, серьезную угрозу системе защиты морских границ на Дальнем Востоке представляли японские рыболовецкие концессии, расположенные «на побережье Южного Приморья, острова Сахалин, Охотского моря и в особенности Камчатки». Как считал руководитель советского флота, «означенные концессии... могут быть использованы: 1. Для детального изучения нашего побережья в пределах как концессионных участков, так и участков, примыкающих к ним. 2. Для ведения систематического наблюдения... за нашим побережьем и проходящим вдоль его движением наших кораблей. 3. В качестве опорных пунктов для ведения шпионской и диверсионной работы. 4. В качестве плацдарма для последующей высадки десанта; личный состав концессий, в данном случае, явится первым броском этого десанта. 5. Для самостоятельного захвата личным составом концессий отдельных участков побережья.

Изложенная характеристика возможности использования Японией концессий в мирное время... с началом войны приобретает особое значение, если учесть непрерывную напряженность обстановки на Дальнем Востоке и комплектование личного состава японских рыболовецких концессий специально подготовленными людьми для выполнения всех этих функций. Произведенное в текущем году изъятие... отдельных концессионных участков... явилось только началом решения задачи по укреплению этой обороны и в дальнейшем требует... широкой очистки... ответственных районов от японских концессий. Таковыми районами являются: Приморье, о. Сахалин, районы Охотска, Большерецка и Усть-Камчатска»[61].

Данный документ в очередной раз свидетельствует о том, что в СССР опасались не только того, что пламя вооруженного конфликта, раздуваемого на Дальнем Востоке японцами, может опалить и Советский Союз, но того, что огонь новой войны может вспыхнуть из-за пограничных споров и/или инцидентов. Во всяком случае, так начинался уже упоминавшийся советско-японский конфликт у озера Хасан, провокации на границе предшествовали и японскому вторжению в мае 1939 г. в Монгольскую Народную Республику.

---

[60] См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 152–178.
[61] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 48–49

Пограничные инциденты и провокации на границе воспринимались советским руководством как реальная возможность развязывания войны с СССР. Поэтому неудивительно, что в основном ответные действия Москвы носили политико-дипломатический характер. Особенно заметна была эта линия во взаимоотношениях с соседней Финляндией, которая явно удерживала пальму первенства в организации пограничных конфликтов с СССР, оставив далеко позади даже такую недружественную к Советскому Союзу страну, как Польша.

К середине 30-х гг. взаимоотношения двух государств были сложными. Одной из причин этого было то, что играющие заметную роль в формировании внешней политики Хельсинки финские военные имели очень тесные связи со своими немецкими коллегами, которые к тому времени были настроены враждебно к СССР. Москва даже считала, что между военными ведомствами Германии и Финляндии существует тайное военное соглашение, направленное против нее, и хотя Хельсинки пытались отрицать наличие подобного рода соглашения, советское руководство имело все основания не верить финским властям. Как докладывал Полпред СССР в Финляндии Э.А. Асмус после своей встречи 21 октября 1936 г. с Министром иностранных дел Финляндии Холсти, тот уверял советского дипломата в том, что «между Финляндией и Германией нет военного соглашения, как то нами подозревается. Я (Асмус. — *Н.Н.*) указал, что события последних двух лет с абсолютной ясностью показали всему миру теснейшую взаимную связь между германскими и финляндскими военными... Холсти согласился, что такая связь существует»[62].

Но более весомым доказательством наличия соглашения между Берлином и Хельсинки в военной области для Москвы были пули финских пограничников, которыми с регулярной постоянностью они осыпали своих советских коллег. С точки зрения СССР, по-другому сложно было объяснить поведение финнов, так как уже тогда так или иначе было ясно, что по уровню своего военного потенциала РККА превосходил финскую армию в разы.

Несмотря на это, как уже отмечалось выше, не желая втягиваться в большую или даже маленькую войну на западном направлении, Совет-

---

[62] Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Холсти // Документы внешней политики СССР. М., 1974. Т. XIX. С. 507.

ский Союз стремился разрешить эти инциденты мирным путем, даже в том случае, когда в рядах советских пограничников имелись жертвы.

7 октября 1936 г. в результате обстрела с финской стороны был смертельно ранен, а затем скончался советский пограничник Спирин. Как докладывал Полпред СССР в Финляндии Э.А. Асмус о результатах своей беседы с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Финляндии Кивикоски, «я указал на то, что сколь неблагоприятное впечатление производят подобные допускаемые с финской стороны инциденты»[63]. Причем во время беседы с финским высокопоставленным дипломатом советский представитель указывал на то, что подобные события имели место и раньше, о чем финнам также хорошо было известно. Кроме того, Э.А. Асмус подчеркивал, что «инцидент нельзя также не поставить в связь с систематически ведущейся в Финляндии антисоветской кампанией и воспитанием населения в агрессивном к СССР духе»[64].

Несмотря на вполне очевидный факт убийства Спирина выстрелом с финской стороны, советская сторона пошла на проведение совместного расследования обстоятельств гибели своего пограничника. Самым неприятным для Москвы было то, что финская сторона делала все возможное, чтобы не допустить проведения расследования на своей территории[65].

В дальнейшем расследование убийства советского пограничника приняло затяжной характер, при этом провокации на советско-финской границе продолжались, и вновь Москва пыталась донести до финского руководства свою озабоченность. В мае 1937 г., после того как в Выборге был дегтем испачкан консульский щит советского консульства, Полпред Э.А. Асмус во время встречи с исполняющим обязанности Министра иностранных дел Финляндии кроме недовольства этим фактом, указал финской стороне и на «непрекращающиеся инциденты на границе»[66]. При этом ответные шаги советской стороны, направленные на укрепление межгосударственной границы, воспринимались финнами

---

[63] Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Финляндии Кивикоски // Там же. С. 492.

[64] Там же.

[65] См.: Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э.А. Асмусу // Документы внешней политики СССР. Т. XIX. С. 507.

[66] Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Э.А. Асмуса в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР // Там же. Т. XX. С. 242.

как угроза собственной безопасности. Хельсинки стремились решать возникающие проблемы не на взаимовыгодной основе, а пытались оказать давление на Москву через другие европейские столицы. Например, во время своей беседы с министром иностранных дел Франции Дельбосом уже упоминавшийся Холсти пожаловался ему на «военные мероприятия (СССР. — *Н.Н.*) на советско-финляндской границе»[67].

В то же время финские пограничники продолжали, как бы дразня Москву, стрелять по стражам советской границы. 17 декабря 1937 г., два финских солдата открыли огонь по советскому пограничному наряду. Возможно, стрельба носила психологический характер, так как в этот раз убитых и раненных не было, но реакция советской стороны становилась после каждой такой провокации все жестче и жестче. Так, Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкин после этого инцидента в своей телеграмме, адресованной Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Б.Н. Ярцеву, писал: «Заявите протест... и укажите МИД (Финляндии. — *Н.Н.*), что, несмотря на заверение, данное финляндским правительством в связи с убийством в 1936 г. нашего командира Спирина, обстрелы со стороны финской погранохраны не прекращаются. Потребуйте от МИД принятия серьезных мер и прекращения обстрела»[68].

Не успели стороны разобраться с этим конфликтом, как 24 января 1938 г. «два финских пограничника нарушили советскую границу. При попытке... задержать нарушителей последние оказали вооруженное сопротивление»[69]. В связи с этим В.П. Потемкин вновь требовал от Б.Н. Ярцева, чтобы тот посетил МИД Финляндии и потребовал «прекращения финнами нарушения нашей границы»[70].

Если частые финские провокации на границе воспринимались Москвой как часть системной угрозы Запада СССР, то в находящемся «рядом» с Хельсинки Ленинграде они способствовали внедрению в сознание населения мысли, что военный удар со стороны Финляндии по городу может быть в любой момент. Яркой иллюстрацией сказанного может послужить ситуация, которая сложилась на фабрике «Красное знамя» в один из мирных дней 1938 г. Согласно архивным данным, «в 6

---

[67] Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Э.А. Асмусу // Там же. Т. XX. С.278.

[68] Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Б.Н. Ярцеву // Там же. Т. XXI. С. 28.

[69] Там же. С.46.

[70] Там же.

часов 40 мин. в результате короткого замыкания, длившегося 30 мин., на фабрике... произошла авария... Возникновение пожара сопровождалось сильным треском от лопания всех электрических лампочек, вследствие чего среди рабочих началась паника. Рабочие густым (потоком. — *Н.Н.*) бросились бежать по лестнице затемненных зданий с криками "рвутся финские бомбы (не немецкие, не английские, не французские, или польские именно финские. — *Н.Н.*), давайте противогазы"»[71].

Только 19 декабря 1938 г., новый Министр иностранных дел Финляндии Эркко во время своего личного знакомства с новым Полпредом СССР В. Деревянским «выразил надежду, что имевшие место в прошлом пограничные недоразумения... будут окончательно устранены... К этому Эркко... добавил, что он со своей стороны приложит все усилия к недопущению нарушения границы со стороны Финляндии»[72], а спустя чуть меньше года, 30 ноября 1939 г., с пограничного инцидента, в котором стороны обвиняли друг друга, началась советско-финляндская война.

Но не только инциденты со стрельбой оказывали заметное влияние на советское восприятие внешних угроз. Так, во время ведущихся весной-летом 1939 г. в Москве переговоров с Англией и Францией о возможности создания единого антифашистского блока европейских государств в столицу советского государства поступила информация, что в Баренцевом море, «в 10 милях от Гавриловского маяка была обнаружена неизвестная ПЛ (подводная лодка. — *Н.Н.*). В дальнейшем... установлено, что ПЛ была французская. Кроме того, обнаружено: В 2 ч. 05 м работала французская ПЛ "Агуста". В 11 ч. 05 французский рыболовный тральщик "Елизавет Мария" вел переговоры с кораблем позывной "Жосфаси". В 14.05 французский корабль позывной "Луп" вел переговоры с канлодкой (канонерской лодкой. — *Н.Н.*) "Ласигни". В 14.06 французская ПЛ "Аталант" вела переговоры с кораблем позывной "Фаси"»[73].

Сложно сказать, чем была вызвана в это время активность французских боевых и вспомогательных судов в Баренцевом море, но наверняка это не добавило доверия Москвы к своим партнерам по переговорам.

---

[71] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Ед. хр. 163. Л. 45.

[72] Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Эркко // Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 682.

[73] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 314.

Еще более болезненно события на границе стали восприниматься после начала Второй мировой войны. Казалось, что могло представлять угрозу СССР, имевшему секретные договоренности с Германией о разделе сфер влияния в Восточной Европе? А теперь представим ситуацию: основные силы РККА задействованы в так называемом освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию, в это время к границам СССР «началось значительное передвижение эстонских войск из р-на Тарту в район ст. Печоры, расположенной вблизи советской границы на ж.д. линии Псков—Валк (Эстония)... В Эстонии производится форсированное сооружение железобетонных орудийных и пулеметных гнезд по западному берегу р. Нарова — от г. Нарва до устья... В Нарвскую и Ивангородскую крепости поступает большое количество цемента и др. строительных материалов... Эстонские самолеты-разведчики совершают периодические разведывательные полеты над Финским заливом»[74].

Наверняка в данном случае эстонские вооруженные формирования собирались защитить себя от потенциального удара со стороны частей Красной Армии, но, скорее всего, в Москве, напуганной возможностью ее преждевременного втягивания в новую мировую войну, могли счесть, что эстонцы действуют или с ведома англичан, которые в 1937 г. активно продвигали идею создания «санитарного кордона из стран, расположенных между Германией и СССР, начиная с Финляндии и кончая Румынией»[75], в создании которого Эстония собиралась принять самое активное участие[76], или же в тесном взаимодействии с немцами и финнами, с которыми Эстония также имела тесные военно-политические связи.

Поэтому неудивительно, что практически сразу после разгрома Польши СССР пошел на фактический пересмотр ряда положений секретных договоренностей с Германией, достигнутых 23 августа 1939 г. Теперь Прибалтика и расположенные там государства оказались в зоне интересов Советского Союза.

---

[74] Там же. Л. 424

[75] Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Швеции А.М. Коллонтай, в Норвегии И.С. Якубовичу, в Дании Н.С. Тихменеву // Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 283.

[76] Об этом еще весной–летом 1937 г. в своем письме в НКИД предупреждал Полпред СССР в Эстонии А.М. Устинов (Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 726).

Но «выдавленная» из Прибалтики Германия явно не собиралась уходить далеко от внешних рубежей пока еще независимых Литвы, Латвии и Эстонии, мотивируя свои действия тем, что она находится в состоянии войны... с Англией и Францией, но проблема состояла в том, что границы перечисленных республик СССР уже рассматривал как границы своего военно-политического влияния на западном направлении.

Фактически спустя месяц после заключения советско-германского договора «О дружбе и границе» В.П. Потемкин в секретном письме, адресованном Сталину, Молотову, Ворошилову и Кузнецову, сообщал: «По существу сообщения из Берлина о заявлении, сделанном 25 октября нашему морскому атташе Воронцову капитаном 1 ранга Мирров, имею представить следующие соображения:

1. Возможно, что немецкое военно-морское командование действительно намерено принять некоторые меры контроля в отношении торговых судов Латвии, Эстонии и Финляндии, перевозящих в шведские порты грузы, предназначенные для Англии. Однако ничто не препятствовало бы немцам осуществлять указанный контроль ближе к шведским берегам и дальше от зоны наших военно-политических интересов...

2. Несомненно, немцы заинтересованы в том, чтобы иметь возможность наблюдать, что делается нами на побережье Латвии, Эстонии и Финляндии. Особенно должно интересовать немцев, что предпринимается нами для создания новых военно-морских баз и аэродромов... С этой точки зрения крейсирование немецких военных кораблей у входа в Финский и Рижский заливы представляет для нас самые серьезные неудобства. Со стороны Германии посылка военных кораблей в этот район является недружественным актом в отношении Советского Союза.

3. Германии не может нравиться, что международное общественное мнение злорадно констатирует ее уход из прибалтийских стран и отказ от всех своих позиций в этой зоне в пользу Советского Союза. Посылая свои военные суда в район, непосредственно прилегающий к берегам Латвии, Эстонии, Финляндии, Германия напоминает о том, что она остается сильнейшей морской державой Балтики. И с этой стороны патрулирование немецких военных кораблей... следует рассматривать как демонстрацию, направленную и против Советского Союза.

4. Германия, несомненно, не желала бы, чтобы наши переговоры с Финляндией завершились новым успехом в смысле закрепления наших оборонительных позиций в восточной части Балтийского моря. Германии известно, что сопротивление Финляндии нашим требованиям зависит... от того, что последнюю поддерживают Скандинавские страны,

Англия, Соединенные Штаты. Посылка германских военных кораблей в район... соприкасающийся с побережьем Финляндии... рассчитана на то, чтобы сигнализировать финнам, что и со стороны Германии они встречают сочувствие и поддержку. С этой стороны решение германского военно-морского командования также является недружественным актом в отношении Советского Союза»[77].

Учитывая подобные действия потенциального противника (то, что Германия является таковой, советское руководство знало давно), В. Потемкин предлагал «заявить немцам, что их намерение вести активную крейсерскую войну в зоне непосредственных военно-политических интересов СССР представляет для нас серьезнейшие неудобства, и что Советское Правительство ожидает пересмотра упомянутого решения германского военно-морского командования»[78].

Однако существующий де-юре статус независимых государств Литвы, Латвии, Эстонии позволял немцам в той или иной мере игнорировать требования СССР о необходимости признать Прибалтику зоной своих исключительных интересов, кроме того, определенные виды на Прибалтийские государства, во всяком случае на Латвию, видимо, имела и Великобритания. Согласно донесениям советской разведки от 15 марта 1940 г. «Англия стремится получить аэродромы и посадочные площадки в Латвии, для переговоров о чем в Латвию якобы выехал представитель Министерства иностранных дел Англии»[79].

Исключить полностью возможность подобного развития событий нельзя. Действительно, в случае размещения своих самолетов в Латвии Лондон мог бы угрожать важнейшим объектам германской промышленности, расположенным в Восточной Пруссии, которые было сложно «достать» с территории самой Англии или Франции. Кроме того, можно было держать под прицелом места базирования немецких войск на территории оккупированной Польши, а самое главное, фактически перекрывать морские пути поставок в Германию шведской железной руды, что было равнозначно вынесению смертного приговора немецкой военной промышленности. Может показаться, что от подобного развития событий Москва только бы выиграла, но английская бомбардировочная авиация, расположенная в Латвии, так же могла угрожать и значитель-

---

[77] РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 70–72.

[78] Там же. Л. 72.

[79] Из сводки 5-го Управления РККА о положении в Латвии // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. С. 163.

ному количеству целей, расположенных в европейской части СССР, а это уже точно не устраивало Москву.

В это же время в Прибалтийских странах активизируются и политические силы, ведущие политику, «направленную против СССР»[80]. В качестве противовеса Москве они готовы были использовать так называемую «Прибалтийскую Антанту», очередные конференции которой состоялись в марте и июне 1940 г. Как нами уже отмечалось, в СССР были более чем уверены, особенно после событий советско-финляндской войны, что за данной организацией стоит Великобритания.

Во второй половине июня 1940 г. начала обострятся ситуация и на границе Германии с Литвой. Согласно советским «агентурным данным, в Восточной Пруссии на границе с Литвой в течение 16 и 17 июня происходило быстрыми темпами усиление германских войск. Войска перебрасывались к границе... по грунтовым и железным дорогам»[81].

Получалось, что на Прибалтику, которую Москва считала зоной своих военно-политических интересов, к началу лета 1940 г. претендовали как Германия, так и Англия. Неудивительно, что именно в июне-июле 1940 г. в Литве, Латвии, Эстонии состоялось свержение существующих режимов и установление советской власти. После этого, соответственно 3, 5 и 6 августа, названные республики вошли в состав СССР, а Москва получила общую границу с Германией не только на Украине и в Белоруссии, но также в Прибалтике. Единственным утешением было то, что новая граница пролегла по западным границам бывших Прибалтийских стран, а не по восточным, как того хотели бы в Берлине, а возможно, и в Лондоне, так как это означало бы переключение внимания Германии с Англии на СССР. До этого момента оставался еще целый год.

К 22 июня 1941 г. количество провокаций на советских западных границах возросло многократно. В СССР, как и прежде, опасались, что практически любая их них может спровоцировать вступление страны в войну, поэтому вновь и вновь старались избежать подобного развития событий. В конечном итоге эти страхи нанесли серьезный урон по системе военной безопасности Советского Союза, которая в момент напа-

---

[80] Там же.

[81] Из сводки 5-го Управления РККА о положении в Германии, Румынии и Латвии // Там же. С. 191.

дения Германии фактически была парализована шедшими незадолго до этого из Кремля указаниями: «Не поддаваться на провокации».

Подведя черту, можно констатировать, что в Советском Союзе в предвоенные годы внешние вызовы воспринимались прежде всего как военные угрозы, исходящие с разных направлений, от разных военно-политических блоков и /или отдельных стран, стремящихся путем втягивания СССР в различного рода военные конфликты добиться от него уступок в политической или экономической сфере.

Поэтому в обозначенный период исторического развития главной целью внешней политики Москвы становится дипломатическая защита СССР от вступления в любую войну, которая могла стать угрозой его стабильного развития. Для этого советская дипломатия часто выступала на международной арене с миротворческими инициативами, поддерживала на международной арене страны, подвергшиеся агрессии, старалась устанавливать доверительные отношения со своими соседями, стремилась добиться трансформации и/или крушения военно-политических блоков, созданных под эгидой Англии и Франции.

Начиная со второй половины 30-х гг., СССР ради обеспечения собственной безопасности начинает активно участвовать в региональных конфликтах. К тому времени Кремль уже не ограничивается исключительно дипломатическими мерами, используя при необходимости и военную силу. При этом в большинстве случаев объектами применения этой силы становились страны, которые в предыдущие годы так или иначе сами провоцировали Москву на подобные действия. Нельзя однозначно утверждать, что подобное поведение на международной арене было полностью просчитанным и эффективным, но то, что оно формировалось под влияниям внешних угроз, представляется очевидным.

Правильная оценка угроз в военной сфере является одной из приоритетных задач системы национальной безопасности Российской Федерации и на современном этапе. Необходимо стремиться к тому, чтобы на восприятие этих угроз субъективный фактор оказывал минимальное влияние. Для этого нужно, чтобы российское военное ведомство привлекало к обсуждению проблем военной безопасности не только военных специалистов, но и широкие слои научной общественности.

А.Н. Спирин

УЧАСТИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х — 1950-е ГОДЫ)

В сентябре 1944 г. закончились военные действия на Черном море. Война откатилась на запад, бронекатера Дунайской флотилии уходили бить врага в его логове, а Черноморский флот (ЧФ) продолжал тралить фарватеры и перебрасывать советские войска в Румынию и Болгарию. Его корабли возвращались в освобожденные базы — Севастополь, Одессу, Керчь и др. Флот приступал к послевоенному строительству.

Еще за год до этих событий ЧФ попал в орбиту дипломатической борьбы между великими державами. Осенью 1943 г. в ходе Тегеранской конференции премьер-министр Англии У. Черчилль высказал идею о том, что России необходимо иметь выход к незамерзающим морям[1]. Однако к концу Второй мировой войны отношения внутри антигитлеровской коалиции претерпели значительные изменения. Поэтому советские предложения о пересмотре положений Конвенции о Черноморских проливах, подписанной на конференции в Монтрё (Швейцария) в 1936 г., в сторону усиления гарантий свободного прохода кораблями ВМФ СССР, создании в районе проливов советской военно-морской базы (ВМБ), выдвинутые на Потсдамской конференции 1945 г., были встречены союзниками как посягательство на независимость Турции и угроза американо-британским интересам в регионе[2].

В связи с этим на одном из заседаний глав правительств США, Англии и СССР И.В. Сталин заявил: «Стоит вопрос о том, чтобы нашим кораблям была дана возможность свободного прохода из Черного моря и обратно. Но так как Турция слаба... то мы должны иметь какую-то гарантию, что эта свобода прохода будет обеспечена. Вы считаете, военно-морская база в проливах неприемлема. Хорошо, тогда дайте нам какую-либо другую базу, где русский флот... мог бы совместно со своими союзниками отстаивать права России...»[3]

Опасения англичан и американцев по поводу того, что Военно-морской флот СССР может получить базу в Средиземном море, приво-

---

[1] Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 463.
[2] Там же. С. 473.
[3] Там же.

дили к острым спорам и разногласиям с советской стороной в ходе решения, к примеру, вопросов о статуте порта Триест в Адриатическом море, об отношениях с франкистской Испанией в 1946 г. и др.

Тем временем Черноморский флот, потерявший в годы войны до половины своего корабельного состава, с окончанием военных действий приступил к восстановлению своей боевой мощи. Военно-дипломатическая деятельность ЧФ началась с участия в приемке трофейных кораблей из состава военно-морских сил (ВМС) государств — бывших союзников фашистской Германии. Уже в 1944 г. такая работа началась в Румынии. По состоянию на 1 июня 1945 г. в состав эскадры ЧФ входили четыре бывших румынских эсминца[4]. Советскому Союзу также отошли брошенные итальянцами в румынских портах сверхмалые подводные лодки. В 1948–1949 гг. был осуществлен прием кораблей из состава ВМС Италии. В состав ЧФ вошли линкор, крейсер, два эсминца и другие бывшие итальянские корабли, катера и суда.

Политическое руководство страны, и в первую очередь И.В. Сталин, придавало большое значение этой деятельности флота. В послевоенном мире вновь росла напряженность, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции становились противниками в «холодной войне». Советский лидер настаивал на быстрейшем вводе в строй крупных трофейных кораблей, которые, как отмечал один из историков Черноморского флота, «нужны были СССР не столько для укрепления боевой готовности ЧФ, сколько для демонстрации Западу советской количественной мощи на море. Пусть, мол, США и их военные сателлиты знают, что советский флот растет на глазах и готов постоять за страну не только в прибрежных морях, но и в океанах»[5].

К мероприятиям военно-дипломатической деятельности флота относится и деятельность по обеспечению безопасности проведения Ялтинской конференции зимой 1945 г. Командование ЧФ осуществило прием (отправку) правительственных делегаций Великобритании и США с аэродрома в г. Саки, стоянку группы американских кораблей в порту Севастополь.

В июне того же года, впервые после окончания Второй мировой войны в Европе советский военно-морской флаг появился в Средиземном море. Дивизион тральщиков, полученных по ленд-лизу из США,

---

[4] Тридцатой дивизии — 30 лет. М., 2001. С. 17.

[5] *Коротеев А.Н.* Последний командующий эскадрой вице-адмирал В.Ф. Чалый. Севастополь, 2000. С. 75.

перешел через Атлантику в Черное море. Корабли совершили деловые заходы в английскую военно-морскую базу Гибралтар, в порт Валлетта на Мальте и Стамбул[6]. В августе 1947 г. состоялся первый послевоенный визит иностранных кораблей в советский порт на Черном море. Севастополь посетил отряд кораблей английского Средиземноморского флота в составе крейсера «Ливерпуль» и двух эсминцев под командованием адмирала Э. Кэнингхема[7].

В 1954 г. ЧФ выполнил правительственное задание по возврату США кораблей, полученных во время войны по ленд-лизу. В ходе передачи, которая проводилась в период с 15 мая по 24 июня, эти корабли пятью группами были отбуксированы из Севастополя и Батуми в Стамбул, где прошла официальная заключительная церемония. Всего Черноморский флот вернул 12 торпедных катеров, 26 больших и малых «охотников» за подводными лодками.

Как и во многих других морских районах, война оставила после себя в Черном море коварное наследие — морские мины. Более десяти лет флот вел боевое траление основных черноморских фарватеров и миноопасных районов (и сегодня это «эхо войны» продолжает иногда давать о себе знать). Совместно с черноморцами в тралении западной части моря принимали участие военные моряки Болгарии и Румынии, а в ходе траления Дуная к ним присоединились и югославы. В первые послевоенные годы группа офицеров-минеров ЧФ принимала участие в тралении мин в Адриатическом море, у побережья Албании.

К началу 1950-х гг. ЧФ значительно окреп, начал пополняться новыми видами вооружения, в его боевой состав стали входить новые корабли отечественной постройки. Ежегодно Черноморский флот получал по 5–6 новых эскадренных миноносцев проекта 30-бис и примерно по одному крейсеру в год-два[8]. Одновременно ЧФ приступил к демонстрации советского Военно-морского флага в портах иностранных государств. Так, в октябре 1953 г. отряд в составе крейсеров «Фрунзе», «Куйбышев» и четырех эсминцев под флагом начальника штаба флота вице-адмирала В.А. Пархоменко посетил порты западных причерноморских стран — Румынии и Болгарии. Этот визит, как говорится в очерках истории Черноморского флота, «способствовал укреплению

---

[6] *Мотрохов А.Н.* О службе флотской в шутку и всерьез. Записки главного штурмана ВМФ. СПб., 2000. С. 75–82.

[7] Флаг Родины. 2005. 20 мая.

[8] Там же.

дружбы между народами СССР, Болгарии и Румынии и показал возросшую выучку и организованность моряков-черноморцев»[9]. В 1953 г. торпедные катера флота совершили штурманский поход от Батуми до Принцевых островов в Мраморном море[10].

В рассматриваемый период командование ЧФ неоднократно участвовало во внешнеполитической деятельности советского руководства по созданию военно-политического союза социалистических стран в ответ на создание НАТО и рост его военно-морской активности у южных границ СССР. С этой целью в 1954 г. командующий флотом принял участие в визите правительственной делегации под руководством министра обороны СССР Маршала Советского Союза Н.А. Булганина в Румынию и Болгарию.

В ходе переговоров согласовывались «мероприятия по совместным действиям флотов по защите завоеваний трудящихся братских республик»[11]. Когда в мае 1955 г. в Варшаве был официально оформлен военно-политический союз, получивший название «Организация Варшавского договора», командование флотов СССР, Болгарии и Румынии начало выработку единой концепции по ведению возможных военных действий на Черном море.

Одновременно для нейтрализации угроз с юга руководство страны поставило главнокомандующему ВМФ и командующему ЧФ задачу по подготовке к походам кораблей в Средиземноморье. По мнению политиков, «выход кораблей ЧФ в Средиземное море должен был подкрепить дипломатические усилия Советского Союза в некоторых странах Средиземноморского региона очевидной военно-морской силой»[12]. Первый такой поход состоялся весной-летом 1954 г. В период с 28 мая по 7 июня отряд кораблей Черноморского флота в составе крейсера «Адмирал Нахимов» и эскадренных миноносцев «Буйный» и «Беспощадный» под командованием адмирала С.Г. Горшкова совершил официальный визит в порт Дуррес Народной Республики Албании. На обратном пути корабли доставили в СССР делегацию НРА во главе с албанским лидером Энвером Ходжи.

---

[9] Краснознаменный Черноморский флот. 2-е изд., испр. и доп. М., 1979. С. 264.

[10] *Тесленко А.М.* Катерники Черного моря. Калуга, 2000. С. 287.

[11] Штаб Российского Черноморского флота (1831–2001 гг.): Исторический очерк. Симферополь, 2002. С. 67.

[12] *Коротеев А.Н.* Указ. соч. С. 80.

Флот начал послевоенное освоение Средиземноморья. В мае–июне 1956 г. отряд черноморских кораблей в составе крейсера «Михаил Кутузов», эсминцев «Безукоризненный» и «Бессменный» во главе с командующим ЧФ адмиралом В.А. Касатоновым совершил дружественные визиты в Югославию и Албанию. В августе 1957 г. деловой заход в албанский порт Дуррес совершил отряд кораблей Черноморской эскадры в составе крейсера «Михаил Кутузов» и двух сторожевых кораблей под флагом командующего эскадрой контр-адмирала В.Ф. Чалого. Крейсер посетил председатель совета министров НРА Мехмет Шеху[13]. Всего же, по свидетельству связистов флота, в 1957 г. служба связи ЧФ обеспечивала успешное проведение шести дальних походов за пределы Черного моря[14].

Флоту неоднократно приходилось принимать на своих кораблях высокопоставленных советских и иностранных государственных деятелей. К примеру, в сентябре 1956 г. во время ракетной стрельбы крейсера «Адмирал Нахимов» в Черном море на его борту наряду с командованием ВМФ находились высшее руководство СССР (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев) и югославский лидер И.Б. Тито. В конце 1957 г. отряд кораблей Черноморского флота в составе крейсера «Куйбышев», эсминцев «Блестящий» и «Бывалый» обеспечивал визит министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Югославию.

К середине 1950-х гг. ЧФ вырос количественно и качественно. Организационно он состоял из четырех военно-морских баз: Севастопольской (главная база), Одесской, Керченско-Феодосийской и Потийской. В Новороссийске базировалась отдельная бригада кораблей ОВРа (охраны водного района. — *А.С.*). В состав флота входила также Дунайская военная флотилия. Корабельный состав ЧФ был представлен: эскадрой надводных кораблей (5 крейсеров и 15 эсминцев); дивизией ПЛ (25 подводных лодок); двумя отдельными бригадами и дивизионом подлодок; дивизией торпедных катеров (40 единиц) и дивизией кораблей ОВРа. В каждой военно-морской базе имелись также бригада кораблей ОВРа, дивизионы сторожевых кораблей, торпедных катеров, тральщиков и охотников за подводными лодками. Флот имел в своем составе достаточно мощные военно-воздушные силы и береговую оборону[15].

---

[13] Там же. С. 93.

[14] Служим Отечеству (60-летие Управления связи Черноморского флота). Севастополь, 1998. Ч. 1. С. 17.

[15] Штаб Российского Черноморского флота. С. 69.

О том, что советский ВМФ стал инструментом политического влияния в Средиземноморье, говорят события осени 1956 г., когда Израиль, а затем Англия и Франция предприняли агрессию против Египта. 30 октября 1956 г. с началом военных действий Израиля против Египта Советский Союз предпринял активные шаги в ООН по прекращению конфликта. Но эти действия не принесли ожидаемых результатов, а вступление в войну Великобритании и Франции привело к еще большей эскалации насилия в регионе. В этих условиях руководство СССР обратилось к правительствам стран-агрессоров с посланием, в котором предупредило их о своей решимости использовать военную силу для восстановления мира на Ближнем Востоке. При этом немаловажную роль оно отводило Военно-морскому флоту. Так, в телеграмме председателя Совета Министров СССР президенту США от 5 ноября 1956 г. с предложением присоединиться к данной акции, в частности, говорилось, что Советский Союз готов уже сегодня предоставить «жертве агрессии» помощь путем «посылки военно-морских и военно-воздушных сил, воинских частей, добровольцев, инструкторов, военной техники»[16].

В результате 7 ноября боевые действия антиегипетской коалиции были прекращены, и к 22 декабря 1956 г. Великобритания и Франция, а к 8 марта 1957 г. Израиль вывели свои войска с захваченных территорий.

В конце 1957 г. напряженная обстановка сложилась на турецко-сирийской границе. Одной из немаловажных причин того, что Турция отказалась от вооруженного вторжения в соседнее государство, явилось заявление Правительства СССР о том, что оно готово своими Вооруженными силами «участвовать в подавлении агрессии и наказании нарушителей мира»[17]. При этом то ЧФ по своему корабельному составу превосходил флот Турции почти в два раза[18] и имел абсолютное превосходство по линкорам и крейсерам[19].

В 1957 г. Черноморский флот приступил к выполнению задач военно-технического сотрудничества с ВМС иностранных государств[20]. Он активно помогал становлению флотов Болгарии и Румынии, участвовал

---

[16] См.: СССР и арабские страны. 1917–1960 гг.: Документы и материалы. М., 1961. С. 256.

[17] Там же. С. 394.

[18] Штаб Российского Черноморского флота. Приложение. Динамика соотношения сил сторон в Черном море.

[19] Штаб Российского Черноморского флота. С. 67.

[20] Там же. С. 311.

в передаче союзникам кораблей и другого вооружения, в подготовке военно-морских специалистов. К этому периоду относится также начало сотрудничества с арабскими странами, в том числе передача с участием моряков-черноморцев ВМС Египта 8 подводных лодок, 4 эсминцев, более 30 торпедных катеров[21].

В конце 1950-х годов советский ВМФ, несмотря на противодействие западных стран, не только вышел на просторы Средиземного моря, но и создал в албанском заливе Влёра пункт своего базирования. На основании соглашения между СССР и Албанией в 1958 г. морякам последней передавались из состава Балтийского флота 4 подводные лодки и плавбаза. Этим же соглашением предусматривалось использование порта Паши-Лиман для совместного базирования. Еще до прибытия кораблей здесь начали работать черноморские гидрографы. В дальнейшем наряду с балтийцами на Влёру базировались корабли и 4 подводные лодки, 2 разведывательных корабля и морской радиоотряд. Со временем база все более обустраивалась, начала расширяться. Появились новые на острове у входа в бухту, а в самой базе разместилась бригада кораблей ОВРа, имевшая в своем составе дивизион тральщиков[22]. В оперативном отношении корабли, базировавшиеся в Албании, были подчинены командующему ЧФ.

В марте 1959 г. визит во Влёру на эсминце «Благородный» совершил главнокомандующий ВМФ СССР адмирал С.Г. Горшков. В этом же году советских моряков в Албании посетили находившийся в этой стране с визитом Генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев и сопровождавшее его албанское руководство. К сожалению, в 1961 г. в связи с ухудшением советско-албанских отношений пункт базирования из Влёры был эвакуирован.

Таким образом, за полтора десятилетия, прошедших после окончания Великой Отечественной войны, Черноморский флот не только восстановил свою боевую мощь, но и превзошел ее предвоенные параметры, стал важным оперативно-стратегическим объединением на юге государства, веским аргументом в проведении советской внешней политики в Черном море и Восточном Средиземноморье. В этот период флот приобрел опыт участия в международной деятельности страны, неоднократно одним только своим присутствием оказывая положительное влияние на обеспечение ее интересов на международной арене.

---

[21] Там же. С. 67.

[22] Черноморский флот России: Исторический очерк. Симферополь, 2002. С. 346.

РАЗДЕЛ III

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИН И ПОДХОДОВ

А.А. Сергунин

НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТЫ

Окончание «холодной» войны, распад СССР и другие драматические процессы последних 10–15 лет привели к радикальным изменениям в системе международной безопасности, а также в восприятии последней экспертно-аналитическим сообществом мира. Вопросы национальной и международной безопасности во всех странах стали предметом самого пристального внимания со стороны политиков, военных, а также академических кругов. Подобное внимание к данным вопросам вполне естественно, ибо оно затрагивает наиболее важные стороны жизнедеятельности индивида, общества и государства. Не является исключением из этого правила и Россия, где в постсоветский период дискуссии по вопросам безопасности ведутся как широкой общественностью, так и экспертами и политиками-практиками.

Особую актуальность проблемам безопасности придает тот факт, что окончание конфронтации между двумя общественно-политическими системами (в том числе по причине исчезновения одной из них) не привело к возникновению более стабильного и безопасного мира. Поиск оптимальных моделей мироустройства продолжается, и дискуссии по этому поводу далеки от завершения. Категория «безопасность» (и связанные с ней понятия) является одной из самых спорных в отечественной и зарубежной теории международных отношений (ТМО) и других общественных науках. В зависимости от парадигмы ТМО или политико-идеологических преференций того или иного ученого подходы к трактовке этого понятия сильно различаются.

Российской ТМО особенно сложно разрабатывать эту категорию, ибо в постсоветский период произошла не только смена научной парадигмы, но и страна в целом находится в процессе поиска своей новой идентичности, включая ее внешнеполитическую составляющую. Стране, где до сих пор не достигнуто национальное согласие по таким базовым параметрам, как вектор развития, социальный идеал, модели экономической и политической систем, национальные интересы и проч., сложно определить, какие угрозы и вызовы национальной безопасности действительно существуют, а какие являются мифом или предрассудками, унаследованными от прошлого или порожденными настоящим. Не

менее сложно определить место и роль России в складывающейся ныне системе международной безопасности.

В связи этим необходимо изучение:

- теоретических и терминологических аспектов современных теорий безопасности;
- того, как отечественные и зарубежные ученые трактуют природу международной безопасности,
- предлагаемых экспертами операционных моделей будущей системы международной безопасности.

Безопасность: теоретические и терминологические аспекты. Российская и зарубежная политическая мысль выработала ряд общих подходов к определению базовых понятий в сфере безопасности. В существующей научной литературе приводятся следующие дефиниции терминов, используемых в увязке с понятием «безопасность»[1].

Источники опасности — это условия и факторы, которые таят в себе и при определенных условиях сами по себе либо в различной совокупности обнаруживают враждебные намерения, вредоносные свойства, деструктивную природу. По своему генезису имеют естественно-природное, техногенное и социальное происхождение.

По степени вероятности различаются реальная и потенциальная опасности. По характеру адресной направленности и роли субъективного фактора в возникновении неблагоприятных условий можно выделить:

Вызов — совокупность обстоятельств, необязательно конкретно угрожающего характера, но, безусловно, требующих реагировать на них.

Риск — возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта.

Опасность — объективно существующая возможность негативного воздействия на социальный организм, в результате которого ему может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательную динамику или параметры (характер, темпы, формы и т.д.). Опасность — вполне осознаваемая, но не фатальная вероятность нанесения вреда кому-либо, чему-либо, определяемая наличием объективных и субъективных факторов, обладающих поражающими свойствами.

---

[1] См. подробнее «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе: Аналитический доклад / Под ред. А.С. Макарычева. Н. Новгород, 2001. С. 15-24.

По уровню (размаху и масштабам возможных негативных последствий) опасности могут быть: международные (глобальные и региональные в смысле регионов мира), национальные, локальные (или региональные в смысле регионов страны) и частные (для фирм и личности).

Наконец, опасности можно классифицировать по сферам общественной жизни и видам человеческой деятельности.

Угроза — наиболее конкретная и непосредственная форма опасности или совокупность условий и факторов, создающих опасность интересам граждан, общества и государства, а также национальным ценностям и национальному образу жизни.

Кроме того, с безопасностью связаны также **обстоятельства** (**факторы**), которые препятствуют, противодействуют появлению угроз и рисков. Они тоже могут быть преднамеренными или непреднамеренными, сильными или слабыми, тоже могут действовать «здесь-и-теперь» («защита», «профилактика») или же предположительно («резервные качества», «страховка»).

Различают два типа безопасности: гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для социума, и его реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять им.

В соответствии с видами опасности, пространственно-географическим взаимодействием социальных организмов связано наличие следующих относительно самостоятельных **уровней безопасности:** международная глобальная безопасность, международная региональная безопасность, национальная (государственная, страновая) безопасность. Различные аспекты последней подчеркиваются следующими понятиями:

- «национальная безопасность»;
- «национально-государственная безопасность»;
- «федеральная безопасность» (в государствах с федеративным устройством);
- «общественная безопасность»;
- «индивидуальная безопасность» и т. д.

Национальная безопасность — это состояние, при котором в государстве защищены национальные интересы страны в широком их понимании, включающем политические, социальные, экономические, военные, экологические аспекты, риски, связанные с внешнеэкономической деятельностью, распространением оружия массового поражения, а так-

же предотвращением угрозы духовным и интеллектуальным ценностям народа.

Национальная безопасность тесно связана с национальными интересами страны, в том числе и за пределами ее территории. В каждом конкретном случае для ее обеспечения требуются особые методы деятельности, применение соответствующих специальных органов, сил и средства государства.

Национальная безопасность в свою очередь подразделяется на государственную, локальную (региональную) и частную (фирм и личности).

Так как жизнь народа развертывается в различных сферах и в каждой из них возможно действие неблагоприятных факторов, национальная безопасность предстает как многоплановая и многосторонняя характеристика. В содержательном плане в международной и национальной безопасности выделяются следующие ее виды (области проявления и обеспечения): политическая, экономическая, технологическая, военная, экологическая, информационная, социальная, правовая, культурная, интеллектуальная, демографическая, генетическая, психологическая.

Упрощенная структура (декомпозиция) понятия «безопасность» приведена в схеме 1.

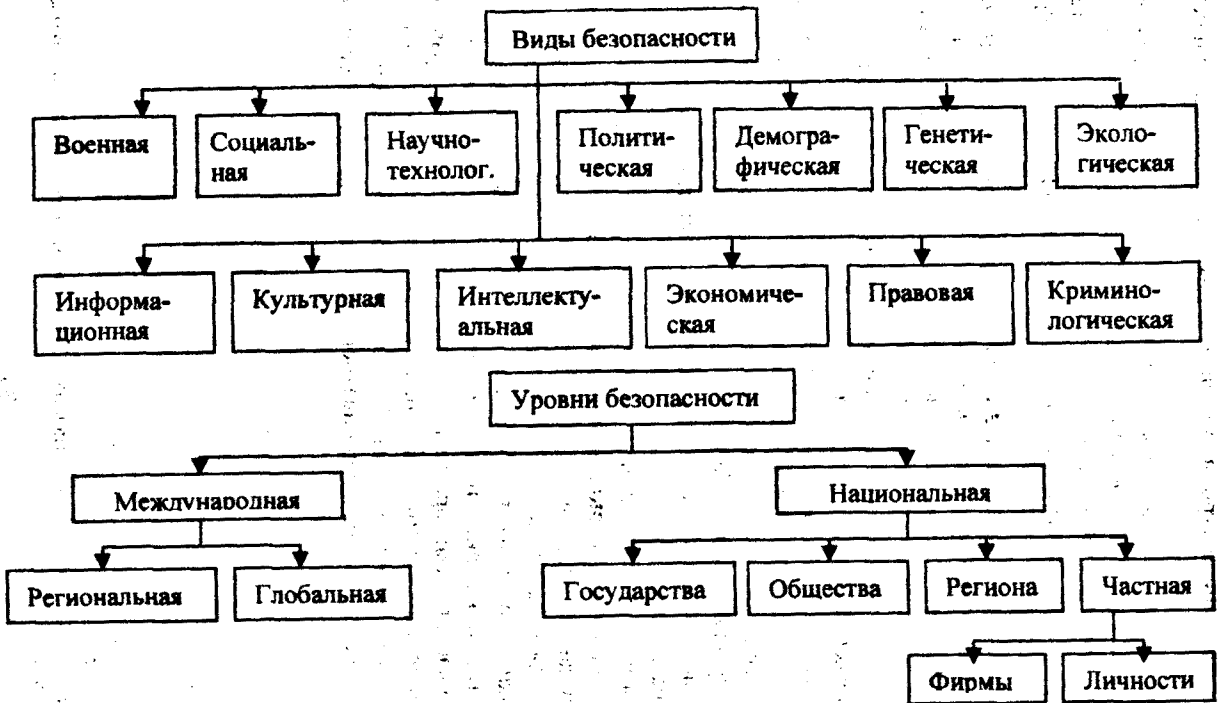
Среди нетрадиционных видов безопасности российские ученые уделяют особое внимание **экономической безопасности**, которая понимается ими как составная часть общей системы безопасности страны, основанная на независимости, эффективности и конкурентоспособности экономики[2]. Экономическая безопасность связана с защитой общества и государства от внешних и внутренних угроз в сфере экономики. Она поддерживается всеми органами власти и управления через правовые, организационно-экономические, политические и другие меры в целях создания благоприятных условий развития экономики, реализации интересов территории на национальном и международном уровнях[3].

---

[2] Там же. С. 75.

[3] *Арсентьев М.* Обеспечение экономической безопасности органами ФСБ // Обозреватель. 1998. № 12 (107).

Схема 1. Структура понятия «безопасность».



Экономическая безопасность рассматривается как в рамках собственно экономики, так и на пересечении с другими сферами — военной, информационной, экологической и др., — и поэтому носит сложный, комплексный характер.

Проблематика экономической безопасности включает внутри- и внешнеэкономические, военно-экономические вопросы; защиту научно-технического и интеллектуального потенциала территории; взаимодействие экономики и природы и т. д.

Угроза экономической безопасности может быть определена в конечном виде как некий ущерб, интегральный показатель которого будет выражаться степенью снижения экономического потенциала страны за определенный промежуток времени. Под угрожающим экономической безопасности фактором понимается совокупность условий, препятствующих реализации национальных экономических интересов или создающих опасность сокращения производственного потенциала субъектов хозяйственной деятельности.

В случае с Россией можно выделить следующие угрозы экономической безопасности:

- структурная деформация экономики РФ и её превращение в топливно-сырьевую периферию развитых стран;
- распад научно-технического потенциала;
- потеря продовольственной самостоятельности;
- криминализация жизни;
- потеря управляемости экономикой[4].

Проблема экономической безопасности имеет чрезвычайно важный аспект — обеспечение безопасности при проведении региональной политики. Практически все регионы России сталкиваются с множеством острых и сложных проблем — экономических, социальных, этнополитических, экологических, в большей или меньшей степени затронутых кризисными явлениями. К важнейшим из них можно отнести экономическую реинтеграцию регионов, состояние транспортного комплекса, региональный монополизм, региональные экономические кризисы и др. Ключевыми проблемами являются:

а) сепаратизм, ведущий к разрушению сложившегося социально-экономического и технологического пространства, сырьевых, товарных и информационных потоков;

---

[4] *Медведев В.* Проблемы экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 111–127.

Схема 2. Структура экономической безопасности региона

б) развитие депрессивных районов;

в) формирование новых полюсов и региональных центров роста.

(подробнее структура угроз экономической безопасности региона дана на схеме 2).

Регионы должны самостоятельно решать вопросы освоения и использования природных ресурсов, развития торговли, сферы услуг, инфраструктуры регионального и локального значения, использования недвижимости, поддержания правопорядка, развития специальных форм культуры, образования и здравоохранения. При этом необходимо сохранить единое военно-политическое и социально-экономическое пространство, обеспечивающее беспрепятственное перемещение товаров, сырья, трудовых ресурсов[5].

Специалисты считают, что для решения проблем региональной экономической безопасности РФ необходимы:

- ускорение работы по законодательно-правовому обеспечению федеративного устройства России на основе реального равноправия ее субъектов, разграничению предметов ведения и полномочий федеральных и региональных органов власти;
- активное противодействие сепаратистской и националистической деятельности в центре и на местах, направленной на политическую и экономическую дезинтеграцию и развал России;
- разработка комплексных мер по выборочной государственной поддержке регионов с наиболее сложными социально-экономическими, демографическими и экологическими условиями, а также депрессивных и кризисных регионов;
- содействие ускоренному социально-экономическому развитию приграничных районов, обустройству новых границ России в увязке с формированием свободных экономических зон и активизацией приграничного регионального сотрудничества;
- регионализация структурной политики государства и учет региональных приоритетов при разработке и реализации целевых федеральных и межгосударственных экономических программ, особенно их инвестиционных разделов;
- оказание федеральной помощи депрессивным районам, а также районам с особыми условиями развития (Север, новые приграничные районы, территории с особым геополитическим положением);

---

[5] «Мягкие» и «жёсткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе. С. 87.

- совершенствование системы бюджетного федерализма, предусматривающего усиление роли территориальных бюджетов в системе государственных финансов при сохранении достаточно сильного федерального бюджета, обеспечивающего единство финансово-бюджетной и налоговой системы страны;
- проведение упреждающих мер социально-экономического характера со стороны федеральных и региональных органов государственной власти по локализации очагов социальной напряженности, особенно связанных с депопуляцией и миграцией населения, спадом производства (в том числе в городах с узкой градообразующей базой и районах с развитым военно-промышленным комплексом), безработицей, кризисом неплатежей;
- формирование нормативно-правовой базы в целях усиления координирующей роли региональных и межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в совместном решении комплексных экономических и социальных проблем развития сопредельных регионов и их участия в реализации федеральных целевых программ в части, относящейся к территории той или иной ассоциации.[6]

Наряду с экономическими аспектами региональной безопасности российские ученые выделяют такие проблемы, как социальная и политическая стабильность, взаимоотношения с федеральным центром, состояние этноконфессиональных отношений, миграционные процессы, близость (отдаленность) к «горячим точкам» и границам РФ, информационная безопасность, экология и проч.[7]

Расширение содержательного поля понятия «безопасность» не могло не привести к новым интерпретациям этого термина. В частности, российские и зарубежные ученые задались вопросом, насколько правильным является определение безопасности в сугубо негативном плане. Во многих традиционных политологических парадигмах безопасность определяется как отсутствие опасностей или способность актора эффективно встретить и предотвратить потенциальные угрозы. Но подобное

---

[6] «Мягкие» и «жёсткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе. С. 84–85.

[7] Там же. С. 113–143; *Валуев В.Н., Макарычев А.С., Сергунин А.А.* Проблемы региональной безопасности в Приволжском федеральном округе // Международные отношения в XXI веке: региональное в глобальном, глобальное в региональном / Под ред. А.С. Макарычева. Н. Новгород, 2000. С. 265–279; К вопросу о принципах региональной безопасности в России // Регион, региональность, регионализм. Н. Новгород. 1995. С. 27–37.

определение не содержит позитивного видения безопасности: что же следует после того, как вызовы и угрозы нейтрализованы?

Ряд ученых попытались решить эту проблему, введя дифференциацию понятий «стабильность» и «безопасность». По их мнению, *стабильность* — это ритм жизнедеятельности систем, их пульсация, конфликт позитивных и негативных факторов развития без перехода за границы допустимого, за предельные рамки коммуникации в конфликтной ситуации (например, рамки права). *Безопасность* — это одновременно и пределы допустимого, и возможность вернуть систему в состояние стабильного, устойчивого развития после воздействия внешних и/или внутренних факторов[8].

Другая группа ученых (прежде всего скандинавская школа мирных исследований)[9] считает, что безопасность нужно определять как общественный порядок, который обеспечивал бы не только защищенность социума, но и благоприятные условия, которые бы позволяли наиболее полное раскрытие творческих способностей индивида, социальных групп, этносов конфессий и проч.[10]

Нужно отметить, однако, что подобные подходы к определению безопасности в ТМО пока составляют очевидное меньшинство. Господство традиционных парадигм ТМО не способствует укоренению этих взглядов и продлевает жизнь устаревшим (т. е. негативным) определениям понятия «безопасность».

Природа международной безопасности. Новые подходы к ее пониманию в рамках современной теории международных отношений можно суммировать следующим образом.

Во-первых, следует отметить, что большинство школ ТМО отошло от понимания международной безопасности как феномена, принадлежащего исключительно к военно-политической сфере. Вместо этого устаревшего, узкого подхода укоренилось многомерное, комплексное понимание международной безопасности, включающее не только «жесткие» (военные), но и «мягкие» (невоенные) факторы — экономические, социальные, демографические, экологические, культурные, ин-

---

[8] «Мягкие» и «жёсткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе. С. 21–22.

[9] *Øberg Jan.* Nordic security in the 1990s. London, 1992; *Wæver Ole* (ed.). 1) Identity, migration, and the new security agenda in Europe. New York, 1993; 2) Securitization and desecuritization // Working paper. N 5.

[10] The Russian dimension of Nordic security: challenges and opportunities // Working Papers. 1993. N 13.

формационные и прочие вызовы. Причем такое широкое понимание категории «международная безопасность» свойственно не только для академической среды, но и зафиксировано в официальных документах. Подобный подход к проблеме безопасности содержится, например, в Законе о безопасности РФ 1992 г.[11], а также обоих вариантах Концепции национальной безопасности (КНБ) РФ, принятых в 1997 и 2000 гг.[12]

Многие страны на официальном уровне заявили, что в настоящее время не существует угрозы полномасштабной войны. Ряд стран (включая Россию) вообще считает главным источником опасности не внешние, а внутренние угрозы (прежде всего, финансово-экономический кризис, а также национализм и сепаратизм). В России лишь с началом второй чеченской войны международный терроризм был упомянут в качестве серьезной внешней угрозы. События 11 сентября 2001 г. подтвердили эту оценку, и страны, подвергшиеся террористическим атакам, несколько сместили акценты в сторону внешних угроз.

Во-вторых, научно-политические элиты многих стран мира отмечают снижение роли военных и возрастание значимости невоенных факторов обеспечения международной безопасности. Так, при определении контуров формирующейся североевропейской системы безопасности европейская и российская дипломатии безусловно отдают приоритет «мягкой» безопасности. По словам российского министра иностранных дел И.С. Иванова, первостепенное внимание должно быть уделено экологии, социальным проблемам, правам человека и национальных меньшинств[13]. Российское восприятие международной безопасности в данном регионе разделяется и Евросоюзом. Принятый в июне 2000 г. План действий в рамках Северного измерения общей внешней и оборонной политики ЕС перечисляет следующие приоритеты:

- экология (особенно выбросы в водную и воздушную среды);
- ядерная безопасность;
- энергетическая безопасность;
- необходимость развития человеческих и научных ресурсов;
- здравоохранение и уровень жизни;

---

[11] Закон Российской Федерации о безопасности // Российская газета. 1992. 6 мая. С. 5.

[12] Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 1997. 26 дек. С. 4–5; Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 2000. 14–20 янв. С. 1, 6–7.

[13] *Ivanov I.S.* Co-operation between the EU and Russia in the European North // Foreign Ministers' Conference on the Northern Dimension, Helsinki, 11–12 November 1999. A Compilation of Speeches / Ed. by M. Nissinen. Helsinki, 2000. P. 8.

- препятствия на пути торговли и инвестиций;
- организованная преступность;
- проблема Калининграда[14].

В то же время различные школы по-разному оценивают роль военной силы в современных международных отношениях. Российские официальные документы, включая КНБ и военную доктрину 2000 г., подчеркивают, что при решении международных споров предпочтительны политические и правовые инструменты, военная же сила — это крайнее средство, которое может применяться только в том случае, если другие методы исчерпаны.[15] Однако такие парадигмы ТМО, как неореализм и геополитика, считают, что военная сила или угроза ее применения остается важным средством обеспечения национальной и международной безопасности.[16] Причем, как показали события последних лет, военная сила может быть использована и в тех случаях, когда нет непосредственной угрозы безопасности западных стран (Босния, Гаити, Косово, Панама, Сомали) или когда эта опасность искусственно преувеличена (Ирак).

В-третьих, в отличие от периода «холодной войны», когда ученые и политики считали, что безопасность того ли иного субрегиона или региона можно обеспечить только в контексте более широкой системы безопасности — соответственно региональной или глобальной, ныне все больше укореняется мнение о том, что в современных условиях возможно создание более или менее автономных систем безопасности и на субрегиональном, и региональном уровнях. Например, Северо-Восточная Европа, где отсутствуют ярко выраженные военные угрозы, вполне может стать такой зоной безопасности. По словам министра иностранных дел РФ И.С. Иванова, «на севере континента был приобретен уникальный опыт в процессе широкомасштабного и равноправного сотрудничества между странами, которые объединены такими факторами, как география, история, взаимное стремление к укреплению этих

---

[14] Action Plan for the Northern Dimension in the external and cross-border policies of the European Union 2000–2003. Commission Working Document: Draft, 28 February 2000. Brussels, 2000. P. 3–4.

[15] Концепция национальной безопасности Российской Федерации. С. 4–5; Концепция национальной безопасности Российской Федерации. С. 6; Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2000. 25 апр. С. 5–6.

[16] *Конышев В.Н* Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб., 2004; *Рыхтик М.И.* Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. Н. Новгород. 2004. С. 98–132.

отношений и необходимость совместного поиска ответов на вызовы времени. Пример нашего региона должен убедить всех европейцев в возможности укрепления безопасности и стабильности, а также процветания на основе серьезного и равноправного международного сотрудничества. В этом мы видим главную политическую цель концепции Северного измерения».[17]

В-четвертых, новые подходы к пониманию и организации международной безопасности поставили вопрос об эффективности и пригодности традиционных организаций, отвечающих за поддержание европейской безопасности, — ОБСЕ и НАТО. Эти институты (особенно НАТО), в основном нацеленные на военные аспекты европейской безопасности, оказались неготовыми к решению проблем из сферы «мягкой» безопасности. По этой причине на передний план в деле создания новой системы, скажем, европейской безопасности вышли такие организации, как ЕС, Совет Европы, Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Совет стран Северной Европы, международные финансово-экономические институты (Европейский банк реконструкции и развития, Североевропейский инвестиционный банк и проч.) и т. д. НАТО и ОБСЕ встали перед нелегкой проблемой пересмотра своих функций и поиска своего места в изменившейся системе международных отношений.

Наконец, в-пятых, радикально изменилась роль такого инструмента, как регионализм (субрегионализм), в решении различных — внутренних и международных — проблем и преобразовании системы глобальной безопасности. Из второстепенного механизма, использовавшегося в основном для решения внутригосударственных вопросов, регионализм (субрегионализм) превратился в эффективное средство разрешения и предотвращения конфликтов, трансформации общества, создания новых институтов и формирования новых комплексов безопасности.

Операционные модели международной безопасности. Для более детальной характеристики подходов современной ТМО к проблемам глобальной безопасности необходимо рассмотреть те конкретные модели международной безопасности, которые предлагаются экспертами в ходе дискуссий. Моделирование возможно на основе разных подходов и критериев. В данном исследовании мы рассмотрим лишь два типа моделей (схема 3).

---

[17] *Ivanov I.S.* Co-operation between the EU and Russia in the European North. P. 7.

Схема 3. Модели международной безопасности

Международная безопасность

по количеству субъектов

- **однополярная**
- **«концерт держав»**
- **многополярная**
- **глобальная (универсальная)**

по характеру отношений между акторами

- **коллективная**
- **всеобщая**
- **кооперационная**

Модели международной безопасности, относящиеся к первому типу, конструируются в зависимости от количества субъектов системы безопасности. Выделяются четыре основные модели, конкурирующие между собой.

• *Однополярная система безопасности.* После распада Советского Союза США остались единственной сверхдержавой, которая, по мнению сторонников подобной модели, пытается нести «бремя» мирового лидерства, дабы не допустить «вакуума силы» в международных отношениях и обеспечить распространение демократии по всему миру. Интересно отметить, что не только реалисты, но и неолибералы не отвер-

гают тезис об оправданности американской гегемонии после окончания «холодной войны». Так, ряд американских неолибералов (например, Дж. Най) считают, что отсутствие лидерства со стороны сверхдержавы плохо и для других стран, ибо в одиночку они не в состоянии справиться со сложными проблемами эпохи глобальной взаимозависимости.[18]

Однополярная модель предполагает усиление системы военно-политических союзов, ведомых США. Так, НАТО, по мнению либеральных аналитиков, должна обеспечивать стабильность в трансатлантической подсистеме международных отношений, гармонизировать отношения между США и европейскими государствами в стратегической области, обеспечивать американское военное присутствие в Европе и гарантировать недопущение конфликтов на этом континенте.[19] США ясно дали понять (и продемонстрировали это на деле в ходе войны на Балканах 1999 г.), что именно НАТО должна стать главным гарантом европейской безопасности. Другие региональные организации — ЕС, ЗЕС, ОБСЕ и пр. — могут лишь играть второстепенную роль в архитектуре европейской безопасности XXI в. В соответствии с новой стратегической концепцией НАТО, принятой весной 1999 г., зона ответственности этого блока расширяется за счет включения в нее сопредельных регионов. Любопытно, что, с точки зрения ряда либеральных экспертов, НАТО не только выполняет задачи военно-политического союза, но и все больше приобретает идентификационно-цивилизационные функции. Членство в НАТО служит своего рода индикатором принадлежности к западной, "демократической" цивилизации. Те же, кто не являются членами НАТО и не имеют шансов войти в эту организацию, относятся к "чужим" и даже враждебным цивилизациям. По выражению одного скандинавского аналитика, по границам НАТО пролегает рубеж между Космосом и Хаосом[20].

После свержения режима Саддама Хусейна некоторые эксперты стали утверждать, что с победой США в Ираке окончательно утвердилась однополярная модель мира, и Вашингтон будет фактически единолично править миром и определять способы решения возникающих перед мировым сообществом проблем (лишь для антуража привлекая другие

---

[18] *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1991. P. 239.

[19] *Тренин Д.В.* Realpolitik и реальная политика // Независимое военное обозрение. 1999. № 38. С. 1, 4; *Макаров Д.* Расширение НАТО подтолкнет Россию к реформам.

[20] *Tunander O.* Norway's Post-Cold War Security: The Nordic Region Between Friend and Foe, or Between Cosmos and Chaos // Visions of European Security — Focal Point Sweden and Northern Europe. Stockholm, 1996. P. 48–62.

страны или разрешая этим странам действовать самостоятельно только в тех случаях, когда это не задевает американские интересы). По этой причине, настаивают сторонники этого взгляда, Европе, России, Китаю и пр. пора отказаться от претензий на роль самостоятельных центров силы и необходимо побыстрее примкнуть к лидеру, т. е. к США.[21] В противном случае попусту будут потрачены силы и средства на ненужную конфронтацию с Вашингтоном.

Эта группа экспертов не верит в то, что альтернативным центрам силы удастся создать коалиции и союзы, которые могли бы эффективно сбалансировать гегемонию США. По их мнению, большинство государств преследует свои эгоистические интересы и, не колеблясь, пожертвует союзом с временными партнерами, если он перестанет им быть выгодным. В качестве примера приводится позиция Франции и Германии, которые, несмотря на «тройственный союз» с Россией периода иракской войны, не прекратили критику политики Москвы в Чечне, не пошли на смягчение своей торговой политики в отношении России (включая вопрос о приеме РФ в ВТО) и продолжают ужесточать визовый режим в отношении россиян. Пекин же, несмотря на разговоры о российско-китайском «стратегическом партнерстве», вообще остался в стороне от дипломатической схватки вокруг Ирака. По мнению этих специалистов, коалиции подобного рода могут иметь место лишь как временная, тактическая мера (для решения отдельных вопросов), но стратегический ориентир останется неизменным — американский полюс силы.

Необходимо, однако, отметить, что однополярная модель международной безопасности подвергается обоснованной критике как в мире, так и в самих США. Критики однополюсной модели ссылаются на мнение ряда американских специалистов, которые полагают, что США просто не имеют необходимых ресурсов для выполнения функций мирового лидера.[22] Они также обращают внимание на то, что американское общественное мнение также весьма сдержанно относится к этой идее, ибо осознает, что подобная роль требует существенных финансовых затрат. Другие центры силы — ЕС, Япония, Россия, Китай — также высказывают свое неприятие американской гегемонии (в открытой или

---

[21] *Баусин А.* Дружбы с Вашингтоном Москве не избежать // Независимая газета. 2003. 29 мая. С. 2.

[22] *Андрусенко Л., Тропкина О.* Мезальянс с Америкой // Независимая газета. 2002. 11 сент. С 1–2.

завуалированной форме). Кроме того, основной инструмент осуществления американского лидерства — военно-политические альянсы — плохо приспособлен для решения современных проблем. Эти союзы были созданы в период «холодной войны», и их главным предназначением было предотвращение военных угроз. Многие аналитики — российские и зарубежные — считают, что для адекватного ответа на вызовы из области «мягкой безопасности» (финансово-экономические кризисы, экологические катастрофы, терроризм, наркобизнес, незаконная миграция, информационные войны и проч.) военная машина, унаследованная из прошлого, просто не годится.[23]

• *«Концерт держав».* Некоторые специалисты предлагают в качестве наилучшей модели международной безопасности союз нескольких великих держав (по образцу Священного союза, определявшего устройство Европы после завершения наполеоновских войн), которые могли бы взять на себя ответственность как за поддержание стабильности в мире, так и за предотвращение и урегулирование локальных конфликтов. Достоинство «концерта держав», по мнению сторонников этой концепции, заключается в его лучшей управляемости и, соответственно, большей эффективности, ибо в рамках такой конструкции легче согласовать позиции и принять решение, чем в организациях, насчитывающих десятки или даже сотни (ООН) членов.

Правда, между экспертами существуют разногласия по поводу состава такого «концерта». Если одни специалисты предлагают сформировать этот союз на базе «восьмерки» высокоразвитых индустриальных держав» (особенно влиятельной эта точка зрения стала после окончания войны в Ираке в 1991 г.), то другие настаивают на непременном участии Китая и Индии.[24]

Однако критики данной модели указывают, что она дискриминационна по отношению к малым и средним государствам. Система же безо-

---

[23] *Николаев А.* Старая стратегия на новый лад. Милитаризация международных отношений достигла опасных пределов // Независимая газета. 2003. 12 мая. С 9; *Sergounin A.* The Russian post-Communist Discourse on Northern Europe: a chance for region-building? // Gunnar Lassinantti (ed.). Focal Point North-West Russia — the future of the Barents Euro-Arctic Region and the Northern Dimension. Lulea, 2002. P. 11–30; *Rotfeld A.D.* Europe: Toward New Security Arrangements // Visions of European Security – Focal Point Sweden and Northern Europe. P. 380–395.

[24] См, напр.: *Баусин А.* Дружбы с Вашингтоном Москве не избежать // Независимая газета. 2003. 29 мая. С. 2; *Rogov S.* The Elements of a North-South Security System // Goodby J. (ed.). Regional Conflicts: The Challenge to US-Russian Co-operation. New York, 1995. P. 37.

пасности, созданная на основе диктата нескольких сильных государств, не будет легитимной и не будет пользоваться поддержкой большинства членов мирового сообщества. Кроме того, эффективность этой модели может быть подорвана соперничеством между великими державами или выходом из союза одного или нескольких его членов.[25]

• *Многополярная модель*. Ряд ученых, по своим убеждениям близких к реализму, считают, что в период после окончания «холодной войны» на деле сложилась не одно-, а многополярная система международных отношений. Лидерство США во многом является мифическим, иллюзорным, ибо такие акторы, как ЕС, Япония, Китай, Индия, АСЕАН, Россия, признавая мощь США, все же проводят свой курс в международных делах, часто несовпадающий с американскими интересами. Росту влияния этих центров силы способствует тот факт, что меняется сама природа силы в международных отношениях. На передний план выдвигаются не военные, а экономические, научно-технические, информационные и культурные составляющие этого феномена. А по этим показателям США не всегда являются лидером. Так, по экономическому и научно-техническому потенциалу ЕС, Япония и АСЕАН вполне сопоставимы с США. Например, по объему помощи развивающимся странам Япония сравнялась с США (10 млрд долл. ежегодно).[26] В военной сфере ЕС также проявляет все большую строптивость, приняв концепцию общей внешней политики и политики в области безопасности, превратив ЗЕС в свой военный инструмент и начав формирование европейской армии. Китай, осуществляющий широкомасштабную программу модернизации своих вооруженных сил, по оценкам специалистов, превратится к 2020 г. в одну из ведущих военных держав не только Азиатско-Тихоокеанского региона, но и всего мира[27].

Сторонники многополярности настаивают на том, чтобы США признали необоснованность своих претензий на мировое лидерство и начали партнерский диалог с другими центрами силы. Идеи многополярности особенно популярны в российском политическом и академическом

---

[25] *Camilleri J.* Alliances and the Emerging Post-Cold War Security System. P. 88–89.

[26] Foreign assistance legislation for fiscal year 1994. p. 359.

[27] *Tow W.* Changing US force levels and regional security // Contemporary Security Policy. Vol. 15. August 1994. N 2. P. 20; *Bain W.* Sino-Indian military modernization: the potential for destabilization // Asian Affairs: An American Review. Fall 1994. Vol. 21. N 3. P. 131–147; *Ding A.* The PRC's military modernization and a security mechanism for the Asia-Pacific // Issues and Studies. August 1995. Vol. 31, N 8. P. 9–10; *Kim T.* The dynamics of Sino-Russian military relations: an Asian perspective. Taipei, 1994. P. 19 (CAPS Papers; N 6).

истеблишменте и даже возведены в ранг официальной внешнеполитической доктрины в обоих вариантах КНБ.

Оппоненты многополярности (в основном из лагеря либералов и глобалистов) подчеркивают, что подобная модель не принесет стабильности в международных отношениях. Ведь она исходит из видения системы международных отношений как поля вечной конкуренции между «центрами силы». А это, в свою очередь, неизбежно приведет к конфликтам между последними и постоянным переделам сфер влияния[28].

• *Глобальная (универсальная) модель.* Сторонники этой концепции исходят из тезиса о том, что международная безопасность может быть по-настоящему обеспечена лишь только на глобальном уровне, когда все члены мирового сообщества принимают участие в ее создании. По одной версии, создание этой модели возможно только тогда, когда все страны и народы будут разделять некий минимум общечеловеческих ценностей и возникнет глобальное гражданское общество с единой системой управления.[29] Менее радикальные варианты данной концепции сводятся к тому, что подобная модель явится результатом постепенной эволюции уже существующей системы режимов международной безопасности и организаций при ведущей роли ООН[30].

Подобная концепция популярна в основном среди различных школ российских глобалистов, но на уровне политических элит она не пользовалась особым влиянием. Противники этой модели в основном критикуют ее за «наивность», «романтизм», «нереалистичность», отсутствие продуманного механизма создания подобной системы безопасности[31].

Второй тип моделей международной безопасности определяется характером отношений между участниками подобных систем безопасности. Дискуссии шли в основном вокруг трех моделей — коллективной, всеобщей и кооперационной.

---

[28] *Коликов Н.* Россия в контексте глобальных перемен // Свободная мысль. 1994. № 2–3; *Тренин Д.В.* Realpolitik и реальная политика.

[29] *Шахназаров Г.Х.* Восток и Запад: самоидентификация на переломе веков // Свободная мысль. 1996. № 8; *Плимак Ю.* Главные альтернативы современности // Свободная мысль. 1996. № 8.

[30] *Уткин А.* Россия и Запад: проблемы взаимного восприятия и перспективы строительства отношений. М., 1995.

[31] *Поздняков Э.А.* Философия политики. М., 1994. Т. 2; *Андрусенко Л., Тропкина О.* Мезальянс с Америкой // Независимая газета. 2002. 11 сент. С. 1–2; *Маргелов М.* Год после 11 сентября // Независимая газета. 2002. 9 сент. С. 2.

• *«Коллективная безопасность»* — понятие, появившееся в мировом политическом лексиконе и укоренившееся в дипломатической практике еще в 1920–30-е гг., когда предпринимались попытки создать механизм предотвращения новой мировой войны (в основном на базе Лиги Наций).

Главными элементами коллективной безопасности является наличие группы государств, объединенных общей целью (защита своей безопасности), и система военно-политических мер, направленных против потенциального противника или агрессора.[32] В свою очередь могут быть различные виды коллективной безопасности, отличающиеся друг от друга тем, какой тип межгосударственной коалиции положен в ее основание и какие цели ставят перед собой участники системы коллективной безопасности. Это может быть организация государств, имеющих сходное общественно-политическое устройство, общие ценности и историю (например, НАТО, Организация Варшавского договора, Европейский Союз, СНГ и проч.). Коалиция может возникнуть и по причине внешней опасности, угрожающей безопасности группе совершенно разнотипных государств, но заинтересованных в коллективной защите от общего врага.

В целом же коллективная безопасность фокусирует внимание на военно-стратегических проблемах и не нацелена на решение других аспектов международной безопасности (экономического, общественного, экологического и других измерений). Это ограничивает возможности использования данной модели в современных условиях. Тем не менее в 1990-е гг. наблюдался подъем интереса к этой модели среди российских ученых и политиков, обусловленный динамикой развития СНГ, а также внешними угрозами (расширение НАТО, исламский фундаментализм, локальные конфликты в сопредельных регионах и проч.)[33]. Не случайно Ташкентский договор 1992 г. был назван Договором о коллективной безопасности.

• *«Всеобщая безопасность»* — понятие, впервые появившееся в докладе Комиссии Пальме 1982 г. и ставшее популярным в нашей стране еще в советский период (особенно в рамках НПМ). Ряд глобалистских школ придерживаются этой концепции до сих пор.

---

[32] *Richardson J.L.* The End of Geopolitics? // The Post-Cold War Order: Diagnoses and Prognoses / Ed. by R. Leaver, J.L. Richardson. Canberra, 1993. P. 49.

[33] *Sergounin A., Subbotin S.* Military-technical co-operation between the CIS member states // Ian Anthony (ed.). Russia and the arms trade. New York, 1998. P. 146–176.

Эта концепция призвана подчеркнуть многомерный характер международной безопасности (включая не только традиционную "жесткую", но и "мягкую" безопасность),[34] а также необходимость учета законных интересов не только узкой группы государств, но и всех членов мирового сообщества. Институциональную основу всеобщей безопасности должны составлять не только и не столько военно-политические альянсы (как в случае с коллективной безопасностью), сколько глобальные организации типа ООН. Несмотря на то, что в эвристическом смысле концепция всеобщей безопасности представляет значительный шаг вперед по сравнению с коллективной безопасностью, ей присущ ряд недостатков: некоторая расплывчатость определения международной безопасности (понятие безопасности стало синонимом общественного блага), отсутствие приоритетов, техническая непроработанность, слабое институциональное подкрепление и связанная с этим трудность воплощения на практике.

• *«Кооперационная безопасность»* — модель, ставшая популярной с середины 1990-х гг.[35] Эта модель, по мнению ее сторонников, сочетает в себе лучшие стороны двух предыдущих концепций. С одной стороны, она признает многомерный характер международной безопасности, а с другой — устанавливает определенную иерархию приоритетов и нацеливает субъектов международной деятельности на решение первоочередных задач. Модель кооперационной безопасности отдает предпочтение мирным, политическим средствам решения спорных вопросов, но в то же время не исключает применения военной силы (не только как последнее средство, но и как инструмент превентивной дипломатии и миротворчества).[36] Она поощряет сотрудничество и контакты между государствами, принадлежащими к разным типам общественного и цивилизационного устройства, и вместе с тем может опираться на существующую систему военно-политических союзов при решении конкретных

---

[34] *Misra K.P.* Non-military Dimensions of Security: Development and Pluralistic Aspects // Peace and War: Social and Cultural Aspects / Ed. by H. Wiberg. Warsaw, 1995. P. 28. О российских взглядах на эту концепцию см.: Плимак Ю. Главные альтернативы современности; *Белкин В., Стороженко В.* От выживания к устойчивому развитию // Свободная мысль. 1995. № 5. С. 32–41; *Burlak V.* Humankind Needs a Programme for Survival // International affairs (Moscow). 1992. Vol. 38. N 1. P. 16–24.

[35] *Цыганков П.А.* Безопасность: кооперативная или корпоративная? // Полис. 2000. № 3.

[36] *Зимин П.* Вызов глобализации // Русский журнал. 2002. http:www.russ.ru/politics/20020212; *Fetherston A.B.* Peacekeeping as Peacebuilding: Towards a Transformative Agenda // Issues in Peace Research. 1995–1996 / Ed. by L.A. Broadhead. Bradford, 1996. P. 96.

вопросов. Наконец, признавая государство-нацию в качестве основного субъекта международной деятельности, эта концепция тем не менее большое внимание уделяет использованию потенциала международных и транснациональных организаций[37].

В то же время разработка модели кооперационной безопасности еще далека от своего завершения. Не до конца ясны ее многие конкретные параметры: какие институты должны стать ядром новой системы международной безопасности, каковы природа силы и границы ее использования в современных международных отношениях, каковы перспективы национального суверенитета, как сложится судьба существующих военно-политических альянсов, как предотвратить возрождение блоковой политики и скатывание нынешней системы международных отношений к хаосу, и т.д.? Внушают опасение и попытки некоторых государств и коалиций (США и НАТО) интерпретировать понятие кооперационной безопасности в выгодном для себя смысле и построить не равноправную, а иерархичную систему международных отношений.

Оценивая популярность этих трех моделей, отметим, что поначалу мировая ТМО склонялась поочередно к концепциям коллективной и всеобщей безопасности. Однако после событий 11 сентября 2001 г., приведшим к созданию широкой международной антитеррористической коалиции, появились признаки того, что мировые внешнеполитические и интеллектуальные элиты проявляют склонность к кооперационной модели. Несмотря на временное охлаждение отношений между США и другими центрами силы из-за иракской войны, сотрудничество по таким глобальным вопросам, как нераспространение оружия массового уничтожения, сокращение военных потенциалов и разоружение, борьба с международным терроризмом, организованной преступностью, наркобизнесом, по-прежнему продолжается, а по некоторым направлениям набирает обороты.

---

[37] *Зимин П.* Вызов глобализации; *Evans G.* Cooperating for Peace: The Global Agenda for the 1990s and Beyond. St. Leonardis, 1993. P. 16.

А.А. Алимов

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

После 11 сентября 2001 г. одной из главных проблем мировой политики стал международный терроризм, который имеет глубокие и чрезвычайно разветвленные исторически и социально-экономические корни. Причины его современного всплеска не столь просты, как их иногда представляют, особенно те, кто делает акцент на применение военной силы.

По нашему мнению, потенциальные опасности международного терроризма практически не получили сколько-нибудь адекватной оценки. Нельзя не учитывать тот крайне негативный фактор, что кроме трагической гибели людей, разрушения зданий, конструкций и элементов инфраструктуры в результате террористических актов, как правило, имеют место экологические, социально-экономические и иные последствия. Их оценка весьма сложна, ибо расчеты могут быть только примерными, основанными на данных об изменениях, а не на сопоставлении состояния экосистем до момента воздействия и после него. В этом отношении актуально изучение уже случившихся экологических последствий военных действий.

В последние три десятилетия в экологической литературе прошло несколько «волн», отражавших как состояние глобальной экологической проблемы, так и уровень понимания ее сложности, противоречивости и комплексности. Они в той или иной степени затронули различные аспекты глобальной экологической проблематики. Главным образом это относилось к описанию проявления самой проблемы, к выяснению причин ее происхождения и попыткам определить оптимальные пути дальнейшего развития процесса взаимодействия общества и природы.

В связи с этим в конце 1990-х гг. было предложено обобщающее определение экологической безопасности главным образом в рамках оценки основных процессов социально-экономического развития мирового сообщества во второй половине XX в. Так, например, В.И. Измалков и А.В. Измалков отмечают, что «...экологическую опасность можно определить как состояние компонентов окружающей природной среды, природно-хозяйственных и иных подобных комплексов, природных образований и экосистем, подвергшихся антропогенным и природным воздействиям, при которых возникла угроза... жизненно

важным интересам личности, общества и государства в экологической сфере»[1].

Следовательно, утверждают те же авторы, имеет место и понятие «экологическая безопасность», характеризующееся «свойством перманентности: в зависимости от уровня рассматриваемой системы и контекста оно приобретает определенный смысловой оттенок»[2]. При этом подчеркивается, что толкование этого понятия зависит от масштабности территории, ее юрисдикционной принадлежности и других факторов.

Авторы считают, что одно толкование возникает при рассмотрении экологической опасности и экологической безопасности в масштабе цивилизации в целом, другое же — при рассмотрении этого понятия в системе национальной безопасности, когда определение понятия необходимо дать на уровне экосистемы, природно-хозяйственного или иного комплекса. Поэтому они предлагают следующее определение данного понятия: «... в масштабе цивилизации и на национальном уровне экологическая безопасность может трактоваться как состояние защищенности человека, структур человеческого общества и окружающей природной среды от дестабилизирующих факторов и угроз системам жизнеподдержания»[3].

В работе «Экологическая интеграция» В.К. Донченко подчеркивается, что «экологическая безопасность — это категория, отражающая основные свойства и закономерности объективного мира и определяющая возможность нового осмысления их взаимосвязи, или это понятие, которое позволяет осуществить проникновение от внешних проявлений нарушения состояния жизненной среды к сущности процессов, явившихся причиной негативных эффектов ...?»[4]

Имеются и другие определения понятий экологической опасности и экологической безопасности[5]. В ряде случаев экологическая опасность определяется косвенно — через представление реальной опасности для жизни человека. Так, В.К. Донченко пишет: «...возможность потерять жизнь в результате войны, террора или политической борьбы всегда

---

[1] *Измалков В.И., Измалков А.В.* Техногенная и экологическая безопасность и управление риском. М.; СПб., 1998. С. 30–31.

[2] Там же. С. 140.

[3] Там же. С. 141.

[4] *Донченко В.К.* Экологическая интеграция. СПб., 1995. С. 13.

[5] См., напр.: *Реймерс Н.Ф.* Природопользование. М., 1990.

была намного реальней, чем сокращение ее продолжительности из-за загрязнения воздуха, воды и пищи»[6].

Вместе с тем следует сказать, что в конце прошлого — начале нынешнего столетия как в научной, так и в иной литературе, а также в средствах массовой информации немало написано об экологических угрозах безопасности различного уровня. Представления об их структуре можно свести к следующим основным положениям:

Угрозы глобального характера - это состояние озонового слоя, парниковый эффект, изменение газового состава атмосферы; глобальное потепление или глобальные климатические изменения; загрязнение атмосферы и океана вредными химическими веществами; мутация микроорганизмов.

Угрозы большим территориям - это кислотные дожди и закисление почв; радиационная безопасность и захоронение ядерных отходов; лесные пожары, массовое уничтожение лесов, нарушение состояния биоразнообразия (последнее можно отнести и к угрозам глобального характера).

Локальные угрозы - это: загрязнение рек и водоемов; химические выбросы предприятий; эрозия почв; выхлопные газы автотранспорта; отходы.

Вместе с тем понятие «экологическая угроза» не всегда соответствует понятию «экологическая опасность», а, соответственно, устранение экологической угрозы не будет совпадать с созданием условий экологической безопасности.

Таким образом, можно сказать, что до настоящего времени нет достаточно четко сформулированного определения понятий экологической опасности и экологической безопасности, в том числе в связи с их происхождением, причинами формирования и проявления.

По нашему мнению, эти определения могут звучать как:

- «экологическая опасность» — состояние окружающей природной среды, в условиях которого имеет место реальная или потенциальная опасность негативного воздействия на здоровье человека, а также опасность приведения экосистем в угнетенное или подавленное состояние в связи с любым видом антропогенной деятельности;
- «экологическая безопасность» — состояние окружающей природной среды, в рамках которой не происходит негативных и возможно долгосрочных изменений (включая необоснованно емкое извлечение и

---

[6] *Донченко В.* Экологическая интеграция. СПб., 1995. С. 10–11.

использование природных ресурсов, а также загрязнение биосферы), которые могут повлечь за собой угнетение и подавление экосистем, что способно повлечь за собой и угрозу состоянию здоровья человека.

Очевидно, что для различных экологических ситуаций необходимо определять степень экологической опасности (безопасности) только при условии разработки системы конкретных оценок. Более того, нужна система субъектно-объектных связей, в рамках которой определялся бы уровень потенциальной экологической опасности или угрозы как субъекта, оказывающего экологическое воздействие, так и объекта, на который это воздействие направлено. Но это — задача соответствующих специалистов. Согласно современным требованиям международного и российского экологического права, экологическая информация должна быть достоверной и доступной общественности.

В последнее время особое внимание уделяется вопросам, связанным с возможными последствиями глобальных климатических изменений, процессами масштабного уничтожения лесов, обеднения биоразнообразия, сохранением запасов пресных вод, с проблемой изменения озонового слоя, а также выяснением того, насколько активен и значим в этих процессах антропогенный фактор.

Поэтому виды (типы) экологической опасности (безопасности) должны рассматриваться, во-первых, конкретно по средам (атмосфера, гидросфера, литосфера), а во-вторых, в рамках взаимодействия между ними, поскольку биосфера неразделима, а все процессы, происходящие в ней, взаимосвязаны и в конечном итоге сказываются как на состоянии самой биосферы, входящих в нее экосистем, так и на состоянии здоровья (экологического благополучия) человека.

Остается полностью приемлемым деление на глобальный, региональный и локальный уровни экологической безопасности. Можно сказать, что различие этих уровней и определяет подход в ее обеспечении, хотя категорически твердых и «нерушимых» границ в экологической сфере вообще быть не может.

Но именно в связи с тем, что отдельные локальные экологические изменения привнесены в первую очередь за счет деятельности человека, специалисты-экологи, а также юристы и политики обратили внимание на то, что одним из наиболее ярко проявляющихся примеров антропогенного фактора являются экологические последствия современного военного конфликта.

Очевидно, что военные действия никогда не проходили незамеченными природой. Действительно, известно, что и Первая и Вторая миро-

вые войны, основные события которых прокатились не только по территории Европы, оставили глубокие и долго не заживавшие «шрамы на лике природы». Можно привести многочисленные примеры уничтожения значительных площадей лесных массивов, разрушения почвенного покрова, гибели животных и др. Так, именно в ходе Первой мировой войны, а также и после Второй мировой практически полностью был истреблен беловежский зубр, для восстановления которого потребовалась «помощь» его кавказского «соплеменника». Однако именно в послевоенные годы, т. е. во второй половине XX столетия, когда особенно быстро развивалась и совершенствовалась как сама военная техника, так и способы ведения военных действий, проблема экологических последствий военного конфликта становилась все более актуальной.

Пожалуй, первым масштабным и показательным примером крайне негативного воздействия военных событий на окружающую среду во второй половине XX века является Индокитайский (Вьетнамский) конфликт 1965–1975 гг.

В ходе масштабных военных действий авиация США уже к концу 1971 г. сбросила на территорию Вьетнама 6 300 000 тонн авиационных бомб, — т. е. в три раза больше того, что американскими военно-воздушными силами было использовано за все годы Второй мировой войны. При этом только за два года (1968–1969) и только над территорией Вьетнама бомбовый тоннаж превышал то, что все союзники использовали над Германией[7].

Иными словами, за период 1965 по 1969 г. на каждого жителя Вьетнама, включая стариков, женщин и детей, было сброшено по 200 кг авиационных бомб. Это, естественно, вызывало не только колоссальные человеческие жертвы, но и нанесло гигантский ущерб окружающей среде. Он выражался в первую очередь в разрушении почвенного покрова, что сопровождалось использованием различного рода химических реагентов и привело к опасному загрязнению почвы. Кроме того, поднятая пыль разносилась на многие сотни километров, расширяя тем самым масштабы негативного воздействия на крайне уязвимые экосистемы. Через десять лет после окончания войны во Вьетнаме на полях страны насчитывалось более 21 млн. воронок, оставшихся от разрывов авиационных бомб и крупных снарядов.

---

[7] *Marvin T.* Gettleman, Jane Franlin, Marilyn Young and Bruce Franklin. Vietnam and America: a Documentary History, Grove Press Inc. New York, 1985. P. 461.

Особенно опасным было то, что на парашютах сбрасывались гигантские авиационные бомбы «Daisy Cutter» весом в 7,5 тонны. Их взрыв происходил над поверхностью земли, что приводило буквально к «сбриванию» всех деревьев и строений на площади, равной десяти футбольным полям[8].

Кроме того, в годы военных действий в Индокитае использовались такие способы воздействия на природную среду, как «скальпирование» лесов мощной наземной техникой, дефолиация лиственного покрова (только с 1962 по 1968 г. было произведено 19 тыс. вылетов самолетов С-123, каждый из которых выбросил по 950 галлонов дефолиантов за вылет), рассеивание йодистого серебра, с помощью которого стимулировалось многократно повышенное выпадение осадков, что вело к наводнениям, и т. д. Рассеивалось и такое опасное химическое вещество, как Agent Orange, содержащее TCDD-диоксин, способный в 100 тыс. раз повышать риск внутриутробного развития человека[9].

Очевидно, что в данном случае следует говорить о комплексном, негативном и длительном воздействии на экологическое состояние природной среды целого региона — Индокитая, отличающегося чрезвычайным богатством биоразнообразия, но вместе с тем обладающего высокой степенью экологической уязвимости. Однако имеющегося материала недостаточно для того, чтобы с нужной точностью определить нанесенный эколого-экономический ущерб. Можно лишь предполагать, что именно нарушение равновесия природной среды региона стало причиной резкого снижения его экономического развития в послевоенные годы.

Приведенные выше данные стали достоянием научной общественности из американской и советской литературы, а также из документов конца 1970-х — первой половины 1980-х гг. Но они не получили достаточной эколого-экономической и эколого-правовой оценки. При этом в тех советских источниках первой половины 1980-х гг., где каким-то образом этот вопрос рассматривался, он был представлен через призму пропагандистского противостояния, характерного для периода «холодной войны».

До недавнего прошлого в экологической литературе вопрос о характере и размерах воздействия военных событий на окружающую природную среду рассматривался лишь в узком кругу профессионалов и,

---

[8] Ibid. P. 461

[9] Ibid. P. 464–465.

как правило, в закрытых изданиях. Причина такого положения состоит, по нашему мнению, в том, что ни одна из сторон, вступивших в тот или иной военный конфликт, не была заинтересована в ознакомлении научной общественности с результатами этих действий.

Можно сказать, что первые и, пожалуй, до сих пор наиболее масштабные исследования в этом плане были проведены параллельно в Советском Союзе и США в рамках сотрудничества Комитета советских ученых в защиту мира с группой американских ученых, занимавшихся оценками потенциальных последствий ядерного конфликта. Российскую сторону представлял Вычислительный центр АН СССР и Институт физики атмосферы АН СССР, а от Соединенных Штатов в разработке проблемы участвовали Национальный центр атмосферных исследований и Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса. Руководителем научной группы в СССР был академик Н.Н. Моисеев, в США — К. Саган и П. Элрих.

Цель исследований заключалась в определении теоретически возможных последствий глобального ядерного конфликта. Именно в их работах впервые появились понятия «ядерная зима» и «ядерная ночь». В то время академик Е.П. Велихов писал, что ученые, придерживавшиеся разных политических убеждений и использовавшие различные методики в научных изысканиях, пришли к аргументированному общему мнению: применение ядерного оружия приведет к резкому изменению климата Земли, что, в конце концов, вызовет глобальную экологическую катастрофу[10].

В условиях конца 1970-х — первой половины 1980-х гг., когда продолжалась гонка вооружений, массированное использование ядерного оружия могло вызвать не только региональное, но и глобальное замутнение атмосферы, и понижение температуры приземных слоев атмосферы на 10–15 °С. Научно обоснованное описание этих явлений повлияло на многих политиков того времени. Расчеты экологических последствий военных конфликтов (включая масштабы, уровень нанесения экологического ущерба, длительность этих последствий и проч.) применительно ко второй половине XX в. до сих пор не представлены общественности.

Серьезные предпосылки к тому, чтобы экологические последствия военного конфликта получили бы более широкую, нежели чисто экологическую, оценку, были заложены международно-правовыми докумен-

---

[10] См. Климатические и биологические последствия ядерной войны. М., 1987. С. 6

тами, принятыми в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. Поэтому военные действия в Югославии в 1999 г. привлекли к себе значительно большее внимание не только экологов, но также политиков и представителей неправительственных организаций.

События в Косово показали, что экологические последствия любого военного конфликта должны быть четко квалифицированы, а также выявлены все возможные последствия. На двадцатой Сессии Совета Управляющих ЮНЕП в 1999 г. было принято решение о необходимости более широкого исследования экологических процессов вообще, для чего необходимо обеспечить сбор экологической «полевой» информации в различных областях, в том числе в области экологических последствий военных действий.

С этой целью была создана специальная Рабочая группа «Balkans Task Force» (BTF), в задачи которой и входила комплексная экологическая оценка военных действий, имевших место в рамках операции США и их союзников по НАТО в Югославии. В группу было включено более 60 экспертов, которые представляли шесть организаций ООН, 19 стран, 26 неправительственных организаций и научных институтов.

Были определены следующие направления их деятельности, в рамках которых следовало выяснить, какие изменения произошли в результате:

- массированных бомбардировок,
- возможного попадания различные загрязнителей в воды Дуная,
- воздействия на растительный и животный мир (нарушение биоразнообразия),
- разрушений различного вида и масштабов человеческих поселений,
- применения низкообогащенного урана.

Не вдаваясь в подробности деятельности этой рабочей группы, а также не анализируя детально полученные результаты, отметим лишь, что были выявлены такие опасные экологические ситуации, как:

– попадание бомб в воды Адриатического моря (не все они были обнаружены и обезврежены, видимо, на глубине 250 м их осталось не менее 10–15);

– сгорание сырой нефти и нефтепродуктов в местах их хранения (несколько сотен тысяч тонн);

– попадание нефти и нефтепродуктов в почву;

– утечка дихлорэтана и ртути в почву и воду;

– выход диоксинов в атмосферный воздух в результате сгорания различного рода веществ;

– попадание всевозможных загрязнителей в воды Дуная;

– разрушение дамб с последующим изменением уровня вод и гидрологического режима;

– нанесение ущерба растительному миру, особенно в районах особо охраняемых территорий.

В первую очередь выделим опасность возможного использования низкообогащенного урана в ходе военных действий на Балканах. Это новый вид экологически опасных военных действий. Низкообогащенный уран применяется с целью усиления обычных видов вооружений для нанесения проникающих ударов по бронированной технике или каких-либо других специальных укреплений. Известно, что значительную опасность низкообогащенный уран представляет для человека, так как он может попадать в легкие и вызывать самые серьезные по потенциальным последствиям заболевания.

Поскольку и во время военных действий в Косово, и после их окончания имели место многочисленные сообщения в прессе о том, что низкообогащенный уран использовался американскими вооруженными силами, в частности авиацией, со стороны США последовали официальные сообщения по этому поводу. По информации представителя Министерства Обороны США, поступившей 3 мая 1999 г., низкообогащенный уран использовался в авиационных бомбах, размещенных на самолетах А-10. Но привлекались ли к действиям эти бомбовые запасы или нет, так и осталось не выясненным. Поэтому в решении Рабочей группы отмечается необходимость получения более точных данных, на основании которых следовало бы дать полную и четкую оценку последствий имевших место военных действий на Балканах[11].

Кроме того, одним из выводов Рабочей группы было предложение пригласить специалистов ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНЕП и Шведского института радиационной безопасности к проведению более точных лабораторных исследований в районах, подверженных военным действиям в Югославии, на предмет определения необходимых мер по ликвидации негативных экологических последствий[12].

---

[11] См.: The Kosovo Conflict. Consequences for the Environment and Human Settlements UNEP and UNCHS. 1999. P. 60–61.

[12] Ibid. P. 3, 8, 31, 63.

Таким образом, впервые получила место практика международного участия в комплексном определении экологических последствий военных действий.

С учетом этой практики рассмотрим еще один пример экологических последствий военных действий — Ирак, при этом в сравнении событий 1991 и 2003 гг. Дело в том, что в операциях «Буря в пустыне» и «Шок и трепет» были использованы неодинаковые способы ведения военных действий. В 1991 г. в основном имело место массированное использование авиации и крылатых ракет в формате «бесконтактной войны», а наземным действиям отводилась меньшая роль. Но это не помешало военным, планировавшим операцию, сосредоточить в районах боевых действий до 675 тыс. солдат, 5200 танков, 2200 самолетов. Только присутствие такого количества военных и техники на территории Ирака и сопредельных стран уже нельзя не учитывать — это массовые передвижения людей, танков и артиллерийских орудий, возможное попадание нефтепродуктов в почву и т. д. «Шок и трепет» предполагал использование высокоточного оружия, стремительного продвижения сухопутных войск по территории Ирака, предотвращение поджогов нефтяных месторождений, возможность использования оружия массового поражения (со стороны Ирака), — т. е. и экологические последствия должны были быть неодинаковыми.

Что же произошло на самом деле? Каковы экологические последствия первой и второй войны в Ираке? Мы должны сразу оговориться, что к моменту подготовки этой публикации далеко не все данные, на основе которых можно было бы сделать более подробное и объективное заключение, опубликованы. Это определяется главным образом тем фактом, что войска коалиции до сих пор находятся на территории Ирака, продолжаются военные действия и, видимо, есть структуры и организации, не заинтересованные в появлении такой информации.

В уже опубликованных материалах приводились оценки, согласно которым самым значительным негативным экологическим эффектом иракского конфликта 1991 г. было масштабное и длительное нефтяное загрязнение всех природных сред — атмосферного воздуха, воды и почвы. В конце иракской войны на территории Кувейта и Ирака горело 950 нефтяных скважин, что стало причиной массового загрязнения атмосферного воздуха не только в регионе, но и далеко за его пределами. Сгорание большого количества сырой нефти в первую очередь связано с опасностью попадания диоксида серы в атмосферный воздух, а также с дальнейшим негативным воздействием на растительный и животный

мир и, конечно же, на человека. Сгорание нефти приводит к выделению огромного количества так называемой «свободной» тепловой энергии, способной провоцировать процесс самовозгорания, вызывая тем самым распространение пожаров. Что же касается загрязнения вод Персидского залива, то здесь следует отметить негативные воздействие на биологические ресурсы залива, и в первую очередь на рыбные.

Большое количество горящей нефти оказалось в водах Персидского залива, и затушить этот необычный «водно-нефтяной» пожар оказалось крайне сложно. Это потребовало привлечения специалистов, больших затрат и времени. Точных расчетов эколого-экономического ущерба, нанесенного нефтяными пожарами 1991 г. в районе Ирака и сопредельном регионе, не было. Поэтому можно говорить лишь о масштабном и длительном неблагоприятном воздействии на окружающую природную среду только в результате одного фактора — сгорания нефти. Поджог нефтяных скважин в 1991 г. был осуществлен иракской стороной, и американское руководство назвало это экологическим терроризмом, приведшим к тому, что в Ираке ночь наступала в 10 часов утра[13].

В свое время были опубликованы результаты исследований, проведенных американскими специалистами в сфере определения имевших место последствий именно этого явления — нефтяных пожаров. Правда, возникает вопрос о неслучайном появлении этих данных именно в момент начала военных действий американо-британских войск в Ираке в 2003 г. Так, Шерон Бегли, автор статьи «Воздействие пожаров на климат во время первой войны в Заливе», опубликованной в газете «Уолл Стрит Джорнал» (европейское издание), на основе критического анализа имевших ранее место расчетов и прогнозов, сделанных по результатам событий в Ираке в 1999 г. группой ученых во главе с К. Саганом, утверждал, что негативное воздействие нефтяных пожаров на окружающую среду оказалось «не таким значительным, как предполагалось».

Следует подчеркнуть, что в выводах этой группы говорилось об опасности ограниченной, региональной «ядерной ночи», возможности разрушения экосистем и временных (а может быть, и долговременных) климатических изменений. Поэтому автор упомянутой выше статьи — Ш. Бегли — базируется на разработках специалистов Национального Научного Фонда и Агентства по Ядерной Безопасности, которые, признавали, что на какое-то время масштабные пожары в Кувейте и Ираке

[13] The Wall Street Journal Europe. 2003. March 21.

создавали столь мощный слой гари, копоти и сажи, что общий поток попадавших на поверхность Земли солнечных лучей сокращался до 1%[14].

Согласно полученным ими данным, кувейтская нефть (а именно на территории Кувейта иракцами были подожжены 732 скважины) содержит значительное количество соленой воды. Поэтому облака гари были насыщены хлоридом соли и хлоридом кальция, что приводило к тому, что, по крайней мере, на четверть эти облака были серовато-беловатого цвета[15]. Эта «серо-белая» сажа нарушает обычный процесс температурной инверсии, а поступающие в атмосферу гарь и дым остаются в ее нижних слоях и не приводят к значительным погодно-климатическим изменениям. Более того, нефтяные капли гидрофобны, а следовательно, они не смешиваются с водой и не принимают активного участия в облакообразовании. Поэтому, как показали данные, полученные с помощью спутников «Landsat» и «Polar Orbiter», в основном поднявшиеся в результате нефтяных пожаров темные облака после формирования уходили в сторону Индийского океана и в течение 10 дней исчезали за пределами региона. Поскольку кувейтская нефть имеет содержание серы, равное 2,5%, нефть Киркука — 2%, а Румейлы — до 2–3,4%, то, считает Ш. Бегли, при ее сгорании также не могут иметь место катастрофические последствия[16].

Однако все же остается непонятным, что происходит с этими «унесенными ветром» нефтяными каплями, «серо-белой сажей» и проч.? Это означает, что неблагоприятные воздействия нефтяных пожаров «выносятся» за пределы региона конфликта и могут проявляться в более масштабных и длительных последствиях, таких как крупные озера, море и даже часть Мирового океана.

В любом случае при подготовке к проведению военной операции в 2003 г. американские военные специалисты сделали все возможное для предотвращения поджогов нефтяных скважин и резервуаров. К середине апреля того года было зарегистрировано всего лишь около сорока пожаров, поэтому большого риска негативных экологических последствий, видимо, не было. Однако нельзя не учитывать, что какая-то часть нефти, как и в прошлый раз, попала в воды Персидского залива. Определить же точно масштабы экологического бедствия «на воде», как в

---

[14] Ibid.
[15] Ibid.
[16] Ibid.

условиях продолжавшихся военных действий, так и в период восстановительных работ в Ираке, достаточно сложно. Изучение отдаленных последствий этих неблагоприятных изменений будет еще труднее, если вообще возможно.

Видимо, по результатам конфликта 2003 г. нет оснований говорить и об опасности радиоактивного загрязнения в результате использования оружия с низкообогащенным (обедненным) ураном, что имело место в 1991 г. Однако следует отметить, что как американские, так и немецкие специалисты на основании проведенных обследований военнослужащих, участвовавших в операции «Буря в пустыне», выявили, что многие из них имели значительные нарушения в структуре хромосом. Это вызвано тем фактом, что в ходе использования снарядов и пуль, содержащих обедненный уран, возникают мелкодисперсные урансодержащие аэрозоли, переносимые потоками воздуха на значительные расстояния.

Возможными эколого-геофизическими последствиями как первого, так и второго военного конфликта в Ираке эксперты Межведомственного Комитета по сейсмологии и сейсмологическому строению РАН называют незначительные землетрясения, имевшие место в результате использования многотонных бомб. Такие подвижки земной коры могли ощущаться на расстоянии до 500 км от эпицентра боевых действий, а точнее — от места проведения массированных бомбардировок.

Неизбежным негативным результатом оборачиваются не только бомбардировки с использованием многотонных бомб, но и обычные, в результате которых происходят разрушения электростанций и гидротехнических сооружений. Первые приводят к нарушению функционирования водопроводных сооружений и сокращению обеспечения населения чистой пресной водой. Возникает опасность распространения инфекционных заболеваний, вызываемых потреблением загрязненной воды, да и просто отсутствием необходимого количества бытовой воды.

Разрушения гидротехнических сооружений не менее опасны особенно в регионе с недостаточным количеством воды для ведения сельского хозяйства. Эколого-географические характеристики региона обусловливают необходимость хорошо обоснованного использования гидрологического потенциала. Это важно и в хозяйственном, и в бытовом отношении. Недопустимы потери воды в результате искусственных разливов. От уровня использования гидротехнических сооружений в Ираке в значительной степени зависит решение продовольственной проблемы, а следовательно, и продовольственной зависимости страны от зарубежных поставок.

Более того, современные промышленные технологии также используют большое количество технической воды в первую очередь в замкнутых охладительных циклах. Нехватка ее — это остановка технологических процессов.

Гидрологический природный режим не должен нарушаться без надобности. Но если гидротехнические сооружения строятся на основе подробных расчетов, то их разрушения в ходе военных действий происходят моментально. Расчеты же в таком случае могут быть только в рамках определения нанесенного экологического ущерба.

То же самое следует сказать и в отношении почвенного покрова. Известно, что почва восстанавливается в среднем в течение не менее 300–400 лет. Политических и административных границ почвенные структуры не имеют. Ирак не отличается разнообразием почвенного покрова. И именно это делает его еще более уязвимым в случае увеличения антропогенного и техногенного воздействий на почву. Но как в первом, так и во втором иракском конфликте именно почвы испытали на себе военно-техногенное воздействие. Как мы уже отмечали, только масштабное передвижение военной техники и живой силы приводит к неблагоприятным последствиям. Военные события 2003 г. предполагали не просто продвижение американо-английских частей, но и создание промежуточных лагерей для остановок. Именно с этой целью «выравнивались» отдельные участки территории и создавались временные, правда, достаточно легкие сооружения. Но никто и никак не определял возможные негативные последствия таких, сопроводительных по сути, действий, связанных с решением поставленных военным командованием задач.

Одним из важных для живой природы, но мало значимых для политиков и военных стратегов последствий военных действий в Ираке как в 1999 г., так и в 2003 г. явилось негативное воздействие на птиц. Если в 1999 г. говорилось о сотнях тысяч перелетных птиц, оказавшихся неспособными найти свой обычный путь возвращения домой, то в 2003 г. картина стала значительно сложнее, предположительно могут пострадать несколько миллионов птиц сотен видов. И в первую очередь те, которые являются редкими, охраняются законом в соответствии с Международной конвенцией о сохранении биоразнообразия.

Резкое увеличение объема копоти и гари в воздухе, грохот бомбардировок, скопление людей — все это, по мнению руководителя департамента особо охраняемых природных объектов Министерства природы РФ А. Амирханова, может привести к катастрофе. Дело в том, что начало военных действий в 2003 г. совпало с периодом возвращения пере-

летных птиц после зимовки в северные районы. Месопотамия, т. е. Ирак, — один из древнейших путей, по которому перелетные птицы мигрируют из Евразии в Африку. При этом птицы почти со всей территории России концентрируются в водно-болотистой местности междуречья Тигра и Евфрата. Это почти всё водоплавающие виды — гуси, утки, казарки и многие другие. Именно весной, т. е. с конца марта по начало мая, они проделывают обратный путь. Для них не столько опасны сами военные действия, сколько грохот взрывов и распространение дыма. В основном по этой причине огромное количество птиц, которые должны были бы возвращаться именно в то время в Россию, испугавшись копоти и взрывов, отклонились от обычного маршрута. С экологической точки зрения исчезновение вида — это уже серьезная проблема. Но есть еще понятие эколого-экономического ущерба. В данном случае для России — это «невозвращение» необходимого количества птиц для воспроизводства. С учетом того, что это главным образом водоплавающие промысловые виды, которые являются объектом охоты во многих районах Севера, Сибири и Дальнего Востока, можно говорить о прямом экономическом ущербе.

Практически ничего не известно о потенциальных последствиях использования новых видов вооружения и способов ведения военных действий. Согласно имеющейся информации, американское военное руководство приняло решение о необходимости использования таких видов оружия, с помощью которых можно выводить из строя системы связи и коммуникации противника. В таком случае взрыв происходит на небольшой высоте, серьезных разрушений не происходит, не предполагается гибель людей. Главная задача — полностью нарушить связь между пунктами управления и командования. По всей видимости, именно с помощью такого оружия американские войска вывели из строя систему телекоммуникаций Багдада, что дало им возможность добиться подавления информационно-пропагандистского потенциала иракского руководства. Несомненно, что это оружие можно отнести к слабому виду геофизического, которое способно вызывать изменения в окружающей среде, опасные для различных представителей фауны, и в первую очередь для птиц.

И, наконец, события, развернувшиеся уже после 2003 г. и выразившиеся в крупных столкновениях между главным образом американскими войсками и группировками повстанцев, несмотря на сравнительно небольшие масштабы силовых действий, также не могли не оказывать негативных последствий на окружающую природную среду.

Итак, имеются достаточные основания для того, чтобы говорить об опасных, масштабных и длительных изменениях окружающей среды как следствии ведения военных действий на территории Ирака. Но необходимо подчеркнуть, что поскольку уже сформировались общие и принципиально значимые основы международного экологического права, то следует ставить вопрос не только об экологических и эколого-экономических последствиях военных действий, но и об эколого-политических. Они заключаются в том, что любые негативные и опасные для окружающей среды последствия использования различных типов оружия, способов ведения военных действий и связанных с ними видов деятельности должны получать оценку со стороны специалистов на уровне специально создаваемых международных комиссий с обязательным участием представителей научного сообщества.

Таким образом, можно было бы обеспечить достаточно надежный контроль над состоянием окружающей природной среды после любого военного конфликта, повысить эффективность соответствующих международных соглашений и договоров, в том числе Дополнительного Протокола 1977 г. к Женевской Конвенции. При этом возникают две важные, на наш взгляд, ситуации: на уровне поствоенной экологической политики, с одной стороны, и на уровне превентивной экологической дипломатии с целью предупреждения возможности нанесения ущерба природной среде в качестве репрессалий — с другой.

Основным итогом этого стало принятие Дополнительного Протокола I к Женевской Конвенции 1949 г. Статья 35 этого документа определяет, что «запрещается применять методы или средства ведения военных действия, которые имеют своей целью причинить, или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб окружающей среде»[17].

Более того, статья 55 Дополнительного Протокола специально оговаривает, что при ведении военных действий должна проявляться забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба[18].

И, наконец, специально оговаривается недопустимость «применения ущерба природной среде в качестве репрессалий»[19].

---

[17] Цит. по: Морально-этические нормы. Война. Окружающая среда. М., 1989. С. 100

[18] Там же.

[19] Военные преступления. М., 2002. С. 102.

Результатом усилий, направленных на подготовку и разработку целого ряда решений, к концу 1980-х гг. появилась система международных документов, ограничивающих возможность негативного воздействия экологической послевоенной ситуации на окружающую природную среду. Среди них, на наш взгляд, следует выделить такие, как:

- Декларация об окружающей человека среде (1972),
- Всемирная Хартия в защиту природы (1982),
- Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и их уничтожении (1972),
- Конвенция об охране всемирного природного и культурного наследия (1972),
- Бернский (Женевский) Протокол I о защите жертв международных вооруженных конфликтов (1977),
- Декларация Конференции по окружающей среде и развитию (1992),
- Материалы Саммита ООН по окружающей среде в Иоганнесбурге (2002), и ряд других.

Нельзя не отметить также и Концепцию Устойчивого Развития (КУР), которая предполагает в качестве обязательного элемента поддержание равновесного развития биосферы, что невозможно при нанесении вреда окружающей природной среде, в том числе и в результате военных действий. Известно, что более ста государств современного мира выразили свою готовность не предпринимать каких-либо преднамеренных силовых действий, которые могли бы принести вред окружающей среде и особенно тем природным районам, которые представляют национальную ценность.

Что же можно предложить в этом плане? Учитывая недостаточную развитость международного экологического права, отсутствие хорошо проработанных методик проведения экспертизы экологического ущерба, следовало бы поставить вопрос о создании постоянно действующей группы оценки «послевоенного экологического риска». Несомненно, что в такую группу должны входить: во-первых, ведущие мировые ученые, занимающиеся этими вопросами профессионально; во-вторых, представители соответствующих специализированных международных организаций; в-третьих, представители неправительственных международных организаций и, конечно же, представители ЮНЕП. Кроме того, необходимо разработать методики определения степени и форм воздей-

ствия военного конфликта на окружающую природную среду, которые использовались бы участниками такой группы специалистов в каждом конкретном случае.

Россия могла бы выступить в качестве инициатора реализации такого плана действий, а задействовать с нашей стороны можно было бы представителей РАН, МЧС, Министерства обороны РФ (экологические войска), Министерства природных ресурсов и наиболее известных российских неправительственных (общественных) экологических организаций.

О.П. Иванов

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СДЕРЖИВАНИЯ

На протяжении длительного периода в основе внешней и военной политики США находилась концепция сдерживания, рожденная американской политологической и военно-политической мыслью в условиях противостояния США и СССР в период «холодной войны». Этот концепция опирается на идеи известного военного теоретика XIX в. К. Клаузевица, который писал, что «нападение может быть предупреждено очевидным решительным возмездием за него»[1]. В начале «холодной войны» американский теоретик Б. Броди отмечал: «Таким образом, до сих пор главной целью нашего военного истеблишмента было выигрывать войны. В настоящее время его главной целью стало их предотвращение»[2]. Другой американский политолог — Г. Снайдер подчеркивал: «Главные цели политики национальной безопасности заключаются в сдерживании нападения противника и успешной... обороне, если нападение произошло»[3]. В США широко распространено мнение, что предотвращение новых мировых войн после 1945 г. стало возможным в результате успешной реализации стратегии сдерживания.

Можно по-разному относиться к этому тезису, но сдерживание долгие годы, оставалось стержнем внешней политики США. Поэтому вполне закономерны вопросы, насколько актуальна эта концепция после окончания «холодной войны», какие она претерпела изменения, какое место американские эксперты отводят стратегии сдерживания сегодня?

Понятие концепции сдерживания требует пояснения из-за различных трактовок, появившихся в российской экспертной среде. Российский эксперт С. Брезкун, анализируя доклад Института США и Канады РАН «Снижение ядерных рисков: могут ли Россия и США отказаться от взаимного ядерного устрашения?», подчеркивает: «Прежде всего, неверен уже первый тезис о том, что сутью отношений РФ и США является-де взаимное ядерное устрашение. На деле сутью является взаимное ядерное сдерживание. Авторы упомянули мельком понятие "сдерживание"

---

[1] *Клаузевиц К.* О войне. М., 1990. С. 19.

[2] *Brodie B.* The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. Harcourt Brace. New York, 1946. P. 76.

[3] *Snyder G.* Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. Prinston, 1961. Цит. по: International Politics and U.S. National Security Policy. Syllabus and Study Guide. Air Force Academy. Colorado Springs, 1997. P. 68.

как нечто тождественное понятию "устрашение", но они, вообще-то, взаимно друг друга исключают. Принцип устрашения — это идея агрессивной угрозы, внушения страха, превентивного удара. А принцип сдерживания — это идея взвешенного подхода к действительности и ответного удара. Да, США долго устрашали Россию и по сей день не прочь к этому вернуться. Однако после достижения системного ядерного паритета две великие ядерные державы взаимно сдерживают, но никак не устрашают друг друга»[4].

Важно понимать, что американское экспертное сообщество вкладывает иной смысл в понятие «сдерживание». Слова «deter» и «deterrence» имеют латинское происхождение от латинского слова «detertere», означающего «устрашить или запугать для чего-либо». В политологическом смысле содержание трактуется шире. Как в повседневном языке, так и в языке специалистов в области международных отношений и военной стратегии «deter» используется не только в значении «удержать от какого-либо действия, указав на негативные последствия». Это понятие также указывает на ситуации, когда эффект предотвращения нежелательных действий основан на демонстрации недостижимости желаемых целей или на слишком высоких политических и других издержках[5].

Одна из трудностей объяснения этого понятия связана с возникшей путаницей в английских терминах «deterrence — устрашение или запугивание» и «containment — сдерживание». Путаница связана не столько с лингвистическими трудностями перевода на русский язык, сколько с трактовкой их содержания. Директор института США и Канады РАН С. Рогов поясняет: «Дело в том, что в американском политическом языке употребляются два термина. Кеннан (патриарх американской дипломатии и основатель доктрины сдерживания коммунизма. — *О.И.*) писал о сдерживании, употребляя термин "containment", обозначая им противодействие коммунистической идеологии и его носителю — Советскому Союзу — с помощью политических и экономических методов». Термин «deterrence» использовали в значении «сдерживание путем запугивания, устрашения». В 1960-е гг., при министре обороны США Роберте Макнамаре, стали говорить о нанесении неприемлемого ущерба как основе ядерного сдерживания. Макнамара его определил как уничтожение половины населения и двух третей экономического потенциала

---

[4] *Брезкун С.* Подкоп под стратегическую стабильность // Военно-промышленный курьер. 2004. 30 дек. NuclearNo.ru

[5] The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Washington, 1997. P. 13.

противника. После Карибского кризиса стала оформляться система взаимного ядерного сдерживания или взаимного ядерного устрашения. Еще ее называют «гарантированным взаимным уничтожением».

Когда Советский Союз исчез, вместе с ним ушла в прошлое американская стратегия сдерживания коммунизма. Рудименты ее сохраняются в отношении КНР, КНДР и Кубы. Кончилось сдерживание — containment, но не кончилось сдерживание — deterrence. Видимо, сдерживание будет оставаться политическим обоснованием для применения ядерного оружия, пока оно существует[6]. В то же самое время, анализируя стратегию сдерживания вообще, было бы неверно связывать понятие сдерживания исключительно с ядерным оружием. Оно шире и включает не только ядерное оружие, а саму возможность применения насилия. Для этого необходимо начать с определения понятия «сдерживание» политологами.

В американской экспертной среде существуют различные толкования понятия «сдерживание», что говорит о его многомерности. Авторитетный американский эксперт П. Нитце считает: «Сдерживание требует, чтобы потенциальный противник был убежден, что риски и затраты на агрессию далеко превзойдут выгоды, которые он надеется получить»[7]. По мнению Р. Джоунса, «политика сдерживания — это расчетливая попытка убедить противника воздержаться делать что-то, угрожая наказанием за неподчинение»[8]. Г. Крейг и А. Джордж под сдерживанием понимают «усилие одного актора убедить своего оппонента не предпринимать некоего действия, убеждая оппонента, что затраты и риски этого действия перевесят то, что он надеется приобрести»[9].

Официальная американская военная доктрина определяет сдерживание как «предотвращение действия страхом последствий. Сдерживание — это состояние ума, вызванное существованием внушающей доверие угрозы неприемлемого противодействия»[10]. В официальном документе министерства обороны США «Четырехгодичном оборонном обзоре» под сдерживанием понимается следующее: «Воспрепятствовать агрес-

---

[6] *Соловьев В.* Матрешки в боксерских перчатках // Независимое военное обозрение. 2005. № 6.

[7] *Nitze P.* On the Road to a More Stable Peace // P.E. Haley, J. Meritt (eds). The Strategic Defense Initiative, Folly or Future? Boulder, 1986. P. 39.

[8] *Jones R.* Nuclear Deterrence: A Short Political Analysis. London, 1968. P. 1.

[9] *Craig G., George A.* Force and Statecraft. Oxford, 1995. P. 180.

[10] US Joint Chiefs of Staff, Joint Doctrine Encyclopedia, 16 July 1997. http://www.dtic.mil/doctrine/joint_doctrine_encyclopedia.htm.

сии или любой форме принуждения, угрожая применить американскую военную мощь»[11].

По методам воздейтсивя сдерживание может быть реализовано угрозой возмездия (нанесением определенного ущерба или вторжением), с помощью невоенных мер (как введение эмбарго или санкции), принятием оборонительных мер, которые увеличивают потенциальные издержки противника в случае агрессии. Генерал Дж. Гордон объяснил это так: «Будущий соперник, стремящийся получить ядерное превосходство, будет вынужден прийти к выводу, что его усиление не может происходить быстрее ответной реакции США»[12].

Выделяются виды сдерживания в зависимости от характера его реализации — наступательное и оборонительное сдерживание[13]. Сдерживание может быть основано на том, чтобы показать политическому оппоненту, что его цели не будут достигнуты[14]. Об этом говорится в «Четырехгодичном оборонном обзоре»: «Интегрированная ракетная оборона вместе с другими видами обороны, а также с наступательными средствами будет защищать свободу действий государства, усилит сдерживание путем лишения и смягчит результаты нападения, если сдерживание окажется неэффективным»[15].

С точки зрения вида используемого оружия говорят о ядерном и неядерном сдерживании. Что касается ядерного сдерживания, то американское экспертное сообщество обсуждает несколько следующих вариантов:

1. *Расширенное сдерживание* обеспечивает безопасность государства и его союзников.

2. *Минимальное сдерживание* может означать наличие минимальных средств, достаточных для эффективного сдерживания потенциального противника. Второе значение состоит в том, что сдерживание обеспечивает безопасность только самого государства, без союзников.

3. *Экзистенциональное сдерживание* означает, что сдерживающий эффект исходит от факта наличия ядерного оружия у данного государства или его союзников. Иногда это понятие переносят даже на те стра-

---

[11] Quadrennial Defense Report Review. Washington, 2001. P. 12.

[12] *Yost D.* New Western Approaches to Deterrence // International Affairs. January 2005. P. 95.

[13] *Bunn E., Sokolsky R.* The U.S. Strategic Posture Review: Issues for the New Administration, Strategic Forum. N 177. February 2001.

[14] *Yost D.* New Western Approaches to Deterrence. P. 91.

[15] Quadrennial Defense Report Review. Washington, 2001. P. 29.

ны, которые способны производить ядерное оружие, но не желают производить по какой-либо причине.

По мнению американских экспертов, при всем разнообразии вариантов сдерживания его «главной функцией является ограниченная форма расширенного ядерного сдерживания, направленная на ядерные угрозы и только ядерные угрозы стране или ее союзникам»,[16] хотя вполне допускается ядерное сдерживание более широкого спектра угроз. «В принципе ядерное сдерживание может использоваться для сдерживания не только ядерного, но и нападения с применением сил общего назначения или с применением химического, бактериологического оружия, а также при угрозе жизненно важным интересам с помощью невоенных средств»[17].

Сдерживание в период «холодной войны». «Холодная война» была долгой и опасной конфронтацией между Западом и Востоком. Однако это было соперничество, где участники старались придерживаться достигнутых соглашений и неписаных правил. В целом, особенно после Карибского кризиса 1962 г., обе стороны признавали установленные сферы интересов. Более или менее стабильная и предсказуемая конфронтация была важной особенностью того периода.

Эта ситуация нашла объяснение в теории известного американского политолога К. Уолтса, который писал о стабилизирующей роли жесткой биполярной системы. Вслед за ним авторитетный историк «холодной войны» Дж. Гэддис утверждал, что наличие ядерного оружия обеспечило более или менее стабильный мир в Европе. Российский ученый Е. Примаков тоже подчеркивает: «Безусловно, главной сдерживающей силой было ядерное оружие»[18].

«Во время «холодной войны» ядерное сдерживание было основой американской стратегии по предотвращению как ядерной, так и крупномасштабной войны без применения ядерного оружия. При враждебных американо-российских отношениях было неблагоразумно полагаться на принцип "добрых намерений". Характеристики ядерного оружия и разнообразные способы его доставки делали очевидным, что попытки США и их союзников защититься от ядерного нападения могут быть реализованы с меньшими усилиями, чем если бы усилия были направ-

---

[16] The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Washington, 1997. P. 15.
[17] Ibid. P. 14.
[18] *Примаков Е.* Мир после 11 сентября. М., 2002. С. 93.

лены на оборону в целом»[19]. Такой менее затратной альтернативой обороне рассматривалась стратегия ядерного сдерживания.

С момента появления исторического документа, известного под названием «СНБ-68», стратегия сдерживания в различных вариациях составляла фундаментальную основу всех доктрин по применению военной силы во внешней политике США. Как пояснял помощник президента Дж. Кеннеди по национальной безопасности М. Банди, ««баланс страха» был лучшим, что мы могли получить, а объектом анализа и действия должна стать гарантия того, что «другая сторона» будет считаться с этим»[20]. В стратегии «массированного возмездия» эта гарантия достигалась за счет ресурсов стратегического авиационного командования (SAC — Strategic Air Command). В сменившей ее стратегии «гибкого реагирования» сдерживание замышлялось уже на различных уровнях насилия: от стратегического и тактического ядерного до обычного оружия.

В условиях биполярного мира концепция сдерживания строилась сначала на основе возможности нанесения первого ядерного удара. Под этим американскими экспертами понималась «способность нанесения обезоруживающего удара, достаточно эффективного, чтобы уничтожить способность противника нанести ответный удар»[21]. Затем в развитии стратегии сдерживания появилась концепция «ответного удара». Она «подразумевала способность не просто нанесения ответного удара... а способность выдержать удар и сохранить достаточно сил, чтобы нанести эффективный ответный удар»[22].

Способность нанесения ответного удара стала ключевым понятием в разработке всех американских доктрин с применением стратегических ядерных сил. Считалось важным не то, сколько оружия есть в наличии, а сколько его сохранится после первого удара противника для ответного удара. Таким образом, американские специалисты делали вывод, что стратегическое сдерживание обусловлено исключительно способностью нанесения ответного удара. Как подчеркивал М. Банди, «американская доктрина сдерживания быстро привела к важному требованию к стратегическим силам: они должны быть способны нанести абсолютно непри-

---

[19] The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. P.3.

[20] *Bundy M.* Strategic Deterrence Thirty Years Later: What Has Changed? // Christoph Bertram (ed.). The Future of Strategic Deterrence. Hamden, 1981. P. 8.

[21] *Smoke R.* National Security and the Nuclear Dilemma. An Introduction to the American Experience in the Cold War. McGraw-Hill, 1993. P. 91.

[22] *Smoke R.* Op. cit. P. 91.

емлемый ответный ущерб после самого мощного первого удара противника»[23].

Представление сдерживания как исключительно военного противостояния в период «холодной войны» было бы неполным. Не следует упускать из виду более широкое понятие сдерживания как политики, направленной на предотвращение кризисов в международных отношениях, и в первую очередь в советско-американских отношениях. В частности, после Карибского кризиса Т. Шеллинг отмечал: «Что предотвращает такие кризисы и делает их нечастыми, так это то, что они действительно опасные... Суть кризиса в его непредсказуемости, в том, что участники не контролируют полностью события. Они делают шаги, принимают решения, которые повышают или понижают опасность, но в условиях риска и непредсказуемости. Сдерживание следует понимать в привязке к этой неопределенности»[24].

Американские теоретики считают, что сдерживание не только уместно для управления кризисными ситуациями, но и влияет на весь процесс международных отношений. Как писал Т. Шеллинг, «мы часто говорим, будто сдерживающая угроза означает перспективу начать катастрофичную войну в ответ на агрессию противника. Маловероятно, что выбор стоит между всем и ничем. Вопрос в действительности заключается в следующем: вероятно ли то, что США в ответ предпримут что-либо такое, что чревато опасностью войны, что может привести... к широкомасштабной войне?»[25]

По мнению К. Пэйна, на всем протяжении «холодной войны» стратегия сдерживания США базировалась на парадигме «гарантированной уязвимости». Он считает: «...эта теория стала превалирующей парадигмой. Она включает ряд в себя гипотез и набор политических рекомендаций, которые в значительной степени определяли развитие вооруженных сил США, а также политику в области контроля над вооружением»[26]. «Гарантированная уязвимость» — это достаточно широкая теория, включающая несколько концептуальных составляющих: ведение войны, минимальное сдерживание и взаимное гарантированное унич-

---

[23] *Bundy M.* Op. cit. P. 8.
[24] *Schelling T.* Arms and Influence. New Haven; Yale University Press, 1966. P. 96–97.
[25] *Schelling T.* Op. cit. P. 97.
[26] *Payne K.* Deterrence in the Second Nuclear Age. Kentucky, 1996. P. 60–61.

тожение. Различие между ними фокусируется на типе ядерной угрозы, необходимой для сдерживания[27].

Суть «минимального сдерживания» заключается в способности уничтожить или подвергнуть угрозе уничтожения относительно небольшое количество городов неприятеля. Стратегия сдерживания на основе «взаимно гарантированного уничтожения» предполагает наличие мощного арсенала стратегических ядерных сил, способных на массированное уничтожение целей противника и сохранение при этом способности нанесения ответного удара. Что касается концепции «ведения войны», то она означает применение стратегических ядерных сил против выборочных политических и военных целей[28].

Нужно отметить, что взгляды Пэйна на то, что концепция «гарантированной уязвимости» включает все три варианта, не находит поддержки у части американского экспертного сообщества. Так, например, Э. Млин полагает, что «с 1960-х гг. политики (США. — *О.И.*) рассматривали ядерное оружие как военный инструмент, применяемый на практике... Рассуждения политиков о ядерном оружии мало изменились после окончания "холодной войны" несмотря на значительные изменения в среде международной безопасности»[29]. Кроме того, в основе ядерной проблемы в ходе «холодной войны» лежали споры между сторонниками подхода «взаимного гарантированного уничтожения» и сторонниками «теории применения ядерного оружия» (Nuclear Utilization Theory). Сторонники последней теории подвергали критике своих оппонентов за то, что они не могли предложить каких-то альтернатив, кроме полного уничтожения противника в том случае, если сдерживание окажется неэффективным. Адепты «теории применения ядерного оружия» считали, что нацеливание является эффективным способом ядерного сдерживания в отношении противника, который еще не совершил нападение на территорию США. Ядерное оружие может быть использовано в качестве военного инструмента, а не только для сдерживания. При этом войну можно вести без полного уничтожения. В международных отношениях возможны военные конфликты без тотальной ядерной войны между Советским Союзом и США[30].

---

[27] Ibid. P. 62–63.

[28] Ibid. P. 62.

[29] *Mlyn E.* U.S. Nuclear Policy and the End of the Cold War // T.V. Paul, Harknet R., Wirtz J. (eds). The Absolute Weapon Revisited: Nuclear Arms and the Emerging International Order. Ann Arbor, 1998. P. 192.

[30] *Mlyn E.* Op. cit. P. 192–193.

Не все американские эксперты принимают точку зрения Пэйна, что «гарантированная уязвимость» включает все основные подходы к стратегическому ядерному сдерживанию. Но есть то общее, с чем практически все согласны: «...в период стратегической биполярности существовал "разумный рациональный оппонент", и угрозы ядерного возмездия служили надежной базой для влияния на поведение противника»[31]. Модель «рационального оппонента» в принципе упрощала процесс разработки стратегии сдерживания и делала военное планирование менее сложным.

Известно, что на уровне принятия решений на рациональные действия оказывает влияние ценностный фактор. Но американская политика едва ли учитывала его, особенно в ядерном сдерживании. Одна из причин заключается в том, что «не существует общепринятой шкалы стандартов, по которой государственные деятели или исследователи могут измерить ценность спорного интереса», вторая — в условиях биполярности, когда доминировали две примерно равные ядерные державы, «рациональная модель» вполне объясняла логику принятия стратегических решений. Советский Союз и США проводили внешнюю политику примерно по тем же «рациональным» правилам[32].

Американские эксперты в сфере внешней политики стремились учитывать «особую *рациональность* (курсив наш. — *О.И.*) советского коммунизма»[33]. В целом они считали, что проводить стратегию сдерживания в отношении Советского Союза было не очень трудно. Руководство США понимало характер и мотивации советского руководства, его оценку рисков и восприятие стратегической реальности. Вообще стратегическая культура Советского Союза было достаточно хорошо изучена американскими специалистами.

Сдерживание после окончания «холодной войны». С распадом биполярной системы угрозы безопасности США изменились. Анализируя разворачивающиеся международные отношения, политолог Р. Розекранц отмечал, что «политические споры в более широком мировом контексте могут быть более серьезными, чем те, которые были в период

---

[31] Searching for National Security in an NBC World / Ed.by J. Smith. Colorado Springs, 2000. P. 18.

[32] Ibid. P. 22.

[33] *Green P.* Deadly Logic: The Theory of Nuclear Deterrence. Ohio State University Press, 1996. P. 162.

традиционной биполярной конфронтации в Европе»[34]. Не потеряла актуальности проблема ядерного оружия, так как к «ядерному клубу» добавляются новые государства. В перспективе различия в размерах и качестве ядерных сил этих государств значительно вырастут, что повысит уязвимость некоторых стран[35].

Поэтому, несмотря на окончание «холодной войны» и изменение характера угроз, стратегия сдерживания, включая ядерное, сохраняет свою актуальность. Как подчеркивают российские эксперты В. Анненков и Л. Кононов, «несмотря на уменьшение угрозы ядерной конфронтации, политика ядерного сдерживания продолжает оставаться основным принципом обеспечения безопасности США»[36].

В официальном документе Пентагона «Четырехгодичном оборонном обзоре» отмечается, что США строят свою стратегию на основе и с учетом следующих целей:

«...– поддерживать союзников и друзей;

– предупреждать военное соперничество с союзниками;

– сдерживать угрозы и попытки принуждения, направленные против американских интересов;

– в случае неудачи политики сдерживания нанести решительное поражение любому противнику»[37].

В документе поясняется, что требования к стратегии сдерживания в настоящее время особые: «Необходим многоаспектный подход к сдерживанию, который требует такие силы и возможности, которые предоставят президенту более широкий выбор военных альтернатив, чтобы отвести агрессию или любую форму принуждения»[38]. В частности, в соответствии с этим подходом особый акцент делается на политику сдерживания, которая проводится в критически важных регионах мира.

Исходя из понимания многоаспектности сдерживания, в «Доктрине совместных ядерных операций США» выделяется стратегическое сдерживание. Оно определяется как «предотвращение агрессии противника или принуждения, которые угрожают жизненно важным интересам США и/или выживанию. Стратегическое сдерживание убеждает про-

---

[34] *Rosecrance R.* Strategic Deterrence Reconsidered // Bertram C.(ed.) Strategic Deterrence In A Changing Environment. New Jersey, 1986. P. 31.

[35] Ibid. P. 31.

[36] *Анненков В., Кононов Л.* Россия и ядерный мир: аспекты национальной безопасности. М., 2004. С. 82.

[37] Quadrennial Defense Report Review. P. 11.

[38] Ibid. P.12.

тивников не предпринимать неприемлемые действия путем влияния на принятие ими политических решений»[39]. Как вытекает из доктрины, сдерживание нельзя относить к функциям исключительно министерства обороны США. В американском понимании сдерживания уделяется важное место и дипломатической деятельности.

Эффективность стратегии сдерживания оценить достаточно трудно. В «Доктрине совместных ядерных операций США» говорится следующее: «Эффективность сдерживания зависит от того, как потенциальный противник рассматривает американские возможности и политическую волю их использовать. Сдерживание потенциального противника от применения ОМП требует, чтобы руководство потенциального противника поверило, что США обладают как возможностью, так и волей упредить или гарантированно нанести эффективный ответный удар»[40].

Тем не менее остается открытым вопрос, как определить, почему противник отказался от каких-либо опасных действий? Как оценить, что это результат американской стратегии, а не иная причина? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обладать полной информацией о том, как идет процесс принятия решения, какие акторы в нем участвуют и какие факторы влияют на него.

Доктрина признает, что стратегия сдерживания не всегда может оказаться эффективной. «Сдерживание предполагает, что руководство противоположной стороны исходит из логики своего собственного интереса... Это будет особенно трудно с негосударственными акторами, которые пытаются получить доступ к ОМП. Распространение ОМП и средств их доставки усиливают вероятность, что негосударственный субъект (террорист) может использовать это оружие. В таких случаях сдерживание, даже основанное на угрозе массового уничтожения, не будет иметь успеха»[41].

Хотя сдерживание имеет определенные ограничения, в «Доктрине совместных ядерных операций...» приводятся ряд факторов, позволяющих сделать сдерживание эффективным. В частности, в доктрине отмечается, какое восприятие необходимо создать у противника, а именно, что:

«... – затраты по эскалации конфликта неприемлемо велики;

---

[39] Doctrine for Joint Nuclear Operations. Joint Publication 3–12, 15 March. Washington, 2005. P. 1–6.

[40] Ibid. P. 1–6.

[41] Ibid. P. 1–7.

– США используют военную силу, несмотря на применение против них ОМП;

– американская ставка в конфликте высока;

– США в состоянии противостоять агрессии;

– применение ОМП скорее укрепит, чем подорвет решимость США;

– США не испугает угроза применения против них ОМП, и они готовы к риску эскалации конфликта;

– США способны эффективно защитить союзников, свои силы, население и наиболее важные объекты;

– передача ОМП террористам будет обнаружена, а его принадлежность идентифицирована;

– применение ОМП приведет к неотвратимым последствиям для тех, кто к этому причастен;

– ответственные за применение ОМП будут найдены»[42].

Особенность разработанных критериев заключается в попытке сочетать воздействие, направленное, во-первых, на «рационального» противника, т. е. мыслящего в парадигме норм и стандартов, близких к стратегии сдерживания, и обладающего примерно такой же, как и американцы, системой ценностей. Во-вторых, на «иррационально» мыслящего противника, который не боится наказания. На него направлено действие типа «США могут эффективно защитить своих союзников от нападения» или «применение ОМП скорее укрепит, чем подорвет решимость США».

Развитие концепции сдерживания. В американской экспертной среде были подняты существенные вопросы: может ли парадигма «гарантированной уязвимости» и модель «общего рационального противника» продолжать служить основой сдерживания в условиях современного мира для противостояния новым вызовам национальной безопасности США?[43] В практической плоскости эти вопросы изучались уже в администрации Б. Клинтона. В 1999 г. министр обороны США У. Коэн утверждал: «У нас есть инструмент сдерживания от нападения России... Но настоящая проблема в том, как мы можем иметь дело со страной вроде Северной Кореи или с режимом Саддама Хусейна, которые развивают ракетные программы и ядерное оружие?»[44]

---

[42] Ibid. P. 1–7.

[43] Searching for National Security in an NBC World. P. 20.

[44] *Cohen W.* Testimony on the FY 2000, Department of Defense Authorization Request, Senate Armed Services Committee. February 3. 1999. Federal News Service transcript. P. 42.

Стратегия сдерживания опять оказалась в центре дискуссий. Поскольку в основе стратегии лежало ядерное оружие, то встал вопрос о пересмотре целей и задач стратегии. Это касается таких задач, как сдерживание преднамеренного ядерного нападения; сдерживание широкомасштабных войн без применения ядерного оружия; компенсация недостатка обычных сил, включая сдерживание или ответ на нападения с применением химического или бактериологического оружия[45]. Эти задачи стали менее актуальными после окончания «холодной войны», чем это было раньше. В новых условиях обозначились и определились три подхода к будущему стратегии сдерживания.

Первый подход. Сдерживание остается эффективным инструментом американской политики. Этот тезис был озвучен политологом Пэйном. После окончания «холодной войны» основные положения «гарантированной уязвимости» не подвергаются сомнению. Противники считаются «рациональными», хорошо информированными об ответных возможностях США[46]. Ядерное сдерживание сработало в период «холодной войны», оно сработает и в будущем[47]. Логика такого мышления заключена в тезисе: «Пока США обладают способностью ответного ядерного удара, противники не осмелятся пойти на крайние меры»[48]. Эта точка зрения близка консервативным американским политикам и экспертам[49]. Эффективность стратегии сдерживания считается неизменной, даже несмотря на изменения характера угроз безопасности.

Второй подход. Ряд экспертов не согласны с переносом стратегии сдерживания периода «холодной войны» на современные условия. Между прочим, министр обороны США Д. Рамсфелд дал им такую оценку: «Мы вступили в эру, когда противник представляет из себя небольшие сообщества, разбросанные по всему земному шару. В то же время американские вооруженные силы по-прежнему организованы таким образом, чтобы воевать с большими армиями, флотами и авиацией противника. Все это направлено на поддержку *статического сдерживания*,

---

[45] The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Washington, 1997. P. 16.
[46] *Payne K.* Op. cit. P. 155
[47] Ibid. P. 72.
[48] Ibid. P. 72.
[49] *Флейтон Л.* Как Буш-младший научился любить бомбу // Spiegel. http://www.inosmi.ru/translation/218545.html. 1 апреля, 2005г.

которое не применимо к противнику, не обладающему территорией для обороны и не подписывавшему договоров»[50].

Опираясь на этот тезис, сторонники второго подхода утверждают, что подобного противника вообще невозможно сдерживать, а потому и стратегия сдерживания устарела. Они ссылаются на положения американской Стратегии национальной безопасности (2002 г.), где говорится: «Неспособность сдержать потенциального противника, близость сегодняшних угроз и масштаб потенциального ущерба... не оставляют нам *этого* выбора (имеется в виду сдерживание. — *О.И.*)»[51].

Нужно признать, что официальная позиция военно-политического руководства США относительно стратегии сдерживания неоднозначна. Например, в одном из заявлений Д. Рамсфелда говорится: «Мы должны отложить в сторону привычные способы мышления и планирования, чтобы рисковать и испытывать новое, дабы мы могли подготовить наши силы *сдерживать* и побеждать противников, которые еще не появились и не бросили нам вызов»[52]. В то же время в Стратегии национальной безопасности признается, что сдерживание сегодня неэффективно, особенно против ассиметричных угроз. «В период "холодной войны", особенно после Карибского ракетного кризиса, перед нами стоял один и тот же противник. Сдерживание было эффективной обороной, так как противник избегал неразумного риска. Но маловероятно, что сдерживание, основанное на угрозе возмездия, сработает против руководителей стран-изгоев, более склонных к рискам и ставящих на карту жизни своих народов и богатство своих стран»[53]. М. О'Ханлон, С. Райс и Дж. Стейнберг тоже указывают на нечеткость самой стратегии национальной безопасности США, подчеркивая относительность той роли, которая отводится сдерживанию и упреждению[54]. Критические оценки доктрины Дж. Буша-младшего высказали сотрудники мозгового центра «Совет по международным отношениям» А. Даалдер и Дж. Линдсей:

---

[50] Testimony As Prepared for Delivery by Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld, Senate Armed Service Committee. Washington, DC, September 23. 2004. http://www.defenselink.mil/speeches/2004/sp20040923-secdef0783.html

[51] The National Security Strategy of the United States. September 20. Washington, 2002.

[52] *Rumsfeld D.* Speech at National Defense University, Washington, D.C. 31 January. 2002. http://www.defenselink.mil/speeches/2002/s20020131-secdef.html)

[53] The National Security Strategy of the United States.

[54] *O'Hanlon M., Rice S., Steinberg J.* From The New National Security Strategy and Preemption, Policy Brief N 113. The Brookings Institution, 2002.

«Он (Дж. Буш-младший. — *О.И.*) поддержал доктрину упреждения и отказался от проверенных стратегий устрашения и сдерживания»[55].

Но те же А. Даалдер и Дж. Линдсей вместе с бывшим начальником управления стратегического планирования государственного департамента США Дж. Стейнбергом в своем другом исследовании отмечают: «Вопреки большинству сообщений средств массовой информации и комментариям некоторых официальных лиц Стратегия национальной безопасности 2002 г. не объявляет сдерживание умершим. Она четко констатирует, что американские военные силы должны быть в состоянии сдерживать угрозы интересам США»[56].

Объяснением такого противоречия может быть заключение, сделанное А. Даалдером, Дж. Линдсейм и Дж. Стейнбергом: «Стратегия просто *расширяет роль сдерживания* (курсив наш. — *О.И.*) в американской политике национальной безопасности. Предназначение вооруженных сил не просто сдержать противника на поле боя, но также показать тщетность попыток потенциальных противников превзойти или сравняться по силе с США[57].

Третий подход. Его сторонники полагают, что сложившуюся стратегическую реальность можно описать словами бывшего директора ЦРУ У. Вулси. По его характеристике, США убили «большого дракона» (СССР), но осталось множество ядовитых змей. Появились такие вызовы безопасности США, которых не было ранее или которые не представляли серьезной угрозы в период «холодной войны». Поэтому стратегия сдерживания по-прежнему актуальна, но она требует адаптации к новым условиям и более гибкого применения.

О том, что сама концепция сдерживания остается основой военно-политического планирования США, свидетельствует нововведение в рамках доктрины Д. Рамсфелда. Он утверждает: «Вместо сохранения двух наступательных группировок войск мы решили сделать акцент на *сдерживании* (курсив наш. — *О.И.*) на четырех важных театрах военных действий»[58]. По его мысли, новые задачи требуют нового наполнения концепции сдерживания: «Сегодня наши противники изменились, поэтому изменились наши расчеты сдерживания. Террористы, которые

---

[55] *Daalder I., Lindsay J.* From Bush's Foreign Policy Revolution: A Radical Change // Minneapolis-St. Paul Star Tribune, September 26, 2004.

[56] *Daalder I., Lindsay J., Steinberg J.* The Bush National Security Strategy: An Evaluation. Policy Brief N 109 . The Brookings Institution, 2002.

[57] Ibid.

[58] *Rumsfeld D.* Transforming the Military // Foreign Affairs. May/June. 2002. P. 24.

нанесли удар 11 сентября, не были удержаны мощным американским ядерным арсеналом. Нам нужно найти иные способы сдерживать новых противников. Вот почему президент Дж. Буш по-новому относится к сдерживанию. Теперь оно сочетает сокращения ядерных наступательных вооружений с совершенствованием неядерных возможностей и противоракетной обороны»[59].

С другой стороны, возрастает роль концепции «расширенного сдерживания». «"Расширенное сдерживание" может быть даже еще важнее сегодня, в эпоху распространения ОМП и стратегических вооружений, чем это было в период "холодной войны". США все больше зависят от иностранных баз для поддержки стратегии проецирования неядерной военной силы. Такие базы могут стать целями для нападения с применением ОМП. Доверие союзников и партнеров по коалиции, стоящих перед угрозой ОМП, наверняка потребует предоставления им ядерных гарантий»[60].

Тенденцию к переосмыслению содержания концепции сдерживания можно найти у Д. Рамсфелда: «Мы должны найти способы повлиять на принятие решения потенциальных противников, сдерживая их не только от применения существующего вооружения, но и в первую очередь от создания нового, опасного оружия»[61]. Правда, возникает вопрос, насколько способны к этому США сегодня.

Для того чтобы на него ответить, необходимо обратиться к мотивациям, которые подталкивают разные страны приобрести ядерное оружие. Тем более, что все большее количество государств стало стремиться приобрести его, бросая вызов интересам США в различных регионах. Причины, почему это происходит, должны учитываться при выработке стратегии сдерживания США.

По мнению К. Уолтса, стремление государств получить ядерное оружие объясняется следующими факторами:

«...– Во-первых, великие державы обычно противостоят другим, в том числе ядерным державам.

– Во-вторых, некоторые государства хотят получить ядерное оружие из страха, что в случае нападения его союзник, великая держава, не нанесет удар возмездия.

---

[59] Ibid, P. 29.

[60] *Goure D.* Nuclear Deterrence Then and Now // Policy Review. Hoover Institute. №116.

[61] *Rumsfeld D.* Transforming the Military. P. 27.

– В-третьих, страна без ядерных союзников сильнее, имеет больше стимулов приобрести ядерное оружие, если им обладают противники.

– В-четвертых, государства хотят иметь ядерное оружие для защиты от превосходящих неядерных сил противника.

– В-пятых, ядерное оружие — это более дешевая альтернатива, чем экономически разорительная и с военной точки зрения более опасная гонка обычных вооружений.

– В-шестых, некоторые государства хотят обладать ядерным оружием для наступательных целей.

– Наконец, создавая ядерное оружие, государство может надеяться укрепить свой международный статус»[62].

Исходя из этого можно сделать вывод, что следует ожидать дальнейшего распространения ядерного оружия и появления новых ядерных держав. Такое развитие ставит перед руководством США необходимость не только совершенствовать глобальную стратегию сдерживания, но и развивать региональную стратегию сдерживания. В этом случае возникает потребность в изучении, во-первых, мотивации противника, а во-вторых, уязвимых точек в его системе безопасности. Необходимы коррективы и в политику по обеспечению безопасности США. Согласно исследованию, проведенному экспертами корпорации РЭНД К. Уотмэном и Д. Уилкенингом:

«... –Многие региональные противники готовы пойти на значительные риски, потому что они часто вступают в конфликты из стремления избежать потери территории, под давлением внешних угроз или для сохранения внутриполитической стабильности.

– Региональные противники могут продемонстрировать значительную решимость, потому что обычно в региональных кризисах затрагиваются коренные интересы этих стран.

– Ядерное оружие дает региональным державам средства нанести значительный ущерб, который перевесит интересы США во многих регионах мира»[63].

Для того чтобы проводить эффективную стратегию сдерживания в современных условиях, необходимо, чтобы она соответствовала требованиям, которые позволяли бы противостоять самым разным регио-

---

[62] *Waltz K.* The Spread of Nuclear Weapons: More May Better, Adelphi Papers, Number 171. London, 1981. P. 7–8.

[63] *Watman K., Wilkening D.* U.S. Regional Deterrence Strategies. Santa Monica, 1994. P. 3.

нальным оппонентам и тем угрозам и вызовам, которые появились после окончания «холодной войны»[64].

Современная стратегия сдерживания должна не только учитывать изменившийся характер угроз, но и проводиться на разных уровнях. Акцент на стратегический (ядерный) уровень сдерживания устарел. Необходимо обратить внимание на конвенциональный уровень, и об этом делают вывод эксперты корпорации РЭНД: «Есть важные причины подозревать априори, что наиболее эффективные стратегии сдерживания региональных противников, угрожающих американским интересам, отличаются от американской стратегии сдерживания, направленной на Советский Союз во время "холодной войны"».[65]

Авторы этого исследования К. Уотмэн и Д. Уилкенинг полагают, что на стратегическом уровне их подход также актуален. Те же критерии могут использоваться и при сдерживании широкого спектра конвенциональных угроз, исходящих от различных режимов. Они сопоставляют задачи конвенционального сдерживания с потенциальными противниками, не обладающими ядерным оружием, в специфическом региональном контексте. Табл. 1 и 2 раскрывают отдельные положения, подкрепляющие стратегическое сдерживание в условиях стратегической биполярности и многополярности.

[64] Ibid. P. 3.
[65] Ibid. P.3.

Таблица 1

Стратегическая биполярность	Стратегическая многополярность
1. Советское руководство понимало опасность современного оружия. США мало беспокоил тот факт, что стратегия сдерживания на основе ядерного оружия будет нейтрализована советским руководством.	1. Руководители многих стран «третьего мира» могут иметь неполное представление о возможностях обычного вооружения последних десятилетий. Они будут более склонны к риску.
2. Руководство Советского Союза чувствовало свою ответственность за благополучие советских людей и будущее своего государства в качестве модели для подражания.	2. Во многих режимах «третьего мира» меньше чувства ответственности или долга по отношению к собственному населению и его благополучию.
3. На протяжении почти всей «холодной войны» американская стратегия основывалась на предположении, что Советский Союз был удовлетворен своим статусом и перспективами на будущее, поэтому он не должен идти на большой риск. Предпочтителен уход от риска.	3. Многие государства «третьего мира» хронически не удовлетворены своим статусом и перспективами на будущее. С этим связана склонность к большему риску. Государства, готовые пойти на риски, труднее поддаются сдерживанию, при равных прочих условиях. [66]

Во время «холодной войны» руководство США полагало, что его восприятие стратегической реальности по большому счету совпадало с советским восприятием. В тоже время понимание лидерами региональных держав своих национальных интересов отличается в значительной степени от американских. Табл. 2 сравнивает интересы США и новых потенциальных ядерных стран.

[66] Табл. 1 обобщена по: Ibid. P. 3–6.

Таблица 2

Стратегическая биполярность	Стратегическая многополярность
Угрозы возмездия со стороны США, чтобы сдержать ядерное нападение СССР, считались вполне реализуемыми. Самые важные интересы были поставлены на карту.	Почти во всех региональных кризисах угрозы национальным интересам США слабее. Ядерное оружие бесполезно для сдерживания. Сил общего назначения может быть недостаточно, чтобы они сдержали региональных противников.
Оценка, сделанная на основе анализа «затраты-выгода» в рамках общей концепции «рационального» противника, была бы неполной без учета затрат, а также таких факторов как время, ресурсы, потери, политическая поддержка, которые имеют разный вес в незападных обществах. Достаточно вспомнить первую реакцию американских военнослужащих на нападения японских камикадзе на флот около Окинавы во время Второй мировой войны. Среди более современных событий — это атаки террористов на казармы морских пехотинцев и другие акты террора. Таким образом, учет культурных традиций является существенным фактором для разработки стратегии сдерживания в региональном контексте[67].	

В условиях «холодной войны» США обладали потенциалом сдерживания Советского Союза от нападения на территорию США и их союзников. При этом имелось в виду, что они обладают способностью нанести неприемлемый ущерб. Американское военно-политическое руководство достаточно четко представляло, каков должен быть неприемлемый ущерб и какие цели для этого необходимо поражать. Был составлен список стратегических объектов, которые, по мнению американского руководства, представляли большую ценность для Советского Союза. В целом было понятно, как реализовать стратегию сдерживания, и была большая степень уверенности, что она сработает. Под эти задачи развивались стратегические ядерные силы. Американское руководство полагало, что «советские лидеры больше всего ценили четыре категории целей:

[67] Ттабл. 2 обобщена по: Ibid. P. 6–7.

– стратегические ядерные силы;
– политическое руководство;
– предприятия военно-промышленного комплекса;
– другие военные цели»[68].

Проанализировав возможные американские региональные стратегии сдерживания, К. Уотмэн и Д. Уилкенинг обращают внимание на следующие общие факторы:

«...– региональных агрессоров трудно сдерживать, если они могут удержать свою власть.

– США должны поддерживать имидж высокого уровня своих военных возможностей.

– США следует действовать избирательно в тех ситуациях, когда пытаются сдерживать агрессию»[69].

В своем исследовании К. Уотмэн и Д. Уилкенинг пытаются решить несколько проблем. Первая связана с тем, насколько трудно будет сдерживать региональных агрессоров. Исследователи снова обращают внимание на проблему рационализма и иррационализма как концептуальной основы применения военной силы региональными противниками США. «Прогнозируя возможные действия регионального агрессора, важно признать, что то, что видится как иррациональное поведение, таковым по мнению противника бывает редко... Если государство удовлетворено своими перспективами, но бросает вызов США или их союзникам с целью получения выгод, то возможность, что оно что-то потеряет вместо того, чтобы приобрести, может служить достаточным фактором сдерживания. В то же время если данный режим предвидит мрачное для него будущее и если он полагает, что имеется хоть какой-то шанс, даже небольшой, чтобы избежать дальнейших потерь, предприняв действия против США, то режим может считать рациональным начать рискованное предприятие»[70].

Можно предположить, что вероятность развития подобных сценариев велика. Она особенно будет увеличиваться, если США будут и в дальнейшем проводить активную политику по смещению неугодных режимов, силой внедряя демократию. «Многие правительства "третьего мира" живут с хроническими угрозами своей безопасности. Эти угрозы

---

[68] Searching for National Security in an NBC World. P. 40.
[69] Deterring Regional Aggression in the Post-Cold War Era, Rand Research, 1995. http://www.rand.org/publications/RB/RB25/rb25.html
[70] Ibid.

часто возникают внутри государства. Из-за того, что нестабильность угрожает существованию режима, его ставки очень высоки, а склонности к риску могут быть больше, чем они оцениваются американскими руководителями. Сдерживать такие режимы будет трудно, и как минимум потребуется демонстрация такой угрозы, чтобы лишить режим целей для применения силы или устрашить наказанием за агрессию»[71].

Вторая проблема, которую пытаются решить К.Уэтмэн и Д.Уилкенинг, связана со способностью США довести до регионального противника свое твердое намерение по планируемым мерам сдерживания: «Режим-агрессор подумает о том, действительно ли США серьезно заинтересованы в объекте запланированной агрессии. Противник, изучающий готовность США защитить своего союзника, рассматривает это обязательство избирательно, во временном пространстве и с учетом необходимых затрат (финансовых и политических). Во многих региональных кризисах США могут испытывать трудности в убеждении противника, что они твердо намерены защитить союзника[72].

К. Уотмэн и Д. Уилкенинг подчеркивают, что восприятие региональными лидерами американских интересов, а следовательно и намерений США, может меняться. Это зависит от сменяющих друг друга администраций в Вашингтоне и от конкретной ситуации. Операция «Буря в пустыне» 1990–1991 гг. и свержение режима С. Хусейна в Ираке в 2003 г. подтвердили намерение США защитить свои нефтяные интересы на Ближнем Востоке. По мнению региональных лидеров, неоднократное применение военной силы США в одном регионе вовсе не означает, что она будет еще раз применена в другом.

Третья проблема имеет отношение к тому, какие силы необходимы США для сдерживания. К. Уотмэн и Д. Уилкенинг убеждены: «Когда региональные противники прибегают к силе, они обычно стремятся к коротким и "дешевым" войнам. Следовательно, потенциал американских вооруженных сил должен лишать противника надежды на быструю и решительную победу. Конечно, ядерное оружие обладает наибольшей способностью "лишить" противника своих целей. Но политические оппоненты обычно не берут его в расчет в условиях региональных конфликтов. Что касается противников готовых идти на больший риск, то угрозы сдерживания могут выходить за пределы "лишения" и переходить к "наказанию". В частности, США могут усилить атаки на

[71] Ibid.
[72] Ibid.

вооруженные силы и силы безопасности, а также другие структуры, которые помогают противнику оставаться у власти. Это заставит региональные державы быть более осторожными»[73].

Следующая проблема связана с тем, насколько активно США могут прибегать к стратегии сдерживания. Здесь американские эксперты рассуждают о способах эффективной реализации стратегии: «США могут размещать силы передового базирования или сохранять возможность быстрой проекции силы в беспокойные регионы. Они могут проводить частые военные учения, нацеленные на демонстрацию американской мощи, которая доказывает недостижимыми цели противника. В отдельных обстоятельствах США могут оставить за собой "ядерный выбор"»[74].

При всей логичности и убедительности предложенной К. Уотмэном и Д. Уилкенингом региональной стратегии сдерживания, тем не менее остается слабый пункт, на который следует обратить внимание. С одной стороны, это связано с ограниченными финансовыми возможностями США. С другой стороны, на американские возможности сдерживания готовых к риску режимов влияет складывающаяся ситуация. Например, если поставлены на карту важные американские интересы в Корее и Персидском заливе, тогда американская мощь сдерживания может заставить отказаться противника от планов агрессии[75]. Отсюда ясно, почему так трудно сдерживать всех региональных агрессоров. Это чрезвычайно сложно сделать и потому, что существенной эволюции и укрепления межгосударственных мер доверия для уменьшения потенциала конфликтности на данный момент не заметно.

Новая стратегия сдерживания должна опираться на критерии, которые в период «холодной войны» оставались без внимания. Соответственно американские эксперты предсказывают «трудное будущее для международной стабильности, а также уменьшающуюся способность США повлиять на события и проецировать свою силу в регионы, представляющие интерес. В мире растущего числа региональных ядерных держав и негосударственных акторов, обладающих доступом к оружию массового уничтожения, модель "общего рационального противника" неприемлема в качестве основы сдерживания»[76].

---

[73] Ibid.
[74] Ibid.
[75] Ibid.
[76] Searching for National Security in an NBC World. P. 29.

Появление новых государственных и негосударственных акторов в международных отношениях, угрожающих безопасности США, порождает новые вызовы для стратегии сдерживания. На что в таких обстоятельствах должны быть нацелены стратегические силы, какова должна быть их структура и функции? Наличие одной стратегии сдерживания, построенной на основе «парадигмы гарантированной уязвимости», уже недостаточно. Требуется пересмотр всех элементов стратегических сил и политики сдерживания.

Американские эксперты склоняются к тому, чтобы разделить цели/угрозы на два уровня: первый уровень — это традиционные цели как Россия и Китай, т. е. те государства, которые сопоставимы по своему ядерному потенциалу или способны нанести серьезный ущерб США. В этом случае, как отмечает У. Кертис, «подход периода "холодной войны" на основе "взаимно гарантированного уничтожения" вполне может быть уместен для сдерживания российской стратегической ядерной угрозы и потенциальной угрозы со стороны Китая»[77]. Имеющаяся структура американских вооруженных сил в целом и стратегических в частности в значительной степени отражает реальности периода «холодной войны». Они направлены против угроз примерно равного противника. В отношении угроз первого уровня в целом классическая стратегия сдерживания рассматривается как по-прежнему эффективный способ обеспечения безопасности США и их союзников.

Что касается угроз второго уровня, то к ним относятся региональные державы и региональные лидеры, такие как Северная Корея и Иран, стремящиеся приобрести ядерное оружие и ОМП и способные затронуть жизненно важные интересы США. Здесь складывается иная ситуация. «Критерии сдерживания ядерных государств второго уровня будут представлять более сложную проблему, так как США не могут рисковать своей безопасностью, прибегая к стратегии сдерживания этих государств на основе взаимной уязвимости. США должны развивать стратегию сдерживания и привязанную к ним структуру сил, которые сохраняют возможность вести боевые действия с любым региональным противником или группой региональных ядерных держав»[78].

Этот подход обусловливает необходимость, во-первых, смещения акцента с угроз первого уровня на второй уровень как более сложный случай, а во-вторых, иного подхода к стратегии сдерживания. Как счи-

---

[77] Ibid. P. 44.
[78] Ibid. P. 44.

тают американские эксперты, военно-политическое руководство стран, представляющих угрозы второго уровня, будет значительно труднее сдержать угрозой нанесения удара по населению их стран и вероятностью больших потерь, в том числе среди гражданского населения.

Для того чтобы решить эту проблему У. Кертис предлагает взять на вооружение подход «Адаптированных стратегических опций». Он будет свободен от ограничений, типичных для модели «общего рационального противника», и не будет связывать руки руководству США при выборе решения. Подход «Адаптированных стратегических опций» может:

«...– отказаться от различий между стратегическими и тактическими уровнями;

– сфокусироваться на заявленной политике, подчеркивающей применение стратегической авиации, крылатых ракет, высокоточного оружия и субядерного оружия;

– модернизировать стратегическую бомбардировочную авиацию, связь, электронные системы управления, стратегические крылатые ракеты и высокоточное оружие;

– развивать способности к анализу факторов культуры, которые будут влиять на процесс принятия решения политическим руководством противника;

– совершенствовать базы данных, которые могут использоваться для модернизации планов по нацеливанию и стратегий сдерживания;

– сохранить стратегические ядерные бомбардировщики для выполнения задач;

– развивать стратегическую триаду, которая не теряет своей значимости, обеспечивая эффективное сдерживание государств первого и второго уровня»[79].

У. Кертис, разъясняя свой тезис о стирании различий между стратегическим и тактическим уровнем, отмечает, что применение стратегической авиации с территории США для поражения целей в Европе, как это было в Югославии в 1999 г., а также наличие нового поколения крылатых ракет и высокоточного неядерного оружия стирают границу между стратегическими и тактическими задачами. Об этом же говорит отказ от крупных военных баз периода «холодной войны» в пользу более гибкого передового присутствия. Более того, развиваются возможности проецировать военную силу в заданный район мира, которые позволяют обходиться без передового присутствия.

---

[79] Ibid. P. 46.

В американском экспертном сообществе стали иначе оценивать роль ядерного оружия в рамках стратегии сдерживания. Если в период «холодной войны» ядерное оружие было равнозначным сдерживанию, то в настоящее время акценты стали меняться. Как отметил ведущий научный сотрудник Р. Райн, «дети "холодной войны" склоняются к тому, чтобы рассматривать сдерживание синонимично ядерному оружию. Оно висит как дамоклов меч в равной степени над головами врагов и друзей, причем независимо от того, о чем идет речь: массированное возмездие, взаимное гарантированное уничтожение или избирательные удары»[80]. Группа военных экспертов США придерживаются близкой точки зрения: «В то время как сдерживание по-прежнему остается фундаментальной частью американской внешней и военной политики, ядерное оружие не равнозначно сдерживанию. Более того, ядерное оружие играет существенную роль в рамках стратегии сдерживания»[81]. Понимание ограниченности роли ядерного оружия как средства сдерживания вызывает необходимость рассмотреть иные средства сдерживания.

Неядерные возможности в рамках стратегии сдерживания. С изменением характера угроз и появлением более современных видов обычных вооружений, дающих США превосходство над многими потенциальными противниками, появились новые взгляды на соотношение неядерных и ядерных сил в стратегии сдерживания США.

Некоторые эксперты и политики стали склоняться к тому, что растущая эффективность неядерного сдерживания может сместить акценты в американском военном планировании. В частности, в разработке Института стратегических исследований Колледжа сухопутных войск США подчеркивается: «Сдерживание может принять отличную форму от той, которая была в недавнем прошлом... При отсутствии соперничества супердержав уменьшается доминирующая роль ядерного оружия в политике сдерживания. Появление государств-"изгоев" и негосударственных акторов, которые могут получить доступ к ядерным компонентам или материалам, усложняет ситуацию. Вызывает беспокойство рост числа государств, транснациональных организаций, криминальных групп и террористов, которые могут овладеть химическими и биологическими компонентами. Ввиду того что эти группы могут питать наде-

---

[80] *Rhinne R.* Deterrence and the Nuclear Weapons Complex. Draft for Comment, Sandia National Laboratories April 18. Livermore, 2000.

[81] Nuclear Deterrence and Defense: Strategic Considerations. INSS Book Serious, February 2001, INSS US Air Force Academy. February. Colorado Springs, 2001. P. 19.

жду на уход от возмездия... их, видимо, будет трудно сдержать угрозой ядерного возмездия»[82]. На слушаниях в Конгрессе США заместитель министра обороны Д. Фейт отмечал: «В некоторых случаях... применение передовых неядерных возможностей или оборонительных систем достаточно с военной точки зрения и представляет меньший риск для США и их союзников»[83]. Д. Гуре считает, что «неядерные ударные силы способны не только доминировать на поле боя с применением обычного оружия, но и создают высокие риски для широкого ряда стратегических целей. Уже этого может быть достаточно для сдерживания противника от использования ОМП»[84].

В этом свете по-иному стала оцениваться концепция «расширенного сдерживания». В период «холодной войны» она ассоциировалась с возможным применением ядерного оружия для защиты союзников и друзей США, в том случае, если они подверглись нападению со стороны Советского Союза или его союзников. Сейчас предлагается рассматривать концепцию «расширенного сдерживания» иначе. «Когда Соединенным Штатам противостояли противники, обладающие эффективными силами общего назначения, то они (США. — *О.И.*) зависели от своих ядерных сил для "расширенного сдерживания". Сегодня американское "расширенное сдерживание" опирается на высокотехнологичное обычное вооружение, которое может быть таким же эффективным для достижения военных целей, как и ядерное оружие»[85].

В связи с изменениями акцентов в стратегии сдерживания, появились предложения о повышении значимости сил общего назначения. «Силы общего назначения, вероятно, будут играть все большую сдерживающую роль, чем в недавнем прошлом. Если, как это ожидается, США сохранят свою активную политику вмешательства в регионах, чтобы обеспечить стабильность, то количество "сдерживаемых" будет достаточно значительным... риски, создаваемые потенциальными противниками, будут попадать в более широкий спектр конфликтов, чем это было ранее с относительно ограниченными требованиями ядерного сдерживания во время "холодной войны". Из-за того, что США придется сдерживать многие государства и других акторов, которые не обла-

---

[82] *Johnsen W.* The Future Roles of U.S. Military Power and Their Implications. U.S. Army War College, 1997. P. 7.

[83] *Feith D.* Prepared Statement for the Hearing on the Nuclear Posture Review. February 14. Washington, 2002. P. 4.

[84] *Goure D.* Nuclear Deterrence Then and Now // Policy Review. Hoover Institute. №116.

[85] *Ross R.* Navigating the Taiwan Strait // International Security. 2002. Vol. 27. №2. P. 64.

дают ядерным оружием, ядерное возмездие со стороны США будет оцениваться как непропорциональное. Из-за растущей важности неядерного сдерживания политикам придется уделять все больше внимание созданию внушающим доверие механизмам сдерживания, таким как коалиции и союзы, передовое присутствие, принудительные санкции и эмбарго»[86].

Анализируя американскую стратегию сдерживания в современных условиях, китайские военные эксперты особо выделяют такую новую тенденцию в неядерном сдерживании, как «информационное сдерживание». Они полагают, что «превосходящая сила может ослепить противника, уничтожить его информационные системы, разрушить его способность вести войну и установить информационное превосходство. Возможности информационного превосходства могут создать "информационный зонтик", который может не только заменить ядерный зонтик, но и превзойти его. Информационное сдерживание дает лучший результат, нанося поражение противнику без боя. В то время как ядерное сдерживание представляет слишком большой риск и таким образом не применимо в войне, "информационный зонтик" обладает относительно большим потенциалом для применения, чем ядерный зонтик»[87].

Учитывая общее превосходство американских возможностей в обычных вооружениях над любым потенциальным противником, к тому же подкрепленное возможностями информационного сдерживания, неядерное сдерживание становится потенциально более эффективным. Американский политолог Р. Росс приводит мнение китайского военного аналитика, который дает следующую оценку: «Применимость неядерного сдерживания намного выше, чем сил ядерного сдерживания... Превосходящие силы общего назначения дают США эффективную и применяемую "независимую" сдерживающую возможность предотвратить войну в таких местах, как Европа и Корейский полуостров»[88].

С другой стороны, если сдерживание не удается, то наличие высокоточного оружия, способного наносить удары с большого расстояния, позволяет США обеспечить «гарантированный ущерб» противнику при минимальных потерях своих вооруженных сил. Раньше «гарантию» давало исключительно ядерное оружие. «Наступательные неядерные возможности позволяют США отказаться от стратегий ограниченной вой-

---

[86] *Johnsen W.* Op. cit. P. 7–8.
[87] *Ross R.* Op. cit. P. 64.
[88] Ibid. P. 65.

ны и постепенной эскалации военных действий, которые неудачно применялись в войне во Вьетнаме. В том случае, если сдерживание не удается, американская стратегия предусматривает быстрый и решительный ввод своих сил для достижения победы в кратчайшие сроки, на первых этапах войны»[89]. Такое развитие событий делает стратегию сдерживания США, основанную на неядерном компоненте, весьма весомой в глазах политических оппонентов.

В заключение можно констатировать, что американская политологическая и военная мысль не отказалась от концепции сдерживания. Но из-за появления новых угроз и вызовов появилось понимание того, что сдерживание должно носить многоуровневый и многоаспектный характер. Это, в свою очередь, требует новых подходов и более избирательного воплощения этой концепции на практике. Как именно это сделать, для США остается открытым вопросом, и дискуссия на этом не закончилась.

[89] Ibid. P. 65.

С.М. Виноградова

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В последние несколько десятилетий мы стали свидетелями появления новых подходов к осмыслению понятия безопасности, что выразилось, в частности, в его более широком толковании. Речь идет о недопущении не только внешней агрессии, но и внутренней дестабилизации, а также о возникновении новых угроз национальной безопасности. Предметом особого внимания стал не только военный блок угроз, но и невоенный, связанный с экономическими, экологическими, технологическими, образовательными и многими другими факторами[1]. В данном контексте, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем прояснении предметная область информационной безопасности. Как отмечает В.Н. Конышев, в 1990-е гг. термины «информационная безопасность» и «информационная борьба» воспринимались в специфически военном значении[2]. Небезынтересно проследить, изменилась или осталась прежней их интерпретация сейчас, в начале XXI в.

Противоречивость характера протекания информационно-коммуникационных процессов, а также неоднозначность их эффектов в условиях глобализации очевидна. Как компонент культуры информация имманентно призвана служить связующим звеном между странами и народами мира, способствовать возвышению потребностей человека, реализации его творческого потенциала. Собственно, сама жизнь — это способ существования органических систем, основанный на использовании внутренней информации. Вместе с тем политическая практика, в том числе международная, свидетельствует, что слово «информация» (при всем многообразии его трактовок) все чаще употребляется в одном ряду с такими понятиями, как «противостояние», «угроза» и «безопасность». «Информационный фактор в формате глобализирующегося мира имеет особое значение, поскольку во многом его новизна и динамизм оказались весьма действенными в последнее время. Возможность кон-

---

[1] *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2003. С.162–163; *Колобов О.А., Балуев Д.Г., Кабешев Д. В. и др.* Запад: новые измерения национальной и международной безопасности. Н. Новгород, 1997. С.7–34; *Конышев В.Н.* Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб., 2004. С.139–146.

[2] *Конышев В.Н.* Указ. соч. С.140.

тролировать информационные потоки предполагает усиление воздействия как экономического, так и политического характера. Поэтому не случайны те "информационные противоречия", которые развернулись в последние десятилетия между странами различного уровня социально-экономического развития. И, несмотря на то, что содержание процесса, получившего название информационной революции, изучено еще далеко не в полной степени, уже сегодня можно утверждать, что взаимодействие и взаимозависимость в информационном поле принесут как положительный, так и отрицательный эффект»[3]. По мнению политиков, военных и ученых, уже в 1980-е гг. «было достигнуто полное понимание того, что информация может быть как целью, так и оружием»[4].

В 1990-е гг. американские ученые выразили озабоченность возникновением угроз национальной безопасности своей страны в информационно-коммуникационной сфере. У американских экспертов вызвали вполне обоснованную тревогу растущие масштабы компьютерной преступности, многочисленные попытки несанкционированного проникновения в компьютерные сети Пентагона и потенциальная опасность возникновения ситуаций, когда противники США могли бы «взломать» официальные компьютерные сети в разгар военных действий[5].

В 2000 г. В.В. Путин утвердил Концепцию национальной безопасности РФ, где были впервые особо отмечены интересы России в информационной области. В том же году была принята Доктрина информационной безопасности РФ.

Содержание Доктрины и практика ее реализации получили разнообразные и весьма противоречивые оценки со стороны представителей российской общественности, отечественного научного сообщества, работников средств массовой информации. Определенные разночтения вызвало то, что пока не выработано научной *дефиниции* самого понятия информационной безопасности. Так, в Доктрине информационная безопасность определяется как состояние *защищенности* интересов Российской Федерации в информационной сфере, «определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государст-

---

[3] *Алимов А.А.* Глобализация как основной вызов мировому сообществу в XXI в. // Исследования международных отношений. СПб., 2004. С. 89.

[4] *Гриняев С.Н.* Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск, 2004. С. 96.

[5] *Столярова Г.В.* Американские исследователи и пресса о роли компьютерных технологий в деле укрепления национальной безопасности США // Век информации: Тезисы междунар. научно-практич. семинара. СПб., 1997. С. 49–50.

ва». Основные аспекты защиты информации в нашей стране определены Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации»[6]. С точки зрения известного отечественного исследователя информационно-коммуникационных процессов И.М. Дзялошинского, стратегия «"борьбы и защиты" проигрышна в принципе по двум причинам... она направляет усилия не на корни и источники негативных явлений, а на результаты и симптомы болезни...»[7]

Стали высказываться опасения, что в Доктрине информационной безопасности не получат четкого конституционно-правового воплощения параметры правомерности возможных ограничений в области информации, что может дестабилизировать политическую систему, устойчивое функционирование которой связано не с противоположностью, а с единством государства и гражданского общества, институтов власти и институтов участия. Все отчетливее звучала мысль о поддержке общественностью принципа общей *презумпции открытости информации*[8]. По образному выражению профессора В.Н. Монахова, «...стародавний культ секретности не спешит пока сдавать дела становящейся российской информационной культуре. Вместе с тем "невидимая рука" Ланселота (развивающееся российское гражданское общество) увереннее и успешнее рубит все еще отрастающие головы дракона секретности»[9]. Мы не склонны в полной мере разделить с нашим коллегой его оптимизм. Во-первых, потому что в России процесс формирования гражданского общества разворачивается очень сложно и противоречиво. Во-вторых, появление новых угроз (прежде всего, международного терроризма) заставляет задуматься о мере свободы, ответственности и

---

[6] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.; Об информации, информационных технологиях и о защите информации // http://www.medialaw.ru/laws/russian_laws/txt/10.htm

[7] *Дзялошинский И.М.* Интегративные процессы в современных российских медиасистемах, или Что происходит в российском информационном пространстве // Международная конференция «Проблемы свободы слова, информации и печати в теории и практике стран Западной, Центральной, Восточной Европы и США. 26–27 января 2002 г.: Стенограф. отчет. СПб., 2002.

[8] *Монахов В.Н.* Культура ограничений информационных прав и свобод как фактор информационной безопасности // Информационное право: информационная культура и информационная безопасность: Материалы Всерос. научно-практ. конференции. СПб, 2002. С. 34–39.

[9] Там же. С. 39.

профессионализма в распространении информации, касающейся проблем безопасности общества и личности.

Отечественные авторы обратили внимание и на то, что проблема информационной безопасности находится в одном ряду с проблемой суверенитета и с перспективами развития рынка, которое в существенной степени зависит от охраны информационных ресурсов и интеллектуальной собственности. В поле зрения российского научного сообщества оказалось взаимодействие информационной безопасности и информационной культуры. Представители различных областей социально-гуманитарного знания отмечали, что без широкого доступа к информации обществу невозможно достичь высокого уровня развития культуры. Но одновременно добавляли, что и культура, и информация, и система безопасности могут вызывать к жизни противоположные тенденции и явления. Они способны породить как патриотизм, так и космополитизм, как единство, так и разобщенность[10].

Уже упоминавшийся нами И.М. Дзялошинский высказал предположение, что «должна быть выработана новая концептуальная основа поведения России в информационной сфере, четко ориентированная на новую цель, а именно: не сохранение традиционной, узко российской системы безопасности, в том числе информационной, а создание нового экономического политического и информационного порядка и системы безопасности наряду с новым психологическим климатом в Большой Европе, конструктивное интегрирование России в мировое информационное сообщество»[11]. Представляется, что сформулированная автором цель может быть достигнута лишь в долгосрочной перспективе, в частности, из-за отставания России в информационной сфере.

Заметим также, что в восприятии современных информационно-коммуникационных реалий все еще не преодолены разногласия между журналистами и юристами, журналистами и военными. Наконец, серьезные дискуссии ведутся в связи с концептуальными основами национальной безопасности и стратегией безопасности нашей страны в ме-

---

[10] *Вус М.А., Гусев В.С.* Безопасность, информация, защита информации: Информационная безопасность // Журналистика — XX век: эволюция и проблемы: Тезисы междунар. научно-практ. конференции / Отв. ред. Г.В. Жирков. СПб., 1996. С. 13–15; *Глущенко П.П.* Информационная культура и информационная безопасность: направления воспитания и обеспечения // Информационное право: информационная культура и информационная безопасность. С. 19–21.

[11] *Дзялошинский И.М.* Указ. соч. С. 147.

няющемся мире[12]. Это не может не отразиться и на динамике обсуждения внутренних и международных аспектов информационной безопасности.

В этой связи закономерна эволюция научных подходов к понятию информационной безопасности, которое отражает феномен, обладающий двойственной природой. Одна сторона медали отображает круг вопросов, касающихся возможности уничтожения технических носителей информации и деструктуризации информационно-коммуникационного пространства противника. В отечественной и зарубежной научной литературе и периодике приведено описание различных видов информационного оружия — алгоритмического и программного (компьютерный вирус, программные закладки, логическая бомба, логический люк, программная ловушка)[13]. Считается, что первоначально обсуждение информационной безопасности в основном шло в рамках проблемы оборонного и стратегического значения современных информационных технологий и ресурсов.

Совершенно справедливо, что разработка концепции информационной безопасности и проведение в жизнь ее положений были и продолжают оставаться ответом на вызов современных информационных войн[14]. В отечественных исследованиях существует несколько оттенков в толковании этого термина.

Например, В.И. Кириленко и В.П. Лось пишут, что «информационная война — одна из форм информационной борьбы сторон посредством использования информационного оружия в интересах уничтожения телекоммуникационных систем или взятие их под свой контроль, нанесения психологического удара по населению и личному составу вооруженных сил и т.п. с возможным последующим ведением боевых действий на суше, морском и воздушном пространствах для достижения политических, экономических и иных целей и защиты собственных интересов»[15].

---

[12] Стенограмма «круглого стола» «Национальная безопасность России: доктрина и реальность» // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. Альманах. Вып. 2. СПб., 2005. С. 262–312.

[13] *Гриняев С.Н.* Указ. соч. С. 113–114.

[14] Считается, что термин «информационная война» был употреблен в конце 1976 г., а в обиход ВВС США вошел в 1980 г. (Там же. С. 95–96).

[15] *Кириленко В.И., Лось В.П.* Информационная борьба и проблемы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Информационное право: информационная культура и информационная безопасность. С. 61. — Эти же авторы определяют

В определении, данном А.В. Манойло, А.И. Петренко и Д.Б. Фроловым информационная война предстает «как секретная деятельность для обеспечения информационного доминирования, приобретающая значение не менее важное, чем традиционное военное доминирование. Оно направлено на формирование информационно зависимых отношений от субъекта воздействия как на технологическом, так и на социально-психологическом уровне. В результате возникает новое измерение конфликта и новая реальность его протекания, в которой информационные ресурсы выступают центром притяжения и оружием контроля деятельности противной стороны с помощью более высокого уровня знания и глубокого понимания складывающейся ситуации»[16].

Как видим, второе (хронологически более позднее определение) делает акцент на информационном доминировании, зависящем от уровня *знания*, которым обладают противники (как известно, «знание» и «информация» — понятия чрезвычайно близкие; информация иногда рассматривается как *востребованное* знание, имеющее свой адресат). Вместе с тем и то и другое подчеркивает не только технологические, но и психологические, а также социально-психологические аспекты информационного противостояния. Как отмечает С.Н. Гриняев, в ходе информационных войн боевые действия развертываются в технической и психологической сферах[17].

Таким образом, необходимо обратиться к другой стороне медали. Информационную безопасность (как, впрочем, и любую другую) нельзя рассматривать в отрыве от политических и социально-гуманитарных факторов. Даже если мы будем трактовать информационную безопасность исключительно как защиту информационных каналов, ясно, что все они так или иначе связаны с деятельностью человека, зависят от нее и функционируют в определенной социальной системе.

Доктор социологических наук И.В. Соколова, напоминая, что основным объектом обеспечения информационной безопасности выступает ***личность***, приходит к выводу, что факторы риска связаны с особенностями психики человека и состоянием социума. Незрелость личности, ее

информационную борьбу как форму борьбы сторон, представляющую собой «использование специальных (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) методов, способов и средств воздействия на информационную среду противостоящей стороны и защиты собственной в интересах достижения поставленных целей» (Там же).

[16] *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М., 2003.С. 79.

[17] *Гриняев С.Н.* Указ. соч. С. 99.

установка на конформизм, способность к таким реакциям, как заражение и подражание, создают основу осуществления различных форм внешнего (в том числе деструктивного) влияния на индивидуальное и массовое сознание[18].

В условиях развития информационных технологий подверженность манипулятивному воздействию усиливается и в связи с тем, что человек «в многооконной среде в эпоху Интернета становится существом множественным, выходит за пределы самого себя и начинает "примерять" на себе новые миры и новые личности, новые способы видеть мир и новые модели сознания. Представление о "здоровой личности" как об одной "целостной" сегодня уже не работает. Присутствуя одновременно в "нескольких окнах", человек может поддерживать столько личностей, сколькими способен одновременно управлять, переключая пол, возраст, манеру поведения. Многие при этом теряют ощущение того, что их собственное Я, присутствующее в реальном мире, имеет какое-то значение. Психологическое здоровье представляется на сегодняшний день как способность налаживать связи между различными ролями и осознавать эти свои роли, не впадая ни в одну из них, а ассоциируя себя с наблюдателем»[19].

Отсюда вытекает необходимость учета когнитивных аспектов информатизации, предполагающих расширение интеллектуальных возможностей человека и общества в целом, что крайне затруднено в эпоху массовой культуры, когда под угрозой оказываются именно рациональные компоненты психики и происходит «развязывание подсознательного». Усиление манипулирования информацией, внедрение электронного контроля и кибер-надзора за жизнью людей и деятельностью политических организаций, использование «эффекта наркотизации» приводят к формированию агрессивного типа мышления личности: социокультурные сферы жизнедеятельности «сами начинают продуцировать негативное воздействие на человека (традиции, обычаи, идеология, наука, родственные связи)»[20].

Небезынтересны и рассуждения И.В. Соколовой о *системе социальных показателей информационной безопасности*, находящихся в пря-

---

[18] *Соколова И.В.* Социологические проблемы информационной безопасности // Информационное право: информационная культура и информационная безопасность. С. 31.

[19] Там же. С. 29.

[20] *Артамонова Г.К.* К вопросу об информационно-психологической безопасности // Информационное право: информационная культура и информационная безопасность. С. 40–41.

мой зависимости от степени информированности различных социальных слоев и групп населения. Рассматривая информационную безопасность на уровне личности, общества и государства, автор отмечает, что в области защиты информационных интересов сегодня на первый план выдвигаются следующие задачи:

«...– построение системы международных отношений в новых условиях информационной проницаемости государственных границ;

– выработка рациональной государственной политики по отношению к мировым открытым сетям типа Интернет и решение задачи вхождения в них национальных и корпоративных информационных и телекоммуникационных сетей с позиции защиты национальных информационных ресурсов и информационной инфраструктуры;

– опасность использования новых информационных технологий в качестве информационного оружия, а также угроза информационного терроризма»[21].

Примечательно, что автор обращается к геополитическим и ноосферным аспектам осуществления информационной безопасности, что приобретает особо важное значение при выявлении основополагающих черт такого феномена, как информационное пространство. В связи с различными подходами к этому понятию[22] проблема информационной безопасности получила новое звучание.

Сложность вновь заключается в том, что словосочетание «информационное пространство» не обладает четкой терминологической определенностью. Его можно расценивать как ту среду, где развертываются боевые действия в ходе информационных войн. В него включают и характеристику того места, которое информация занимает в СМИ, и «те сферы в современной общественной жизни мира, в которых информационные коммуникации играют ведущую роль»[23].

---

[21] Там же. С. 32.

[22] Наша точка зрения по поводу проблемы информационного пространства представлена в следующих публикациях: *Виноградова С.М.* Пространство и время в современных информационно-коммуникационных процессах //Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 5. М., 2005. С. 16; *Виноградова С.М., Мельник Г.С.* Пространство и время в современных информационно-коммуникационных процессах // Социально-политическое функционирование журналистики: Материалы секции «Журналистика в мире политики» Дней Петербургской философии. СПб., 2005. С. 58–69.

[23] *Землянова Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999. С. 70.

К.А. Хачатуров высказывал опасение по поводу возможной маргинализации России в мировом информационном пространстве. В перечне источников угроз информационной безопасности он особо выделил и «стремление ряда стран к доминированию и ущемлению интересов России в мировом информационном пространстве, вытеснению ее с внешнего и внутреннего информационных рынков»[24]. Действительно, последние десятилетия сделали российское информационное пространство как никогда открытым для внешних влияний. Московские ученые отмечают, что ряд тенденций, обусловливающих деятельность СМИ под воздействием глобализации, уже наблюдаются в России, а некоторые не затронули ее (возможно, лишь пока)[25].

Важной особенностью глобализации считается тенденция формирования единого информационного пространства (ЕИП)[26]. Это понятие все чаще встречается в отечественной научной литературе, что во многом связано с принятием в нашей стране «Концепции формирования единого информационного пространства» (1995 г.). В 1997 г. прошли парламентские слушания по темам «Развитие информационного пространства в России» и «О развитии информационного пространства». В 1998 и 1999 гг. Комитетом по информационной политике были одобрены соответственно «Концепция государственной информационной политики» и «Концепция формирования информационного общества в России».

Петербургский исследователь СМИ Н.С. Андреев определяет ЕИП как «совокупность разнонаправленных информационных потоков, не зависящих от государственных границ, регулируемых средствами массовой информации, и напрямую зависящих от средств получения, передачи, обработки и хранения информации»[27]. Наличие единого информационного пространства коррелируется с интеграционными процессами, характерными для постиндустриальной эпохи, а также с взаимодействием, слиянием и взаимопроникновением масс-медиа. В результате подобной интеракции возникает полицентричная информационная среда,

---

[24] *Хачатуров К.А.* Обеспечение внешнеполитических позиций России в свете Доктрины информационной безопасности РФ // Информация. Дипломатия. Психология. М., 2002. С. 273, 265.

[25] Система средств массовой информации России. С. 184.

[26] *Лебедева М.М.* Указ. соч. С. 100.

[27] *Андреев Н.С.* Единое информационное пространство Российского государства: взаимодействие печатных и электронных СМИ: Автореф. канд. дис. СПб., 2005. С. 14.

основными компонентами которой становятся национальные и транснациональные корпорации СМИ [28].

Ряд ученых на первый план выдвигают *технологические* компоненты ЕИП. В рамках *информационного* направления ЕИП соотносится с развитием информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, их доступностью для широкого круга населения, с расширением информационного взаимодействия государства, организаций и граждан, а также с вхождением в мировое информационное пространство при одновременном обеспечении национального информационного суверенитета. *Социологические* аспекты ЕИП предполагают его восприятие в качестве особого поля информационных отношений[29]. Согласно социальной парадигме, информационное пространство может быть рассмотрено как совокупность приватного информационного комплекса, специальных (или специализированных) и массовых комплексов, в рамках которых функционируют журналистика, реклама и паблик рилейшнз (PR)[30].

Приверженцы *геополитических* воззрений фокусируют внимание на территориальных аспектах ЕИП[31]. Для них наличие единого информационного пространства означает, что в любой его точке человек может получить минимально необходимые сведения, чтобы ощущать себя достаточно информированным[32].

С точки зрения многоярусности современного геополитического мироустройства рассматривается вопрос *геополитической конкуренции* — соперничества геополитических субъектов в борьбе за влияние на то или иное пространство, в данном случае — информационное, по своей конфигурации далеко не всегда совпадающее с пространством физическим [33].

Геополитическое понимание ЕИП стало объектом критики, снова прозвучавшей со стороны отечественных исследователей проблем журналистики: «...в геополитике пространство является не столько вместилищем государства и его сил... сколько самостоятельной силой, то есть специфическим ресурсом... Геополитики полагают, что именно про-

---

[28] Там же. С. 3, 18.

[29] Там же. С. 13.

[30] *Дзялошинский И.М.* Указ. соч. С. 125–139.

[31] Пространство выступает в качестве одной из категорий геополитического анализа. — См.: *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России. СПб., 2005. С. 37.

[32] *Прохоров Е.П.* Журналистика и демократия. М., 2001. С. 195.

[33] *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д. Б.* Указ. соч. С. 96–97.

странство сейчас стало не просто главным, но, по сути, и последним ресурсом России, контролируя пространство, государство осуществляет контроль над остальными ресурсами»[34]. Критика геополитического подхода базируется на утверждении о том, что в современных условиях идет процесс переосмысления границ, сопровождающийся расширением трансграничного сотрудничества. В сфере информационных процессов, по словам И.М. Дзялошинского, любые границы имеют чисто символический смысл[35].

Говоря о причинах «разорванности» информационного пространства России, российские ученые объясняют сложившуюся ситуацию общим низким уровнем экономической конъюнктуры, высокой степенью зависимости СМИ от властей, неблагоприятным правовым режимом функционирования и концентрацией СМИ, усилением финансовой непрозрачности и коммерциализации СМИ, а также политическим противостоянием отечественных медиа[36]. К тому же в российском информационном пространстве все более заметной становится роль иностранного капитала, в то время как российские проекты «прорыва» на зарубежный медиа-рынок пока еще не приобрели масштабных очертаний[37].

Сторонники *ноосферной* концепции В.И. Вернадского обозначают ЕИП как область планеты, охваченной разумной деятельностью (ноосфера и инфоноосфера лишены внутренних перегородок)[38].

По мнению С.Н. Гриняева, переосмысление современными государствами своих подходов к проведению внешней и внутренней политики началось с переосмысления сути информационного пространства, когда экспертами РЭНД было высказано предположение, что понятия киберпространства и информационной сферы нужно объединить в более широком понятии ноосферы. Вопрос ставится о возникновении в самых высоких политических эшелонах новой парадигмы, которая будет противопоставлена традиционной политике силы: «Нооплитика — это форма политического руководства, которая необходима для взаимодействия с ноосферой, самым широким информационным пространством сознания, в котором объединены киберпространство (или "Сеть") и

---

[34] *Дзялошинский И.М.* Указ. соч. С. 123.

[35] Там же.

[36] *Дзялошинский И.М.* Указ. соч. С. 135–136.

[37] См.: *Виноградова С.М. Мельник Г.И.* Монополизация СМИ в современном информационном пространстве // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. Альманах Вып.2. СПб., 2005. С. 95–110.

[38] *Андреев Н.С.* Указ. соч. С. 13.

инфосфера (киберпространство плюс средства массовой информации). Нооплитика — это метод реализации внешней политики в информационную эпоху, который подчеркивает первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики, основанный на применении "мягкой", а не "трубой" силы»[39].

Профессор Гарвардского университета Дж. Най рассматривает «мягкую силу» в качестве косвенного способа осуществления власти. По мнению этого известного американского ученого, страна способна достичь своих целей на международной арене, потому что остальные захотят следовать ее примеру не по принуждению, а в результате восхищения уровнем ее открытости и процветания. Мудрые родители, добавляет Дж. Най, не станут отнимать ключи от машины у своих детей, а будут воспитывать их на основе истинных ценностей и верований. *Способность заставить других делать то, что хотите вы,* Дж. Най как раз и называет «soft power». В русском языке это словосочетание может означать «мягкую силу», «мягкую власть», или «гибкую власть». Именно эта версия была выбрана при переводе В.И. Супруном известной книги Дж. Ная «Soft power: the means to success in world politics. (Public Affaires. New York.2004). В нашей стране она вышла под названием «Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике (Новосибирск/Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды». 2006).

Мягкая сила, пишет Дж. Най, — это «способность соблазнять и привлекать», с его точки зрения, «те, кто отрицает важность гибкой власти, подобны людям, которые не понимают власти соблазнения»[40]. Он проводит грань между характером применения мягкой (или гибкой) силы (власти) и процессом убеждения, которое базируется на доказательстве.

Последнее явно вступает в противоречие с традиционными представлениями о том, что принято называть западным стилем мышления, истоки которого многие связывают с античностью: «...осуществление выбора для греков становилось обыденностью. Интеллектуальные усилия концентрировались на другом: как обосновать предпочтение того или иного. Так, внутренней потребностью и гениальным достижением греческой культуры стало доказательство — способ мышления, разви-

---

[39] *Гриняев С.Н.* Указ. соч. С. 13.

[40] *Nye J.* The paradox of American power: why the world's only super power can't go it alone. New York, 2002 P.8–9; Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В.И. Супруна. Н., 2006. С. 35.

тие которого определило глубочайшее различие между Западной и Восточной цивилизацией»[41].

Эффективность «мягкой силы», или «гибкой власти», использующей механизмы формирования предпочтений и ожиданий других, особенно возрастает в тех случаях, когда давление и принуждение утрачивают свою действенность и на первый план выносится стратегия «непрямых действий»[42]. Объектом воздействия окажется человек, «самостоятельно» и «без принуждения» принимающий «благоприятные для атакующей стороны решения»[43].

Французский биолог и гуманист П. Тейяр де Шарден считал, что возникновение мысли и появление над биосферой Земли «мыслящего пласта» сравнимо только с самим возникновением жизни. По его словам, в этом процессе способен разрешиться «парадокс человека». Тейяр де Шарден пишет: «Признав и выделив в истории эволюции новую эру ноогенеза, мы соответственно вынуждены в величественном соединении земных оболочек выделить пропорциональную данному процессу опору, то есть еще одну пленку. Вокруг искры первых рефлектирующих сознаний стал разгораться огонь. Точка горения расширилась. Огонь распространился на все дальше и дальше. В конечном итоге пламя охватило всю планету. Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера»[44]. Главная угроза, исходящая от «мягкой» силы, — это не просто физическое уничтожение мыслящего существа, а убийство самой мысли. Вольный пересказ слов выдающегося английского поэта, публициста и политического деятеля Джона Мильтона, осудившего цензуру эпохи Английской буржуазной революции, не случаен. Наши современники обращают внимание на парадокс нынешнего информатизирующегося общества, заключающийся в том, что во многих странах цензура отменена, зато манипулятивное воздействие упрочило свои позиции[45]. Это означает, что в который раз под сомнение ставится величайшее достижение человечества — право свободного выбора.

Таким образом, информационная безопасность является сложным и многоаспектным понятием, которое включает в себя «военные» и «не-

---

[41] Запад и Восток: Традиции и современность. М., 1993. С. 12.
[42] *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Указ.соч. С. 76.
[43] *Гриняев С.* Указ.соч. С. 97.
[44] *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987. С. 148–149.
[45] *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Указ. соч. С. 76.

военные» компоненты, а также технические и социально-гуманитарные аспекты. Мы можем разделить их в процессе теоретического анализа, вместе с тем осознавая, что в реальной действительности они теснейшим образом переплетены друг с другом, образуя такое целое, которое превращает проблему информационной безопасности в предмет мультипарадигмального изучения.

Эволюция представлений о сущностных характеристиках информационной безопасности выглядит достаточно противоречиво. В последние годы усилилась тенденция к восприятию человека как в роли «мишени» информационной борьбы, так и в качестве фактора информационной безопасности. Новизна современных угроз в области информации, на наш взгляд, заключается в беспрецедентном расширении возможностей и способов манипулирования отдельной личностью, малыми социальными группами, а также массовыми и одновременно такими аморфными образованиями, как толпа.

Н.Н. Гавриленко

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ КАНАДЫ

Политика безопасности Канады формируется под влиянием ряда внешних и внутренних факторов. Традиционно канадско-американские отношения отличались глубокой асимметрией. Если для США на первом месте были военно-политические аспекты сотрудничества, то Канада во главу угла ставила экономические отношения. Сказывалось географическое положение Канады. Окруженная с трех сторон океанами и граничащая с мощным соседом — США — страна, как долгое время считали канадцы, является «пожаробезопасным домом, далеко от мест возгорания». В историческом плане канадская внешняя политика не имела долговременных традиций. Будучи формально доминионом, Канада получила право на самостоятельную внешнеполитическую деятельность только в 1931 г. по Вестминстерскому Статуту, принятому британским парламентом.

Первые шаги во внешней политике Канады связаны с кануном Второй мировой войны. 18 августа 1938 г. в Кингстоне, в Онтарио, угроза нацизма подтолкнула президента США Ф. Рузвельта премьер-министра Канады М. Кинга достичь договоренности о взаимных обязательствах в случае угрозы иностранного вмешательства, что положило начало двустороннему сотрудничеству в области обороны. Стратегическое партнерство было подтверждено 18 августа 1940 г. Огдесбургской Декларацией о создании Постоянной канадско-американской комиссии по обороне (Permanent Joint Board on Defense — PJBD). С весны 1940 г. оказание военной помощи метрополии было вписано в программу национальной обороны, а оборона Канады была официально объявлена основной задачей правящего кабинета.

В конце Второй мировой войны Канада обладала третьим по величине Военно-морским флотом (ВМФ) и четвертыми Военно-воздушными силами (ВВС), сухопутная армия выросла до 687 тысяч человек[1], а общая численность вооруженных сил приблизилась к отметке в 1 млн при численности населения 12 млн человек. Союзники признали право и способность Канады контролировать морские и воздуш-

---

[1] *Учаев А.* Стратегия развития вооруженных сил Канады в годы второй мировой войны // Канадские тетради. Вып.2. Волгоград, 2005. С. 28.

ные операции в прилегающих территориях[2]. Если «способности» Канады никто не оспаривал (достаточно вспомнить сопровождение 48% конвоев в Атлантике), то вопрос о «праве» был не столь однозначен. У. Черчилль был сторонником идеи жесткой централизации военного управления, а канадцы в тот момент очень зависели от метрополии в плане научно-технических разработок.

Активная внешняя политика Канады начинается после Второй мировой войны. Были намечены основные направления развития вооруженных сил и в соответствии с законом «О мобилизации национальных ресурсов» введена всеобщая воинская повинность[3]. Но ни тогда, ни теперь военные не имеют большого политического веса. Роль гаранта безопасности Канады перешла от Великобритании к США. Канада присоединилась к формированию континентальной оборонной политики, а защита Северной Америки стала сферой совместной ответственности США и Канады. Отношения с США с того времени остаются главным, ведущим направлением ее внешней политики. Сохранение и развитие дружественных отношений с Соединенными Штатами — неизменная цель любого правительства Канады. В программных правительственных документах, как правило, не содержится детальных рецептов поведения в отношении США, что отражает стремление канадцев сохранять максимальную свободу рук: «Как жить, отличаясь от США, но в то же время в гармонии с этой самой мощной и динамичной страной»[4].

В период «холодной войны» Канада осознавала опасность быть неизбежно втянутой в советско-американский военный конфликт (в силу географического положения), поэтому военная область стала сферой наиболее тесного двустороннего канадско-американского сотрудничества. В 1957 г. было заключено единственное двустороннее соглашение Канады оборонного характера — о создании Объединенного командования аэрокосмической[5] обороны Северной Америки (НОРАД). Высокая степень интеграции была достигнута в области военной промышленности, чему содействовало решение администрации Д. Эйзенхауэра, принятое в 1958 г., об уравнивании канадских и американских фирм в праве конкурировать за заказы Пентагона (это решение получило назва-

---

[2] *Doginas W., Greenhous B.* Out of shadows: Canada in the Second World War. Toronto, 1977. P. 36.

[3] Канада. 1918–1945: Исторический очерк / Отв. ред. О.С. Сороко-Цюпа. М., 1976. С. 388.

[4] Foreign Policy for Canadians. Ottawa, 1970. P. 21.

[5] До 1981 г. — противовоздушной.

ние «Программа совместного производства вооружений»)[6]. В результате канадская военная промышленность превратилась в значительной мере в часть военно-промышленного комплекса США.

Отношение канадцев к столь тесному сближению не всегда было однозначным. Начиная с 1960-х гг. вопрос о противоракетной обороне США стал предметом серьезной озабоченности в Оттаве. С одной стороны, Канада считала себя обязанной, по соглашению НОРАД и договору НАТО, содействовать защите США от возможного нападения от советских бомбардировщиков, а позже от ракет. С другой стороны, многие склонялись к выводу, что система противоракетной обороны, нарушив глобальный баланс ядерного устрашения, скорее всего не повысит, а, наоборот, понизит степень, безопасности Северной Америки. Поэтому при первом же продлении НОРАД в 1968 г. соглашение было дополнено специальной статьей, гласившей, что оно (соглашение) не накладывает на Канаду обязательство участвовать в активной ПРО США. Программная правительственная «Белая книга по обороне» 1971 г. особо упоминала «озабоченность... выраженную канадцами относительно последствий перехвата баллистических ракет над канадской территорией ракетами, базирующимися в США», и подчеркивала, что Канада не причастна к этому мероприятию[7]. Однако при очередном продлении НОРАД в 1981 г. эта статья о «непричастности» Канады была изъята со ссылкой на заключение советско-американского договора по ПРО 1972 г.

Это стимулировало дискуссию в Канаде относительно возможности вовлечения ее через НОРАД в реализацию Стратегической оборонной инициативы (СОИ) — проекта «звездных войн», выдвинутого президентом США Р. Рейганом в марте 1983 г. Негативная реакция значительной части канадской общественности на такую перспективу прозвучала в ходе длительных слушаний (1985–1986 гг.) постоянного комитета Палаты общин парламента Канады по вопросу об оборонном сотрудничестве с США.

Нежелание принимать участие в реализации СОИ на межгосударственном уровне означало отказ канадского правительства оказать проекту президента Р. Рейгана политическую поддержку. В то же время премьер-министр Б. Малруни не решился ввести запрет на участие канад-

---

[6] Канада на пороге 80-х годов: экономика и политика. / Отв. ред Л.А. Баграмов. М., 1979. С. 331.

[7] White Paper on Defence. Ottawa, 1971. P. 30

ских частных корпораций, университетов и отдельных лиц в реализации исследовательской стадии СОИ. Сказалось давление как военных кругов, которые опасались ослабления традиционно тесных связей со своими американскими коллегами, так и предпринимателей, которые стремились получить долю от многомиллиардных контрактов.

Бесславная кончина «звездных войн» в период первого срока президентства Б. Клинтона ослабила озабоченность канадской общественности судьбой идеи создания ПРО. Однако эта успокоенность длилась недолго, так как канадские военные стремились обзавестись космическими системами контроля над соблюдением канадского суверенитета в воздушном пространстве, на земле и на море. В этом они тесно сотрудничали с американцами. Начиная с 1982 г. канадцы участвовали в исследовательских мероприятиях первой фазы программы так называемой «Стратегической оборонной архитектуры-2000», осуществлявшихся США для изучения возможностей планирования будущих систем космической и противоракетной обороны. Приглашение США участвовать во второй фазе «Стратегической оборонной архитектуры» было, однако, отклонено.

В правительственной «Белой книге по обороне» 1987 г. говорилось, что «в разработке размещаемых в космосе... оборонительных систем Канада будет продолжать сотрудничать... с Соединенными Штатами... Подобные системы могут быть совместными или стать национальными, если сотрудничество окажется невозможным». Но «отказываться отвечать на этот вызов», подчёркивалось в «Белой книге по обороне», «означало бы потерю ответственности за воздушное пространство Канады в пользу Соединенных Штатов»[8].

Неоднозначная позиция Канады проявлялась и по отношению к вопросам европейской безопасности. Изначально НАТО по своей сути была канадско-британским способом связать сенат США обязательством по защите Западной Европы[9]. Известный канадский дипломат Дж. Холмс свидетельствовал, что НАТО не была, как часто полагают, американским проектом, в который вовлекли Канаду. Ведущие политики Канады М. Кинг, Л. Сен-Лоран, Б. Клакстон и Л. Пирсон, которые откликнулись на призыв английского премьера К. Эттли создать НАТО, исходили из следующих соображений.

---

[8] Challenges and Commitment. A Defense Policy for Canada. Ottawa, 1987.

[9] *Holmes J.* Collective Engagement: Canada: NATO and Arms control // Arms Control Communique. Issue Brief N 6; Toronto, 1987. P. 3.

Во-первых, они хотели предотвратить третью мировую войну, в которой, они были убеждены, Канаде придется быть одним из активных участников[10]. Во-вторых, канадское правительство полагало, что «альянс послужит Канаде противовесом Соединенным Штатам». Оттава хотела при решении вопросов безопасности удерживать США от проведения несдержанной или провокационной политики путем проведения консультаций в рамках НАТО[11]. В-третьих, Оттава с самого начала хотела, чтобы НАТО была инструментом содействия экономическим интересам Канады в Европе. С этой целью Л. Пирсон настоял на включении в Северо-Атлантический договор ст. 2, которая предусматривает поощрение «экономического сотрудничества между любыми или всеми» членами НАТО[12].

История НАТО свидетельствует о том, что Канада, поддерживая все основные решения альянса, настаивала при реализации этих решений на гибком подходе, на переговорах и компромиссах.[13] Членство в НАТО обеспечивало Канаде привилегированный доступ к информации, влиявшей на стратегическое и тактическое планирование западных держав, и «место за столом», за которым вырабатывались все их решения. Для конца 1960-х гг. Канада с готовностью платила за это тем, что содержала в Европе 10-тысячную механизированную бригаду и несколько эскадрилий истребителей-бомбардировщиков, а также группу ВМФ, которая совместно с американским флотом обеспечивала безопасность морских путей в Северной Атлантике.

В 1969 г. было принято решение вдвое сократить наземный и воздушный компоненты канадских войск в Германии. С этого момента канадский вклад в НАТО носил по сути символический характер: в долларовом выражении он постоянно занимал предпоследнее место среди показателей усилий союзников (опережая только затраты Люксембурга). Это говорит о том, что для Канады политический аспект обязательств в рамках НАТО стал важнее военного.

Важной вехой в эволюции политики Канады в сфере безопасности стало окончание «холодной войны». В 1991 г. МИД Канады рекомендовал связывать участие Канады в новых системах аэрокосмической обо-

---

[10] *Granatstein J.* Canadian Foreign Policy: Historical Readings. Toronto, 1986. P. 162.
[11] Ibid. P. 171, 182.
[12] Ibid. P. 175.
[13] Актуальные проблемы российско-канадских отношений. / Отв. ред. С.Ф. Молочков. М., 1999. С. 113.

роны строгим соблюдением Соединенными Штатами существующих международных соглашений о контроле над вооружениями, включая договор по ПРО 1972 г. Кроме того, предполагались гарантии со стороны США, что подобные системы не будут дестабилизировать ядерное равновесие между США и СССР.

В следующей правительственной «Белой книге по обороне» 1994 г. уже новым, либеральным правительством Ж. Кретьена, отмечалось, что «Канада приветствует решение американского правительства придерживаться строгой интерпретации Договора по ПРО 1972 г.»[14]. Следует подчеркнуть, что приверженность Канады договору по ПРО 1972 г. была постоянной чертой официальных документов Оттавы. Она прослеживалась в позиции канадских представителей на различных международных форумах по вопросам контроля над вооружениями и разоружения[15]. Участие в НОРАД по-прежнему давало значительные выгоды Канаде: опыт обучения и применения вооруженных сил, влиятельный голос в разработке оборонной политики Соединенных Штатов в областях, которые непосредственно касаются Канады, доступ к важной оборонной информации, военным технологиям и огромному рынку США[16].

В этих обстоятельствах изменение в политике президента США Б. Клинтона относительно ПРО в январе 1999 г. было встречено негативно. Перед Канадой встал ряд серьезнейших вопросов. Намерены ли были США использовать штаб-квартиру НОРАД в Чейенских горах в штате Колорадо в качестве командного центра для нужд своей национальной ПРО (НПРО)? Если да, то что будет с участием Канады в НОРАД? Продление договора о НОРАД можно было трактовать как согласие на участие в НПРО США. Но тогда Канада разделила бы с Соединенными Штатами ответственность за развал всей существующей системы соглашений о контроле над вооружениями, которая базировалась на договоре о ПРО 1972 г. В конечном итоге Канада могла оказаться в меньшей безопасности, чем до этого.

Очевидная заинтересованность США в совместной защите континента от иностранных угроз всегда была гарантией безопасности для Канады. Но при этом всегда существовала опасность, что Соединенные

---

[14] Defence White Paper. Ottawa, 1994. P. 25.

[15] News Release. March 25. 1996. N 44. Department of Foreign Affairs and International Trade (далее — DFAIT). http://w01.international .gc.ca/minpub/Publication.asp? publication_id=376497&Language=E

[16] 1994 Defence White Paper. Ottawa. Department of National Defence, 1994. p.25

Штаты определят такие пути защиты, которые недостаточно учитывают канадские интересы. Так что для Канады оставаться в НОРАД было небезопасно, а выходить из него — слишком дорого.

Канадская дипломатия пыталась убедить США не воплощать планы создания НПРО в жизнь. Канадский министр иностранных дел Л. Экскворси настаивал на том, что контроль над вооружениями наилучшим образом обеспечивает интересы безопасности Канады, а американский план противоречит договору по ПРО 1972 г.

Поначалу Вашингтон не оказывал давления на Оттаву, но это длилось недолго. Уже в начале 2000 г. заместитель главнокомандующего Командования космической обороны США вице-адмирал Г. Браун заявил, что если Канада не поддержит план создания НПРО, то США могут стать безучастным зрителем, когда ракета «страны-изгоя» будет выпущена по Канаде[17]. Г. Браун высказался по этому поводу так же откровенно: «Было бы ошибкой рассматривать это как обсуждение просто еще одной системы обороны. Речь идет о важном этапе во всей истории развития наших отношений в области обороны. Если эти отношения подвергнутся эрозии по существу, то может быть затронута самая основа комплекса наших взаимоотношений»[18].

Официальные американские представители убеждали, что было бы «логично» управлять командно-контрольным центром НПРО из штаб-квартиры НОРАД. Чтобы предотвратить такое развитие событий, правительство Ж. Кретьена согласилось на продление соглашения о НОРАД уже в мае 2000 г., т. е. на год раньше истечения срока его действия, но при этом без каких-либо изменений текста соглашения[19]. В свою очередь, Л. Экскворси, выступая на конференции по вопросам контроля над вооружениями, проходившей под эгидой ООН, предупредил аудиторию, что планы Вашингтона содействуют ускорению гонки вооружений, а это может привести к распространению ядерного оружия[20].

В феврале 2001 г. некоторые канадские СМИ (например, «Торонто Стар») заметили изменение в характере риторики Оттавы относительно плана американцев. Так, министр иностранных дел Канады Дж. Мэнли заявил, что если Россия и Китай не будут иметь возражений против

---

[17] *Молочков С.Ф.* Проблема ПРО в российско-канадских отношениях // Канадский опыт и Россия. СПб., 2002. С. 24.

[18] Maclean's. May 15. 2000. P. 17.

[19] Ibid.

[20] The Globe and Mail. February 7, 2001.

планов США, не будет их иметь и Канада. Комментарий был таков: «Это еще не согласие, но мы уже нащупываем дорогу в приемную Пентагона»[15]. Ж. Кретьен информировал президента США, что «эта система (НПРО. — *Н.Г.*) должна быть разработана таким образом, чтобы она не выглядела нарушающей интересы русских и китайцев»[21].

Итак, Оттаве опять предстояло ответить на вечный вопрос: насколько тесно следует сотрудничать с Соединёнными Штатами в военной области? Придется ли Канаде в конечном итоге присоединиться к американской НПРО? Для реализации проекта США могут обойтись без канадской территории и канадского персонала. Так что если Канада решительно откажется участвовать в программе НПРО через НОРАД, США смогут реализовать свои намерения без Канады, на базе американской части командного центра в Чейенских горах. Подобный оборот событий мог бы лишить Канаду доступа к разведывательным данным относительно аэрокосмической обороны. Другим возможным последствием могло бы стать лишение канадских компаний участия в широкомасштабных работах по сооружению системы НПРО. Кроме того, в глазах западных партнеров могла серьезно пострадать репутация Канады как союзника.

С окончанием «холодной войны» Канада, ее территория перестали играть роль «стратегического бруствера США»[22]. Не нужны они стали и для испытания в условиях, приближенных к условиям территории Советского Союза, новейших видов американского вооружения, например крылатых ракет, о чем официально объявил в мае 1994 г. министр обороны США У. Перри[23]. В отсутствие советской угрозы Северной Америке продление соглашения о НОРАД в мае 1996 г. превратилось в малозаметное событие. Появились мнения авторитетных американских и канадских экспертов по вопросам военной стратегии, что в обстановке прекращения «холодной войны» НОРАД вообще не нужен, но на его упразднение у Оттавы и Вашингтона нет ни денег, ни времени, ни сил[24]. Потеряла смысл и Северная система предупреждения, сооруженная по соглашению 1985 г. на арктическом побережье Аляски и Канады; уже построенные ранее радары дальнего действия (за исключением одного) демонтированы или дезактивированы. Конгресс США прекратил фи-

---

[21] The Toronto Star. February 7, 2001.
[22] Canada Among Nations. Ottawa, 1996. P. 120.
[23] The Globe and Mail. 17 May 1994.
[24] *Jockel J., Sokolsky J.* The End of the Canada-US Defence Relationship. Kingston, 1996. P. 5.

нансирование строительства передовых оперативных баз для истребителей-перехватчиков[25].

В результате в Канаде исчез повод для критики, которой оппозиция обычно подвергала правительство за согласие на деятельность американских военных на канадской территории, на размещение (особенно на Севере и в Арктике) военных баз США, что рассматривалось как ущемление суверенитета страны.

И все же НОРАД остается одним из стратегических приоритетов Канады хотя бы потому, что является эффективным соглашением, которое адаптировалось к изменяющейся реальности в течение почти пятидесяти лет. Соглашение помогало Канаде экономить ресурсы, материалы и персонал. При развитии объектов НОРАД на территории Канады США обычно предоставляли относительно большую часть финансирования. Разработка радарных систем была бы не под силу канадскому правительству. На данный момент Канада получает преимущество от использования Северной системы предупреждения, протяженность которой 4800 километров, а глубина 320 километров. Состоит система из 54 радарных установок, 47 из которых расположены на территории Канады. Канада извлекает пользу и от использования американских самолетов, оснащенных системами АВАКС, взамен предоставляя только нескольких пилотов. Если бы не НОРАД, то собственная оборона воздушного пространства Канады поддерживалась бы только четырьмя эскадрильями истребителей и 21 самолетом слежения. Таких ресурсов было бы недостаточно для обеспечения безопасности над всей территорией Канады[26].

Новая миссия НОРАД предлагает Канаде возможность эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы. С тех пор как угроза атаки межконтинентальных баллистических ракет стала незначительной, НОРАД может сфокусировать свои действия на борьбе с распространением оружия массового уничтожения. Такой поворот событий идет параллельно историческим инициативам Канады в области контроля вооружения.

Более того, космическое пространство приобрело возрастающую роль в области безопасности. Современные военные операции все больше и больше полагаются на поддержку различных космических

---

[25] Canada Among Nations. Ottawa, 1997. P. 119.

[26] NORAD. Canadian NORAD Forces Fact Sheet. http://www.spacecom.af.mil/norad/cforces.htm

технологий. НОРАД дает Канаде возможность принимать участие в новых космических операциях и позволяет стране использовать свое технологическое преимущество[27]. НОРАД может быть полезной в борьбе с наркоторговлей, которая стала более осязаемой угрозой[28].

После террористических атак 11 сентября НОРАД не утратил стратегического значения. После распада Советского Союза проходили учения по перехвату крылатых ракет, выпущенных за пределами США и Канады. Аналогичные испытания проводились и со сценарием, который прописывал использование террористами самолетов в качестве оружия, однако, считалось, что самолеты взлетят за пределами США, дав возможность и время определить их местонахождение и собрать нужные силы для перехвата.[29] После террористических атак 11 сентября все силы НОРАД были приведены в статус повышенной готовности. Это стало известно как Operation Noble Eagle, которая продолжается и на современном этапе. Таким образом, список угроз, на которые должен реагировать НОРАД, включает в себя не только внешние, но и внутренние угрозы[30].

Достаточно спорным вопросом в дискуссиях американского и канадского правительств является совместная оборона водного пространства. Стратегический контроль над Северным Ледовитым океаном остается чувствительным вопросом и по сегодняшний день.

В 2005 г. в ходе предвыборной кампании С. Харпер, лидер Консервативной партии Канады (КПК), пообещал в случае победы направить 5,3 млрд долларов в течение пяти лет на «защиту северных рубежей страны»[31]. Канада обеспокоена «растущими вызовами» безопасности и суверенитету ее арктических территорий, в частности, предметом ее волнений является охрана рыбных ресурсов в исключительной экономической зоне Канады. Беспокойство Канады вызывает и территориальный спор с Данией вокруг о. Ханс, расположенного в Атлантике. Тяжба в отношении прав собственности на остров ведется более 30

---

[27] Defence White Paper. Department of National Defence. Ottawa, 1994. P. 25.

[28] NORAD. Selected Chronology. http:// www.fas.org/nuke/guide/usa/airdef/norad-chron.htm

[29] We have some planes. National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States // http://www.9-1 lcommission.gov/archive/hearingl2/9-11 Commission_Hearing_ 2004-06-17.htm.

[30] NORAD: Post September 11, 2001. Department of National Defence. http://www.airforce.dnd.ca/athomedocs/athome_1_5_e.asp.

[31] Harper brushes off U.S. criticism of Arctic plan // CBC News. http://www.cbc.ca. 26.01.2006

лет[32]. По словам С. Харпера, план заключается в строительстве и размещении в Арктике трех новых военных ледоколов, сооружении глубоководного порта в административном центре арктической провинции Нунавут — Икалуите, а также создании сети «подводных постов прослушивания» арктических вод. США не одобряют планов избранного в январе 2006 г. премьер-министра Канады С. Харпера по размещению военных ледоколов в Арктике. Об этом заявил 26 января 2006 г. американский посол в Канаде Д. Уилкинс. «Нет причин создавать проблему там, где ее не существует», — подчеркнул он. «Мы не признаем притязаний Канады на арктические воды, большинство других стран также не согласны с этими претензиями». [33] С целью утвердить присутствие Канады в Арктике 9 апреля 2006 г. завершились двухнедельные учения канадских военных в Арктике. На проведение этой операции было выделено 1,5 млн долларов[34].

Событием, которое добавило напряженности в отношениях США и Канады, стало приобретение Канадой атомных подводных лодок у Великобритании еще в 2000 г. Соединенные Штаты, несомненно, хотят сохранить единоличный контроль над наблюдением за арктическими водами, который они поддерживали во второй половине XX в.[35] Однако, несмотря на достаточно внушительную стоимость проекта, лодки «Апхолдер» не отличаются высокими тактико-техническими показателями. Они могут осуществлять в основном патрулирование вод[36]. На международном уровне канадские ВМФ, по сути, находятся в распоряжении НАТО (восточный флот, проводящий военные операции в Атлантическом океане). На фоне сокращения присутствия канадских военных сил в Европе «вес» канадских ВМФ в системе НАТО возрастает. Помимо миссий НАТО, канадский ВМФ занят в спасательных операциях, в операциях по защите окружающей среды, проводит перехват кораблей, подозреваемых в перевозке наркотиков.

Однако способна ли Канада контролировать арктические воды? В настоящее время осуществление такой программы сильно ударит по

---

[32] *Кульбицкий Г.* С флагами наперевес // Эхо планеты. 2005. №33. С. 11.

[33] США выступают против планов нового премьер-министра Канады по размещению военных ледоколов в Арктике // http://www.arctictoday.ru. 26.01.2006

[34] Canadian soldiers finish epic Arctic patrol // The Globe and Mail. http://www.theglobeandmail.com. 10.04.2006

[35] Ibid.

[36] *Racicot J.-P.* North American Defense // Printemps. 2002. Spring. P. 113–118. http://www.isuma.net/v01n01/racicot/racicot_e.shtml.

военному бюджету страны. И тогда для эффективности действий Канаде необходимо очередное сближение с южным соседом. С этой целью в мае 2006 г. Соглашение НОРАД было пересмотрено в четвертый раз (до этого — в 1975, 1981, 1996 гг.). Между США и Канадой была достигнута договоренность распространить действие НОРАД не только на ПВО, но и на предупреждение потенциальных угроз с моря. Поскольку устраняется требование формального продления, Соглашение будет пересматриваться каждые четыре года (либо по требованию одной из сторон с предварительным уведомлением за год). НОРАД, непрерывно приспосабливаясь к изменяющемуся миру, и в настоящее время продолжает играть важнейшую роль в североамериканской континентальной обороне, решая основные задачи «удерживания, обнаружения и защиты»[37].

Расширение военного сотрудничества, дополняя НОРАД, предполагает охватить все сферы. С 8 по 19 мая 2006 г. в Тихоокеанской провинции Британская Колумбия проводились совместные учения военно-морских и воздушных вооруженных сил НАТО, Канады, Великобритании и США. Учения направлены на отработку навыков широкого спектра: от обеспечения безопасности границ до борьбы с лесными пожарами, а также на улучшение и расширение межведомственного сотрудничества[38]. Кроме того, проводятся масштабные учения сил в Канаде (1–12 мая 2006 г.) и в США (8–18 мая, 2006 г.) Отрабатываются действия по проблемам, связанным с угрозами терроризма, защитой инфраструктуры, обработки информации, здравоохранения и морской безопасности[39].

После завершения «холодной войны» окончательно обозначились особенности концептуальных подходов Канады в сфере безопасности. Стали выделять нетрадиционные аспекты безопасности (нарушения прав человека, загрязнение окружающей среды, насилие по признаку пола, инфекционные болезни, использование детей в качестве солдат). Другим ее важным аспектом политики безопасности стала установка на использование «мягкой силы» (soft power) — переговоров, убеждения, общественной дипломатии. Особое значение приобрела концепции «безопасности личности» (human security). Она опирается на положения

---

[37] Department of National Defence / Canadian Forces:Backgrounder NORAD BG–06.011 - May 12, 2006 http://www.forces.gc.ca/site/newsroom/view_news_e.asp?id=1922

[38] Department of National Defence / Canadian Forces: News Release. Exercise Trident Fury 2006 to Run 8-19 May http://www.forces.gc.ca/site/newsroom/view_news_e.asp?id=1919

[39] Department of National Defence / Canadian Forces: News Release. Security exercise practices coordinated response http://www.forces.gc.ca/site/newsroom/view_news_e.asp?id=1916

о приоритетности обеспечения безопасности каждого человека, о неделимости канадской и международной безопасности, о стирании разницы между ее «национальным» и «глобальным» измерением.

Канада особенно активизировала продвижение концепции «безопасности личности» на международных форумах после назначения в1996 г. министром иностранных дел Л. Эксворси. С 1996 по 2000 г. формирование концепции стало самой приоритетной задачей канадского МИДа. Изложенная во многих выступлениях Л. Эксворси концепция претерпела заметную эволюцию и была представлена общественности в виде двух брошюр: «Безопасность личности: безопасность людей в меняющемся мире» (апрель 1999 г.) и «Свобода от страха: внешняя политика Канады для безопасности личности» (сентябрь 2000)[40]. Многие положения канадских документов заимствованы из доклада Программы развития ООН (ПРООН) 1994 г.[41], авторы которого опирались на расширенную трактовку понятия «международная безопасность».

Но канадская концепция вносит и собственный вклад в трактовку безопасности личности. Это касается рассмотрения безопасности личности в контексте современных вооруженных конфликтов. Данный аспект, по существу, выпал из доклада ПРООН, что вызвало его критику на всемирной встрече по социальному развитию в Копенгагене в 1995 г. и послужило одной из причин отказа от его поддержки участниками форума. В отличие от документа ПРООН, который сделал основной упор на угрозы, порожденные отсталостью в развитии, документы канадского правительства практически полностью посвящены проблеме вооруженных конфликтов.

В Канаде намечены и ключевые направления практической реализации концепции: разоруженческое (запрещение противопехотных мин и контроль за оборотом легких вооружений); экономическое (санкции, противодействие незаконной торговле алмазами, борьба с коррупцией); гуманитарное (защита мирного населения в ходе вооруженных конфликтов, запрещение использования детей в качестве солдат); правоохранительное (борьба с незаконным распространением наркотиков и терроризмом).

---

[40] Human Security: Safety for People in a Changing World. Ottawa. DFAIT http://www.summit-americas.org/Canada/ HumanSecurity-english.htm; Freedom from Fear: Canada's Foreign Policy for Human Security. Ottawa, DFAIT, 2000. http://www.humansecurity.gc.ca/freedom_from_fear-en.asp

[41] UNDP Human Development Report 1994. New Dimensionsof Human Security. http://hdr.undp.org/reports/global/1994/en/

По мнению канадского МИДа, важнейшее условие практического применения концепции — широкое сотрудничество негосударственных участников международной деятельности. Особая роль отведена тем неправительственным организациям и группам, которые активно вовлечены в разработку и проведение внешней политики. Это является характерной чертой политического процесса в Канаде. Ежегодные Национальные форумы по вопросам внешней политики с обязательным участием министра иностранных дел, представителей других министерств и ведомств, политиков, ученых, экспертов и активистов неправительственных организаций превратились в устойчивую традицию политической и общественной жизни страны. Для практической реализации концепции в начале 2000 г. в Канаде создан специальный фонд с ежегодным бюджетом 10 млн долл. с целью финансирования проектов, отвечающих интересам безопасности личности.

В документе «Свобода от страха» имеется прямое указание на возможность применения военной силы в конфликтах за пределами страны. Международное сообщество, заявляют авторы доклада, должно использовать для обеспечения безопасности личности все имеющиеся в его распоряжении средства — от политического урегулирования до военной силы[42].

Красной нитью здесь проходит мысль о необходимости разработки новых норм и положений международного права. Документ предусматривает пересмотр правовых основ в самых разных сферах международной деятельности — от прекращения незаконной торговли стрелковым оружием до предоставления неправительственным организациям гарантий участия в перестройке международных отношений. Однако главная цель правовой реформы заключается в другом. Речь идет, прежде всего, о ревизии принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, закрепленных в ст. 7 гл. I Устава ООН. Приверженность доктрине «ограниченного национального суверенитета», снискавшей популярность в политических и научных кругах некоторых стран, была выражена делегациями Канады в ООН, прямо заявившими о том, что национальный суверенитет — не панацея против внешнего вмешательства в случае нарушений безопасности личности[43].

---

[42] Freedom from Fear: Canada's Foreign Policy for Human Security. DFAIT. Ottawa, 2000. http://www.humansecurity.gc.ca/freedom_from_fear-en.asp

[43] News Release. DFAIT. N 27. 2000 // http://w01.international.gc.ca/minpub/Publication.asp?publication_id=377499&Language=E

Именно правовое направление, включающее разработку принципов и условий вооруженного вмешательства в конфликты, выходит на передний план в деятельности канадской дипломатии на международных форумах. С этой целью на Саммите Тысячелетия в сентябре 2000 г. Канада выступила с инициативой создания независимой международной экспертной Комиссии по вмешательству и государственному суверенитету. Финансирование работы Комиссии предоставлено Фондам Карнеги, Макартуров и Рокфеллера, а Оттава выделила тогда на двухлетний период деятельности комиссии 1 млн амер. долл.[44]

Судя по документам канадского правительства и его деятельности на международной арене, концепция безопасности личности сохранится в повестке дня внешней политики Канады. Это обусловлено в целом позитивным отношением к ней со стороны союзников; хорошей возможностью найти свою нишу в системе международных отношений; активной поддержкой лежащих в ее основе идей многими государственными структурами и неправительственными организациями; соответствием ее принципов представлениям рядовых канадцев о своей стране как защитнице прав человека.

События на Балканах показали, что применение концепции безопасности личности при определенных обстоятельствах может прямо противоречить традиционным установкам Канады на мирное разрешение конфликтов путем посредничества и компромиссов. Это может сдерживать канадцев от дальнейшей активизации усилий по продвижению концепции безопасности на международных форумах[45].

Теракт 11 сентября 2001 г. внес свои коррективы в оценку угроз безопасности Канады. Официальными лицами страны было заявлено, что для Канады вероятность подвергнуться террористическим нападениям, в связи с ее географическим положением и политико-экономическим развитием, очень значительна[46]. Канада начала принимать активные меры по обеспечению внутренней безопасности.

По примеру США был создан Комитет по общественной безопасности и борьбе с терроризмом и принят Антитеррористический план, который помимо прочего предусматривал сохранение границы между

---

[44] News Release. DFAIT. N 233, 2000 // http://w01.international.gc.ca/minpub/Publication.asp?publication_id=378044&Language=E

[45] Подробнее см.: Канада: взгляд из России / Отв. ред. В.И. Соколов. М., 2002. С. 192.

[46] Statement by the Prime Minister on the third anniversary of the September 11 terrorist attacks. September 10. 2004. Ottawa http: //www.pm.gc.ca/eng/news.asp?id=186

США и Канадой открытой и безопасной для осуществления беспрепятственных торговых операций. В аэропортах страны было усилено полицейское присутствие, ужесточена проверка пассажиров и увеличено количество процедур, направленных на обеспечение безопасности. Изменились правила перевоза пассажиров и багажа на всех канадских рейсах внутренних и международных пассажирских авиалиний. Усилен контроль по обеспечению безопасности в воздушном пространстве и в территориальных водах. Закон о воздухоплавании (Билль С-44)[47] позволил максимально увеличить эффективность системы безопасности на воздушном пространстве и гарантировал, что Канада имеет одну из самых безопасных систем авиации в мире.

24 декабря 2001 г. был принят закон «О борьбе с терроризмом» (Билль С-36)[48]. Он предусматривал поиск террористов и предъявление им обвинений, предоставление правоохранительным органам новых средств дознания, гарантирование строгого исполнения законов, направленных против пропаганды и разжигания ненависти на почве национальной неприязни. Законопроект об общественной безопасности[49] (Билль С-42), представленный 22 ноября 2001 г., внес поправки в 18 федеральных законов, направленные на усиление мер безопасности. Он включал в себя поправки к Иммиграционному акту, ужесточающие меры принятия иммигрантов и выдачи им статуса беженцев; высылку лиц, пытающихся укрыться от судебной ответственности и находящихся в розыске; ужесточение санкций за контрабандную перевозку людей. В рамках иммиграционной политики канадские власти ввели в январе 2004 г. классификацию прибывающих иностранцев по степени риска, который они могут представлять национальной безопасности. В целом за последние 4 года было принято более 12 законов и поправок, направленных на обеспечение безопасности граждан и страны.

В соответствии с докладом Канадской разведывательной службы и департамента по вопросам безопасности главными источниками угроз государству являются: терроризм, распространение оружия массового поражения, криминальные организации, иностранный шпионаж, спе-

---

[47] Ibid.

[48] Canada's Actions Against Terrorism Since September 11. Backgrounder. DFAIT // http://www.dfait-maeci.gc.ca/anti-terrorism/canadaactions-en.asp

[49] Ibid.

циалисты, способные взломать компьютерную базу данных и извлечь секретную информацию (хакеры)[50].

Среди большого количества мер, предпринятых канадским правительством, пожалуй, наиболее значительным является принятие проекта политики национальной безопасности, первом за всю историю Канады! Доклад, озвученный 27 апреля 2004 г. под названием «Обеспечивая защиту открытого общества: канадская политика национальной безопасности»[51] был утвержден уже 30 апреля. В соответствии с документом политика безопасности направлена на предотвращение угроз независимо от характера их происхождения и обеспечение безопасности канадских ценностей. Интересы национальной безопасности страны включают защиту граждан Канады внутри страны и за ее пределами; зашиту территориальной целостности; демонстрацию неагрессивной внешней политики, особенно для союзников по антитеррористической коалиции; укрепление международной безопасности[52].

Канада значительно пересмотрела список организаций, деятельность которых на территории страны была запрещена. Среди оказавшихся вне закона числятся: ХАМАС, «Исламский джихад», «Исламская Армия Адена», заявившая о своей причастности к теракту против американского миноносца «Коул»; «Асбат аль-Ансар» с центром в Ливане, которую обвиняют в планировании терактов в Иордании; пакистанская группировка «Харакат уль-Муджахидин», ведущая борьбу с индийским правлением в Кашмире; «Джаиш-е-Мохаммед» — исламская группировка с центром в Пакистане. Список дополнили японская «Аум Синрике» и Курдская рабочая партия.

Механизм координации действий в соответствии с интересами национальной безопасности представляет собой шаги по:

– созданию департамента чрезвычайных ситуаций и общественной безопасности;

---

[50] An Operational Review of the Canadian Security Intelligence Service. SIRC Report 2002-2003; Canadian Security Intelligence Service http://www.sirc-csars.gc.ca/annual/2002-2003/intro_e.html

[51] National Security Committee of Parliamentarians. Backgraunder.Government of Canada. Privy Council Office // http://www.pco-bcp.gc.ca/default.asp?Language=E&Page=ministers&Sub=deputypm&Doc=20051124_backgrounder_e.htm

[52] Securing an Open Society: Canada's National Security Policy. Backgraunder. Government of Canada. Privy Council Office. http://www.pco-bcp.gc.ca/default.asp?Language=E&Page=publications&Sub=natsecurnat&Doc=natsecurnat_e.htm

– выработке и принятию единой политики национальной безопасности;

– созданию должности советника по вопросам национальной безопасности при премьер-министре;

– созданию комитета по безопасности, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям;

– формированию комитета по национальной безопасности, состоящего из членов парламента;

– созданию Совета национальной безопасности;

– проведению кросскультурных совещаний по безопасности (сейчас в структуре канадского общества насчитывается более 200 этнических сообществ);

– организации форумов по чрезвычайным ситуациям с участием представителей провинций, территорий и федерального уровня[53].

Ряд уже действующих органов и департаментов были преобразованы, и в дополнение к этому были созданы новые отделы, которые в целом изменили структуру органов обеспечения национальной безопасности Канады[54]. В частности, Управление национальной безопасности, ранее выполняющее функцию по борьбе со шпионажем и иностранной интервенцией, теперь занимается проблемами террористической угрозы и распространения оружия массового поражения и координированием ответных мер. Управление ведет активные переговоры в рамках антитеррористической организации. Центральным органом, занимающимся проведением политики национальной безопасности, является Департамент по чрезвычайным ситуациям и вопросам общественной безопасности. Ключевыми стратегическими областями деятельности этого органа являются: планирование и управление чрезвычайными ситуациями, система здравоохранения населения, транспортная безопасность, безопасность границ, разведка и международная безопасность. Департамент работает в тесном сотрудничестве с агентствами и органами федерального и провинциального управления.

В число федеральных правительственных служб, составляющих верхний пласт органов по обеспечению безопасности, входят[55] Комиссия по ядерной безопасности, Служба разведки, Гражданская и имми-

---

[53] National Security Directorate. http://www.orml.gov/adm/directorates/nsd/

[54] An overview of Canada's counter-terrorism arrangements. Roles and responsibilities// www.psepc.gc.ca/publications/national_security/ terrorism_arrangements_e.asp

[55] Ibid.

грационная служба, Департамент международных отношений, Департамент юстиции, Департамент национальной обороны, Служба охраны окружающей среды (по вопросам трансграничных загрязнений и экологической безопасности), Служба здравоохранения (обеспечение готовности на случай пандемий и стихийных бедствий).

На сегодня круг их задач расширен, и в соответствии с введением новой систематизированной политики национальной безопасности увеличено число сотрудников этих отделов и финансирование деятельности департаментов. На 2002–2004 гг. правительство Канады выделило около 9 млрд долл.[56] Бюджет 2006 г. выделяет 1,4 млрд долл., на следующие два года на защиту населения, обеспечение безопасности границы, развитие системы здравоохранения по подготовке мероприятий на случай пандемий, обеспечение безопасности финансовой системы страны (таблица)[57].

Для поддержания национальной и международной безопасности, а также «укрепляя позиции и роль Канады в мире», правительство дополнительно инвестировало (также на два последующих года) 1,1 млрд долл. в вооруженные силы[58]. Подчеркивая приоритетность борьбы с коррупцией, с распространением наркотиков и вопросов безопасности границ выделено 161 млн долл., 37 млн долл. — на расширение Национальной Академии; 20 млн долл. на профилактику преступлений среди молодежи (торговля оружием и распространение наркотиков)[59].

Создание «умной границы» и подготовка персонала по ее обслуживанию потребовали от правительства вложения 101 млн долл., а мероприятия, направленные на снижение рисков при передвижении в пределах Северной Америки — 303 млн, 1 млрд долл. выделен на пятилетний срок (из них на 2006 г. — 460 млн долл.) для обеспечения готовности в случае чрезвычайных положений и катастроф; 133 млн долл. на обеспечение безопасности транспортировок воздушным транспортом и 95 млн долл. — на новые меры по повышению безопасности[60].

---

[56] Ibid.
[57] Budget Plan 2006 Chapter 3 http://www.fin.gc.ca/budget06/bp/bpc3ce.htm
[58] Ibid.
[59] Ibid.
[60] Ibid.

Бюджет 2006. Расходы на оборону и безопасность (в млн канадских долл.)[61]

Статьи расходов	2006–2007	2007–2008	Всего
Защита населения	193	331	524
Безопасность границ	188	216	404
Оборона	401	725	1126
Готовность к пандемиям	170	290	460
Финансовая безопасность	40	33	73
Итого:	992	1596	2588

Во внутриполитической жизни Канады обозначились новые важные тенденции. Во-первых, появились симптомы милитаризация общественной жизни Канады. Об этом говорят увеличение расходов на оборону и безопасность в федеральном бюджете, внесение в парламент (и утверждение двух из них) ряда жестких законов по борьбе с терроризмом, принятие правительством решения о пересмотре оборонной и внешней политики Канады. Во-вторых, произошло усиление роли исполнительной власти в сфере национальной безопасности.

После окончания «холодной войны» изменился трансатлантический вектор политики безопасности Канады. Фактически исчезла прямая связь между безопасностью Канады и Европы. В этом плане НАТО потеряла свое прежнее значение как для Европы, так и для Канады. С другой стороны, для Канады Европа как экономический противовес Соединенным Штатам не состоялась. В деятельности ЕС Канада всерьез не присутствует, несмотря на наличие договорно-правовой базы для развития экономического сотрудничества. В свою очередь, ФТА и НАФТА юридически оформили экономическое будущее Канады как составной части североамериканского торгово-экономического блока во главе с США.

И консервативное, и либеральное правительства Канады разделяли мнение, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) является, по сути, единственной организацией Европы, которая имеет как евро-атлантический состав, так и широкий мандат, включаю-

[61] Budget 2006. New Initiatives. Table 2. Department of Finance Canada. http://www.fin.gc.ca/budget06/bp/bpc3ce.htm

щий вопросы безопасности, политики и экономики. В мае 1990 г. министр иностранных дел Канады Д. Кларк призвал, чтобы ОБСЕ стала «подлинным инструментом сотрудничества в обеспечении безопасности», выдав мандат на начало переговоров о сокращении обычных вооружений с участием всех ее 37 членов, а не только членов НАТО и Варшавского Договора. Он также указывал на «потенциально ценную роль, которую способна сыграть ОБСЕ в предотвращении и разрешении конфликтов»[62]. Однако следует отметить, что в целом министр иностранных дел рассматривал ОБСЕ прежде всего в качестве форума для обсуждения общеевропейских вопросов. Три года спустя его преемник П. Битти подтвердил, что Канада решительно выступает за всесторонний подход ОБСЕ к проблеме кооперативной безопасности, включающей в себя вопросы политики, обороны, экономики и охраны окружающей среды[63].

Говоря на саммите ОБСЕ в Будапеште в декабре 1994 г. о безопасности как главной цели деятельности этой организации, премьер-министр Канады Ж. Кретьен заменил определение «кооперативный» на «превентивный». Он подчеркнул, что ОБСЕ должна больше внимания уделять предупреждению конфликтов, и призвал координировать усилия в этом направлении[64]. Но развитие кризиса в Югославии поставило под сомнение эти расчеты. Расширение НАТО грозило Канаде, помимо ослабления ее влияния в этом блоке, значительным увеличением военных расходов в период, когда правительство Ж. Кретьена прилагало огромные усилия по их сокращению.

В программных документах правительства по обороне[65] отмечалось, что изменения в НАТО должны учитывать интересы безопасности России. «Мы полностью поддерживаем идею расширения НАТО, но продолжаем считать, что к решению этого вопроса следует подходить с большой осторожностью — безусловно, этот процесс не должен усугублять опасения России относительно ее окружения или изоляции»[66].

---

[62] Statement and Speeches, 90/32.

[63] News Release. N 184. Ottawa, 1993.

[64] Release. Dec. 1994. Ottawa, 1994.

[65] Defence White Paper. Department of National Defence. Ottawa, 1994; Defence White Paper. Department of National Defence. Ottawa, 1987.

[66] Canada in the World. Government Statement. Ottawa. Canada Communication Group. 1995. P. 30.

Канадское правительство заявило, что не считает НАТО должным образом готовым к расширению[67]. А. Уэллет публично признал, что военная структура НАТО остается в своей основе прежней и что «без существенных реформ в НАТО и ее структурах ее расширение, как и ее отношения с Россией, не могут быть успешными»[68]. Позиция канадского правительства относительно расширения НАТО в устах премьер-министра и министра иностранных дел отличалась неопределенностью и непоследовательностью. Можно было даже прийти к заключению, что канадцы предпочли бы видеть в качестве основной структуры будущей системы общеевропейской безопасности не НАТО, а ОБСЕ[69]. Действительно, НАТО более не может играть для Канады былую роль противовеса США в вопросах двусторонних отношений в области обороны. Вывод канадского контингента из состава сил НАТО в Европе оставил Канаду без самого действенного рычага влияния внутри альянса. Что же касается будущего, то смещение внимания на восток и прием в организацию новых государств грозит Канаде дальнейшим ослаблением влияния внутри НАТО.

Что касается взаимодействия Канады и США в военных операциях по обеспечению безопасности, то оно носит довольно противоречивый характер. Примером может служить участие канадцев в операции по поддержанию мира в Югославии под эгидой ООН. Канада была последней страной — членом НАТО, которая объявила решение о размере своего вклада в продолжение миссии ООН/НАТО (сократив ее с 2000 до 1000 человек). При этом канадский контингент состоял из вспомогательных частей. Срок участия в миссии был ограничен одним годом.

Решение канадцев не уходить из Боснии, очевидно, было вызвано их желанием не демонстрировать разногласия по поводу крупной военной операции западных стран под руководством США. Однако задержка с решением, сокращение размера и качественный состав канадского контингента свидетельствовали о стремлении Канады дистанцироваться от новой роли, которую приобретала НАТО во главе с США в решении проблемы этнической нестабильности в Европе. Можно предположить, что к такому стремлению канадцев подтолкнул вывод, ставший очевидным по итогам их взаимодействия с американцами в Югославии: в по-

---

[67] Statement and Speeches, 93/63. Office of the Prime Minister. Ottawa, 1993.

[68] Statement and Speeches, 95/35. Office of the Prime Minister. Ottawa, 1995.

[69] Подробнее см.: *Молочков С.Ф.* Канада, НАТО и Россия. Некоторые рассуждения // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 2.

добной обстановке у Канады нет никаких возможностей влиять на решения НАТО, диктуемые США[70].

И только если обстоятельства не требовали от Канады финансовых затрат или / и не были связаны с риском ощутимых людских потерь, Оттава проявляла готовность поддержать военные акции Соединенных Штатов, осуществляемые по мандату ООН или НАТО. Ж. Кретьен одобрил использование американцами крылатых ракет против Ирака в сентябре 1996 г., охарактеризовав действия США как «умеренную и ясную реакцию» на нападение иракских войск на курдское население Арбила[71]. Когда в начале 1998 г. США готовились нанести новый военный удар по Ираку, начальник национального штаба обороны Канады генерал М. Барил заявил, что канадские части передового базирования готовы к переброске на Ближний Восток для последующего участия в военных действиях США против Ирака[72].

К моменту окончания военных действий в Афганистане руководство страны заявило, что Канада примет участие в новых военных операциях антитеррористической коалиции против стран «оси зла» только в случае предоставления Соединенными Штатами доказательств причастности этих стран к терроризму. Об этом заявил министр иностранных дел Канады Б. Грэхэм: «Если нам удастся установить связь между тем, что случилось 11 сентября в США, и другими странами, укрывающими террористов, мы будем решать, должна или нет Канада принимать участие в военной кампании, которая развернется за пределами Афганистана». Канада настаивала на установлении прямой связи между этими странами и террористической деятельностью для оправдания военных действий. На тот момент в Афганистане находилось 2,5 тысяч человек, в том числе 1 тысяча морских пехотинцев и 880 солдат, охранявших аэропорт Кандагара на юге Афганистана.

Но за неимением подобных доказательств Канада отказалась участвовать в антитеррористической операции за пределами Афганистана. Об этом заявил чрезвычайный и полномочный посол Канады в Таджикистане Г. Кауян. Позиция правительства Канады относительно борьбы с международным терроризмом ясна, сказал дипломат. «Мы концентри-

---

[70] *Jockel J., Sokolsky J.* The End of the Canada-US Defence Relationship. Kingston, 1996. P. 9, 10.

[71] Canadian International Relations Chronicle. July-September. 1996. P. 10. http://www.dfait-maeci.gc.ca/English.news/newsletr/chronik/chron5-e.htm.

[72] *Jockel J.* Hard Choices, Soft Power. Toronto, 1999. P. 127.

руем наше внимание именно на Афганистане. Проблемы там еще не решены»[73].

18 февраля 2003 г. Канада окончательно заявила, что не намерена поддерживать вторжение в Ирак, если оно не будет одобрено СБ ООН. Премьер-министр Канады Ж. Кретьен до этого момента не исключал военной поддержки в одностороннем ударе США по Ираку, однако затем высказался: «Нас об этом не просили, и мы не намерены входить в группу желающих»[74]. При этом намерения США начать военные действия против Ирака вызвали недовольство не только в правящих кругах Канады, но и среди населения.

В то же время канадское правительство ведет активное сотрудничество с рядом стран, в первую очередь с США, с которыми они подписали «Совместное заявление о сотрудничестве по проблемам безопасности на границе и региональной миграции»[75] и Декларацию об «умной» границе»[76]. В частности, вопросы совместной борьбы против терроризма, активизации усилий мирового сообщества по противодействию новым угрозам международной безопасности и стабильности обсудили в октябре 2001 г. первый заместитель министра иностранных дел России В. Трубников и замминистра иностранных дел Канады Дж. Райт[77]. Речь шла о будущем политическом устройстве Афганистана, выводе этой страны из кризиса и обеспечении демократического развития. 5 февраля 2003 г. Австралия и Канада подписали соглашение о совместной борьбе с терроризмом и отмыванием денег. Соглашение предусматривает обмен информацией, находящейся в распоряжении правоохранительных органов двух стран, а также сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и другими видами организованной преступности и отмыванием денег[78].

Сотрудничество проводится не только с традиционными партнерами, но одновременно происходят переговоры с лидерами арабских

---

[73] Цит. по: *Испарова Г.В.* Канада в борьбе с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г.// Канадские тетради. Вып. 1. Волгоград, 2004. С. 58.

[74] Канада не поддержит одностороннюю атаку США на Ирак // Reuters. 2003. 19 февр

[75] Can/Am Border Trade Alliance Conference Summary. Washington, D C. 2004. Sept. 22–24 // www.canambta.org

[76] The Smart Border Declaration //www.ambassadeducanada.org/border.

[77] Россия и Канада обсудили борьбу с терроризмом и кризис в Афганистане // РИА «Новости». http://www.rian.ru/ 01.12.2001.

[78] Австралия и Канада будут совместно бороться с терроризмом // РИА «Новости». http://www.rian.ru/ 05.02.2003.

стран. Канада, считая, что наибольшая опасность зарождения экстремистских движений исходит от беднейших стран мира, осуществляет гуманитарную помощь ряду стран, среди которых наибольшие расходы приходятся на Афганистан и Пакистан[79].

Но проблемой, препятствующей более тесному сотрудничеству, было наличие на территории Канады сотен тысяч выходцев из восточных стран, подозреваемых в сотрудничестве с Аль-Каидой и другими террористическими организациями. Это вызывало недовольство среди канадских жителей, привыкших считать себя гражданами одной из самых мирных и нейтральных стран на планете, и негативную реакцию со стороны Америки, которая осуждала слишком либеральную иммиграционную политику и слабую законодательную базу для проведения антитеррористических акций.

После терактов 11 сентября критика в адрес Канады посыпалась не только со страниц ведущих американских СМИ, но и из уст американских политиков. Из-за такого двойного давления: с одной стороны, «выговоры» американской стороны, с другой — активное недовольство населения, руководство Канады было вынуждено принимать меры пропагандистского и оперативного характера. А премьер-министр Канады Ж. Кретьен высказался в пользу обсуждаемого проекта «периметра североамериканской безопасности», предполагающего создание единой системы пограничного контроля и приведение канадской визовой и иммиграционной политики в полное соответствие с американской.

Окончательная форма, которую приобретет интегрирование североамериканской безопасности, еще неизвестна. 11 сентября подчеркнуло необходимость срочно вырабатывать новую архитектуру континентальной безопасности. При рассмотрении североамериканского периметра безопасности Канада предпочитает видеть Мексику в стороне от него и ограничивать вопрос только канадско-американскими отношениями. Согласно канадскому политологу С. Руссэль, Канада предпочитает какой-либо институализации отношений в этой области неофициальное двустороннее сотрудничество, которое позволило бы ей сохранить бóльшую самостоятельность[80].

---

[79] Canada's aid minister to travel to Sudan, Afghanistan and Tanzania. Canadian International Development Agency //www.acdi-cida.gc.ca/cida_ind.nsf/vall/7E630454B6BC78ZC85256F090049C510?OpenDocument

[80] *Grondin D.* Le Canada a la croisee des chemins: lapres-11 septembre comme presage d'une integration militaire nord-americaine // Canadian Issues. Canada and the World. September 2002. P. 13.

Таким образом, события развиваются в том направлении, которое можно назвать континентализацией канадской безопасности. Положение средней державы в мире, где Канаде приходится иметь дело с более сильными государствами, заставляет руководителей канадской внешней политики быстро и гибко реагировать на невыгодные для страны изменения в международной обстановке. Поэтому канадское правительство не имеет жесткой, детально разработанной внешнеполитической программы, рассчитанной на длительный период. В силу своего положения средней державы Канада ограничена в возможностях напрямую воздействовать на более мощные государства. Отсюда случаи колебаний и непоследовательности в осуществлении политики безопасности.

Подводя итоги, заметим, что изменения в международной обстановке каждый раз вели к более тесной интеграции Канады и США в обеспечении национальной безопасности, приведя ее к новой фазе — континентальной интеграции. Сначала это была угроза распространения нацизма, затем — коммунизма, теперь — транснационального терроризма. Сегодня, так же как и как в 1940 и 1958 гг., США, оказывают давление на Канаду с целью более тесного сотрудничества в сфере обороны. И все-таки ситуации для Канады и ее позиции сейчас не идентичны. Если тогда у Канады теоретически был выбор между Великобританией и соседом с юга, то теперь она не в состоянии этого больше делать[81]. Отношения с США доминируют над прочими направлениями канадской внешней политики более, чем когда-либо[82].

---

[81] Ibid. P. 12.

[82] *Mackenzie H.* Defining and defending a place in the World: Canada's vital interests in international affairs // Canadian Issues. Canada and the World. September. 2002. P. 32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимов Андрей Алексеевич	канд. ист. наук, СПбГУ
Андриянова Ольга Александровна	аспирант, СПбГУ
Виноградова Светлана Михайловна	д-р полит. наук, СПбГУ
Власов Николай Анатольевич	канд. ист. наук, СПбГУ
Гавриленко Наталья Николаевна	канд. ист. наук, СПбГУ
Иванов Олег Петрович	канд. полит. наук, Дипломатическая Академия МИД РФ
Конышев Валерий Николаевич	д-р полит. наук, СПбГУ
Коршунов Дмитрий Сергеевич	аспирант, Нижегор. гос. лингв. университет
Малыгина Анастасия Александровна	аспирант, СПбГУ
Ниязов Ниязи Сабирович	канд. ист. наук, СПбГУ
Павлов Андрей Юрьевич	канд. ист. наук, СПбГУ
Парамузова Ольга Геннадьевна	канд. юрид. наук, СПбГУ
Сергунин Александр Анатольевич	д-р полит. наук, Нижегор. гос. лингв. университет
Смирнова Ирина Сергеевна	канд. филол. наук, СПбГУ
Спирин Алексей Николаевич	капитан 1-го ранга, Институт военной истории Министерства обороны РФ
Уколова Инна Петровна	канд. ист. наук, Санкт-Петерб. гос. инж.-эконом. университет
Чернов Игорь Вячеславович	канд. ист. наук, СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 3

Раздел I
Концепции, формы и ограничители военно-силовой политики

Определение категории силы: современные американские концепции..... 5

Перспективы развития вооруженных сил США в свете концепции асимметричных угроз..... 37

Военные полномочия президента и конгресса США в условиях войны с терроризмом..... 55

Роль ядерного оружия в политике XXI в 81

Ядерное оружие и безопасность: проблемы правового регулирования..... 91

Военная сила или «интегральный гуманизм» Франкофонии: роль Франции в современной Африке..... 116

Роль элиты и СМИ в обеспечении военно-силовой политики Великобритании..... 138

Раздел II
Политика безопасности и война: исторические аспекты

Германская внешняя политика 1866–1888 гг.: деятельность Х. фон Мольтке..... 151

Военно-техническое сотрудничество в области разработки и производства артиллерийского вооружения (вторая половина XIX – начало XX в.) 189

Конфессиональная политика военных властей в Восточной Галиции в 1914–1915 гг. 203

Проблема военной помощи Сербии в отношениях между державами Антанты в 1915 г. 234

Советское восприятие внешних военных угроз как фактор международных отношений межвоенного периода..... 253

Участие Черноморского флота во внешнеполитической деятельности СССР (вторая половина 1940-х – 1950-е годы)..... 290

Раздел III
Обеспечение безопасности: эволюция доктрин и подходов

Национальная и международная безопасность: новые подходы и концепты..... 298

Экологическая безопасность и экологические последствия военных конфликтов..... 320

Эволюция американской концепции сдерживания..... 338

Информационная безопасность России: концептуальные аспекты..... 367

Особенности формирования политики безопасности Канады..... 381

Сведения об авторах..... 407

Научное издание

Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях

Корректор *Н. В. Ермолаева*
Обложка *Е. И. Егоровой*
Оригинал-макет *М. В. Писаревой*

Подписано в печать с оригинал-макета заказчика 16.05.07.
Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,77.
Тираж 250 экз. Заказ 304

Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, 6-я линия В.О., 11/21

Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41